ПРОФ. І. М. КУЛИШЕР

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ

ДО ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА ВКЛЮЧИТЕЛЬНО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АТЕНЕЙ»
ПЕТЕРБУРГ
1923

Я. Лео.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Источниками истории русской торговли являются весьма разнообразные памятники и литературные произведения современников. Для первой эпохи они заключаются в особ. в сочинениях арабских писателей (торговля с Востоком), договорах Руси с греками, содержащихся в летописи (торговля с Византией), для следующего периода—в трактатах и соглашениях Новгорода и северо-западных городов с немцами (помещенных в особ. в русско-ливонских актах, в Hanserecesse и в Hansisches Urkundenbuch), как и в статутах немецкого двора в Новгороде (скра), к которым присоединяются „Русская Правда“ и различные документы и грамоты того времени. Наконец, торговля XVI—XVIII ст. выясняется, наряду с законодательными актами (в особ. помещенными в Полн. Собр. Закон.), в сообщениях иностранцев, посетивших Россию (для XVI—XVII ст.), и в ученых произведениях тех из них, которые проживали в России (для XVIII ст.).

Автор пользовался всеми этими источниками, как и литературой по русской истории, истории права и (к сожалению, довольно бедной) истории торговли. Строго придерживаясь источников, он не только указывал используемый им каждый раз материал, но и старался по возможности знакомить читателя с самим первоисточником, как для проверки, так и для сообщения таким путем первичных данных по истории торговли.

В целях понимания последней, автор сопоставляет также русские институты с однородными явлениями в иностранных государствах, как и вообще с соответствующими эпохами

экономической истории Запада. Однако, в виду ограниченности места, эти параллели можно было проводить лишь вкратце, ссылаясь на сочинение автора „Лекции по истории экономического быта Западной Европы“, в 6-м, ныне выходящем, издании которого (особ. т. II, где отдел истории торговли XVI—XVIII ст. значительно расширен) все эти вопросы, касающиеся Западной Европы, подробно трактуются.

Декабрь 1922 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Торговля руссов с востоком в древнейшие времена.

Еще в 1847 г. известный ориенталист П. С. Савельев обратил внимание на арабские монеты, находимые в России, как на важный исторический источник для изучения сношений древней Руси с Востоком. Если, по словам Гиббона, на основании однех медалей можно установить путешествия императора Адриана, то и арабские монеты открывают исторические факты, о которых умалчивают летописи. Арабские или куфические монеты (от г. Куфы, где установлено старинное арабское письмо, употребленное для их надписей), которые начали чеканить в самом конце VII ст. (после Р. Х.), будучи немыми памятниками, все же подробно рассказывают нам о многих явлениях своего времени. Место чеканки, на них обозначенное, свидетельствует о том, что данный город в это время признавал власть определенной династии, и указывает на географическое протяжение государства; титулы эмира или султана и присутствие или отсутствие имени современного халифа на монете показывают отношение чеканившего к „повелителю правоверных“, духовному главе мусульманского мира; притязание владетеля или его наместников на независимость, явная вражда или разрыв его с халифом выражаются опущением имени последнего. Мало того, самое нахождение арабских монет в какой-либо стране уже означает факт сношений между ней и Востоком в данный период, ибо на Востоке монета, как эмблема верховной власти данного времени, перечеканивалась с восшествием на престол каждого нового халифа или султана.

В русской земле найдены „целые капиталы“ в куфических монетах VIII—XI ст. Населению негде было укрывать свои ценности в ином месте, как „в матери сырой земле“— она служила для них своего рода банком. Тщательно хороня свое добро близ дома или на берегу реки, они де-

лали тайный знак,—клали камень или садили деревцо и открывали по ним свое сокровище. Но, в случае смерти их, „безответный банкир“ навсегда хранил вверенную ему тайну. В других случаях богатства буквально „хоронили“ вместе с их хозяином—и могильные холмы сохранили их до наших времен. Все эти монеты—серебряные, хорошо сохранившиеся, с четкими надписями. Часто они надрублены на-двое или на четыре части, разрезаны ножницами или разломаны—доказательство отсутствия мелкой монеты, которую должны были заменять части крупной—диргемов (никакой иной монеты не знали), способ, практикуемый, впрочем, в раннее средневековье и в Западной Европе („ломаная монета“) [1].

„Каким же образом и вследствие какого политического переворота эти огромные массы серебряных куфических монет перенесены были с берегов Каспия, Аму и Сыр-Дарьи и городов халифата в равнины России и на берега Балтийского моря?—спрашивает П. С. Савельев. Он не настолько наивен, чтобы приписывать все эти клады исключительно торговым сношениям Руси с Востоком, ибо ясно, что ценности могут переходить от одного народа к другому и всевозможными иными способами—путем дани, уплачиваемой покоренными племенами или народами, которые откупаются от нападений других, путем получения подарков, уплаты вир, оброков и сборов разного рода и в особенности посредством насильственного захвата, в качестве военной добычи. Савельев и указывает на то, что азиатские монеты VIII—XI ст. занесены частью торговлей с мусульманскими народами прикаспийских стран, частью вследствие грабительских набегов на берега Каспийского моря; монеты же африканско-арабские и испано-арабские попали благодаря норманнам, которые неоднократно грабили Испанию и Африку, а потом утвердились и на Руси.

Мало того, Савельев понимает, что для доказательства факта торговых сношений мало безмолвных свидетелей—монет, нужно еще нечто большее—подтверждение говорящих памятников, летописцев, в данном случае арабских географов X ст., которые в лице Ибн-Фодлана, Масуди, Истахри, Ибн-Хаукаля, Ибн-Ростеха и других много странствовали в нынешней юго-восточной части России и оставили нам описания своих путешествий, характеристику этих местностей и их населения. Лишь в том случае, если эти авторы действительно признают, что сношения между Востоком и русскими областями имели торговый характер, мы вправе утверждать, что клады эти были занесены именно таким, а не каким-либо иным способом.

---

[1]) Савельев. Мухамеданская нумизматика. 1846.

Но и поскольку Савельев таким путем устанавливает товарообмен Руси с Востоком, он все же считает нужным указывать на то, что последний шел рука об руку с походами, с кровопролитной борьбой, с захватом добычи. Так у арабов, торговля которых составляет исходную точку в исследовании этого вопроса, она шла рука об руку с завоеваниями. Магомет, „правда, убил поэзию народа, заменив ее Алкораном, зато развил его воинственность и его торговый дух"—и то и другое одновременно. Тот же самый араб, который с ожесточением дрался с „неверными", не гнушался вступать с ними в обмен, потому что „куплю и продажу" завещал пророк—„храм, рядом училище, перед ним рынок; это торговля и просвещение под покровом религии, могущество и слава халифата" [1]).

Но „торговые пути арабов прокладывало их оружие: каждое новое завоевание было новым рынком". На западном берегу Каспия сидели хозары, „и они первые из народов России вступили в непосредственные сношения с арабами, сперва в битвах против них на берегах Аракса и в Закавказье, потом в торговле с ними на берегах Итиля (Волги)". После того, как халифат завоевал ряд хозарских городов, хакан перенес свой шатер на берега Волги, и хазарской столицей стал Итиль, названный по имени реки и расположенный около нынешней Астрахани. По словам Ибн-Фодлана, хозарская столица состоит из двух частей, которые отделены друг от друга рекой; на западной стороне реки живут царь и его вельможи, на восточной—магометане, причем в этой восточной части живут купцы и находятся товары. У Ибн-Хаукаля также читаем: „Хазеран имя восточной половины города Итиля, где находится большая часть купцов, магометан и товары; западная же часть исключительно для царя, вельмож и войска". То же повторяет и Эль-Балхи [2]). Таким образом восточная часть Итиля или Хазеран, как она именовалась, составляла особую слободу, в которой жили иностранные купцы, отделенную от прочего города рекою. Это характерное явление для ранних эпох истории торговли и вполне понятное, если иметь в виду указанную нами тесную связь торговли с грабительскими набегами. Неудивительно, что население боялось впускать в пределы городской территории иноземцев, в которых оно привыкло видеть врагов; в данном случае воинственные арабы, многократно производившие набеги на хазар, даже будучи купцами, не могли внушать хозарам особого доверия.

---

[1]) Савельев, ук. соч.

[2]) Fraehn. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foczlans Reiseberichten. Записки Имп. Акад. Наук. I-583 сл. 588 сл. 602.

Поэтому то их держали в особой слободе по другой стороне реки, что являлось более безопасным.

Далее, арабы знали лежавшую к северо-востоку землю буртасов (или бурдасов) в нынешней Симбирской губернии, о которых Ал-Бекри замечает, что „они имеют обширную страну и много торговых мест“ [1]), знали и граничащих с ними болгар. „Булгар—говорит Ибн-Хаукаль—небольшой город, не имеющий многих владений; известен же был он потому, что был гаванью этих государств“ [2]). Современные авторы не без основания понимают под гаванью торговый порт и складочное место (рынок, торговый центр) [3]). В средневековой Англии „port“, во Франции „portus“ (порт) означало торговое место, рынок [4]). Мы находим обычно соединение того и другого.

Относительно торговли приволжских народов Масуди сообщает, что караваны постоянно ходят с товарами из страны Болгар в Ховарезм и обратно, причем им приходится защищаться от кочевых тюркских племен, чрез страны которых они проходят. Из страны буртасов—продолжает он—живущих у этой реки, вывозят меха черных и красных лисиц, которые и называются буртаскими. Арабские и персидские цари ценят черные меха выше куньих, собольих и иных и делают из них шапки, кафтаны и шубы [5]). О торговле хозар и арабов с приволжскими болгарами сообщает и Ибн-Ростех: хозары ведут торговлю с болгарами; когда приходят туда мусульманские суда, то с них берется десятая часть товаров в виде пошлины [6]).

Город Булгар—говорит П. С. Савельев—был однако крайним пределом странствований арабов X века и самым северным пунктом торговли халифата; арабы не отваживались далее Булгара [7]). Действительно, Джейхани, Истахри, Ибн-Хаукаль, Эль-Балхи—все в один голос утверждают, что купцы не осмеливаются ездить далее к племени (русов) Арта или Артания (Арсания), так как эти люди убивают немед-

---

[1]) Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. Пер. Ал-Бекри бар. Розена, стр. 62 (Прил. к т. 32. Зап. Имп. Акад. Наук, № 2. 1878).

[2]) Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. 1870. Стр. 218.

[3]) См. Вестберг. К анализу восточных источников о восточной Европе. Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 г. XIII. 387. XIV. 3.

[4]) Maitland. Domesday Book and Beyond 1897. p. 195. Pirenne. Villes, marchés et marchands au moyen-âge. Revue historique. T. 67, p. 75.

[5]) Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда-Бен-Омар Ибн-Даста. 1869, стр. 163—164.

[6]) Там же, стр. 160.

[7]) Савельев. Мухаммед. нумизмат. XCIII.

ленно всякого чужестранца, между тем, как они сами путешествуют по воде и производят торговлю. Следовательно, сношения и с этим племенем существовали, только арабы не решались сами отправляться туда. Комментаторы указывают на то, что болгары намеренно представляли эту страну столь опасной и недоступной, чтобы удерживать восточных купцов от попыток лично проникнуть в эти страны, и таким образом сохранить торговлю с ними в своих руках; этот прием сопоставляют с подобным же образом действий финикиян, которые также старались преувеличивать опасности предпринимаемых ими с торговыми целями путешествий [1]).

Но возникает вопрос, кто же были эти арты или эртсы (артсы)? Мнения писателей расходятся. Френ понимает под Эрсой Арзамас Нижегородской губернии, Савельев—эрзу или мордву, то же Георг Якоб и Маркварт. Хвольсон читает не Артсания, а Армания, и полагает, что опущена буква „б“ в начале, т. е. должно быть Бармания—Биарма, речь идет, следовательно, о пермяках на Каме. Наконец, Ф. Ф. Вестберг указывает на то, что те товары, которыми, по словам восточных географов, торговало это племя, исключают земли мордвы, а метят на Скандинавию, изобилующую металлами,—оттуда привозятся (по словам Эл-Балхи, Истахри, Джейхани, Ал-Хоросани и персидского автора X ст.) кроме черных соболей (и лисиц) свинец, олово, мечи и клинки [2]).

Толкование этого места весьма существенно, ибо это племя является у упомянутых писателей одной из трех народностей, на которые распадаются русы. Другие два племени русов находятся одно по соседству с Булгаром и царь его живет в Куябе, под которым понимают Киев, а другое—в Новгороде; это, повидимому, новгородские славяне, хотя и последнее далеко не выяснено.

Но о торговле русов с различными народами—хозарами, буртасами, болгарами арабские географы X ст. упоминают неоднократно. Так Ибн-Ростех рассказывает, что Русь привозит к болгарам свои товары, как-то: меха собольи, горностаевые и другие. Они ездят и в хозарскую столицу и продают и там меха и невольников [3]). У Ал-Бекри читаем относительно болгар, что хозары ведут с ними торговые сношения и также русы“ [4]). Я видел русов—сообщает Ибн-Фодлан—когда они пришли со своими товарами и расположились на реке Итиль. При этом они остановились не в самом городе, а на некотором расстоянии его, по Волге, (как по-

---

[1]) Хвольсон. Ибн-Даста, стр. 174.

[2]) Fraehn, p. 162. Савельев, CXIII. Хвольсон, стр. 174 сл. Вестберг, XIII, 398.

[3]) Хвольсон. Ибн-Даста, стр. 160.

[4]) Розен. Известия Ал-Бекри. 63.

добало—прибавим—иностранцам, которых боялись допускать в город). Там они—продолжает он—оставались до тех пор, пока не успевали продать товары, но постоянно не проживали, а являлись лишь временно для торговли (быть может, на время ярмарки — также обычное явление в ранние эпохи культуры). Они молились—читаем далее—своим идолам, чтобы они послали им покупателей товаров, которые бы купили у них все и с ними бы не торговались и имели бы много динаров и диргем—продавали, следовательно, товары на звонкую монету [1]). Не ясно только, где их встретил Фодлан—в Хозарии или в Болгарии; как Итиль, так и Булгар лежали ведь по Волге. А. Я. Гаркави (еще до него Савельев) и Ф. Ф. Вестберг находят, что речь идет о Булгаре [2]).

Но Масуди рассказывает о том, что русы имели в Итиле, хозарской столице, свои жилища, где жили купцы. Он же встречал восточных купцов, путешествующих в страну хозар, а оттуда по морям Майотас и Найтас (т. е. Азовскому и Черному) в земли русов и болгар. Таким образом, существовала и непосредственная торговля между страной русов и арабами, а не только между русами и хозарами или (волжскими) болгарами.

Кто же были эти русы? Только что упомянутый Масуди прибавляет: русы путешествуют с товарами в страну Андалус, Румию, Кустантинию и Хозар. Между ними есть многочисленнейшее племя, называемое лудагия; другие читают: „лудзана", „мудгана", „нурмана" и толкуют в смысле лучан (Шармуа), готланцев (де Гуе), ладожан (Френ, Савельев, Гаркави), наконец, норманнов (Хвольсон, Вестберг) [3]). Последний обращает внимание на то, что на скандинавский мир указывает следующее сообщение Масуди: они (русы) образуют великий народ, не подчиняющийся ни царю, ни закону, т. е. у них нет политической организации, а это не соответствует условиям жизни русского народа в первой половине X ст. Далее говорится: „русы имеют в своей стране серебряный рудник"—но мы напрасно стали бы искать серебряных рудников на Руси в это время.

К числу наиболее ранних арабских источников, трактующих о русах (первый мусульманин, о них упоминающий), принадлежит „Книга путей и государств" Ибн-Хордадбеха. В противоположность приводимым выше авторам, он писал не в X, а в IX ст., именно, по Кунику, около 860 г. (по де Гоэ

---

1) Гаркави. Сказания мусульманских писателей, стр. 93 сл.

2) Гаркави. 108 сл. Савельев. LIX сл. Вестберг. XIV, 1 сл

3) De Goeje. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars VIII, 141. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. 1903, p. 342 сл. Хвольсон. 166—67. Вестберг. XIII, 380 сл. 390. Fraehn. 71. Гаркави. 155.

между 854 и 869), т.-е. задолго до смерти Рюрика [1]). У него имеется глава под названием: „маршрут купцов русов", которая начинается словами: „и они вид (род, племя) славян". Из самых отдаленных частей страны Саклаба (под которой понимают славянскую землю) они направляются к морю Румскому (повидимому, Черное море) и продают там меха бобров (по другому толкованию: выхухоли) и черных лисиц, причем царь Рума (Византии) с них взимает десятую часть в виде пошлины (по одним толкованиям в Константинополе, по другим на Таврическом полуострове). Или же они отправляются по Танису, славянской реке (под которой одни разумеют Дон, другие Волгу) и доходят до хозарского города Камлиджа, где царь с них берет десятину. Иногда они везут свои товары на верблюдах в Багдад. Таким образом, купеческие караваны русов путешествовали двумя различными маршрутами: либо они отправлялись по Днепру к Черному морю, либо по Волге (а не Дону—это об'яснение, повидимому, более правильно) к Каспийскому морю и затем далее в Багдад [2]). Во всяком случае—как подчеркивает Ф. Ф. Вестберг — Ибн-Хордадбех представлял себе родину русов лежащею где-то на дальнем севере, на окраинах славянской земли, вблизи верховьев Волги — „из отдаленнейших славянских стран", по Гаркави, означает из стран новгородских славян.

На это было обращено особое внимание в последнее время. Ибн-Ростех, Гардизи, Ал-Бекри, как и позднейшие комментаторы, изображают Русь прежде всего как племя, живущее грабежом, и лишь в дополнение к этому занимающееся торговлей; землю же они во всяком случае не пашут. „Русь имеет царя, который зовется Хакан-русь. Они производят набеги на славян; под'езжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хозеран (Итиль) и к болгарам и продают там. Пашен русь не имеет и питается лишь тем, что добывает в земле славян. Когда у кого из руси родится сын, отец берет обнаженный меч, кладет его перед дитятею и говорит: не оставлю в наследство тебе никакого имущества, будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом" (Ибн-Ростех) [3]).

Мы имеем перед собой безусловно разбойничье племя, которое все добывает мечом и которое у других „силою от-

---

[1]) Известия Ал-Бекри. Ч. II. Куник. Разыскан. 5-ое, стр. 119 — 21.

[2]) De Goeje. Geogr. Arabic. VI, 115. Известия Ал-Бекри, ч. II, 1903. Разыск. Куника. 129—31. Marquart, p. 31, 198. Вестберг. Журн. Мин. Нар. Просв. XIII, 370 сл. Гаркави. 49—54 сл.

[3]) Бартольд. Отчет о поездке в среднюю Азию. Записки Имп. Акад. Наук по историч. отд. VIII серия, т. 1, № 4, прил. стр. 123. Хвольсон, 34 сл., 152 сл.

нимает полезные предметы, чтобы они находились у них“ (русов)—хотя и прибавлено, что они торгуют мехами. Указывается и на то, что „Русь живет на острове, окруженном озером; он нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине рыхлости от обилия воды“.

Ф. Ф. Вестберг указывает на то, что, согласно арабским писателям, русы должны жить на верховьях Волги, так как на среднем и нижнем течении Волги помещаются другие народы, как-то: булгары, буртасы, хозары, и он утверждает, что „разбойничье гнездо островных русов находится на севере восточной Европы в стране славян. В бассейн реки Днепра русы еще не проникли, во всяком случае не успели еще овладеть Киевом. Итак, автор нашего первоисточника писал не позже середины 50-х годов IX ст., еще до появления в Киеве Аскольда и Дира, которые (по Кунику) засели там по крайней мере около 855 года, если не раньше, ибо уже в 860 г. они предпринимают свой знаменитый поход на Византию“. По мнению его, остров русов совпадает с Holmgard (островной город) исландских саг, т. е. Новгородом. Здесь мы имеем начало русского государства. Источник подтверждает норманское происхождение древней Руси [1]).

На этом вопросе останавливается А. А. Шахматов в своем посмертном исследовании о древних судьбах русского племени. Он указывает на то, что, начиная с VIII ст., Европа становится поприщем деятельности норманнов, т.-е. жителей Дании, Норвегии и Швеции, которые совершают набеги на прибрежные страны, предаваясь вообще грабежу и насилиям, но в отдельных случаях стремясь и к покорению чужеземных народов, к насильственному среди них водворению. Путь их шел как на запад и на юг (к берегам Англии, Франции, Испании, в Средиземное море), так и в Балтийское море — в Курляндию, Ливонию, Эстляндию и Финляндию, но затем они достигли устьев Двины и углубились дальше, двигаясь по Волге. В то время, как византийских монет в Швеции и Готланде насчитывается только до 200, число арабских монет, найденных там, доходит до 24 тысяч и 14 тысяч обломков. Из этого исследователь этих монет Арн сделал вывод, к которому присоединяется А. А. Шахматов, что путь по Волге открыт скандинавами раньше, чем путь на юг в Византию по Днестру. Многочисленность этих монет в Швеции свидетельствует, по мнению последнего, что монеты эти попадали не только через посредство восточных купцов (арабов или хозар), отправлявшихся вверх по Волге, но что „клады эти собраны и скрыты самими готландцами, посещав-

---

[1]) Вестберг. Журн. 1908, XIV, 24 сл.

шими восточные страны, т. е. прежде всего юго-восточную Россию, где, по свидетельству археологических находок, процветали торговые сношения с Азией" [1]).

Каким способом добывались норманнами эти монеты? Хотя—как мы видели — арабские источники и упоминают о торговле русов с булгарами, буртасами, хозарами, но все же первостепенное значение эти писатели придают приобретению русами имущества мечом, а отнюдь не мирным обменом. Уже в IX — X ст. они создали и постоянные поселения — „административные центры, куда свозилась собираемая дань и награбленная добыча". При этом, по мнению А. А. Шахматова, остров, на котором арабы полагали русское государство и который нездоров и сыр, и где земля трясется по причине обилия воды, означает не Новгород и вообще не обязательно остров, ибо под последним арабы могли разуметь вообще какую-либо из областей, ограниченных озерами, болотами, реками, которых на севере не мало и которые в известном смысле соответствуют представлению об острове. Он отдает предпочтение Старой Русе. Осевшие здесь варяги и называли себя русью. Западные финны и до сих пор называют Скандинавию „Русью" (Ruotso) [2]).

И С. Ф. Платонов придает большое значение этой гипотезе, согласно которой древнейшая Русь находилась между Ильменем и волжскими верховьями [3]). Отсюда уже вскоре после 839 года началось движение руси на юг—об этом свидетельствует то, что в 860 г. мы видим уже русских под стенами Царьграда. Этому походу должно было предшествовать более или менее продолжительное существование русской державы на юге, а чтобы утвердиться здесь, ей пришлось вести борьбу с хозарами и покорить силой оружия восточно-славянские племена, сидевшие на верхнем и среднем течении Днепра. В результате этой борьбы и завоеваний установился наряду с волжским путем и новый днепровский путь из варяг в греки, о котором сообщает первоначальная летопись. Она уже трактует о сношениях Руси с Византией, которые составляют второй период в истории России [4]).

[1]) Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. 1919. Стр. 43—45. Arne. La Suède et l'Orient. 1914, p. 89—90.
[2]) Шахматов, стр. 50—56.
[3]) Платонов. Руса. „Дела и Дни". 1920, I. Стр. I сл.
[4]) Шахматов, стр. 45, 58 сл.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Торговля Руси с греками на основании договоров X ст.

Торговля Руси с греками нам известна гораздо лучше, чем торговые сношения с арабами и народностями, жившими по Волге,—известна, главным образом, благодаря тем дошедшим до нас договорам, которые были заключены в X ст. русскими князьями с Византией.

Договоры эти, по словам А. В. Лонгинова, „представляют яркую картину древне-русской жизни", „среди многочисленных, нередко противоречивых и запутанных известий" того времени „блестят путеводною звездою" [1]). Это значение договоров с греками признавал еще в начале XIX ст. Шлецер, первый занявшийся изучением их. Но, заявляя, что договор Олега с императорами Львом и Александром „составляет одну из достопамятностей всего среднего века, что-то единственное во всем историческом мире", Шлецер добавляет—если бы он действительно был, а не составлял, как и другие договоры Руси с Византией, позднейшую вставку, занесенную в начальную русскую летопись ее переписчиками, жившими едва ли не в XV столетии [2]). К такому выводу Шлецер приходит на том основании, что летописные сообщения кажутся ему неправдоподобными, содержание договоров противоречит духу времени и условиям быта славян, византийские источники о них молчат и т. д. Летопись, повествуя о договорах с греками, „лжет и ребячится... В договоре Святослава видно что-то похожее на грамоту, но и это только изодранный лоскут" [3]).

[1]) Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Историко-юридическое исследование. Зап. Имп. Одесск. Общ. истории и древностей. Т. XXV. 1904, стр. 395.

[2]) Шлецер. Нестор. Русские летописи. Перев. Языкова. 1816. Т. II, 693—94.

[3]) Шлецер. Т. II. 751—759.

Такая оценка А. Л. Шлецера, вызвавшая вообще сомнение в подлинности начальной русской летописи, была поддержана Каченовским, который об'явил договоры с греками литературным подлогом, выдумкой частного лица, составленной по образцу византийских и ганзейских трактатов [1]). Другим авторам удалось защитить летопись Нестора от подозрений в подлинности ее [2]); но договоры с греками все же признавались позднейшей вставкой, как утверждал С. М. Соловьев, почему они и считались непригодными для выяснения условий русской жизни X века. И В. И. Сергеевич в первом издании своих „Лекций и исследований по истории русского права" 1883 г. утверждал, что „договоры сами по себе ничего не прибавляют к тому, что мы знаем уже о наших древних обычаях на основании других более чистых источников". Он находил, что в „договорах все сомнительно и спорно", что „ни один из них неизвестен византийским историкам", что „поход Олега на Константинополь описан в русской летописи баснословными красками" [3]).

Однако, еще Круг и Погодин отстаивали идею подлинности договоров с Византией. „Никто с таким успехом не защищал нашего Нестора и в особенности находящихся в его летописи договоров, заключенных между русскими и греками, как Круг", говорит о нем другой историк и переводчик его Эверс [4]). Погодин указывал на соответствие договоров сообщениям императора Константина Багрянородного и другим данным того времени. „Скажите,—говорит он по поводу одного места,—не разительное ли соответствие между всеми сими показаниями: импер. Константина, договорами, сохраненными у Нестора, и обычаем норманским, засвидетельствованным в их памятниках. Как подтверждается Нестор!" [5]) После подробного анализа договоров Погодин заключает: „договоры подтверждают еще более подлинность летописи и ими по справедливости может гордиться русская история" [6]). Впоследствии на анализе их подлинности остановился Д. Я. Самоквасов, указавший на то, что молчание византийских летописцев о договорах об'ясняется отсутствием византийских летописей от первой половины

[1]) Ученые Записки Московск. Университета 1853 г.

[2]) Бутков. Оборона летописи русской несторовой от навета скептиков. 1840. Самоквасов. История русского права. I, стр. 21 сл.

[3]) Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права. 1883. Стр. 99 сл. 113 сл.

[4]) Krug. Kritischer Versuch etc. 1810, p. 108. Рус. пер., стр. 147.

[5]) Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. III. 1846. Стр. 254. Прим. 595.

[6]) Погодин. О договорах русских князей Олега, Игоря и Святослава с греками. Русский истор. сборник. Т. I, кн. 4 (1838 г.), стр. 98—137 а также кн. 3, стр. 118—19.

X ст., в „Истории" же Льва Диакона, которая относится к тому же времени, о договоре Олега с греками упоминается ясно и неоднократно [1]). Что же касается легендарности похода Олега на Константинополь, то баснословие его „коренится не в подлинном тексте его, а в его толковании Шлецером", получившаяся „бессмыслица принадлежит Шлецеру, а не русскому летописцу" [2]).

В виду этого, М. Ф. Владимирский-Буданов уже в 1888 г. признавал, что важнейшие основания для подозрения договоров с греками в подлинности отвергнуты, и эти договоры „имеют чрезвычайную важность для истории русского права" [3]). И другие исследователи (Соколовский, Димитриу, Лонгинов, Мулюкин, Мейчик) не возбуждали более сомнений в этом, и даже В. И. Сергеевич 20 лет спустя после того, как он совершенно отказался от договоров с Византией в качестве источников русского права, все же вынужден был признать, что в „настоящее время никто не отвергает достоверности договоров Олега, Игоря и Святослава". Хотя „история договоров с греками—говорит он—представляет многие неясности", но все же они являются весьма существенными в качестве „древнейших памятников наших международных сношений", которые „дают нам новое право, проникнутое греческими понятиями" [4]).

Конечно, при анализе содержания договоров возникает не мало споров и сомнений. Но этот упрек можно было бы

[1]) „По тексту греческой истории император Иоанн Цимисхий в переговорах со скифом Святославом ссылался на давний договор скифов с греками и на договор, нарушенный Игорем, отцом Святослава. В условиях Святослава, предложенных Цимисхию, по тексту истории Льва Диакона Калойского также упоминается о древнем законе, обязавшем греков признавать друзьями русских купцов в Константинополе, которому соответствует содержание договора 945 г." (Речь проф. Самоквасова на торжеств. акте Варшавск. университета 30 авг. 1886 г. Варшавск. Унив. Изв. 1886, № 6, стр. 3, 9).

[2]) Баснословным кажется, напр., Шлецеру „победоносное движение Олега к Царьграду на кораблях, поставленных на колеса и снабженных парусами". На самом деле это была подвижная крепость, древне-русский „обозный град" или „гуляй-город", материалом для которого послужили лодки, поставленные на колеса. Или Шлецер считает невероятным сообщение о парусах, сделанных по приказанию Олега после победоносного похода на Византию, парусах „паволочитых" и „кропинных", которые он толкует в смысле парусов из золотой парчи и крапивы. Но это были паруса из шелковой ткани, которыми, как известно из истории, победители многократно оснащали свои суда, и паруса из кропины (а не крапивы), т. е. из бумажной или ситцевой материи" (Самоквасов. Варшавск. Унив. Извест. 1886 г. № 3. Стр. 4—7. Его же. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяно-русов к грекам. Там же. 1886).

[3]) Владимирский-Буданов. Обзор истории русск. права, 2 изд. 1888. Стр. 88.

[4]) Сергеевич. Лекции и исслед. 3-е изд. 1903 г. 604.616.653.

сделать и большинству других исторических памятников. Наиболее спорным является вопрос о взаимоотношении между договорами. Их насчитывается четыре, из которых текст первого—договор Олега 907 г.,—не сохранился, а лишь изложен летописцем, тогда как текст остальных трех договоров—Олега 911 г., Игоря 945 г. и Святослава 971 г.—помещен в летописи, хотя и передан, повидимому, в редакции несколько попорченной и неполной. Сомнения возникали по поводу первого договора 907 г. В то время, как Срезневский, Бестужев-Рюмин, Сокольский, Пахман, Мейчик признают его вполне самостоятельным договором, Эверс считает его лишь предварительным соглашением [1], Г. М. Барац усматривает в нем документ, сочиненный на основании последующего договора 945 г. [2], а А. А. Шахматов полагает, что он взят из состава договора 911 г. и перенесен летописцем в 907 г. [3]. И по мнению В. И. Сергеевича, ограничительные статьи, которые касаются торговли русских с Византией, не могли входить в договор 907 г., когда русские полчища стояли еще у ворот Константинополя—греки думали тогда лишь о том, как бы поскорей убрать Олега с его воинством со своей территории, но не могли вести никаких переговоров об условиях торговли. Но в то же время он не соглашается с тем, чтобы договор 907 г. имел предварительный характер в смысле установления общих начал для последующего окончательного мира, ибо это было бы слишком искусственно для первобытных условий того времени [4].

Как бы то ни было, вопрос этот при изучении истории торговли имеет лишь второстепенное значение. Для нас важно признание подлинности договоров, заключенных русскими князьями с Византией, того обстоятельства, что содержание их дает нам действительно сведения о жизни X ст., а не сочинено впоследствии. Это позволяет рассматривать договоры в качестве источника, характеризующего торговлю Руси с Византией в древнейшую эпоху. Но заимствованы ли отдельные части договора 907 г. из последующих договоров того же X ст. и являлся ли договор 907 г. действительно таковым, а не проектом лишь договора или договором, устанавливающим лишь общие начала—это мало меняет дело. торговля случае, и он указывает на то, как производилась Во всяком Руси с греками в рассматриваемую эпоху.

---

[1] Эверс. Древнейшее русское право, стр. 135.

[2] Барац. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. 1910. Стр. 1 сл.

[3] Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки неофилологическ. общ. Т. VIII. 1914.

[4] Сергеевич. Лекции и исслед. по древн. истор. русск. права, 1903. Стр. 617 сл.

Договоры эти, как видно из летописи, являлись результатом предварительных военных походов русских князей на Византию. Еще А. Н. Егунов обращал внимание на то, что норманны, являвшиеся бичом для стран Запада („освободи нас, Боже, от ужасов норманнов"—молились они: a furore Normannorum libera nos, Domine), попав в восточную Европу, нашли здесь мало соблазнительного, вследствие бедности населявших ее племен, но „зато она представляла другую и чуть ли не более важную выгоду: через нее пролегали живые, ближайшие пути на Восток и, что еще важнее, в Грецию, где уже в те времена было чем поживиться, было кого грабить" [1]). Действительно, мы видим, как грабительские набеги норманнов на Францию, Британские острова и другие страны Запада все более усиливаются: в 845 г. Карл Плешивый вынужден был заплатить им 7 тыс. фунтов серебра, спустя 9 лет они потребовали от него уже 685 фунтов золота и 3 250 фунтов серебра; в 988 г. Этельред отделался от них 9 тыс. ливров, а через 14 лет должен был уже заплатить 24 тыс. фунтов серебра, чтобы только избавить свою страну от разорения [2]). Не иначе те же норманны или варяги действовали, укрепившись на Днепре (если только русы действительно были скандинавами, что, повидимому, в настоящее время считается наиболее вероятным—см. выше) и предпринимая оттуда походы на Византию—„беспрерывный ряд набегов на Константинополь, два столетия тяготевших над столицею Византии и вполне обнаруживших норманский характер тех, которыми совершались они".

Уже спустя 20 лет после того, как в Киеве основалось новое русское государство, оно совершает поход на Царьград. На основании найденной венецианской хроники, двух речей патриарха Фотия по поводу русского нашествия и некоторых других свидетельств, выяснилось, что поход был для русских удачен, и, заключив мир под стенами Царьграда, они удалились от города [3]). И Олег, овладев Киевом и заставив древлян, северян и радимичей платить ему дань, стал помышлять об исполнении заветной мысли—добыть золота и паволок греческих. Летописец подробно описывает, как „иде Олег на греки, Игоря оставив Киеве", что он там учинял и вытворял. „Много убийство сотвори около града Греком, и разбиша многы палаты, и пожгоша церкви; а их же имаху пленникы, овех посекаху, другие же мучаху, иныя же

[1]) Егунов. Торговля древнейшей Руси. „Современник". 1848. Кн. X. Стр. 94—95.

[2]) Запис. Одесс. Общ. Ист. и Древн. I. 176 сл.

[3]) Лопарев в Визант. Временнике. 1895. Ч. II, стр. 581 сл. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 60.

растреляху, а другыя в море вметаху, и на многа зла творяху Русь Греком". В результате греки предложили ему дань: „чего хощеши дамы ти", и Олег вернулся в Киев с богатой добычей, „неся злато, и паволоки, и овощи, и вина и всякое узорочье". И на этом основании его прозвали вещим: „бяху бо людие погани и невеголоси",—поясняет летописец [1]). При этом Олег заключил в 907 г. соглашение с греками, касавшееся торговли Руси с Византией, а затем новый договор в 911 г. Эти договоры по своему содержанию в сущности свидетельствовали о том, что русские имели в виду посещать Византию и с мирными намерениями, хотя, надо сказать, из предыдущего (приведенного нами) изложения летописи такого намерения вовсе не видно. Все внимание греков при заключении договоров с Олегом „сосредоточено на том, как бы обуздать воинскую наглость Руси, как бы заставить ее приходить в Грецию с куплей и с миром" [2]). „Греческое правительство должно было позаботиться об обуздании приезжавшей в Царьград Руси" [3]).

Однако, несмотря на то, что мир с Византией был установлен, как только Олега заменил Игорь, договор потерял всякое значение и Игорь с своей стороны пошел „на Греки" и стал творить те же неистовства, которые производил до него Олег: „гвозди железныи посреди главы вобивахуть им, много же святых церквий огневи предаша, монастыре и села пожьгоша" и при этом, конечно, „именья немало от обою страну взяша" [4]). Греческий огонь заставил его вскоре возвратиться „восвояси". Но Игорь не унывал, а „пришед нача совкупляти вое многи" и снова „поиде на Греки, в лодьях и на конях, хотя мьстити себе". Греки, узнав об этом, начали просить, „глаголя: не ходи, но возьми дань юже имал Олег придамь и еще к той дани". Игорь стал советоваться с дружиной. Последняя решила—неизвестно еще, „кто весть, кто одолееть, мы ли, оне ли"; к чему нам воевать, раз мы можем „не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки". Игорь послушался дружины, взял у греков злато и паволоки и отправился домой [5]). Цель ведь была достигнута, дань получена. В следующем 945 году был заключен новый мирный договор с греками.

То же повторилось при Святославе. Он заявил грекам „хочю на вы ити и взяти град вашь". Они предложили ему не ходить, а взять дань, но не дали, и Святослав стал „грады

---

[1]) Летопись по Лаврентиевскому списку. Изд. Археограф. Комисс. 1872. Стр. 29—31.
[2]) Егунов. „Современник". 1848. X. 110.
[3]) Сергеевич. Лекции и исслед. 629.
[4]) Лаврент. летоп. 43.
[5]) Там же. 45.

разбивать“. После этого он получил дань, почти дойдя до Царьграда. „Взя же и дары многы и возратися в Переяславець с похвалою великою“. Но, желая „иметь мир и совершену любовь со всякимь великимь царем Гречьским“, и он заключил договор—уже четвертый—с Византией 971 г. [1]).

Любопытны и последующие факты, сообщаемые летописью. Когда Владимир св. отказал варягам в выкупе, они потребовали от него, чтобы он, по крайней мере, показал им „путь в Греки“, где бы они, очевидно, могли вознаградить себя [2]). Тот же Владимир стал в 988 г. добиваться руки греческой царевны Анны. Она на это ответила „луче бы ми зде умрети“. Но братья стали ей об'яснять необходимость согласиться: „Гречьскую землю избавишь от лютые рати; видиши ли колько зла створиша Русь Греком и ныне аще не идоши, тоже имут створити нам“ [3]). Греки, видно, весьма боялись Руси, ожидая от нее всякого зла, а Русь смотрела на Грецию, как на источник легкой наживы.

„Известно—говорит Егунов—что в истории всех почти торговых народов, от древних арабов до нынешних англичан включительно, торговля всегда прокладывала себе пути оружием, войной; но известно также, что недолго продолжалась такая дружба между торговлей и войной; скоро первая, в свою очередь, об'являла войну последней... Далеко не так было у нас“. Единственной целью всех походов на Грецию являлась дань. „Имете ми ся по дань“—вот общее и единственное требование всех наших князей. Удовлетворялось ли это требование их в самой Греции или на половине пути—все равно: в том и в другом случае цель была достигнута и князья возвращались домой. Что же касается торговли, то, по мнению того же автора, „торговля в предприимчивых походах наших предков не только занимала далеко не первое место, но даже именно она служила для них одним из средств скрыть свою удаль. И вот важнейшая причина, почему, с одной стороны, Греция так нелицемерно жаждет мира в сношениях с Русью, с другой, почему наши князья так охотно и так самонадеянно сулят этот мир Греции, прикрывая его разными формами... В самом деле, основная мысль договоров не имеет ни малейшего соотношения с торговлей: у Олега „греци почаша мира просити“, а не торговли; Игорь точно также обновляет „ветхий мир“; наконец, и Святослав говорит: „хочю имети любовь с царем“, а не торговлю. О последней не заикнулась ни одна из договаривающихся сторон. Греция ищет мира, Русь хочет дани“ [4]).

[1]) Лаврент. Летоп. 68—71.
[2]) Там же. 77.
[3]) Там же. 107—08.
[4]) Егунов, стр. 102—04.

Однако то обстоятельство, что в договорах в качестве цели заключения их указан мир, а не торговля, еще ровно ничего не доказывает. Мир являлся необходимым условием торговли, он обозначает нечто более общее, из чего затем вытекала возможность достижения и более специальных целей, в том числе возможности торговать. Грекам нужно было обезопасить себя от нападений Руси, заменить насилия их мирным обменом. Они готовы были давать Руси то же злато, те же паволоки и другие предметы, но без того, чтобы Русь предварительно жгла и грабила страну, мучила и „в море метала“ жителей („не погубляй града“), и с тем, чтобы князья с своей стороны давали в обмен за получаемые от греков товары свои—невольников, воск и меха. Ради этого они и заключали договоры. В последних мы находим ряд статей, касающихся именно торговли, так что отрицать эту цель нет основания.

Больше всего о торговле говорится именно в первом договоре 907 г., где греки ставят следующие условия русским, приезжающим в Царьград: „Аще придуть Русь бес купли, да не взимають месячины; да запретить князь словом своим приходящим Руси зде, да не творять пакости в селех в стране нашей; приходяще Русь да витають у святаго Мамы и послеть царьство наше и да испишють имена их и тогда возьмуть месячное свое,—первое от города Киева и паки ис Чернигова и ис Переаславля и прочии гради; и да входять в град одними вороты со царевым мужем, без оружья, мужь 50 и да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же“ [1]).

Здесь мы находим прежде всего общее правило, чтобы Русь, являясь в Византию, „не творила пакости“, не занималась вместо торговли грабежом и насилиями. Мало того, в целях предосторожности, приезжающим в Царьград купцам предоставляется жить только в предместьях у монастыря св. Мамы, но отнюдь не в городе; они предварительно переписываются греческими властями („да испишють имена их“); они могут входить в город только через одни определенные ворота, партиями не более 50 человек, без оружия и в сопровождении царева мужа, т. е. греческих властей. Все это устанавливается „да не творять пакости в стране нашей“. „Греки побаивались Руси—поясняет В. О. Ключевский,—даже приходившей с законным видом“ [2]).

Когда А. Н. Егунов заявляет, что „все эти предосторожности, очевидно, не могли бы иметь места, если бы договор

[1]) Лаврент. летоп. 31.
[2]) Ключевский. Курс рус. истории. I. 188.

этот был торговый договор“ [1]),—то он этим доказывает лишь незнакомство с характером торговли в ранние эпохи. Такие меры, как обязанность иноземных купцов селиться за городом или по другой стороне реки, протекающей через город, на островке, или во всяком случае подальше от прочего населения в предместьях,—находим везде и повсюду на Западе в средневековую эпоху [2]). Мы видели это в хазарской столице Итиле, увидим в отношении немецких поселений на Руси. Первоначально новгородцы даже, повидимому, не впускали немцев в город, а торговля происходила в Гостино-поле, которое было, как можно думать, островом на Волхове. В Пскове немецкое торговое подворье находилось в предместье на левом берегу р. Великой и немцам запрещалось переходить на другой берег реки в город [3]). Точно также требование приходить в город без оружия, ходить по городу не иначе, как в сопровождении местных властей, устанавливается сплошь и рядом в отношении иностранцев—последнее нередко и в видах защиты их самих от нападений местного населения. Еще ранее, по приказу греческого императора, франки толпою не смели посещать город, но могли входить по 5 или 6 человек [4]). Самое пребывание русских купцов имело лишь временный характер—они получают месячное содержание, причем в требованиях, пред'являемых Олегом, говорится о том, что эта „месячина“ в виде хлеба, вина, мяса, рыбы и овощей должна им выдаваться на 6 месяцев [5]). Очевидно, такой порядок выдачи припасов на полгода установился, он сохранен и в договоре Игоря 945 г. Здесь говорится, что русские не могут „зимовать у святого Мамы“, как и „в устье Днепра“, Белобережи, ни у святого Ельферья; но егда придеть осень, да идуть в домы своя в Русь“ (ст. 2. 10) [6]), [7]). И это соответствует рассматриваемой эпохе—речь идет о временных поселениях иностранных купцов, караваны которых появляются в определенные вре-

---

[1]) Егунов, стр. 105.

[2]) Кулишер. Лекции по истории экономич. быта Зап. Европы. Изд. 6-е. Т. I. 1922. Стр. 194.

[3]) Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod. 1895, p. 11. Winckler. Die deutsche Hansa in Russland, p. 11 сл.

[4]) Лонгинов. Зап. Имп. Одесс. Общ. Ист. и Древн. XXV. 453.

[5]) Насколько важна была упомянутая льгота (выдачи припасов), видно из того, что в 941 г. руссы вынуждены были возвратиться из Греции за недостатком продовольствия (Лонгинов, 471).

[6]) Лаврент. летоп. 50. Договор напечатан у Владимирского-Буданова. Хрестоматия по истор. русс. права. I.

[7]) В рассказе имп. Константина о путешествиях Руси в Царьград упоминается указанный здесь остр. св. Еферия в устье Днепра и река Белая (см. Погодин. Русск. историч. сборн. I, кн. 4, стр. 114). По Лонгинову (стр. 471), Белобережье есть Белобережань, нынешний остров Березань.

мена года и по распродаже товаров возвращаются обратно [1]), так что по этому договору 945 г. Руси не дозволяется зимовать не только в Царьграде, но и в весьма отдаленном от него устье Днепра—они обязательно должны отправляться домой. Так велик был страх греков перед насилиями со стороны руссов, они желали иметь их возможно дальше от Черного моря, где купцы легко превращались в пиратов.

В правах русских, оговариваемых Олегом, прибавлено также, „да творять им мовь, елико хотять“. Имеются в виду баня и пользование колодцами в Царьграде. Баня являлась исконным русским обычаем. Ольга „веле деревлянам мовь сотворити“. Одинаковое с русскими разрешение пользоваться пресной водой для мытья получили венецианцы и генуэзцы по договорам с греками. По возобновленному договору с Исааком Ангелом 1192 г. генуэзцам разрешалось набирать воду из цистерн для домашнего употребления, но с тем, чтобы они не засаривали и не загрязняли их купаньем скота [2]).

Приведенные выше постановления договора Олега 907 г., устанавливающие условия пребывания русских в Царьграде и предохраняющие греков от насилий, повторяются и в договоре Игоря 945 года (ст. 2) [3]).

Впрочем, отчасти упомянутая 2-я статья договора 945 г. отклоняется от договора 907 г. Исключено упоминание о беспошлинной торговле русских; из фразы „да творять куплю якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же“, последние слова „не платяче“ и т. д. отпали. Купленные паволоки „да показываеть цареву мужю и то е запечатаеть и дасть им“. Обязанность пред'являть купленные товары цареву мужу наводит на мысль о том, что это делалось не только для накладывания им клейма на товары, но и для взимания сбора с купленных товаров. „Царев муж“ фигурировал в качестве своего рода посредника между местным населением и Русью (своего рода маклера) для устранения непосредственных сношений между ними, как это было в рассматриваемую эпоху и в Западной Европе и на Востоке. Но задачей та-

[1]) Мейчик. Русско-византийские договоры. Журн. Мин. Нар. Просв. Окт. 1915. Стр. 302.

[2]) Лонгинов, 452.

[3]) Это и навело некоторых авторов на мысль, что весь договор 907 г. заимствован из этой 2-й статьи договора 945 г. последующим переписчиком летописи и вставлен им под 907 годом. Напротив, Владимирский-Буданов утверждает, что эта статья есть не что иное, как повторение договора 907 года (Хрестоматия, 12). Во всяком случае наличность приведенных постановлений в договоре 945 г. существенна для нас, ибо никаких сомнений в том, что последний договор во всяком случае является подлинным, не может быть.

кого посредника являлось и следить за уплатой иностранцами торговых сборов. Наконец, „царев муж“ являлся, повидимому, и судьей в столкновениях между русскими и греками, который чинит управу при всякой совершенной кривде („кто от руси или от грек створить криво, да оправляеть то“) [1]).

В ст. 2-й договора 945 г. установлено еще новое ограничение для русских купцов: они могут „купити паволок лишь по 50 золотник“. Такое стеснение в отношении приобретения паволок (не более чем на 50 золотых на каждого) находим в Византии и в отношении купцов других национальностей (напр., в договоре с Болгарией 715 г.) [2]).

Прибавлена и дальнейшая предосторожность со стороны греков — приходившие в Царьград русские послы и гости обязаны иметь при себе грамоты от князя и бояр с указанием числа отправленных судов, в доказательство того, что „с миром приходят“. „Требование греков в договоре с Игорем, чтобы все мореходы российские—говорит Карамзин по этому поводу—пред'являли от своего князя письменное свидетельство о мирном их намерении, имело без сомнения важную причину: ту, кажется, что некоторые россияне под видом купечества выезжали грабить на Черное море, а после вместе с другими приходили свободно торговать в Царьград. Надобно было отличить истинных купцов от разбойников“ [3]). Такая выдача грамот купцам вообще практиковалась в те времена: по договору греков с дунайскими болгарами 715 г. в обеих странах купцов надлежало снабжать грамотами и печатями, в противном случае товары отбираются; в договоре Владимира св. с волжскими болгарами 1006 г. русским и болгарам предоставлено торговать по Волге и Оке с выдачей и тем и другим печатей. И впоследствии представление таких письменных свидетельств, выданных на родине купца, было обязательно для приезжих иностранцев в качестве удостоверений личности [4]).

Корабли посылаются в Византию—согласно этой статье—князем и боярами. Они отправляют послов и гостей, т.-е. своих собственных приказчиков и вольных гостей [5]). „А великий князь русский и бояре его да посылають в греки к великим царем гречьским корабли, елико хотять, со слы (с послами) и с гостьми якоже им уставлено есть“ (т.-е.

[1]) Сергеевич, 637.
[2]) Лонгинов, 472.
[3]) Карамзин. Ист. госуд. Российск. I. 245.
[4]) Эверс. Древн. русск. право, стр. 220. Погодин. I. 4. Стр. 115—16. Лонгинов, стр. 464.
[5]) Ключевский. Курс. I. 185.

как установлено—по толкованию Владимирского-Буданова,— в договоре 907 г.). „Дань, которую собирал киевский князь, как правитель,—поясняет В. О. Ключевский,—составляла в то же время и материал его торговых оборотов: став государем, как конинг, он, как варяг, не переставал еще быть вооруженным купцом“ [1]).

Спорным является вопрос относительно толкования ст. 8 договора 911 г., отменяющей береговое право. Последнее, как указывает Д. М. Мейчик на основании источников, практиковалось в Византии еще в XII ст., причем суда, выбрасываемые бурей, подвергались разграблению не только тогда, когда они принадлежали иностранцам, но, повидимому, и будучи собственностью туземцев. Правительство пыталось бороться с „безумным обычаем“, согласно которому прибрежные жители не только не оказывали никакой помощи кораблю, застигнутому бурей, а напротив, хуже всякого урагана разносили и расхищали все, чего не унесло море“. В договорах, заключенных Византией с различными государствами, корабельщикам, потерпевшим крушение, предоставляется возможность спасать и продавать свой груз, местные же жители должны оказывать им помощь и получают за это вознаграждение [2]). И в ст. 8 договора 911 г. говорится о таком случае крушения греческой ладьи, и если при этом случается кто-либо из русских, то он обязан спасать (или охранять) ладью с грузом и провожать ее в землю христианскую (греческую) до безопасного места. Однако, неясно, где выброшен корабль и что следует понимать под „чужой“ землей („аще вывертена ладья будет ветром великом на землю чюжю“). А. В. Лонгинов полагает, что чужая земля есть для греков земля русская, для русских—земля греческая, так что обе стороны взаимно гарантируют друг другу помощь при кораблекрушении, тогда как он считает невозможным подводить под чужую землю страну третьего народа, ссылаясь при этом на другие договоры—нигде место разбития судна не переносится за пределы дружественной державы [3]). В этом смысле понимает эту статью и Г. М. Барац, переводя дальнейшую фразу „аще ли ключится тако же проказа лодьи Рустей, да проводим ю в Рускую земьлю“ словами: „равным образом такую же помощь должны оказывать и греки, если подобное несчастье случится русскому кораблю близ земли греческой“ [4]). Напротив, А. С. Мулюкин утверждает, что чужая земля есть

---

[1]) Ключевский. I. 185.
[2]) Мейчик. Журн. 1916. Нояб. 71 сл.
[3]) Лонгинов. 545—46.
[4]) Барац. 131.

именно третья страна, а не греческая и не русская. Говорится об обязанностях русских, оказавшихся на месте крушения лады, отослать ее в Грецию, а также о том, что крушение произошло „близ земли Грецькы“ — значит, это не греческая земля. Но это и не земля русская, на что указывает случайное нахождение на месте крушения лады русских и налагаемая на них обязанность проводить ладью „в Рускую земьлю“ [1]. Наконец, Д. М. Мейчик полагает, что статья имеет односторонний характер, устанавливая обязанность только сопровождения русскими греческой ладьи, подвергшейся крушению, но не предоставляя тех же прав русским. Он указывает на то, что хотя в статье и упоминается о русской ладье, но последняя могла означать ладью греческую, отправляющуюся в Русь, подобно тому, как впоследствии на Руси называли гречниками русских купцов, торговавших в Греции [2] [3].

Статья эта во всяком случае любопытна в том смысле, что свидетельствует о готовности не только Византии, но и Руси уже в X ст. отказаться от берегового права и оказывать при кораблекрушении всякое содействие к спасению товаров и к возвращению их владельцам. Но утверждать,

[1]) Мулюкин. К вопросу о договорах русских с греками. Журн. Мин. Юст. 1906. Сент. 101.

[2]) Мейчик. Нояб. 64—65.

[3]) Столь же спорно и окончание статьи. В тексте говорится: „аще ли ключится тако же проказа лодьи Рустей, да проводим ю в Рускую земьлю и да продають рухло тоя лодья и аще что можеть продати от лодья, воволочим им мы Русь, да егда ходим в Грекы или с куплею или в солбу к цареви вашему, да пустим я с честью проданное рухло лодья их“. Соловьев переводит его так: если беда приключится близ земли русской, то корабль проводят в последнюю, груз продается и вырученное Русь привезет в Царьград, когда приедет туда для торговли или посольством; следовательно, речь идет о русских, продающих груз и доставляющих вырученную сумму. Напротив, по Д. М. Мейчику (стр. 68—69), греки да продают груз этой ладьи на Руси, если что может быть продано, а с лодьи стащим его (груз) мы, Русь. Когда же Русь отправится в Грецию с посольством или с товарами, то отпустим греческих купцов с миром и с вырученными ими деньгами.

В передаче Соловьева смысл вполне ясен, но переводить слова „пустим я с честью проданное рухло их“ словами „вырученное Русь принесет в Царьград“ довольно рискованно. Вторая передача точнее, и в указании на право греков продать на Руси свой груз и увезти вырученные деньги нет ничего странного. Необходимо было—как это делалось в других договорах, трактующих об отмене берегового права,—особо подчеркнуть, что спасенный с корабля груз принадлежит его владельцу и последний может распорядиться им по своему усмотрению. Но непонятно, почему греки оставляются на Руси до отправления в Византию руссов с посольством или с товарами. Быть может, такое сопровождение греков Русью имело место в целях безопасности путешествия.

что она не имела действия на Руси, как это делает А. С. Мулюкин, после изложенного было бы трудно. Есть основания предполагать, что она именно относилась к грекам, приезжавшим на Русь, и в этом отношении—как справедливо указывает В. И. Сергеевич,—является единственной, распространяющей действие договора 911 г. за пределы греческой территории. „Статьи частного международного права—продолжает В. И. Сергеевич — предназначались для действия только в пределах греческой территории и притом в столкновениях русских с греками, а не русских между собой; до споров русских с русскими грекам, конечно, не было никакого дела". На греках лежала трудная задача. „Надо было обеспечить спокойствие Константинополя и его окрестностей и в то же время удовлетворить русских, обычаи которых именно и угрожали спокойствию и безопасности греческих подданных". С одной стороны, греки сохраняли русские обычаи, поскольку они были терпимы, и даже ссылались на русский закон, „чтобы северные варвары видели, что в договорах содержится их право". А с другой стороны, поскольку русские обычаи противоречили условиям культурной жизни, „их надо было искусно обойти и заменить началами греческого права". Во всяком случае, хотя „в самых договорах нет прямого постановления, в котором бы определялось место их применения, но из взаимных отношений договаривающихся сторон и из некоторых выражений договоров надо заключить, что составители их, определяя частное право греков и руси, имели в виду только греков и русь, находящихся в пределах греческой территории. Русь часто и в значительном числе приезжала в Константинополь, оставалась там подолгу и вела себя не совершенно спокойно... Но если греки и приезжали в Русь, то весьма редко и в небольшом числе. Как наши, так и иностранные источники говорят только о поездках греческих послов в Русь; о пребывании же греков в Руси по своим делам указаний не встречается" [1]).

На этой точке зрения стоят и другие авторы. „Здравый смысл—говорит А. Дмитриу—требует того, чтобы та сторона возбуждала вопрос о сделке, которая наиболее в ней нуждается. Что касается договора 911 года, то заинтересованной стороной несомненно была Византия, а не Русь, для которой в то время даже выгоднее было быть свободной от всяких уз и препятствий в своих стремлениях к добыче" [2]).

---

[1]) Сергеевич. 629—33.

[2]) Дмитриу. К вопросу о договорах русских с греками. Визант. Временн. 1895. Стр. 542.

„Русь ездила в Грецию, но не греки в Русь—подчеркивает А. С. Мулюкин. В договорах нигде нет указаний, чтобы какое-нибудь из их постановлений имело применение в России, что при многочисленности указаний на место действия статей и в Греции, и в Корсунской стране, и „на коем-либо месте", и в устье Днепра и в земле чужой,—словом, где угодно, только не на Руси, — более, чем странно". В самом деле, какой интерес для греков в смысле торговли могла представлять бедная Русь того времени? „Сам знаменитый путь из Варяг в Греки... назывался путем в Грецию, а не из Греции; им пользовались не греческие купцы, а бесшабашная вольница, которая столько же намеревалась торговать, сколько и грабить. Для греков не было надобности пускаться в опасные приключения торговли по этому пути, когда все, что им было нужно с севера, само являлось к воротам Царьграда и столь настойчиво просило о торговле с ними, т.-е. о размене привезенного на золото и паволоки, что грекам приходилось обуздывать наглость являвшихся оружием и договорами. Такое именно значение имели договоры Олега и Игоря" [1]).

Как мы видим, наука, сделавшая большие успехи с тех пор, как писал А. П. Егунов в „Современнике", все же немногим изменила свой взгляд на сношения Руси с Византией в наиболее раннюю эпоху. Если Егунов в 1848 году утверждал, что Русь имела в виду не торговый обмен, а добычу, то и новейшие исследователи считают нужным подчеркнуть, что Русь „столько же намеревалась торговать, сколько и грабить" (Мулюкин), что она, „прибывая в Византию, обнаруживала стремление к добыче" (Димитриу), что грекам необходимо было „позаботиться об обуздании приезжавшей в Царьград Руси" (Сергеевич).

Характер путешествий руссов в Византию можно усмотреть из описаний византийского императора Константина Багрянородного, жившего в X веке. Подвластные руссам славянские племена вырубают зимою в горах лес и строят из него ладьи, а когда растает лед, отводят их в близлежащие озера, сплавляют до Киева и здесь вытаскивают на берег и продают руссам. Руссы покупают одни остовы судов, весла же, уключины и другие снасти берут сами из старых судов. Снарядив таким образом суда, руссы спускаются по Днепру до Витичева, платящего им дань, и, прождав здесь два-три дня, пока соберутся однодеревки (лодки) из отдаленных местностей, отправляются в путь. Первый днепровский порог Ессупи, к которому они подходят, очень

[1]) Мулюкин. Журн. Мин. Юст. 103—04.

узок и имеет высокие и острые камни, которые издали кажутся островами; руссы не решались плыть прямо через порог, а останавливались на некотором расстоянии от него, выходили на берег, оставив груз на судах, а затем, ощупав дно босыми ногами, с великой осторожностью проводили суда чрез это узкое место между торчащими камнями и берегом. Таким же образом они проходили второй и третий порог и достигали четвертого, где оставляли часть своей дружины на страже из-за печенегов, вытаскивали из лодок груз и высаживали скованных невольников, которых вели на расстоянии 6 тыс. шагов, пока не миновали порога. Прочие же тянули суда волоком или несли их на плечах, а за порогом спускали их опять в воду, снова погружали и плыли далее. Минуя остальные пороги, руссы подходят к карийскому перевозу, куда являются печенеги для нападения на них. Затем под'езжают к острову св. Григория, после чего им не приходится опасаться печенегов уже до самой реки Селины. В четыре дня достигают устья Днепра, где находится остров св. Эферия, здесь отдыхают два-три дня и в это время снабжают суда парусами, мачтами, веслами, которые привозят с собой, а затем продолжают путь к реке Селине, рукаву Дуная. Но тут их снова со всех сторон окружают печенеги, и если, как нередко бывает, вода прибьет однодеревку к берегу, то все выходят из нее, чтобы общими силами вступить в борьбу с печенегами. Переплыв Селину, руссы входят в устье Дуная, из Дуная проходят через Конопу, а затем Констанцию к рекам Варне и Дицине, которые все текут по стране булгарской. Оттуда они направляются в область Месемврийскую и таким путем совершают свое трудное, исполненное опасностей и препятствий, путешествие [1]).

К этому имп. Константин прибавляет, что зимою, с наступлением ноября, князья руссов со всем народом покидают Киев и отправляются в другие города или в земли древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян, им подвластных. Здесь проводят они зиму, а когда вскроется Днепр, возвращаются обратно в Киев и, собрав свои суда и надлежащим образом снарядив их, ибо их могут тревожить печенеги, совершают указанный путь в Грецию.

Как бы мы ни относились скептически к торговле руссов с Византией, но нельзя отрицать того, что независимо от приведенных выше статей договоров, трактующих о торговле, и в этом путешествии, описанном Константином, имеется не что иное, как плавание с торговой целью. Тот

[1]) Memor. Popul. Stritter. II, p. 975 сл. § 34 сл.

груз, который руссы у первого порога оставляли на судах и который у четвертого порога нагружали (вещи—res), состоял не из одних только припасов на время пути и снастей, которыми они снаряжали суда на острове Эферия [1]), но несомненно также из товаров, везомых в Византию. Таким же товаром являлись и упоминаемые Константином закованные невольники. С какой стати их везти в таком виде, если не для продажи? И вообще из всего описания путешествия получается впечатление, что оно производилось с торговой целью; на военный набег оно совершенно не походит. Другое дело, что главным товаром, доставляемым в Византию, являлись, повидимому, эти невольники, а остальные товары были результатом тех зимних путешествий князей по покоренным землям, которые совершались ради получения дани (полюдия).

Читая этот рассказ императора,—говорит В. О. Ключевский,—легко понять, какими товарами грузила Русь свои торговые караваны лодок, сплавлявшихся летом к Царьграду: это была дань натурой, собранная князем и его дружиной во время зимнего об'езда, произведения лесных промыслов, меха, мед, воск. К этим товарам присоединялась челядь, добыча завоевательной дружины [2]).

Киевский князь „делился со своей дружиной, которая служила ему орудием управления, составляла правительственный класс. Этот класс действовал, как главный рычаг, в том и в другом обороте, и политическом, и экономическом: зимою он правил, ходил по людям, побирался, а летом торговал тем, что собирал в продолжение зимы... К торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простых купцов, чтобы под прикрытием княжеского конвоя дойти до Царьграда“.

Вообще все путешествие, как заметил еще Погодин, было столь же торговым, как и военным, ибо каждый раз приходилось отбиваться от печенегов; неудивительно, что „торговые караваны имели характер военный“ [3]). Но они были военными не только в виду необходимости отражать нападения, но и потому, что караван и сам производил нападения—переход от обороны к наступлению был весьма прост и легок. Это вполне соответствовало характеру деятельности норманнов.

„Северные викинги занимались торговлей и разбоем одновременно, иногда отправляясь для грабежа, иногда для

---

[1]) Так это об'ясняет Егунов („Современн.“ 90 сл.).
[2]) Ключевский. I. 185.
[3]) Погодин. Исслед. III. 252—53.

обмена и нередко торговые путешествия у них соединялись с военными плаваниями. В таком случае они заключали перемирие с прибрежными жителями тех местностей, куда они приставали, чтобы торговать с ними, обменивая одни товары на другие. Но как только обмен заканчивался, назначенный для него срок приходил к концу, мир снова прекращался и снова возобновлялись военные действия" [1]).

Так поступали, повидимому, и руссы—те же норманны. И по поводу руссов имп. Константин говорит, что они приходят в Царьград sive belli sive commercii causa—ради войны или ради торговли [2]).

[1]) Стрингольм. Eigills saga. I. 257. Погодин. III. 254.
[2]) Memor. popul. II, p. 981 § 34.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Общий характер торговли до XV столетия; критика различных взглядов.

Исходную точку в процессе возникновения и развития торговли составляет немая торговля, встречающаяся в качестве наиболее ранней формы торговли у всех народов. О немой торговле на Руси у нас нет никаких сведений, но о таком способе обмена у различных племен, населявших современную Россию, упоминается в источниках. Под годом 1096 встречаем в летописи рассказ Гуря Роговича о торговле новгородцев с Угрой—„Угра же суть людие язык нем". Там „дивно находим мы чюдо ново, его же несмы слыхали преж сих лет"... „есть в горе той просечено оконце мало, и туда молвять, не разумети языку их, но кажють железо и помовають рукою, просяще железо и аще кто дасть им железо или ножь или секиру, и они дають скорою противу"[1]). Суть, конечно, заключается не в незнании языка, а во взаимном недоверии, в нежелании входить в непосредственные сношения с иноплеменниками, к которым относятся, как к врагам. Потому-то „язык нем". Об однородной форме торговли между булгарами и племенем Вису рассказывает Косвини. „Булгары доставляют туда товары, всякий кладет их в определенное место, делает на них знак и оставляет. Потом возвращается и находит нужный ему товар, положенный рядом. Если удовлетворен им, то берет его и оставляет за него свой товар. Если нет, то забирает свой обратно. Покупатель и продавец не видят друг друга"[2]). Здесь уже правильное описание немой торговли, без всяких прикрас и чудес, напоминающее рассказ Геродота о немой торговле в Ливии.

От немой торговли постепенно совершается переход к рыночной. Как этот переход происходит, известно из дан-

[1]) Ипатовск. летоп. 163—64.
[2]) Fraehn. Ibn Foczlan. 210.

ных о неевропейских народах. В источниках наших, как и западно-европейских, сразу выступает рынок в законченном виде.

Рынок—торг, торжище, торговище являлся тем местом, где в эту эпоху производился обмен и где он только и мог совершаться. В „Русской Правде“ читаем: „пакы ли что будеть татебны купил в торгу, или конь или порт или скотину, то введет свободна мужа два или мытника“ [1]). Речь идет о купле-продаже краденых вещей, совершенной на торгу; купивший указывает на продавца и показание его подтверждается двумя свидетелями или мытником — сборщиком мыта, необходимой принадлежности всякого рынка. О значении торга свидетельствуют и другие статьи „Русской Правды“—„оже челядин крыется, а закличють и с торгу“[2]),— о бежавшем холопе об'является на торгу, публично. Такая „заповедь“, „закличь“ на торгу первое и необходимое условие для вчинения иска о пропавшей вещи. Торг, следовательно, посещаемое всем населением место, где всякое об'явление широко распространяется. Поэтому-то в другой статье говорится: „аще кто конь погубить или оружие или портно, а заповедаеть на торгоу, а последи познаеть в своем граде, свое емоу лицем взяти“ [3]). Если хозяин пропавшего коня или платья (как и бежавшего челядина) об'явит о пропаже на торгу, предполагается, что это должно стать известным по всему городу (в другом списке: по всему миру— „а познаеть в своемь мироу“) в продолжение трех дней („а за три дня нь выведуть его“—ст. 27). Человек, к которому пристал бежавший челядин или который поймал ушедшего коня, или нашел оружие или платье, узнавши об об'явлении на торгу, обязан вернуть эту вещь. Исходят из того, что в своем городе, в своем миру об'явление, сделанное на торгу становится известным всем и всякому в трехдневный срок [4]). На торгу собиралось и вече—в 1068 году „людье Киевстии прибегоша Кыеву и створиша вече на торговищи“ [5]).

Таким образом на рынке в древней Руси (как это было и в других странах) не только происходит товарообмен, но совершаются и народные собрания, сообщаются все важные сведения (в том числе и распоряжения князя закликались на

[1]) „Русская Правда“. Карамзинск. спис., ст. 33 (о татьбе).

[2]) Там же, ст. 29 (о челядине). Тоже в Синодальн. списке („о челядех“).

[3]) Там же. Карамзинск. спис. ст. 29 (о изгибели). Синодальн. спис— оже кто въсядеть на чужь конь.

[4]) Владимирский-Буданов. Хрестоматия по ист. русск. права, 5 изд. Вып. I. 1899. Стр. 46. Прим. 40.

[5]) Летоп. Лаврент. 114.

торгу), узнаются новости, рынок является центральным местом города.

Но это были рынки местные, базары, обслуживавшие, повидимому, очень незначительный район. На это указывает ст. 36 „Русской Правды“, которая является продолжением упомянутых, трактующих о купле краденого на торгу. Она гласит: „а ис своего города в чюже землю извода нет“, т. е. вся процедура относительно краденого (указание каждым предыдущего продавца) заканчивается на границах своей земли, земли, принадлежащей городу, в область другого города она не может переходить. „Очевидно—поясняет Н. А. Рожков—такая продажа в чужую область признавалась невероятною, вследствие крайней затруднительности и чрезвычайной редкости торговых сношений между отдельными городами и рынками“ [1]). Имеются, очевидно, отдельные, изолированные друг от друга, замкнутые в хозяйственном отношении районы.

Относительно Киева известно из летописи, что в 1069 г. „Изяслав изна торг на гору“, что там имелся (в 1147 г.) Бабин торжок и торговище на Подолье; по словам Дитмара Мерзебургского, в нем насчитывалось свыше 40 церквей и 8 рынков [2]). В Новгороде торг занимал обширное место и подразделялся на ряды, сообразно роду продаваемых товаров или происхождению сидевших в лавках купцов. Находим, напр., Вощный ряд (Вощник), где торговали воском, Большой ряд и др.; в „Русской Правде“ читаем: „тысяцьскому до вощник, от вощник посадникоу до великого ряду, от великого ряда князя (князю) до Неметью вымога“ (Немецкого вымола) [3]).

В 1097 г. упоминается торговище в Воздвиженске, в 1114 г. Мстислав Владимирович построил „церковь камяну святого Никола, на княже дворе, у Торговища, Новегороде“, а в 1218 г. Константин Всеволодович заложил церковь каменную на торговище во Владимире (Залесском); в 1234 г. литовцы захватили Русу до самого торга („изгониша Литва Русу и до торгу“) [4]). Характерна эта связь торга с церковью, церковная площадь есть в то же время и рынок, как это было и в Западной Европе. И там торговля сосредоточивалась на церковных и монастырских площадях, у древних греков и у народов древнего Востока она совершалась в самых храмах. Впрочем, и на Западе в средние века дело

[1]) Рожков. Обзор русск. истории. I 2 изд. 1905. Стр. 25—26.
[2]) Летоп. Ипатск. 122, 249. Летоп. Лаврент. 169. Ditmar-Chron. 462.
[3]) „Русская Правда“. Карамз. 134.
[4]) Летоп. Лаврент. 251, 419, 486.

не ограничивалось одной торговлей на площади перед храмом, а производился торг в самом храме и имелись специальные „рыночные“ церкви, „торговые“ церкви, где он происходил [1]). Храм и площадь перед храмом были теми нейтральными местами, где только и мог совершаться товарообмен, где прекращалась вражда и совершался торг под охраной божества. Точно также на Руси „самое устройство церквей приспособлено было к торговым целям: в подвале сохранялся товар, в притворе он взвешивался“ [2]). Так это было—как увидим ниже—и в немецкой церкви св. Петра в Новгороде.

Погост имел значение рынка: гостьба—торговля. Но погост означал и место, где находится церковь; а так как в последней хоронили и покойников, то и кладбище. Рынок и церковь совпадают. Новгородские купцы в разных местах ставят храмы, которые им, очевидно, нужны были для торговых целей. В 1364 г. „поставиши в Торжку церковь камену... а замышлением богобоязнивых купець Новогородскых“, в 1403 г. „поставиша купцы новгородские, прасолы, в Русе церковь камену“ [3]).

Связь духовенства с торговлей обнаруживалась и в ином направлении—духовные лица сами же и торговали и давали деньги в рост. „А которые игумены или попы или чернци торговали преж сего или серебро давали в резы (в рост), а того бы от сех мест не было“. „Если поп не перестанет давать в рост, скажи, что ему не достойно служить“ (Пол. XII ст.). В Новгороде и сам владыка вступает в торговые сношения с иноземными купцами, сбывая немцам, через посредство других лиц, преимущественно произведения церковных земель. Находилось это в связи с тем, что в Новгороде „особенно значительным сосредоточением земельной собственности отличалась церковь, а именно владычная кафедра и монастыри“ [4]). Этим фактам вполне соответствует то, что мы находим на Западе в то же время: папа римский, патриарх венецианский, капитулы, монастыри, монашеские ордена, духовенство всех степеней занимаются торговлей [5]).

Еще более занимались торговыми операциями князья. Как мы видели, киевские князья сбывали в Грецию произ-

---

[1]) См. мои Лекции по истор. эконом. быта Западн. Европы. 6. изд. 1922. Ч. I. Стр. 75.

[2]) Аристов. Промышленность древней Руси. 1860. Стр. 207.

[3]) Полн. Собр. Русск Летоп. III. 88. 102.

[4]) Акты Археогр. Экспед. I. 462. Аристов. 208. 217. Winckler. Die deutsche Hansa in Russland, p. 10. Никитский. Экономич. быт Велик. Новгорода. 1893. Стр. 39, 94.

[5]) См. мое сочин. Warenhändler und Geldausleiher im Mittelalter. Zeitschr. für Sozialpol. etc. 1908.

ведения, добываемые ими в качестве дани. И впоследствии получаемые ими дани, виры, оброки наполняли их амбары, что вызывало сбыт накоплявшихся запасов в другие княжества. „Сообразно с характером времени, новгородские князья—говорит А. И. Никитский—были не только правителями, но и купцами, которые вели на свой страх торговые обороты. Первоначально князь имел свой двор, где происходил обмен принадлежавших ему продуктов, в особенности произведений его земель, на иноземные товары, позже новгородцы, опасаясь соперничества князя в торговле с немцами, потребовали (в договоре 1276 г.), чтобы князь не имел никакого непосредственного отношения к немецкому двору и торговал бы в нем не иначе, как через посредство новгородцев: „а хто прийдет з великого князя товаром, торговати им з Новгородци в немецком двор“ [1]). С их торговою деятельностью можно было бы сопоставить торговые операции, которые в эту эпоху производил на Западе имп. Фридрих II Гогенштауфен, английские короли, герцоги неаполитанские, французская королева Мария Анжуйская и многие другие коронованные особы [2]).

Товарообмен таких областей, как Киевская или Новгородская, заходил далеко за пределы местного оборота. Если можно судить на основании упоминания о тех или других национальностях, пребывающих в Киеве, о его торговле,— что еще не доказано,—то придется признать, что киевляне вели торговлю с греками, евреями, армянами, моравами и другими народами. Летопись уже под 898 г. называет евреев, греков и латинов. В 1174 г. среди „всех кыян“ перечислены „игумены и попы, и черньце и чернице, латину и госте“. В 986 г. встречаются немцы, в 1075 г. к Святославу приходят послы немецкие. В Киеве имелись (1146 и 1156 гг.) ворота жидовские, ляцкие и угорские. В „Слове о полку Игореве“ встречаются „немци, венедици, греци и морави“, — все они „поют славу Святославлю“ [3]). Современники удивлялись обширности и величию Киева: он больше Булгара; в нем свыше 40 церквей и 8 рынков. Его называют „лучшим украшением Руси“, „соперником самого Константинополя“. Впрочем, это свидетельствует главным образом о том, что Киев выделялся из прочих поселений того времени.

Раффельштеттский устав (в Моравии) о таможенных сборах начала X ст. упоминает о славянах, которые приходят

---

[1]) Winckler. Die deutsche Hansa in Russland, p. 10. Бережков. О торговле Руси с Ганзой. 231. Никитский, 19—20. 94.

[2]) См. мои Лекции по истор. экон. быта Западн. Европы. 6 изд. I. 182.

[3]) Ипатовск. летоп. 15, 56, 139, 232, 296, 299, 393.

из Ругов ради торговли и которым дозволяется торговать повсюду на Дунае с уплатой пошлины. Они привозят воск, рабов, лошадей. Иностранные исследователи считают этих славян из Ругов славянами, приходящими из Руси [1]). На это указывает, повидимому, и то обстоятельство, что у летописцев того времени княгиня Ольга названа королевой Ругов. Епископ Адальберт, рассказывая о своем неудачном миссионерстве на Русь, именует русских ругами, и в грамоте, выданной ему, говорится, что он был первоначально назначен проповедником для Ругов [2]). Если это так, то во времена Олега русские купцы уже посещали средний Дунай. Подтверждается это предположение и сообщением арабского писателя X ст. Ал-Бекри о том, что „город Фрага (Прага) есть богатейший из городов торговлею, приходят к нему из города Краква Русы и славяне с товарами“ [3]).

В. А. Васильевский указывает на то, что, наряду с сношениями русских купцов через Краков с Прагою, в XI ст. уже установлено и встречное движение, путешествия западноевропейских купцов в Русь ради торговых целей через Польшу („Польша—говорит польский летописец XII ст. Мартин Галл—известна была немногим, кроме отправляющихся в Россию ради торговли“), в особенности из важного торгового центра того времени—Регенсбурга на Дунае. Впрочем, данных о товарообмене между Киевом и Регенсбургом весьма немного. Есть только сообщения о пилигримах, отправляющихся в Русь, о нападении русских на подданных немецкого короля, хотя кто были эти подданные и где нападение произошло, не известно; имеется известие о том, что в Киеве проживал подданный монастыря св. Эммерама в Регенсбурге, который имел должников среди жителей Регенсбурга, но утверждение, что эти долги были коммерческого характера, являясь результатом вывоза им товаров из Киева в Регенсбург, ни на чем не основано. Более доказательно то, что в грамоте для г. Эннса на Дунае, данной купцам Регенсбурга в конце XII ст., упоминается о повозках, идущих в Русь или из Руси, которые платят 16 динар пошлины, и о „рузариях“, напоминающих „гречников“ русской летописи, т.-е. являющихся людьми, которые торгуют с Русью [4]).

Есть сведения и о торговых сношениях между отдельными русскими областями, о внутренней торговле, как ошибочно

[1]) Inama-Sternegg. Deut. Wirtschaftsgesch. I. Waitz. Deut. Verfassungsgesch. IV. 2 Aufl. p. 73.

[2]) Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. Журн. Мин. Нар. Просв. 1888. VII. Стр. 8.

[3]) Известия Ал-Бекри. I. 49.

[4]) Васильевский, стр. 13 сл.

называют этот товарообмен, ибо для того времени, когда не было единого государства, а каждое удельное княжество представляло нечто самостоятельное, это была такая же внешняя торговля, как и обмен с греками, литовцами или немцами. Не даром в „Русской Правде“, при взыскании долга, гость из иного города сравнен с чужеземцем (Карамз. 69). „Следовательно, город и его округ—говорит Владимирский-Буданов—составляют государство в юридическом смысле“ [1]), как и замкнутый самостоятельный район—прибавим—в экономическом отношении.

В Киев возили соль из Галича и Перемышля: „не пустиша купцов к Киеву из Галича и Перемышля и не бысть соли во всей Российской земли“. Из суздальской и рязанской области шел путь в Киев на Курск, где преп. Феодосий „обретше купце гредуще с возы и вопроси се—камо грядете? Они же реше: в Киев град“. И новгородцы бывали в Киеве, хотя в сообщении летописи за 1161 г., что Ростислав в Киеве „повеле изоимати новогородци и уметати у Пересеченьский погреб и в одину ночь умре их 14 мужи“, ничего не говорится о купцах новгородских. Напротив, договор, относящийся к пол. XV ст., касается и Киева. „А что моих людей или литвин или витблянин или полочанин или смольнянин или с иных наших русских земель... торговати им в Новегороде безо всякой пакости, по старине... Також и новгородцам изо всее Новгородскои волости торговати без пакости во всей Литовской земле“ [2]).

Новгородцы таким образом торгуют не только с Киевом, но и с Литовской землей. Они ведут торговлю и с другими областями—черниговской, суздальской. В 1224 г. черниговский князь заявляет новгородцам: „гость ко мне пускайте, а яко земля ваша, тако земля моя“. В 1216 г. Ярослав „изыма новгородци и смолняне, иже бяху зашли гостьбой в землю его повеле в погреба вметати их, что есть новогородцев, а иных в гридницу... а иных повеле затворить в тесне избе и издуши их полтораста, а смолнян 15 мужь затвориша кроме, те же быша вси живи“. Здесь насчитывается целых 150 новгородцев и 15 смольнян в Переяславле.

Новгородцы выхлопотали себе и ярлык у ханов, предоставлявший им право свободно торговать в Суздальской земле (1270 г.): „а гостю нашему гостити по Суждалской земли без рубежа, по цареви грамоте“. В свою очередь, в договоре 1327 г. постановлено: „суздальскому гостю во

---

[1]) Владимирский-Буданов. Хрестом. I. 59.

[2]) Ипат. Летоп. 350. Карамзин. Истор. госуд. Росс. II. Прим. 208. Аристов. 175.

новгородской земле гостить без рубежа". В XIV ст. устанавливаются и торговые сношения между Москвой и другими княжествами; об этом свидетельствуют договорные грамоты Москвы с Новгородом 1380 г., с Рязанью 1381 г., с Тверью (около 1399 г.); везде установлено гостю гостить без рубежа, мыты держать прежние [1]).

С незапамятных времен—говорит В. О. Ключевский—„Днепр был главной хозяйственной артерией, столбовой торговой дорогой для западной полосы равнины". По Днепру шел „путь из Варяг в Греки", „своим низовым течением и левыми притоками Днепр потянул славянских поселенцев к черноморским и каспийским рынкам. Это-то торговое движение вызвало разработку естественных богатств занятой поселенцами страны... С тех пор меха, мед, воск стали главными статьями русского вывоза". „Следствием успехов восточной торговли славян—читаем далее—завязавшейся в VIII в., было возникновение древнейших торговых городов на Руси. Повесть о начале Русской земли не помнит, когда возникли эти города—Киев, Переяславль, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород, Ростов, Полоцк... Довольно беглого взгляда на географическое размещение этих городов, чтобы видеть, что они были созданы успехами внешней торговли Руси... Возникновение этих больших торговых городов было завершением сложного экономического процесса, завершившегося среди славян на новых местах жительства... Восточные славяне расселялись по Днепру и его притокам одинокими укрепленными дворами. С развитием торговли среди этих однодворок возникли сборные торговые пункты, места промышленного обмена, куда звероловы и бортники сходились для торговли, для гостьбы, как говорили в старину... Мелкие сельские рынки тянули к более крупным, возникавшим на особенно бойких торговых путях. Из этих крупных рынков, служивших посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнейшие торговые города по греко-варяжскому торговому пути" [2]).

Не преувеличивает ли здесь известный историк роль торговли и торговых городов в древней Руси? О роли всех этих городов в эту древнейшую эпоху—он ведь начинает ее уже с VIII ст.—нам ничего не известно. И в более позднее время мы знаем—если не считать немногих городов—лишь

---

[1]) Собр. Госуд. грам. и догов. I. №№ 15. 28. 32. 36. Аристов. 180.
[2]) Ключевский. Курс русск. истор. I. 144—45. 148—49.

об укрепленных местах, городищах, но отнюдь не о торговых городах, не о торговых центрах; упоминаются—как он сам же указывает—лишь торговые пункты, куда сходились звероловы и бортники для обмена,—не более.

Мы видели, какова была и торговля с Византией: „дань, шедшая киевскому князю с дружиной,—указывает сам же Ключевский,—питала внешнюю торговлю Руси“ [1]. „Значит ли это—справедливо спрашивает Г. В. Плеханов—что торговля была главной пружиной хозяйственной деятельности русского народа? Нет, это значит лишь то, что торговля доставляла средства существования для князя и его дружины“ [2]. На это указывает и Н. А. Рожков: „торговая деятельность была занятием исключительно одних общественных верхов, князей, их дружинников и небольшой группы состоятельных горожан; масса же населения не принимала в ней никакого участия, потому что не продавала, а отдавала даром продукты охоты и пчеловодства“ [3]. Между тем вслед за В. О. Ключевским А. В. Кельтуяла говорит об „охотничье-торговом“ периоде, продолжавшемся до половины XIII ст. [4], у В. В. Святловского читаем о „примитивно-торговом“ государстве [5].

Большое значение торговле Киевской Руси придают и другие авторы. „Благодаря развитию торговли—говорит В. А. Бутенко—Киевская Русь достигла процветания. Торговля приносила на Русь большие богатства, содействовала украшению житейской обстановки“ [6], но только—прибавим от себя—обстановки князей, но отнюдь не масс населения. По словам П. П. Мельгунова, „в эпоху Киевской Руси торговля сделалась потребностью общества, что видно из того высокого положения, которое начинают занимать представители торговли и промышленности во взглядах общества и закона... В сознании общества является убеждение, что торговля необходима, и князья русские сами идут „на протолчь“ защитить караваны от диких степняков. Торговля настолько делается необходимой, что сам князь занимается ею, как выгодной операцией“ [7]. Однако то, что князья торгуют, еще ровно ничего не доказывает для развития торговли—у самых первобытных народов торговлей занимаются предводители племени, и они первоначально единственные торговцы

[1]) Ключевский. I. 186.
[2]) Плеханов. Истор. русск. обществ. мысли. I. 1919. Стр. 56 сл.
[3]) Рожков. Обзор. I. 25.
[4]) Кельтуяла. Курс истор. рус. литерат. I. 2. Стр. 68.
[5]) Святловский. Примитивно-торговое государство. 1912.
[6]) Бутенко. Краткий обзор истор. рус. торг. 1911. Стр. 8.
[7]) Мельгунов. Очерки по истор. русск. торг. 1905. Стр. 51—52.

среди племени. Торгуют они, как и русские князья, не из убеждения, что торговля необходима, а потому, что у них скопляется много излишних продуктов, полученных в качестве дани, оброков и т. д., как и по той причине, что приезжие торговцы обращаются к ним, становятся под их покровительство, подносят им дары. Они являются посредниками между своим племенем и иноземными торговыми караванами. О том, что торговля нужна была населению, мы никаких данных не находим.

И П. Н. Милюков считает возможным утверждать, что „на успехах внешней торговли основывался и кратковременный блеск киевского юга, который быстро обеднел и потерял политический вес, как только расстроилась эта торговля". Впрочем, он признает, что относительно важной роли иностранных купцов в киевской торговле у нас нет сведений „мы можем об этом только догадываться" [1]).

Что касается данных о торговых сношениях Суздальской Руси, то нельзя, конечно, истолковывать военных столкновений между болгарами и Суздальскими князьями недоразумениями, возникшими на почве торга, а основание Нижнего Новгорода в 1221 г. и Устюга в 1211 г. стремлением укрепиться в торговом отношении на средней Волге, — как это делает М. В. Довнар-Запольский [2]). Эти предположения совершенно не обоснованы.

М. В. Довнар-Запольский особенно настаивает на широте внутреннего обмена, и хотя он признает „крайнюю незначительность исторических известий и случайность этих известий", все же он утверждает, что „общее впечатление" создается в пользу значительных размеров внутреннего товарообмена, подкрепляя это указание тем, что „широкая внешняя торговля должна была вызывать товарообмен и внутри самой страны", хотя в ранние эпохи хозяйственного развития одно вовсе не связано с другим. А такие факты, как пользование мехами в качестве денег, как высокий процент и обращение должников в холопей, как монастыри и церкви в роли банков, свидетельствуют, напротив, о низком уровне торговли. Что же касается богатства, скоплявшегося у знатных людей, в виде драгоценных металлов, дорогих одеяний, коней и слуг, то из этого еще никакого вывода о размерах торговли нельзя делать; едва ли можно утверждать, что „такого рода блага могли накопляться лишь путем торга, промыслов".

[1]) Милюков. Очерки по ист. русск. культуры. Т. I, 6 изд. 1909. Стр. 111—12.
[2]) Довнар-Запольский. Ист. русск. народн. хозяйства, т. I, 1911. Стр. 143.

Если князья утопали в богатстве и делали крупные дары другим князьям, жертвовали золото, серебро и сосуды церквам, то надо иметь в виду, что они не только владели землями, лесами, водами и т. д., но и получали крупные суммы от населения. Так доход Смоленского князя равен был не менее, чем 3 тыс. гривен серебра, на что можно было купить 12—13 тысяч волов; новгородцы, в княжение Ярослава Владимировича, давали киевскому князю ежегодную дань в количестве 2 тыс. гривен серебра, а князь Юрий Всеволодович в 1224 г. взял с маленького города Торжка контрибуцию в 7 тыс. гривен кун [1]).

Мы указывали в другом месте на слабое развитие торговли на Западе в раннее средневековье, до XI—XII ст., на что ссылается М. В. Довнар-Запольский. Но если мерять русскую торговлю этого времени на тот же аршин, — а не с точки зрения названного историка, — то условия и здесь получатся столь же примитивные, а вовсе не окажется, что „древне-русская жизнь была проникнута интересами торга, промысла“, и что западно-европейские порядки „очень далеки от того, что мы встречаем на Руси даже в X веке“. Местные рынки и пограничные торги междуплеменного характера мы находим и на Западе уже весьма рано, все условия рыночного торга подробно регулируются в раннее средневековье, появляются иноземные купцы, совершающие путешествия через всю Европу вплоть до Константинополя. Монахи, епископы, короли принимают участие в торговле, рынки находятся в тесной связи с церквами и церковными празднествами, церкви являются первыми банками,—словом, все то, что мы наблюдаем на Руси [2]). Если же возьмем более позднюю эпоху XIII—XV ст., которую М. В. Довнар-Запольский тоже имеет в виду, то найдем уже на Западе многочисленные торговые города, купеческие гильдии, купцов, совершающих значительные торговые обороты, монету, вексель и многое другое, чего на Руси еще не было. Конечно, и у нас имелись в эту эпоху города и отдельные торговые центры, но их было несравненно меньше. В сущности, названия торговых центров заслуживают только Новгород, да Псков, Смоленск, Полоцк и еще несколько городов; к концу этого периода и Москва. В эту более позднюю эпоху XIII—XV ст., которую надо отличать от предшествующего периода, обмен между различными областями, как мы видели выше, уже постепенно развивался. Однако—по словам А. И. Никитского, — „было бы

---

[1]) Довнар-Запольский. 170, 183, 316 сл. 323—24, 331 сл.

[2]) См. мои Лекции по истор. экон. быта Зап. Европы. 6 изд. I. Стр. 72—74. 224.

несправедливо представлять себе новгородское население в целом, как по преимуществу торговое. Напротив, подобно обрабатывающей промышленности, и торговля была развита в массе населения крайне слабо. Число отдельных торговцев в деревнях и торговых рядков было крайне незначительно". Точно также „в большинстве новгородских городов она (торговая деятельность) равнялась почти нулю. Для торговли недоставало в них достаточного населения". Вообще „преимущественным, если не исключительным, центром торговой деятельности в Новгородской земле был главный город последней, сам Великий Новгород" [1]).

В эту более позднюю эпоху и В. О. Ключевский находит капитал; именно „Русская Правда", вырабатывавшаяся вплоть до XIII ст., есть, по его мнению,—„по преимуществу уложение о капитале... Капитал является в „Правде" наряду с княжеской властью деятельной социальной силой... то сотрудником, то соперником княжеского закона... капитал это самая привилегированная особа в „Русской Правде". „Такое значение капитала в „Русской Правде" сообщает ей черствый мещанский характер. Легко заметить ту общественную среду, которая выработала право, послужившее основанием „Русской Правды": это был большой торговый город". Однако, тут же Ключевский прибавляет, что несколько позднее, в XIII в., „торговый город потерял свое преобладание в народно-хозяйственной жизни". „Капитал—указывает он в подтверждение приведенного положения — служит средством возмездия за те или иные преступления и гражданские правонарушения: на нем основана самая система наказаний и взысканий" [2]). Но такую систему мы находим на Западе уже в т. наз. Варварских Правдах, начиная с V ст. Неужели уже в эту эпоху капитал являлся социальной силой? Можно ли подобным образом смешивать имущество, не приносящее дохода, с капиталом?

В. О. Ключевский придает большое значение тому обстоятельству, что „Русская Правда" (пространная) различает поклажу от займа; заем краткосрочный от долгосрочного, заем от торговой комиссии; „находим точно определенный порядок взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел, т. е. порядок торгового конкурса с различием несостоятельности злостной и несчастной". Упоминаются гости и иноземные купцы, которые „запускали товар" за купцов туземных, продавали им в долг. Капиталист вверял купцу „куны в гостьбу", для оборота из барыша [3]).

---

[1]) Никитский. Экономич. быт Велик. Новгорода, 87—89.
[2]) Ключевский. I, 302—06.
[3]) Там же, 303.

Однако, то, что Ключевский именует громким названием „торгового конкурса“ (у нас еще и при Петре не было конкурсного процесса), сводилось к тому, что должника прежде всего вели на торг и продавали, явление характерное для первобытных эпох культуры, а отнюдь не для эпохи „капитала“, когда ответственность отличается имущественным, а не личным характером; затем, при уплате долга отдавалось преимущество князю перед частными должниками (здесь играет роль власть, а не капитал) и гостю перед „домачным“ [1]),—предпочтение, сохранившееся еще и в XVIII ст. и вызывавшее жалобы в Екатерининской комиссии 1767 г. Что же касается торгового кредита, когда иноземный или иногородный купец продавал в долг местным купцам или давал им куны для закупки ему товара („аже кто купец дасть в коуплю куны или в гостьбу“), то это свидетельствует скорее о том, что эти местные торговцы не имели даже тех минимальных оборотных средств, которые необходимы были в эту эпоху, а вовсе не обилие капитала, почему им и приходилось закупать товары в долг у гостей. Вообще это напоминает торговлю ганзейцев с норвежцами в XIII—XIV ст., когда ганзейцы сбывали привезенные товары за рыбу и меха, которые норвежские купцы доставляли им с севера, выменивая их у диких финских племен. Но эти норвежские купцы не имели почти никаких средств, а так как самую рыбу и меха им также еще нужно было выменять, то они брали у ганзейцев муку и другие товары в кредит, обязуясь к следующему году доставить определенное количество рыбы, причем им не всегда удавалось исполнить свое обещание, и тогда от ганзейцев зависело, как поступить дальше [2]).

Как мало был распространен „капитал“, мы можем видеть также из того, что заем совершается не только в виде кун, но и в натуральной форме—предметом его являются хлеб, мед, сено, пчелы, животные [3]), что свидетельствует о наиболее ранней форме кредита для потребительных целей. Мало того,—как признает сам же В. О. Ключевский,—размер роста был чрезвычайно высок. „Годовой процент определен одной статьей „Правды“ в треть, на два третий, т. е. в 50 проц.“. Только Владимир Мономах установил, что „такой рост можно брать только два года“...

Впрочем, при долголетнем займе и Мономах допустил годовой рост в 40 проц. „Но едва ли—прибавляет Ключевский—эти ограничительные постановления исполнялись...

[1]) „Русская Правда“. Карамз. Стр. 45, 46, 69.

[2]) Bruns. Die Lübecker Bergenfahrer und ihre Chronistik. Hansische Geschichtsquellen. N. F. II. 1900. p. LXVIII сл.

[3]) „Русская Правда“. Карамз. Стр. 47—57, 64.

Если речь идет о годовом займе, то вскоре после Мономаха милосердным ростом считали 60 или 80 проц., вполтора раза больше узаконенного" [1]).

И на Западе в эту эпоху ссудный процент стоял очень высоко, у нас, конечно, еще выше, в виду еще большей бедности в капитале, еще большей медленности накопления. „Капитал чрезвычайно дорог, т.-е. отличается большой редкостью"—признает Ключевский. Как же это вяжется с утверждением, что „Русская Правда" есть уложение о капитале, и общественной средой, где она возникла, был большой торговый город?

---

[1]) Ключевский. I. 305.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Торговля Новгорода с немцами в XII—XV ст. на основании заключенных торговых договоров.

Торговля немецких городов с Русью является лишь одной из частей того товарообмена, который совершался в средневековую эпоху купцами северо-германских городов, об'единившихся уже раньше фактически, а впоследствии и формально в ганзейский союз, немецкую Ганзу, в состав которой входило свыше 70 городов померанских, вендских, прусских, вестфальских, голландских, ливонских. Ганза являлась ассоциацией не купцов, а городов, представители которых собирались на сеймы и здесь решали совместно все важнейшие вопросы, которые касались торговли их жителей со странами, расположенными у Северного и Балтийского морей. Англия, Фландрия и Брабант, Скандинавские государства, наконец, Новгород (и Псков) и северо-западные русские области—Смоленская, Витебская, Полоцкая представляли собою поле деятельности немецких городов.

Задача их была нелегкая. Первоначально всякий иноплеменник был бесправен, и лишь постепенно путем соглашений между различными областями удавалось обеспечить ему хотя бы наиболее элементарные права. Создается особое гостинное право, заключающееся в целом ряде стеснений и ограничений, установленных для иногородных купцов. Эти ограничения вытекают из первоначальной бесправности их, являются последующим смягчением ее. Ограниченная правоспособность гостей есть выражение вражды ко всем чужим, которые противополагаются своим, местным жителям, горожанам. Стеснения гостей в правах чрезвычайно затрудняли их торговлю, необходимо было добиться их смягчения, установления особых привилегий для купцов данного города. За это и боролась повсюду Ганза в интересах своей торговли.

Прежде всего, необходимо было получить для гостей право приезжать в данную местность, пользуясь охраной

властей как для личности купцов, так и для их имущества, право селиться здесь на известный срок и свободно выезжать обратно, не подвергаясь никаким насилиям, даже в случае возникновения войны между данным государством и родиной купца. Последнего нужно было далее освободить от таких жестоких обычаев, существовавших в те времена, как береговое право (присвоение государем товаров, спасенных с корабля, потерпевшего крушение у его берегов), как право на груз, упавший на землю, если поломалась телега („что с возу упало, то пропало“), как очищение себя от подозрений при помощи испытания каленым железом или путем поединка (поля). Надо было гарантировать гостю возможность взыскания с местных жителей сумм по проданным товарам, как и вообще возможность добиться суда в столкновениях и тяжбах с ними. Особенно же важно было для иноземных купцов, чтобы их не привлекали к ответственности за преступления, совершенные другими купцами, или не заставили уплачивать убытки последних (право репрессалий). К этому присоединялась и обязанность передачи имущества, оставшегося после смерти гостя на чужбине, представителю его города для выдачи наследникам. Наконец, необходимо было установление различных правил, облегчавших гостям привоз и вывоз товаров, погрузку и разгрузку их, пользование судами и водами, предоставление им лоцманов, перевозчиков, как и возможности рубки леса для починки судов.

Во всех этих направлениях ганзейцы старались добиться привилегий, освободиться от того тягостного гостинного права, которое господствовало в средние века, и им действительно удавалось достигнуть этой цели. Они оказывались в несравненно более выгодном положении, чем прочие иностранцы.

Это замечается не только в области перечисленных прав, но относится и к другим группам преимуществ, предоставленных им. Везде и повсюду иностранные и иногородные купцы в те времена образовывали самостоятельные поселения, фактории, конторы, как их именовала Ганза, и эти поселения, представлявшие собою нечто самостоятельное, отделенное от прочих частей города, руководствовавшееся собственными правилами, стремились к проведению принципа экстерриториальности, полного невмешательства в их внутренние дела и в разрешение ими вопросов, которые, касаясь иностранной общины, в то же время затрагивали и местные интересы. Таково было, напр., право убежища в поселении гостей (преступник, бежавший туда, не может быть потребован обратно), право их судить местных жителей, которые совершили над факторией насилие, право не

допускать к себе различных представителей местной (в особенности полицейской) власти. Они настаивали даже на участии в суде (смешанные суды), в случае столкновения гостя с местным жителем, на возможности судиться на основании права своей родины. Все это были очень важные права, которых немецкие купцы в разных странах (как и итальянцы на Востоке) усиленно добивались и которые должны были поставить их в исключительное положение среди гостей, дать им возможность образовывать повсюду государство в государстве и тем самым обеспечить себе возможность захвата торговли с данной местностью в свои руки.

Наконец, для достижения последнего необходимо было приобретение и ряда прав, составляющих третью группу и относящихся непосредственно к торговле. Гостинное право того времени не только было сопряжено с уплатой гостем многочисленных сборов, от которых местные жители были свободны, или, во всяком случае, уплаты их в повышенных размерах, сборов проездных, рыночных, привратных и т. д. [1]), но рост подлежал значительным ограничениям в области производства торговых операций. Гостю запрещено торговать с гостем, он обязан, во всяком случае, предварительно предлагать товары местным жителям и только в крайнем случае может сбывать их другим гостям. Это находится в тесной связи с т. наз. штапельным правом, с обязанностью гостей везти товары определенным путем, доставлять их в город, здесь их складывать и выставлять на продажу. Торговля должна сосредоточиваться в городе и товары должны проходить через руки жителей его. Товары не могут провозиться через город или мимо города, они должны быть выставлены в нем на продажу на рынке известное число дней, и лишь в случае невозможности продать, оставшееся может быть провезено дальше или только вывезено обратно, причем уплаченный при ввозе рыночный сбор обычно и в этих случаях не возвращается. Гость не может продавать товаров в розницу; исключение допускается для рыночных дней и в особенности во время ярмарок. Он обязан продавать товары через посредство маклера, обязан пользоваться публичными весами, за что уплачивает особый сбор, не может закупать товаров в деревнях, входить в сношения с крестьянским населением. И в этой области ганзейцами была в значительной мере пробита брешь в старинном гостинном праве.

[1]) См. мое Коммунальное обложение в Германии в его истор. развитии. 1914. Стр. 180 сл.

Исходную точку торговых сношений Новгорода с Западом составляют набеги тех самых скандинавских викингов, которые проникали во всевозможные страны запада и востока и положили основание многим государствам, в том числе и русскому. Подобно тому, как торговля повсюду возникла из военных действий, и новгородская торговля имела своей точкой отправления пиратские набеги норманнов. „Набеги как набеги,—говорит А. И. Никитский — стали мало по малу выходить из употребления и уступать свое место торговым сношениям. Но исчезновение их было далеко не настолько полным, чтобы поле действия было совершенно очищено для торговли"... Очень часто случалось, что в одних и тех же лицах соединялись промыслы и пирата и купца, нередко случалось, что участники одной и той же компании грабили в одном месте и торговали в другом" [1]). Отзвуки этого явления мы замечаем еще долго и впоследствии в вечных и беспрерывных столкновениях между новгородцами и иноземцами, в каждый раз совершаемом ими ограблении другой стороны.

Торговые сношения скандинавских народов с Новгородом имели долгое время случайный характер, пока остров Готланд не стал центральным пунктом для северного купечества, в том числе прежде всего немецкого. Готландцы, а затем немцы, переселившиеся в г. Висби на Готланде, появляются в Новгороде со своими товарами, а в XII ст. Новгород вступает в непосредственные сношения с вендскими городами, прежде всего с Любеком, и они учреждают свою факторию в Новгороде [2]).

Наиболее важным источником для истории торговли между Новгородом и Ганзой являются торговые договоры, заключенные между ними, и прочие соглашения, имевшие место в связи с восстановлением мира и возобновлением каждый раз прерывавшихся торговых сношений. Не все эти договоры являются таковыми в полном смысле слова, многие из них представляют собою скорее проекты договоров. Лишь в некоторых из них имеются имена заключивших договор лиц, их подписи, печати, говорится, что на этом обе стороны целовали крест. В других случаях эти внешние признаки договора, действительно заключенного, отсутствуют. Иногда же из самого содержания документа видно, что он является только проектом, напр., из грамоты 1268 г., написанной на латинском языке, где немцы выговаривают себе различные права и обещают предоставить те же преимущества и новгородцам, приезжающим на Готланд. Но это

[1]) Никитский, 24—26. 28—29.
[2]) Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod. 1895, p. 5.

обстоятельство мало изменяет дело, так как с одной стороны, и договоры в полном смысле слова нередко нарушались, как это можно установить на основании последующих жалоб, нарушались несмотря на то, что обе стороны на том крест целовали. А с другой стороны, и не утвержденные окончательно договоры свидетельствуют о том, какие требования пред'являлись и пожелания высказывались, и в каких формах и условиях совершался товарообмен между немцами и новгородцами. Сплошь и рядом постановления таких проектов действовали в качестве обычного права, иногда на них даже ссылались, как на нормы, исполнение которых обязательно.

В договорах этих фигурирует всегда Новгород, но они распространяются и на Псков, как на его пригород; в более поздних соглашениях Псков назван нередко особо в качестве участника в соглашении. Со стороны немцев первоначально выступает остров Готланд и немецкая Ганза в Висби, позже наряду с ними появляется Ганза 73 городов, где на первом плане стоят вендские города, в особенности Любек. Хотя купечество Висби и не исчезает, но все же Любек оттесняет его на задний план. Наконец, постепенно присоединяются и мало-по-малу становятся на первом месте ливонские города: Дерпт, Ревель, Рига. В договоре 1392 г. впервые выступают на сцену вместе с „заморскими" и ливонские города, а в 1436 г. Дерпт и Ревель являются единственными представителями всех немецких городов в переговорах с Новгородом. В 1448 г. Любек предполагал и с своей стороны отправить послов для заключения нового мира с Новгородом, но затем отказался, и от имени Ганзы его заключили Рига, Дерпт и Ревель [1]).

Договоры появляются около XII ст., хотя несомненно торговые сношения начались уже раньше—ссылаются на более старые грамоты и соглашения, „на чем целовали отцы ваши и наши крест".

Прежде всего в каждом договоре устанавливается общий принцип, что обеим сторонам предоставляется право торговать и им никто не будет ставить препятствий в этом направлении, они могут торговать без стеснений, без насильственного захвата у них товаров. Это выражается словами „вольное торгованье", „путь чист", „без рубежа", „без пакости". Так, уже в первом договоре, заключенном между Новгородом и немцами и относящемся к концу XII ст.

[1]) См. Hausmann. Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Novgorod. Balt. Monatsschrift. 1904. p. 267 сл.

(около 1195 г.) [1]), в самом начале (ст. 1) читаем: „первое ходити новгородцю послоу и всякому новгородцю в немечьскоу землю и на Гоцк берег; такоже ходити немьчьм и гтяном в Новгород без пакости не обидим никымже“. Новгородцы здесь посещают не только „Готский берег“, но и „немецкую землю“, о которой впоследствии уже не упоминается, их плаванье обширнее, чем в следующие столетия; немцы же, напротив, „ходят“ только в Новгород, о Новгородских землях еще не упоминается. Но из дальнейшего видно, что уже в эту эпоху практическое значение права торговли новгородцев в немецких городах отступает на задний план, по сравнению с правом торговли ганзейцев в Новгороде. Именно в той же ст. 1 говорится далее: „аще боудеть соуд кнзю новогородцкому Новегороде или немецкомоу в немчьх, а в том мироу ити гостю домовь без пакости; а кого Бог поставить князя, а с тем мира потвердить, любо ли земля без мироу станеть“.

Речь идет о князе, и хотя наряду с новгородским упомянут и немецкий, но такая взаимность в данном случае имеет мало смысла, ибо никаких князей в ганзейских городах не имелось и в дальнейших договорах между Новгородом и немцами о них не упоминается, а новгородскому князю, заключающему договор, всегда противопоставляется немецкая Ганза или купечество Готланда. Очевидно, имеется в виду только Новгород, пребывание немецких купцов в последнем, их торговая деятельность в Новгороде.

Приведенные слова: „аще будет соуд князю“ Срезневский понимает в смысле распри между новгородским князем и населением, которая нередко имела место и которая, по договору, не должна была затрагивать немецких купцов [2]). Однако, о внутренних столкновениях в других источниках нигде не говорится, напротив, как мы увидим ниже,— постоянно указывается на то, что война Новгорода с другими странами или областями, т. е. такая, где князь и народ общими силами ведут борьбу с внешним врагом, не должна затруднять свободного от‘езда немецких купцов. Гораздо правдоподобнее поэтому толкование Владимирским-Будановым слова: „соуд“ в смысле Божьего суда—смерти: [3]) со

[1]) Договор, заключенный между 1189 и 1199 г.г., напечатан в Русско-Ливонских актах, собранных К. Е. Напиерским и изданных Археографической Комиссией. 1886 г. № 1, а также у Владимирского-Буданова. Хрестоматия, т. 1 и у Бахрушина, Памятники истории Вел. Новгорода. 1909 г. стр. 63.

[2]) Срезневский. Записки Имп. Акад. Наук. Отд. русск. языка и словесн. 1867 г. т. VI. 156. Такое же об’яснение у Бережкова. О торговле Руси с Ганзой, 81.

[3]) Такое же понимание слова „суд“ допускает в другом месте Срезневский (Матер. к слов. древне-русск. яз. III. 603).

смертью князя, заключившего договор, последний не теряет своей силы, что вполне соответствует дальнейшим словам о необходимости возобновления договора с преемником умершего князя, иначе „земля без мироу станет". Международные соглашения того времени (как в России, так и в Западной Европе) обязательны лишь для тех, кто их заключает, но не для государства, как такового, почему при перемене правителей необходимо было возобновление договора [1]).

Предположение, что договор этот регулирует торговлю немцев в Новгороде, по сравнению с которой активная деятельность новгородцев в виде торговли в Готланде и на континенте отступает на второй план, подтверждается и другими постановлениями договора. Таковы, напр., ст. 2 и 3, трактующие об убийстве посла и купца. Здесь говорится, правда, как о немце, так и о новгородце; но вира в 20 гривен за посла и в 10 за купца вполне соответствует постановлениям „Русской Правды", различающей убийство привилегированного и простого человека. Такова ст. 7, устанавливающая за насилие над женой или дочерью свободного человека 40 гривен в пользу потерпевшей и столько же в пользу князя. Опять-таки фигурирует только новгородский князь, который здесь выступает в качестве судьи (позже он уже не выполняет этой функции), так что местом действия является снова только Новгород. На пребывание немецких купцов в Новгородской земле расчитана и ст. 12, упоминающая только о немце, который отправляется на своем судне домой, но ничего не говорящая о новгородце, возвращающемся обратно („оже придеть в своие лодьи в немецкои домовь"). А из ст. 11 мы можем усмотреть, что немцы посещают уже в это время не только Новгород, о чем упоминается в ст. 1, но и другие русские города. Там разграничивается тяжба, которая „родится" в Новгороде, от тяжбы „выноие зиемли в руских городех". В каких городах, мы это узнаем из последующих договоров; во всяком случае немцы ездят и за пределы Новгорода, и в этом случае Новгород слагает с себя всякую ответственность за все, что может там случиться с ними („оу тех своие тяжа прашати, искати Новогороду не надобе")—обычная оговорка в те времена.

Является ли приведенный договор конца XII ст. действительным договором, т. е. формально принятым обеими сторонами, неизвестно—о целовании креста в нем не упоминается, печатей не приложено. На практике он имел значение договора: в соглашении 1260 г., действительно заключенном, к которому он приложен (в оригинале он не сохранился), о нем упоминается, как о старом праве: „а се ста-

---

[1]) Владимирский-Буданов. Хрест. т. I. 109.

рая наша правда и грамота на чемь целовали отци наши и ваши крест“ (дог. 1260 г. ст. 8); возможно, что при заключении мира в 1201 году это и было подтверждено.

Только что упомянутый другой договор, заключенный между Новгородом и немецкими городами ок. 1260 г. [1]), вызван жалобами Любека на несправедливости населения, совершенные по отношению к нему, т. е. над немецкими купцами в немецком дворе в Новгороде. С этими жалобами он обращается к Ревелю, который в ответ на это заявляет, что он верен Любеку и немецкому купечеству. Об этом насилии, очевидно, и говорится в ст. 3 договора 1260 г.: „а в Ратшиноу тяжю платили иесмы 20 гривен серебра за две голове, а третьюю выдахом“. В этом случае (Ратша уменьшительное от Ратислава) уплачена обычная вира за двух убитых, а третьего самого выдали новгородцы. Но в связи с этим установлены еще и другие статьи, которые должны предупредить новые столкновения и обеспечить беспрепятственный товарообмен между Новгородом и немцами.

Последний и здесь потверждается в начале договора (ст. 1): „новогороцм гостити на Гоцкыи берег без пакости, а немцьм и гтом гостити в Новогород без пакости и всемоу латиньскомоу языку на старыи мир“. В противоположность рассмотренному выше договору 1195 г., это соглашение предполагает поездки новгородцев только на готский берег, но не на континент. То же самое говорится в ст. 5 договора: „а новгородцьм в становищи на Гоцком березе без пакости в старый мир“—на Готланде новгородцы имеют „становище“, т. е. торговое подворье, об их недвижимости на Готланде упоминается и в проекте соглашения с ганзейцами 1371 года [2]). Напротив, немцы, как видно из договора 1260 г., торгуют и на остр. Котлине (ст. 5), и в Кареле (ст. 6), причем новгородцы отвечают за путь от Котлина до Новгорода лишь в том случае, если он совершается в сопровождении новгородца („а что ся оучинить и с Котлинг до Новагорода или из Новагорода до Котлинг немецкомоу гости, оже без посла поидоуть, то Новоугородоу тяжя не надобе в старыи мир“). Это обычное средневековое правило—город или государь принимает на себя ответственность за случаи ограбления купцов, если их сопровождает конвой (или они имеют заменяющие конвой конвойные грамоты); в этом случае купцам возмещаются понесенные ими потери.

---

[1]) Договор содержится в Русско-ливонских актах, № 16 и у Бахрушина. Памятники, 64.

[2]) Hansisches Urkundenbuch. IV. 397. Götz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. 1916. p. 182.

Такое ограничение активной торговли новгородцев одним островом Готландом и, напротив, расширение деятельности немцев потверждается и соглашением 1269 (1270) г. Мы имеем здесь два документа, из которых один составлен немцами, другой, являющийся как бы ответом на него, новгородцами—в каких пределах они были утверждены впоследствии, неизвестно. В четвертом договоре Новгорода с Михаилом Ярославичем от 1304 г. упоминается о посланиях немецким городам, скрепленных крестным целованием; быть может, это и было утверждение договора 1269 года.

Этот договор 1269 или 1270 г. [1]) также трактует лишь о свободах новгородцев, посещающих Готланд,—им гарантируются те же права, что и немцам и готландцам в Новгороде. Повидимому, и ст. 23 о новгородском после, убитом за морем, имеет в виду путешествие в тот же Готланд, а не в какие-либо иные местности. Это толкование согласуется и со ст. 10, где говорится о долгах новгородцев только в Готланде. Наконец, о незначительной активной деятельности новгородцев свидетельствует то, что, как видно из ст. 1, они отправляются даже в Готланд на немецких судах, следовательно, собственных судов не имеют. Это указание крайне умаляет роль новгородцев в торговле. Все сколько-нибудь значительные торговые города того времени владеют собственными судами; при отсутствии их торговля с другими странами и городами немыслима.

В противоположность этому, интенсивность торговой деятельности немцев растет. С конца XII ст. до 60-х годов XIII ст. она сделала значительные успехи; это можно усмотреть из сопоставления упомянутого договора конца XII ст. и договора 1269 г. В последнем немцы требуют, чтобы новгородцы принимали на себя ответственность за благополучное путешествие ганзейцев, начиная от острова Бьорко, новгородцы же согласны отвечать только за путь, начиная от Котлина по Неве, Ладожскому озеру и Волхову. Сарториус-Лаппенберг и Андреевский об'ясняют последнее тем, что власть Новгорода над островом Бьорко в это время уже была слаба, в виду завоеваний шведов в Финляндии и появления датчан у Наровы и т. д., так что они ручаться за безопасность в этих местах не могли [2]). В предыдущем

[1]) Договор напечатан у Андреевского. О договоре Новагорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. 1855, у Бахрушина, 64 сл. Tobien. Die ältesten Traktate Russlands. I. 1845. p. 85 сл. Götz. p. 90 сл. В издании Тобиена и Гетца и в примечаниях у Андреевского содержится и латинская грамота-проект договора, составленный немцами.

[2]) Sartorius-Lappenberg. Urkundenb. Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse. 1830. II. 97. Андреевский, 21. См. Бережков. 194.

договоре 1260 г. (ст. 5) упоминается только „зимний гость", т. е. те немецкие купцы, которые приезжали осенью и оставались—как видно из постановления 1338 г.—до последнего санного пути или до открытия первой навигации. В договоре 1270 г. наряду с „зимнем гостем" появляется впервые и „летний гость" (ст. 1 и 2), который может пребывать „до последней навигации или до первого санного пути" [1]). Это ограничительное постановление самой Ганзы, но вполне соответствующее характеру торговых сношений в ранние эпохи, когда иностранные купцы допускаются лишь на известный срок и, по истечении его и по выполнении своих операций, обязаны уехать обратно, постоянно же селиться им еще не дозволяется. Во всяком случае, присоединение теперь новой группы ганзейских купцов, которые ежегодно сменяют первую, свидетельствует о расширении торговли немецких городов с Новгородом. Последняя совершается теперь не только зимою, как это было раньше, но и летом, происходит в течение всего года.

Но в том же договоре имеется еще и постановление (ст. 16), содержащееся, впрочем, в одном лишь немецком предложении (латинской грамоте), согласно которому гости, отправляющиеся обратно из других областей к себе домой, обязаны уплачивать в пользу церкви св. Пятницы сбор в размере не свыше одной марки сер. Немцы его ограничивают этими размерами, так как вероятно прежде взималось и больше. Никитский усматривает в этих гостях, едущих из „выше лежащих местностей" (de superioribus partibus terrae), торговцев, которые прибыли горой, но отправляются обратно не тем же путем, как обязывал раньше обычай, а морем на Готланд. Напротив, Бережков, как и Ризенкампф и Гетц, понимают под этими купцами гостей, ездивших вглубь новгородских владений и там закупавших такие товары, как меха или воск, которые обычно немцы приобретали в самом Новгороде. Там же они сбывали свои товары, становились, следовательно, конкурентами новгородцев, в особенности тех из них, которые сами посещали Готланд, „заморских купцов". В пользу общины последних, группировавшихся вокруг церкви св. Пятницы, такие иноземные гости и обязаны были делать упомянутый взнос. Последний являлся известным стеснением этой непосредственной торговли немцев с новгородскими областями—в сущности торговля должна была проходить через руки новгородцев [2]).

О развитии немецкой торговли в Новгороде во второй половине XIII ст. свидетельствует и разнообразие и обилие

[1]) Постановл. 1338 г., цит. у Никитского, 110.
[2]) Никитский, 72. 145 сл. Бережков. 156 сл. Riesenkampff. Der deutsche Hof zu Nowgorod. p. 74. Götz. p. 141.

постановлений, содержащихся в грамоте 1268 г. и договоре 1269 г., которыми они отличаются от договоров как 1195 г., так и 1260 г. Если с одной стороны, в 1268—69 г.г. находим ряд положений, которые встречались уже в предыдущих соглашениях, то другие впервые появляются теперь и затем повторяются уже в многочисленных переговорах между немцами и Новгородом и обещаниях, даваемых ими друг другу; есть и такие, которые имеются только в трактатах 1269 г. и позже не повторяются. При этом характерными являются те многочисленные или во всяком случае гораздо более детальные по сравнению с предыдущими, требования, которые пред'являют немцы в 1268 г. и из которых видно, насколько усложнились торговые сношения, какие новые потребности и нужды они вызвали к жизни и в каких направлениях стало необходимым нормировать товарный оборот. Новгородцы соглашаются далеко не на все, делают контр-предложения, некоторые пожелания немцев оставляют без ответа,—хотя это еще вовсе не доказывает, что эти требования их не были приняты, ибо окончательная форма трактата нам неизвестна, или что они фактически не были проведены все-таки в жизнь. Наряду с этим, многие признанные обеими сторонами постановления, как показывают последующие факты, каждый раз снова и снова нарушались, их приходилось вновь подтверждать, но действовали они опять недолго—до следующего нарушения.

К таким вечно повторяющимся, но никогда не исполняемым заверениям относятся встречающиеся уже в предыдущих договорах постановления об индивидуальной ответственности каждого за долги или преступления и о недопустимости захвата имущества, принадлежащего другим лицам, непричастным к делу. Вообще возникающие споры и тяжбы не должны препятствовать от'езду иностранных гостей—не должно быть репрессалий, „рубежа не чините", а „знати истцу истца", „гостя в том не порубати и не грабити и товару у гостей не отнимати",—как гласят многочисленные последующие заявления. И все же вся история русско-ганзейской торговли есть один сплошной захват русскими или немцами товаров посторонних лиц за убытки, действительно или якобы ими понесенные, непрерывный ряд насильственных действий, основанных на идее круговой поруки между лицами, происходящими из одной и той же местности или принадлежащими к одной и той же национальности.

Так убийство новгородца Власия и ограбление его во время морского путешествия подало повод новгородцам к насилию над ганзейцами. Соглашением 1338 г. устанавливается, что дети и товарищи Власия не должны касаться

немецких гостей и последним должны быть возвращены отнятые у них товары. Они должны иметь дело только с виновниками убийства и ограбления Власия Гинзом Вельтберге и Гербортом. Если эти лица окажутся в немецких или ливонских городах, то они должны быть задержаны и согласно „целованию креста", т. е. на основании прежних договоров, преданы суду [1]). Каждая сторона, следовательно, обязана задерживать виновных, если они попадут на ее территорию, их наказывать и возвращать отнятые у потерпевших товары. В одном послании Новгорода к Риге читаем: „что наших братьев у вас убили, а товары их ограбили, за это бог вам судья. Если вы нашли разбойников, то судите их согласно крестоцелованию, дайте нашим братьям товары и разбойников, чтобы между нами не было речи" [2]).

В 1373 г. происходит новое соглашение на тех же основаниях по поводу столкновения между Новгородом и немцами, вызванного ограблением русских на Неве и у Стокгольма („взяле у нас товар перед Невою разбойники", „товар, что у Стеколме взяле") [3]). Следующий трактат, в котором выступает, наряду с Любеком и Висби, также Рига в качестве представителя Ганзы, заключен в 1392 г. За ограбление русских в Нарве новгородцы захватили немецких купцов из Дерпта и других городов и передали их товары потерпевшим: „те товар, что в Ругодиве (в Нарве) порубиле и против того товара повеле Новогород взяти товар своеи братьи и посаднике и тысяцкии и весь господин велики Новогород повелеша товар дати своеи братьи". А между тем эти немцы были снабжены „опасными" грамотами, выданными им Новгородом за печатью посадника и тысяцкого. Ссылаясь на эти грамоты, представители немецких городов при заключении мира добиваются возврата товаров немецким купцам. Новгородцы пускай сами взыскивают убытки с жителей Нарвы: „ведатися им самы с тыми истци своими купьци", „знати исцю исца" [4]). В том же договоре 1392 г. немцы жалуются на то, что в 1385 г. сгорел их двор в Новгороде и во время пожара было украдено в церкви много имущества немцев: „двор их погореле и что у их Бжьнице пакость уцинилась"; новгородцы обязуются разыскать воров, наказать их и вернуть украденное. Однако,—прибавляют они—если бы найти их оказалось невозможным, то Новгород за это не отвечает: „аже найдуть что, того товара выдати немцем Новогороду по крестному целованию, или не найдуть, в том немцам измене нетуть" [5]).

[1]) Hans. Urkundenbuch. II. 614.615. Sartorius. № 142.
[2]) Hans. Urk. II. 46.
[3]) Русско-ливонские акты, изд. Археографич. Комисс. 1868. № XCVI
[4]) Там же № CXV.
[5]) Там же.

В 1423 г. русские ограблены в устье Невы и отвезены в замок по близости от Висмара, на что новгородцы отвечают арестом немецких купцов, а ганзейцы вслед за этим запрещают поездки в Новгород. Следовательно, новгородцы за вину одного делают ответственными всех, что ведет к перерыву в торговле [1]). То же произошло после убийства русскими в Нарве немецкого дворянина Гергарда Клеве— результатом было задержание в 1438 г. русских купцов в ливонских городах и вслед затем немцев в Новгороде—немцы и русские одинаково нарушают высказанное сотни раз обещание. Вновь устанавливается, что „путь чист", хотя новгородцы, очевидно, не доверяя немцам, в соглашении 1439 г. предоставляют право от'езда задержанным немцам лишь после того, как все русские купцы вернутся целы и невредимы со своими товарами из Ревеля и Дерпта в Ниеншлот [2]).

Как мало в сущности принцип индивидуальной ответственности проник в сознание людей того времени, видно из того, что наряду с каждый раз высказываемым требованием взыскивать убытки только с виновного и задерживать только его, в том же договоре 1269 г. (ст. 15) говорится о том, что в случае столкновения между новгородцами и „зимним гостем", летние гости за это не отвечают, и наоборот, то же выговаривается в отношении зимних гостей. Следовательно, все-таки предполагается групповая ответственность летних гостей или зимних гостей и только стараются ограничить ее одной группой купцов, которая себя выделяет из прочих, чтобы распря не распространилась на всех немецких купцов, приезжающих в Новгород. В 1448 г. заключен мир между ливонским орденом, с одной стороны, и Новгородом и Псковом, с другой. В связи с этим устанавливается, что, в случае столкновений между орденом и Псковом, не допускается задержания новгородских гостей, как и не должны страдать псковичи за вину новгородцев. Это положение повторяется и в соглашениях 1474, 1484, 1493 г.г. [3]). На принципе, что невинный не должен отвечать за виновного, настаивают, следовательно, уже не ганзейцы, а русские, но и они ограничиваются разграничением городов, установлением ответственности каждого города, но не отдельного лица.

Ганзейцы повсюду, где они торговали в эту эпоху, борятся с этим правом репрессалий: за долги или преступления, совершенные одним из них, не должно производиться задержания других купцов, происходящих из того же города, откуда

[1]) Goetz. Denutsch-russ. Handelsverträge. § 25.
[2]) Там же § 29.
[3]) Там же. § 30. См. также §§ 33. 34.

приезжал виновный, ни захвата их товаров, а тем более за одного немца не отвечают все ганзейские купцы. Графиня Маргарита Фламандская в 1253 г. действительно установила, что во Фландрии немецкие купцы не отвечают своим имуществом за преступления, совершенные одним из них, а наказанию подлежит виновный, и равным образом никто из них не ответствен за долги, совершенные одним из немцев во Фландрии, если он не является главным должником или поручителем за должника. Если немецкий купец бежал и тем самым избег наказания, то другой не должен за это страдать. Однако, фламандцы не отказывались от репрессалий по отношению к немцам, если на родине последних (а не во Фландрии) нанесен ущерб фламандцу. В 1267 году, напр., г. Гент захватил имущество находившихся в его пределах саксонских купцов на том основании, что несколько гентских купцов лишилось своих товаров, вследствие разбойного нападения на них в Саксонии [1]). В последнем случае мы имеем аналогию действиям новгородцев в тех случаях, когда они за ограбление русских купцов в Нарве или на Неве задерживают немцев в Новгороде, с той только разницей, что там отвечают лишь земляки виновных-саксонцы, а не все ганзейцы, находящиеся во Фландрии, новгородцы же такого различия между отдельными группами немецких купцов не проводят.

В привилегии, выданной ганзейцам датским королем Вольдемаром III в 1326 г., говорится также, что никто не должен лишиться своего имущества за преступления, совершенные другим. Соглашение между герцогом Гаконом норвежским и Любеком в Тенсберге 1294 г. впрочем ограничивает индивидуальную ответственность тем случаем, когда город, из которого происходит виновный, привлечет его к ответственности. Однако, ссылаясь на то, что право жителей данной страны не охранено, можно было нарушать правило об ответственности одного лишь виновного лица [2]).

Отказываясь отвечать за вину или за долги своих соотечественников, ганзейцы во Фландрии в то же время требовали, чтобы фламандские города принимали на себя ответственность за действия своих подданных, нанесших ущерб ганзейцам, притом за все действия, совершенные фламандцами, как на суше, так и на море, т. е. и на территории графства и за пределами его. Города Брюгге и Ипр соглашались возмещать убытки, нанесенные ганзейцам их жителями, а в 1378 году с'езд ганзейских городов потребовал

---

[1]) Hans. Urkundenbuch. I. № 421.650. Bahr. Handel und Verkehr der deutschen Hanse in Flandern während des XIV Jahrh. 1911. p. 95 сл., 110 сл.
[2]) Hans. Urkundenbuch. II. № 449 § 15. I № 1144.

от графа Фламандского и трех городов (Брюгге, Ипра и Гента) возмещения ущерба, причиненного ганзейцам во фламандских водах, вследствие убийства и ограбления немецких купцов. Как мы видели, Новгород на столь широкие требования не соглашался, заявляя, что поскольку награбленное имущество и грабители не могут быть найдены, Новгород за это не отвечает, и того же принципа держались ганзейцы в соглашениях с Новгородом.

Другим обстоятельством, подававшим повод к насилиям над иностранными купцами, являлась в те времена война, война данной страны или города с другими местностями вообще и с родиной купцов в особенности. В последнем случае, купцам во всяком случае грозило задержание и отнятие товара—это было своего рода предвосхищение той добычи, которая приобреталась в самой воюющей стране. Но и в случае войны с какой-либо третьей страной, ведущий ее город или государство могли усмотреть опасность в пребывании иностранцев, прекратить их торговую деятельность, изгнать их и даже захватить их товары, могли заставить иностранных купцов принять участие в походе.

Необходимо было обезопасить себя от всех этих возможностей и в особенности была заинтересована в этом Ганза, в виду широкого поля деятельности своих купцов, посещавших всевозможные страны и города, где всегда могла возникнуть война с какой-либо из немецких областей или с третьим государством—в средние века состояние войны составляло нечто обычное. Для ганзейцев это существенно было еще и по той причине, что наряду с свободными имперскими городами в ганзейский союз входили и такие города, которые в большей или меньшей степени были подвластны различным князьям, и достаточно было столкновения между той страной, где они торговали, и одним из этих князей, чтобы ганзейские купцы и лично и имущественно понесли сильный ущерб; война с императором могла повести к таким же результатам. Поэтому их требования обыкновенно заключаются в том, чтобы, в случае возникновения войны между данным государством или городом и кем-либо иным, им предоставлена была возможность в течение достаточно продолжительного срока закончить свои дела и уехать домой.

Так, в Англии постановлением парламента 1353 г. установлен сорокадневный срок после об'явления войны и оповещения иностранцев о необходимости покинуть страну, причем в течение этого времени купцам не будет чиниться никаких препятствий в отношении проезда или продажи своих товаров, если они сами пожелают их сбыть. Но этот

срок может быть удлинен еще на 40 дней или, в случае необходимости, еще долее, если препятствием для от'езда купцов является противный ветер или какие-либо иные обстоятельства. Такой же срок определен герцогом Лотарингенским для Антверпена — 40 дней после публичного об'явления, а также гарантируется право свободного возвращения после прекращения войны. В 1297 г. французский король Филипп предоставил немцам право беспрепятственной торговли в Брюгге, а на случай отмены этого права, четырехнедельный срок для от'езда. В следующем году Любек добился у графа Фламандского грамоты, согласно которой, в случае возникновения войны между Фландрией и императором или кем-либо иным, под властью кого оказался бы Любек, или, напротив, между Любеком и императором или кем-либо из немецких князей, немцам гарантируется охрана личности и имущества во Фландрии. Если бы однакоже граф издал распоряжение об от'езде их из Фландрии, то им дается годичный срок. Позже, когда в 1307 году граф Фламандский выдал привилегию на торговлю с Фландрией всем ганзейским купцам, этот срок был сокращен до 40 дней, хотя и тут допускается присоединение еще 40 дней в случае отсутствия кораблей или противного ветра, препятствующего от'езду. Но в начале XIV ст. ганзейцы находили и 80-дневный срок для от'езда слишком кратким, могущим нанести ущерб их имуществу, пожалуй, и жизни. Они старались добиться права оставаться в стране, в случае войны, и сохранять при этом те же права, что и в мирное время. Город Брюгге, к которому они обратились с таким предложением, согласился с этим, находя для себя выгодным, чтобы ганзейцы не покидали его стен и не прерывали своей торговли и в случае войны, но все же не решился предложить установления этой меры графу Фламандскому, а ограничился удлинением срока еще на 40 дней, так что получилось уже 4 месяца. Но в дальнейшем он всетаки стал всецело на их точку зрения и в 1360 г. граф утвердил это постановление. Ганзейцам предоставлялась охрана жизни и имущества и во время войны, если бы они пожелали оставаться во Фландрии, от'езжающим же давался срок в 120 дней. Такое же право не покидать страны во время войны даровал ганзейцам в 1393 г. герцог Филипп Бургундский [1]). Однородные привилегии в пользу ганзейцев находим и в других городах. В 1349 г. шведский король Магнус разрешает Любеку производить торговлю во время войны, которую он ведет с русскими областями, в 1319 г. рюген-

---

[1]) Hans. Urkundenbuch. I. №№ 1237. 1248. 1279. II. № 121. §§ 4. 5. № 266 § 13. III. №№ 430. § 2. 450. § 8. 495. § 5 и 6. 571. § 16. Bahr. p. 71 сл.

ский граф Вицлав дозволяет штеттинским купцам не покидать его владений во время войны между ним и герцогом штеттинским [1]). В первом случае речь идет о войне с третьей страной, во втором даже о военных действиях с тем государством, из которого происходят купцы,—и всетаки им не приходится уезжать.

Такое состояние являлось в то время идеалом для иноземных купцов, но—как мы видели—обычно им приходилось довольствоваться правом оставаться в стране в течение более или менее продолжительного срока, в течение которого они вынуждены были все же ликвидировать свои дела и затем покинуть ее. Даже во Фландрии только одни ганзейцы достигли этого идеала, тогда как англичане обязаны были оставить ее в два месяца, генуэзцы в течение 8 месяцев.

Обращаясь к положению ганзейцев в Новгороде, необходимо отметить, что и тут уже в латинской грамоте 1268 г. и в договоре следующего года (ст. 18) упоминается о том, что, в случае, если бы возникла война или распря между Новгородом и соседними землями, это не должно составлять препятствий для гостей, ибо они ничего общего не имеют с войной и куда они пожелают отправиться, могут свободно идти,—могут ехать водой или сушей (горой), насколько простирается господство Новгорода. В договоре 1338 года перечисляются враги Новгорода — король шведский, король датский, ливонский орден, капитул дерптский, епископ рижский, епископ эзельский. В случае войны с ними, немецкий гость никакого отношения к этому иметь не должен, ему дается чистый путь водой и сушей без всяких препятствий [2]). В соглашении 1371 г. к этим странам, воюющим с Новгородом, прибавлена Нарва и пропущен король датский [3]), а в соглашении 1392 г. среди врагов упомянуты и пираты. В последнем читаем: „А се которое орудье завяжется о в биде (в обиде) промежи велкого Новагорода с вескем (с Свеским) королем или с велневицами или с пискупом Риським (епископом Рижским) или с пискупом Юрьевьским или с пискупом Островьским или с Ругодивьци (жителями Нарвы) или разбойнике на море, а то купцам не надобе“ [4]). В 1406 г. Ревель требует „чистого пути“ для немецких купцов и в том случае, если мир между Новгородом и магистром ливонского ордена нарушен и войска стоят друг против друга. И в соглашении между Ганзой и царем Иваном Васильевичем 1487 г., которым устанавливается мир на 20 лет, говорится, что

[1]) Hans. Urkundenbuch. II. № 339. III. № 149.
[2]) Ibid. II. №№ 614. 615.
[3]) Ibid. IV. № 397.
[4]) Русско-ливонские акты, № CXV.

война с Швецией, Ливонским орденом или Нарвой не должна затрагивать немецких купцов [1]).

Из приведенных соглашений, однако, не ясно, идет ли речь о свободном от'езде или же о праве оставаться в Новгородской земле и во время войны. Никитский толкует постановление 1269 года в первом смысле; А. С. Мулюкин и Гетц — в последнем. Что купцы не должны иметь никакого касательства к войне, что им дается чистый путь водой и горой без всяких препятствий, насколько простирается владычество Новгорода, можно понимать любым образом. В пользу второго толкования как будто говорит то обстоятельство, что во всех этих документах нигде не указано срока, тогда как в случае, если бы им предоставлялось лишь право беспрепятственного выезда, должно было бы быть установлено время, в течение которого они обязаны закончить свои операции и покинуть Новгород, как это находим в других странах в такого рода случаях. Кроме того, если бы ганзейцы не добились в Новгороде того же права, как во Фландрии, в Бургундии и т. д., т. е. права оставаться в его пределах, они несомненно делали бы попытки достигнуть этой цели, не ограничиваясь одной возможностью покидать страну, а таких попыток мы нигде в источниках не замечаем. Поэтому более вероятно предположение, что во время войны между Новгородом и другими странами ганзейцам давалась возможность продолжать свои торговые операции в Новгородской области и ездить в ее пределах, поскольку простирается владычество Новгорода. И тут характерно, что речь идет повсюду лишь о войнах Новгорода, которые не должны затрагивать ганзейских купцов, но нигде не упоминается о новгородцах, которые могли бы быть настигнуты войной в немецких городах,—доказательство слабости активной торговли Новгорода. На практике, впрочем, это постановление принадлежало также к числу выполняемых весьма мало. Немцы неоднократно жаловались, что русские, отправляясь в поход, чинят им препятствия. А в то же время магистр ливонского ордена во время многочисленных войн с Новгородом заставлял ливонских купцов прекращать торговлю с ним, хотя немецкие купцы и ливонские города просили не смешивать их дела с политикой ордена [2]).

В интересах личной свободы купцов устанавливается уже в договоре 1195 г. (ст. 13) положение: „немчина не сажати погреб Новегороде, ни новгородца в немцех но иемати своие

---

[1]) Hans. Urkundenbuch. V. № 695. Goetz. § 34.
[2]) Goetz. p. 53. 137.

оу виновата“. Такое освобождение должника от задержания и заключения в темницу и вообще неприменение этой меры в гражданском процессе повторяется затем в договоре 1269 г. (ст. 10): „если новгородец сделает долг на Готланде, то его нельзя посадить в погреб; равным образом не должно делать сего в Новегороде немцам или готландцам“. В латинской грамоте прибавлено, что в этом случае гость, обиженный русским, должен приносить жалобу тысяцкому и тиуну новгородскому, а новгородец, обиженный гостем, должен жаловаться альдерману немецкому. Запрещение ареста находим и в позднейших соглашениях, напр., 1466 г., которое вызвано, вероятно, задержанием русских и насилием над ними в Ревеле и Дерпте. Но и это постановление едва ли выполнялось лучше, чем другие, приведенные выше, касающиеся свободы личности купца и его имущества. По крайней мере, постоянно жалобы раздаются на то, что новгородцы, вопреки договорам, бросают в темницу немецких купцов, а немцы новгородцев. Но здесь высказан тот же принцип относительно неприкосновенности личности, что и в других ганзейских привилегиях. Так, во Фландрии было установлено в 1307 г., что, в отличие от общего правила, согласно которому должник подвергался личному задержанию, ни один немецкий купец или слуга его не должен быть задержан за долг, если он представит залог или поручителя. В более ранней грамоте графини Маргариты Фламандской (1252 г.) ганзейцы и в случае личных столкновений или совершения некоторых преступлений (напр., нанесения побоев) свободны от ареста при наличности поручителя или внесения суммы в размере предполагаемого штрафа. Привилегия шведского короля Магнуса 1278 г. освобождает немецких купцов от заключения в тюрьму или в оковы, в случае наличности поручителей, если за совершенное действие виновному не угрожает отсечение головы или руки [1]).

Что касается самого суда, то для суждения по тяжбам между немцами и новгородцами образуется, по договору 1269 г. (ст. 11), во дворе св. Иоанна особый „гостинный суд“ (placita hospitum), т. е. суд для иноземных купцов, именно смешанный суд из посадника и тысяцкого и представителей от купцов (немецких и новгородских), а также (по латинской грамоте 1268 г.) при участии альдермана ганзейцев. Это повторяется и в жалобах немцев 1335 г., где говорится, что купеческий суд должен происходить во дворе св. Иоанна, а не в ином месте, в присутствии тысяцкого и двух немецких альдерманов. Такой же смешанный суд встречаем и в других ганзейских привилегиях, напр., английских

---

[1]) Hans. Urkundenbuch. I. №№ 433.818.

королей Эдуарда I 1303 г. и Эдуарда III 1354 г., брабантского герцога Иоанна 1315 г. [1]).

Суд должен был в интересах торговли совершаться скоро; бесконечные процессы того времени совершенно не годились для купцов, они погубили бы всякую торговлю. Ганзейцы поэтому (как и другой торговый народ средневековой эпохи—итальянцы) всегда настаивали на быстром разрешении всяких споров. В статутах немецких городов читаем, что суд для гостей должен производиться „немедленно“, „через ночь“, т.-е. на другой день, во всякое время; иногда постановлено, что он может происходить даже ночью, в праздник, в любом месте, кроме церкви, бани и кабака, хотя бы и на улице, причем это относится именно к делам, возникающим по поводу долгов и движимостей, т.-е. товаров, иначе говоря, именно к области торговли [2]).

Во Фландрии, согласно привилегии 1252 г., если немецкий купец задержан при от'езде, решение суда должно быть вынесено в трехдневный срок. В других фламандских постановлениях дела иностранцев подлежат разрешению в 3—8 дневный срок, независимо от того, явилась ли в этот срок противная сторона на суд или нет [3]). О „скором суде“, о „немедленном и быстром разборе дела“ читаем и в английских постановлениях относительно прав иностранных купцов 1303 и 1353 г.г., как и в привилегии 1315 г. для иностранных купцов в Антверпене [4]).

Однородное предложение находим в латинской грамоте 1268 г. Укравший что-либо у немца в пути судится тиуном Ижорской области или Новгорода, в зависимости от того, где кража совершена; если же последний в течение двух дней не явится, то немецкие купцы имеют право прибегнуть к самопомощи, сами судить виновного, и это не должно быть им поставлено в вину, т.-е. не должно последовать никаких репрессалий за самоуправство. Ганза, следовательно, добивается здесь тех же прав, которые ей были предоставлены в других местах, желает избежать волокиты в рассмотрении жалоб немецких купцов. Однако, как указывает И. Е. Андреевский, новгородцы не могли предоставить немецким гостям право судить преступника из русских, если не являлся тиун [5]). Поэтому в договоре 1269 г. просто го-

[1]) Hans. Urkundenbuch. II № 31 § 6. № 266. §§ 6, 7, 11. III. № 298.

[2]) См. Schultze. Gästerecht und Gastgerichte in deutschen Städten des Mittelalters. Histor. Zeitschr. 1908, p. 503 сл.

[3]) Bahr, p. 77—78.

[4]) Hans. Urkundenbuch. II. № 31. §§ 5. 8 № 266. §§ 11. 20 III. № 571 §§ 2. 18. 19.

[5]) Андреевский. О договоре Новагорода и т. д., стр. 13. К этому он прибавляет: еслибы тиун не явился, то можно было прибегнуть

ворится, что вора следует везти в Альдаген (Ладогу) или Новгород, смотря по тому, в какой части пути будет учинена кража, но о суде купцов ничего не упоминается. Нет в договоре и тех наказаний, которые налагаются в латинской грамоте за воровство. В последней установлено за маловажное воровство две гривны кун, за большее—наказание розгами и клеймение на щеке или 10 гривен серебра, за очень крупное—смертная казнь. Карамзин подчеркивает, что новгородцы не могли согласиться на такого рода наказание, ибо по русским законам вор откупался деньгами. В договоре о наказаниях за воровство не упоминается вовсе, но надо думать, что они заключались в вире, а не в телесном наказании или смертной казни, ибо и в последующих статьях того же договора, трактующих о нанесении ран или ударов и даже об убийстве (ст. 22—25), полагается уплата деньгами.

Другую группу постановлений составляют те статьи договора 1269 г., которые касаются немецких подворьев в Новгороде. Впрочем, таких статей весьма немного, гораздо больше их содержит латинская грамота 1268 г. Для своего гостиного двора немцы устанавливали особые правила, именуемые „скры", которыми определялся порядок разбирательства споров между немцами, наказания их за преступления, как и условия пользования двором и ведения торговых операций (см. ниже, гл. V). О немецких подворьях упоминается уже в договоре 1259 г. (ст. 5)—„а которых треие дворць впросили ваша братья посли, а тех ся песмы отстоупили по своиеи воли". Новгородский князь (Александр Невский) заявляет, что он великодушно отдал немцам просимые дворы, но надо думать, что они пользовались этими дворами уже раньше, и это было лишь подтверждением прежнего обычая. С этими дворами, как всегда с подворьями иноземных купцов (фондако на Востоке), были соединены церкви, в данном случае католические, в которых, как наиболее безопасных местах, хранились нередко товары. Между тем новгородская летопись сообщает, что уже в 1152 г. сгорела „варяжская церковь", а в 1217 г., по той же летописи, при новом пожаре ее, сгорело большое количество товаров. Так что, повидимому, подворье существовало уже в половине XII ст. В грамоте 1268 г. (ст. 9) немцы требуют признания за ними со стороны Новгорода права самоуправления—немецкий и готский дворы должны быть свободны и новгородцы не могут вмешиваться в постановления, касающиеся людей или товаров,

к другому средству, которое и найдено в договоре—везти такого преступника на суд, законами новгородскими устроенный, либо в Ладогу, либо в Новгород. Но, повидимому, именно об этом и говорится в грамоте, когда речь идет о тиуне, и только предусматривается случай отсутствия его в течение двух дней.

вопросов купли-продажи. Дворы должны пользоваться свободой и в том смысле, что скрывшегося во дворе преступника никто не обязан выдавать. Эти положения, повидимому, не были полностью признаны Новгородом—он всегда требовал выдачи бежавших туда преступников, как и вмешивался в различные дела подворьев. Что же касается разбора тяжб и иных столкновений между немцами, то смоленские договоры 1229 и 1250 г.г. предоставляют им в этом отношении полную свободу; возможно, что и Новгород стоял на этой точке зрения.

Далее, между дворами немецкими на улице не должна быть терпима „неистовая забава, в коей люди бьются дрекольем, дабы русские и гости не имели повода к ссорам". Речь идет, повидимому, о старинных обычаях, сохранившихся на Руси еще с языческих времен и выражавшихся в разного рода игрищах, соединенных с драками, которые нередко кончались убийствами. И это постановление в договор не вошло. Но характерно во всяком случае, что немцы требуют такого запрещения, чтобы избежать всяких возможных столкновений с новгородцами. Незначительное недоразумение могло ведь явиться исходной точкой для насилий, убийства и ограбления купцов и разрыва между Новгородом и Ганзой.

В связи с этим находится и другое требование немцев — не застраивать свободного пространства между немецкими дворами и двором Ярослава, как установлено — говорится в грамоте—князем Константином Всеволодовичем (в 1205—07 гг.), а равно не занимать этих мест складами дров. Причина заключается отчасти в опасности пожаров при скученности построек или от загоревшихся дров, отчасти же вообще в желании отделить поселения немцев от новгородских жилищ и построек, создать своего рода свободную нейтральную черту между ними и устранить непосредственное соприкосновение. Как мы видим, не только немцы настаивали на этом, но еще раньше новгородским князем было издано такое распоряжение, на которое немцы ссылаются.

С этой точки зрения весьма существенной являлась ограда гостиного двора, которая отделяла поселение немцев от прочего Новгорода и устанавливала черту, где начиналась их фактория, куда доступ новгородцам был запрещен. Поэтому-то они придают большое значение устройству и сохранению ограды и праву ее чинить и обновлять, в случае необходимости (в латинской грамоте 1268 г. ст. 13, 15). В ст. 13 договора 1269 г. установлена наказуемость на те случаи, когда кто-либо сломает ворота или ограду немецких дворов. В немецком проекте сломавший ворота или забор

двора или пустивший в него стрелу или камень должен заплатить 10 гривен серебра, — наказание высокое, такое же, какое полагается за убийство купца. Всякая порча ограды или ворот или бросанье стрелы или камня, будучи само по себе, быть может, преступлением небольшим, приобретает крупное значение, ибо является нарушением мира и неприкосновенности фактории. Новгородцы, однако, тут же (ст. 13 договора) прибавляют, что там, где выломана старая ограда, должна быть поставлена новая, но она не должна быть передвинута дальше, чтобы не было захвачено новое пространство. Новгородцы заботятся о том, чтобы немцы не расширяли своей территории

Наконец, та же идея выражена в ст. 12 договора, в которой трактуются случаи наиболее резкого нарушения мира в виде похищения товара или насилия над купцами в пределах иностранной фактории (вся суть именно в последнем). В договоре говорится только о предании виновного суду, тогда как в латинской грамоте немцы идут гораздо дальше: вломившийся в немецкий или готский двор с оружием в руках платит 20 гривен серебра, т.-е. сумму, полагающуюся за убийство привилегированного лица (посла, священника, ольдермана), а сообщники $1^1/_2$ гривны (то, что установлено за нанесение раны или увечья), сверх возмещения нанесенного убытка; если же не будет уплачено, то отвечают новгородцы. Эти наказания имеют место, если совершивший преступление не был тут же задержан. В последнем случае он подвергается расправе со стороны немцев, и начальство новгородское за него не вступается. Или же они могут предать его суду, и „тогда его должно наказать всенародно“ [1]).

Ряд статей договора 1269 г. (и латинской грамоты 1268 г.) дает нам картину того, как совершался транспорт немецких товаров в Новгород. Прежде всего мы узнаем (ст. 4), что лодьи, куда выгружались товары из морских кораблей для перевозки их по Волхову, нуждались в особых лоцманах, которые проводили их через пороги (существующие на Волхове и в настоящее время). Это должны быть „сильные и умелые люди“, „добрые люди“, в противном случае, как показывал опыт, лодьи застревали и гибли на порогах. Лодьи должны были транспортироваться на порогах „безостановочно“, „немедленно“, так как всегда возможно было нападение на суда. Бывали случаи, когда

---

[1]) Так переводит слова: „pena publica punietur“ Андреевский (стр. 28), тогда как Гетц (стр. 125) понимает их в смысле смертной казни, хотя он и признает, что русскому праву было известно убийство лишь на месте преступления, но не впоследствии, почему новгородцы и не согласились на это требование немцев.

немцы подвергались ограблению „потому, что новгородцы не желали везти товаров в Новгород немедленно", как это было в начале XIV ст.

Во время поездки происходили нередко ссоры и драки между немецкими купцами и русскими лодочниками. Договор (ст. 8) определяет, что если стороны вслед за этим примирятся, то на этом дело кончается, в противном же случае они должны явиться к судебному разбирательству перед тысяцким и новгородцами во двор св. Иоанна, где—как мы видели—вообще разбирались споры между немцами и новгородцами.

Спорным являлся вопрос относительно тех случаев, когда лодья потерпит аварию. Взгляды немцев и новгородцев на этот счет расходились. Конечно, и новгородцы не требовали, чтобы немецкий купец покрывал стоимость судна, но только они находили, что он должен уплатить полную наемную плату за лодью и не только в том случае, если она потерпит крушение, будучи уже нагружена товарами, но и тогда, когда это произойдет на пути к месту погрузки. Они исходят, следовательно, из того, что договор найма действует уже со времени отхода судна из Новгорода. Немцы же заявляют, что они платить не должны, если лодья потерпела крушение, еще не будучи нагружена товарами; если же она уже приняла товар, то, в случае аварии, уплачивается только за пройденный с грузом путь. Кроме того, они не желали платить в случае несвоевременного прибытия лодьи к месту погрузки. В договоре получила выражение точка зрения новгородцев (ст. 7): если разобьется лодья, отправившаяся за товарами или нагруженная ими, то за лодью не должно платить, а за наем ее должно заплатить. Последнее понималось в смысле обязанности уплаты полностью за весь путь, хотя бы немецкий купец вовсе не воспользовался судном, ибо оно потерпело крушение, еще только отправившись из Новгорода за грузом. Это можно усмотреть из жалоб немцев от 1335 г. по поводу того, что новгородцы требуют „уплаты полностью за наем судов, погибших по дороге" [1]).

По прибытии судов в Новгород товары необходимо было перевезти на возах или перенести в гостиные дворы немецких купцов. Перевозчики товаров в Новгороде (ст. 9) получают с каждой лодьи за доставку к немецкому двору 15 кун, к готскому—10 кун, а при вывозе товаров из Новгорода за перевозку до берега по полмарки с лодьи. Из того, что за перевозку товаров на немецкий двор уплачивалось в полтора раза больше, чем за доставку их на гот-

[1]) Hans. Urkundenbuch. II. № 569. § 17.

ский двор, Сарториус делает вывод, что последний находился ближе от берега Волхова, чем первый, и, следовательно, по его мнению, и возник ранее, чем немецкий, ибо раньше поселившиеся, вероятно, избрали наиболее удобное место [1]).

Во всех этих статьях, касающихся транспорта товаров, как мы видим, речь идет только о немцах в Новгороде, но ни словом не упоминается о перевозке русских товаров в немецкие города, причем, с одной стороны, фигурируют немецкие купцы, а с другой—русские лодочники, проводники на порогах, извозчики, в других источниках и переносчики товаров. Повидимому, Новгород не предоставлял немцам права пользоваться собственными средствами транспорта и своими людьми, желая сохранить исключительно за новгородцами и эту отрасль деятельности. Что это было так, можно усмотреть из того, что немцы не только возмущаются чрезмерно высокими требованиями, пред'являемыми им со стороны извозчиков и носильщиков в Новгороде, указывая на то, что русских купцов не обирают подобным образом в ливонских городах, но прибавляют к этому, что русским купцам в этих городах дается возможность транспортировать товары самим или при помощи своей челяди. Во время переговоров между Ревелем и Новгородом, происходивших в Дерпте в 1416 году, немцы настаивают на предоставлении и им этого права в Новгороде. В 1423 г. представители Новгорода, Любека и 73 ганзейских городов в конце концов добились того, что немцам было дозволено самостоятельно транспортировать грузы небольших размеров. Кроме того, они, как видно из латинской грамоты, могли держать лошадей для перевозки товаров сушей до Новгорода [2]).

И в Дании в 1328 г. им было дано право пользоваться собственными повозками, а во Фландрии в 1360 г. было разрешено производить разгрузку товаров своими людьми, но вообще именно во Фландрии транспорт товаров и владенье буксирными лодками, наряду со сдачей в наймы ганзейцам (и итальянцам) судов, амбаров, складочных помещений, квартир (и с маклерским промыслом), считался весьма выгодным занятием местного населения, которое производило эти подсобные к торговле профессии, предоставляя самый товарообмен всецело иностранцам [3]).

Еще до прибытия в Новгород, на пути туда—в Гестевельде (т.-е. повидимому на Гостинопольской пристани),

[1]) Sartorius-Lappenberg, B. II, p. 99.

[2]) По прибытии в Ну (т.-е. в Неву), им разрешалось рубить деревья для мачт (как и для дров) по обеим сторонам реки (ст. 2).

[3]) См. мои Лекции по истории экономическ. быта Зап. Европы. 6 изд. I. 170—71.

немцы обязаны уплачивать пошлину—столько, сколько платилось издавна, но не более (ст. 5). Немцы в своем предложении определяют точнее размер этого сбора, который устанавливается в наиболее примитивной форме—по количеству судов, независимо от размеров их груза. Сбор составляет марку кун, но с судна, нагруженного мясом, мукой или пшеницей—полмарки, а суда с прочими с'естными припасами из'яты от обложения. Характерно, однако, что в других источниках нигде не упоминается об уплате пошлин немцами в Новгороде, в договорах же немцев со Смоленском 1229 и 1260 г.г. установлена для них свобода от всяких пошлин, как это в виде исключения делалось для ганзейцев и в других странах. Поэтому Ризенкампф и Гетц считают возможным, что и в Новгороде они не подлежали никаким пошлинам, по крайней мере, торговым сборам в тесном смысле—привозным, вывозным, рыночным. От последних, по их мнению, следует отличать весовой сбор, имеющий пошлинный характер [1]), который, само собой разумеется, взимался и с немцев в Новгороде [2]). Однако, как мы увидим ниже, смоленский договор такого из'ятия от пошлин не знает, да и вообще делать на этом основании вывод о свободе немцев от сборов в Новгороде едва ли возможно.

Из договора 1260 г. мы узнаем, что взвешивание пудами по просьбе немцев упразднено: „поуд отложихом, а скалви поставихом по своиеи воли и по любви". Новгородский князь Александр Невский, заключивший договор с немцами, заявляет, что он сделал это добровольно и из особой любезности к немцам, хотя несомненно это было совершено по настоянию последних. Однако, из ст. 26 договора 1269 г., как и из других соглашений, видно, что взвешивали все же не на немецкие, а на русские весовые единицы, применяя капь, обычную в Новгороде. Так что победа немцев, выразившаяся в постановлении 1260 г., была лишь частичная, заключаясь главным образом, повидимому, в том, что они избавились от неудобных для них пудов, заменив их капями в 8 ливонских фунтов (как говорится в латинской грамоте). Повидимому, и самые весы стояли на немецком дворе—латинский текст следует очевидно понимать в том смысле, что „товары, привезенные гостем, должны взвешиваться в гостином дворе, подобно тому, как это делалось прежде на весовом дворе" (т.-е. русском, где находились весы). Это соответствует постановлению договора 1260 г. Но весовщик был, надо полагать, новгородец. В пред'являемых немцами требованиях назначенный весовщик должен целовать крест в уверение,

[1]) Т.-е. взимаемый за услуги, оказываемые торговцу по взвешиванью товара.

[2]) Riesenkampff, p. 74. 111. Goetz, p. 107.

что будет вешать одинаково для обеих сторон, а при взвешивании серебра гость может требовать вторичной поверки—очевидно, гости не очень доверяли весовщику и старались обезопасить себя от возможных с его стороны злоупотреблений. При этом в договоре 1269 г. (ст. 26) различаются весы и гири для серебра, с одной стороны, и для иных товаров, с другой, как это мы находим и в других местах, где торговали ганзейцы—в Лондоне в 1309 г., в Дортрехте в 1359 г., в Брюгге. Всегда различаются бо̀льшие весы для товаров и меньшие, но более точные, для взвешивания серебра, заменявшего монету; в виду высокой ценности серебра, нельзя было ограничиваться при взвешивании его огульным, приблизительным весом, как это было обыкновенно в те времена при взвешивании прочих товаров.

Во Фландрии, где ганзейцы вообще пользовались чрезвычайно широкими привилегиями, они не имели собственных весов (своего весового двора), но держали собственные нормальные весы и гири для проверки официальных весов, которыми все обязаны были пользоваться (жители, как и иностранцы, могли иметь в своих домах только небольшие весы с гирями до 60 фунтов). При этом и во Фландрии весовщики, как и маклеры, давали клятвенное обещание в том, что они не будут обманывать ни продавца, ни покупателя. Эту клятву они приносили при вступлении в должность в присутствии представителей от немецких купцов, что признавалось последними весьма важной привилегией [1]).

Этими постановлениями подтверждается то крупное значение, какое придавалось взвешиванию товаров в те времена, и не только на Руси, но и в Западной Европе. В большинстве случаев обходились еще без мер и весов, покупая и продавая товары на глазомер. Весы появляются первоначально, как и монета, только для рынков и на рынках, где совершались значительные обороты, причем они имели публичный характер, так же, как и монета. Пользоваться собственными весами не дозволялось, всякий при продаже товаров обязан был прибегать к публичным весам, установленным местной властью, и к назначенным ею весовщикам. Это вызывалось тем обстоятельством, что все операции куплипродажи должны были совершаться публично, на рынке, в присутствии свидетелей, ибо только тогда можно было быть уверенным в том, что они происходят без насилия [2]). Но причина состояла и в том, что весы так же, как и самое устройство рынка, чеканка монеты для него и т. д., должны были приносить доход тому, кому принадлежал рынок. На-

[1]) Bahr, p. 192 сл.

[2]) См. мои Лекц. по истор. экон. быта Зап. Европы, 6 изд. I. Стр 75 сл.

ряду с рыночными пошлинами, доходом от чеканки монеты получался и весовой сбор, уплачиваемый со взвешиваемых товаров. Из устава князя Владимира Святого конца X ст. мы знаем, что меры и весы находились под надзором епископов, а в Новгороде главный доход церкви св. Иоанна Крестителя заключался в платежах за пользование мерами и весами, которые хранились в церкви и находились в управлении двух церковных старост [1]). Новгородцы и пользовались „локотем Иванским", принадлежавшим этой церкви. Равным образом, в латинской грамоте 1268 г. немцы устанавливают, что нормальная мера длины должна храниться в немецком храме св. Петра.

Однако, несмотря на огромное значение, которое придавалось мерам и весам, требованию постоянной поверки их и замены испорченных гирь новыми, точности при взвешивании все же не получалось, ибо с одной стороны не было правильных гирь, а приходилось их нередко попросту заменять камнями, а с другой стороны, злоупотребления при взвешивании были весьма велики. В постановлении английского парламента 1353 г., касающемся иностранных купцов, говорится, что взвешивание должно производиться так, чтобы обе чаши весов были одинаковы и находились в равновесии, и чтобы никто не трогал их при взвешивании ни руками, ни ногами, ни иным чем-нибудь. И немцы в Новгороде жалуются в 1335 г., что при взвешивании воска или иных товаров весовщик давит на чаши рукой или ногой [2]). Сообщается и о взятках, которые давались весовщикам.

Если в отношении весов немцы добились уже в договоре 1259 года известных преимуществ, то ст. 20 договора 1269 г., согласно которой „кто, вступив с немцем или готландцем в торговые дела, испортит или растратит его товар, должен прежде всего удовлетворить гостей, а потом других, коим должен", хотя и является существенной привилегией для иноземцев, но такой, которая издавна существовала на Руси (она имелась—как мы видели выше—уже в „Русской Правде"), так что ганзейцам настаивать на ней и бороться из-за нее не приходилось. Новгородцы несомненно согласились на это постановление, как само собою разумеющееся. К этому присоединяется, как видно из следующей статьи (21) договора, и потеря свободы несостоятельным должником, который „выдавался головою на продажу" немцу—отношения рабства между иностранцами и русскими были возможны в древнее время [3]). В латинской грамоте говорится в дополнение к

[1]) См. Аристов. Промышленность древн. Руси. 207.
[2]) Hans. Urkundenbuch. II. № 569 § 10. III. № 571. § 9.
[3]) Сергеевич. Древности русск. права. I. 1909. Стр. 153. Мулюкин. Юридич. положение иностранн. купцов. 1912. Стр. 137.

этому, что заимодавец выводит на торг не уплатившего долга вместе с женой и детьми и волен увезти из Новгорода, если на торгу его никто не выкупит. Действительно, в 1284 г., князь Федор Ростиславич Смоленский выдает русского должника Армановича вместе с двором немцу Бирелю („выдал есмь Армановича и с двором немьцом"), причем на суде участвовали с ним вместе 6 бояр и 6 немцев [1]).

Однако, кроме рассмотренных нами вопросов, касающихся товарообмена,—вопросов о пошлинах, о взыскании долгов, о взвешивании товаров, имелся в те времена—как мы видели—еще целый ряд других, которые должны были регулироваться торговыми договорами. Из того обстоятельства, что купцам предоставлялось право свободного приезда в страну, еще вовсе не следовало, что они могли производить торговые операции в любом об'еме. Как мы указывали выше, торговая деятельность иностранцев ограничивалась в различных направлениях. Обыкновенно им не дозволялось торговать с другими иностранными или иногородными купцами, продавать товары в розницу, закупать их у местных жителей, в деревнях, тут же на месте перепродавать приобретенные товары и многое другое.

Как предыдущие договоры Новгорода с немцами, так и договор 1269 г., совершенно не касаются всех этих вопросов. Только в латинской грамоте 1268 г. немцы настаивают на том, чтобы им было предоставлено торговать с другими гостями, как в своих гостиных дворах, так и за пределами их, т.-е., повидимому, торговать с русскими купцами, приезжающими в Новгород из других областей. За пределы Новгорода, как упомянуто, немцы могли ездить, и установлено было, что возникающие там между немцами и местными жителями тяжбы должны решаться на месте и не касаются Новгорода. Об этих поездках немцев свидетельствует и сообщение новгородской летописи о нападении новгородцев на немецких купцов в Новоторжке в 1188 году. Но в данном случае немцы желают торговать с приезжими и в самом Новгороде, на что последний, надо полагать, не соглашался. Так, повидимому, следует понимать исключение этого постановления в договоре 1269 г. Действительно, в 1424 г. двух немцев, пытавшихся купить у литвина меха, повлекли за это на суд к св. Иоанну, где они и были присуждены к заключению в оковы. Когда же затем, по взятии арестантов на поруки, немцы требовали от тысяцкого раз'яснения, то тот, сославшись на недавно имевшее место взаимное потверждение руководствоваться во всем стариною, отвечал, что, на основании старины, нельзя торговать с литовцами.

---

[1]) Русско-ливонск. акты. № XXXVII.

Новгородцы крепко придерживались этого принципа; даже своим князьям они запрещали непосредственную торговлю с немцами. Уже в договоре 1270 г. читаем: „а в немецком дворе тебе торговать нашею братиею". Даже когда самостоятельность новгородцев приходила к концу, в договоре 1471 г., которым они признавали власть московского князя Ивана Васильевича, они еще выговаривают себе право исключительной торговли на немецком дворе. И точно также, заключив союз с польским королем Казимиром IV в 1470 г., Новгород подтвердил еще раз запрещение торговли гостей между собою в отношении польских и литовских купцов и сохранил за собой посредничество в торговле с немцами, „а гостю твоему торговати с немци нашею братьею". На это правило, господствовавшее в Новгороде, ссылаются и жители Полоцка в 1405 г.: „а с новгородьци немецкому купцю торговати, а промежи ими ходити нашему полочанину, занеже нас новьгородци не пустят у немечькии двор торговати без своего новьгородца" [1]).

Между тем в других странах ганзейцам удалось добиться права непосредственной торговли с другими иностранцами. Такое разрешение дано им и в Англии в 1303 г., и в Голландии в 1358 г. (Дортрехт), и во Фландрии в 1360 г. Уже в 1252 г. немцы предъявили такое требование во Фландрии, а в 1280 г., когда они перенесли свое складочное место из Брюгге в Арденбург, они ссылались на то, что в Арденбурге им предоставлено право торговли с гостями. При возвращении их обратно в Брюгге, они, повидимому, были и здесь наделены этой привилегией. По крайней мере, в 1304 г. Брюгге запретил иностранным купцам торговать между собой в розницу, из чего следует, что оптовая торговля между гостями была дозволена. На это указывает и грамота Брюгге, именно в 1282 г., т.-е. по возвращении обратно всех выехавших иностранных купцов, предоставляющая англичанам это право. Между тем, признание за купцами одной национальности права торговать с другими иностранцами означало в сущности распространение его и на этих прочих иностранцев, с которыми они могут заключать торговые сделки. Наконец, в 1307 г. это право официально признано за ганзейцами графом фламандским (они могут продавать, покупать и вообще торговать между собою или с кем другим по всякому способу купли-продажи), а спустя два года его подтвердил и г. Брюгге для городской территории [2]).

---

[1]) Русско-ливонск. акты. № CLIV. Никитский. 149—51.
[2]) Hans. Urkundenbuch. I. № 31 § 1. II. № 121. § 2. № 154 § 2. III. № 397 § 6. № 624. Bahr. ук. соч.

В привилегии, полученной немецкими городами у норвежского короля Магнуса в 1285 г., говорится, что немцы „могут все закупать наряду с жителями места, куда они приехали, т.-е. не только у горожан, но и у гостей и даже у крестьян",—им предоставлено, следовательно, право не только торговать между собою, но и вступать в непосредственные сношения с сельскими жителями, что обыкновенно в интересах местных купцов запрещалось [1]).

Таким образом в этом столь важном в те времена вопросе обнаруживается существенное различие между положением ганзейцев в Новгороде и правами, предоставленными им в других странах. Что касается права производить розничную торговлю, которого они также всегда усиленно добивались, то Никитский полагает, что они обладали им и в Новгороде. Он ссылается на постановление самой ганзейской конторы 1346 г., согласно которому ученики на немецком дворе в клетях могут продавать перчатки парами, синюю пряжу на фунты (но не меньше), полотна и грубые сукна полуфунтами, но не меньше, серу—на гривенки, иголки—дюжинами, любекские иголки на сотни, четки—полдюжинами, сафьян — фунтами, пергамент — полусотнями [2]). Кроме того, в начале XV ст. немцы жалуются на то, что новгородцы нарушают старинный обычай, препятствуя им заниматься разносной торговлей на улицах [3]). Однако, в то же время нам известны и другие постановления, изданные самими ганзейцами для новгородского подворья и относящиеся (как и приведенное выше) к половине XIV ст., в которых говорится, что „никто не должен продавать холст иначе, как целыми кипами или кусками", и что „запрещается кроить во дворе штаны и плащи или разрезывать сукно для продажи", т.-е. (технический термин) продавать его в розницу. Меха должны закупаться в количестве не менее 1000, 500, 250 штук. К этому прибавлено, что в случае нарушения запрещения розничной торговли, купцы сами же пострадали бы от этого [4]).

При таких условиях едва ли можно говорить о предоставлении немцам в Новгороде права торговли в розницу. Напротив, английская грамота 1303 г. дарует им право „пряности и бакалейные товары попрежнему продавать в розницу кому угодно". В 1366 г. им дозволена розничная продажа во Фландрии. С давних пор ганзейцы пользовались этим правом в Норвегии [5]).

---

[1]) Фортинский. Приморские вендские города. 1887. Стр. 251.
[2]) Никитский, 151.
[3]) Русско-ливонские акты. № XLVIII.
[4]) Новгородская скра, ст. 96. 100. Андреевский. Прил. I. 90—91.
[5]) Sartorius-Lappenberg. II, p. 271. Фортинский, 261. Schanz. Englische Handelspolitik. I. 391.

И определенные пути были указаны немцам, как это соответствовало гостиному праву. Князь Андрей Александрович (около 1301 г.) в соглашении с представителями немецких городов заявляет: „дахом им три пути горнии по своей волости, а четвертыи в речках, гости ехати без пакости на Божии руче, и на княжи и на всего Новагорода. Оже будеть не чист путь в речках князь велит своим мужем проводити сли гость, а весть им подати“ [1]). Устанавливаются только четыре определенные пути сушей (горой) и один водой, где даются и провожатые для охраны (конвой). Об этих указанных путях упоминается неоднократно и в Новгородской летописи (в 1242, 1268, 1435 г.г.). В 1346 г. Новгород запрещает ездить через Швецию, Пруссию, Курляндию, Эзель, допуская лишь путь из Риги, Ревеля или Пернова. Впоследствии (в соглашениях 1474 г., 1481 г., 1493 г.) каждый раз подчеркивается, что, в случае, если бы купец немецкий или русский заблудился и ненамеренно сбился с установленного пути, то следует указать ему правильную дорогу, но не производить над ним насилия и не отнимать у него товаров, что обычно делалось в случае езды неуказанным путем [2]). Из этих соглашений видно, что и русские в Ливонии обязаны были ездить определенными путями.

Во всяком случае, мы находим в Новгороде различные стеснения ганзейской торговли, от которых последняя была избавлена в других странах—в Англии, Норвегии, Фландрии. Причина заключается в том, что там ганзейцы пользовались гораздо большей силой и могуществом, чем на Руси. В Англии, как и в Норвегии, большую роль играла задолженность короля и аристократии немецким купцам, в силу которой и ради получения новых займов они вынуждены были соглашаться на всевозможные льготы, доходившие до того, что в Англии ганзейцы могли торговать не только с гостями в розницу, но и в селах непосредственно с крестьянским населением, совершенно обходя английское купечество, которое не могло развиваться при таких условиях; мало того, пошлины при вывозе и ввозе товаров ганзейцы нередко уплачивали в меньших размерах, чем сами англичане. В Новгороде мы не находим ни этих кредитных операций ганзейцев, ни того влияния князей и бояр, которое могло бы доставить иностранным купцам значительные выгоды. Власть князя была сильно ограничена, и—как мы видели—даже торговать с немцами он не мог непосредственно, а должен был обращаться к посредничеству новгородцев.

---

[1]) Русско-ливонск. акты, № XLVIII.
[2]) Goetz. §§ 33, 34. См. также Бережков, 151. Никитский, 105. Buck, 13.

Что касается Фландрии, то там условия в этом отношении были отчасти сходны с Новгородом, хотя и не вполне, но зато там местное население извлекало значительную выгоду из приезда немецких купцов (как и итальянцев), как благодаря возможности сбыта изделий широко развитой в то время во Фландрии шерстяной промышленности, так и вследствие производства ряда подсобных и торговых промыслов, которые находились в руках фламандцев. Таковы были профессии содержателей постоялых дворов и товарных складов, маклеров, нотариусов, корабельщиков, переводчиков и т. д., самую же торговлю в тесном смысле местное население всецело отдавало иностранцам. В Новгороде выгодное занятие сдачи иностранцам квартир и складов и содержания харчевен отпадало, так как немцы жили и хранили товары в своих гостиных дворах и в городе, во дворах русских селились, повидимому, лишь в виде исключения. Морского порта в Новгороде, в виду его континентального положения, не могло быть, что опять-таки лишало население многих существенных выгод, не было ни маклерского промысла, ни нотариусов. Оставалась одна лишь деятельность по перевозке товаров по Волхову и до гостиных дворов немцев, почему новгородцы, как мы видели, и монополизировали этот транспортный промысел. Но выгода получалась бы слишком небольшая, если бы новгородцы не сохраняли одновременно с этим в своих руках и посредничества в торговле между немцами и приезжавшими в Новгород русскими из других областей, как и вообще не старались бы по возможности удерживать торговые операции в своих руках.

В отличие от англичан, фламандцев, норвежцев, новгородцы не прекращали и собственной активной торговли с немецкими городами. В то время, как купцы других стран почти не выезжали за свои пределы, ибо ганзейцы вели с этим решительную борьбу, не допуская, напр., приезда англичан в Норвегию, фламандских судов в Балтийское море, в отношении Новгорода они вынуждены были терпеть нарушение их монопольного положения. Это обусловливалось в значительной мере выгодным расположением Новгорода в отношении ливонских городов, которые вообще стояли несколько поодаль от прочих участников ганзейского союза, в частности от Любека и иных вендских городов и вели отчасти самостоятельную политику. В эти находившиеся поблизости ливонские города и ездили новгородцы, тогда как их путешествия в прочие, более отдаленные местности, расположенные у Балтийского моря, повидимому, скоро прекратились. Как мы видели выше, уже договор 1260 г., в противоположность договору 1195 г., упоминает лишь о поездках на остров Готланд, но не на континент, причем и тут нов-

городцам приходилось пользоваться немецкими судами, за отсутствием собственного торгового флота. В этом отношении, следовательно, Новгород находился в равных условиях с прочими посещаемыми ганзейцами городами и местностями—в вендские города, как и в другие прибалтийские страны, никто из новгородцев не ездил, посредничество между ними принадлежало одной Ганзе.

Правда, новгородцы постоянно пред'являли немцам требование принять на себя ответственность за несчастные случаи или ограбление русских на море. Ревель в 1406 г., Рига в 1424 г., ливонский орден в 1420 г. возражали на это, что от морских разбойников немцы также страдают, как и русские, и отвечать за убытки русских „в открытых водах и морях они не могут". Новгород и впоследствии настаивал на этом (в 1436 г., 1468 г.), и отказ немцев в последнем случае являлся одной из причин разрыва между ними и новгородцами. Только в соглашении 1487 г. эта цель отчасти достигнута. Согласно новому постановлению, в случае, если новгородцы потерпят убытки на море от жителей 73 ганзейских городов, эти города обязаны разыскать виновных, и если они будут найдены, казнить их и отнятое имущество отдать новгородцам. Если пираты не принадлежат к ганзейцам, то Ганза, узнав о месте пребывания их, сообщает об этом в Новгород и всетаки, если она в состоянии изловить их, обязана и в этом случае казнить их и отдать товары новгородцам. В свою очередь и новгородцы обязались поступать подобным же образом в случаях разбойных нападений на немцев, если грабители находятся в пределах новгородской территории [1]).

Из всего этого, казалось бы, следует, что новгородцы совершали и впоследствии, еще в XV ст., путешествия по морю. Однако, едва ли это были поездки в вендские города и даже на Готланд. Без всякого сомнения речь идет о плаваниях в Ригу, Ревель и прочие приморские ливонские города. Из источников нам действительно известно, что новгородцы ездили в эти города морским путем, наиболее удобным и наиболее дешевым в те времена, тогда как перевозка товаров сушей при ужасном состоянии дорог была почти немыслима. Да и переговоры в XV ст. велись уже исключительно между Новгородом и ливонскими городами Дерптом, Ревелем, Ригой, и ответ на пред'являемое новгородцами требование, чтобы немцы возмещали им понесенные на море убытки, дают каждый раз эти города, ибо только их и касаются претензии торговцев.

В эти города новгородцы действительно отправлялись и не только в XIII—XIV, но и в XV ст. Это мы можем за-

[1]) Goetz, § 34.

ключить прежде всего из многократных случаев ограбления новгородцев в Нарве и на Неве, которые подавали им повод к насилиям над немцами и о которых мы отчасти уже упоминали выше. В других случаях источники прямо сообщают о пребывании новгородцев, как и псковичей, в ливонских городах. Так, в соглашениях 1342 и 1376 гг. по поводу воска и меха, привозимого русскими купцами, упоминается в качестве мест сбыта его Дерпт, Рига и Ревель, а также Готланд. В 1406 г. Дерпт выдает новгородцам „опасные грамоты", т.-е. охранные свидетельства для свободного проезда туда и обратно. В 1439 г. Новгород соглашается отпустить задержанных им немецких купцов лишь после того, как все русские купцы, захваченные в Дерпте и Ревеле, вернутся целы и невредимы со своими товарами в пределы новгородской области. В 1461 г. новгородцы жалуются на насилие и ущерб, причиненные им в Ревеле и Дерпте, и, повидимому, в связи с этими событиями в соглашении 1466 г. было установлено, что немцы не должны заключать русских в темницы, очевидно, в ливонских городах. Упоминается о русской церкви в Дерпте, где новгородцы имели собственные дворы, в 1481 г. о русском квартале в Дерпте, церквах и домах, а в договоре 1392 г. им предоставлено право торговать не только на территории епископа дерптского, но и далее за пределами заставы, находящейся на р. Эмбахе. Следовательно, новгородцы ездят не только в ливонские пограничные или приморские города, но и далее вглубь страны: „по пискупле (епископской) земле Юрьевского и по его городам горою и водою путь цист", „а что под пискуплим городом колода церес реку за замьком, а туды новгороцькому купцю путь цист" [1]). Наконец, в мирном договоре между Новгородом и Псковом, с одной стороны, и Дерптом и Ревелем с другой, установлено, что новгородским послам и купцам предоставляется „чистый путь" в дерптской области и право торговать любым товаром, а также ездить морем и сушей как в Дерпт, так и далее в Ригу, Ревель и Нарву. То же право устанавливается для псковичей, причем дерптские переводчики, помогающие им, не должны брать за это особого сбора, и псковичам разрешается рубка леса около Дерпта. Но, сверх того, псковичам предоставляются еще и столь важные права в Дерпте, как торговля в розницу и торговля с гостями, именно с приезжими из Риги, Ревеля и Нарвы. Это свидетельствует о существенной роли торговли псковичей в Дерпте, о том, что их активная торговая деятельность в ливонских городах достигала значительных размеров.

[1]) Русско-ливонск. акты. № CXV.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Характер немецкой торговли в Новгороде по статутам немецкого двора.

Наряду с договорами, заключенными Новгородом с немцами, мы находим еще другой источник, дающий возможность ознакомиться с характером и условиями товарообмена между Новгородом и немецкими городами—уставы, изданные немецким купечеством для немецкого двора в Новгороде и регулирующие жизнь немецкой фактории и торговлю ее с Новгородом. Договоры являются результатом соглашений между немцами и Новгородом, статуты же имеют односторонний характер, представляют собою своего рода правила внутреннего распорядка, автономно установленные немецким купечеством для ганзейской конторы в Новгороде. Эти статуты именуются „скра“ (skra); первоначальный смысл слова—отрезанное, почему Яков Гримм понимал его в смысле решенного, судебного решения, другие истолковывали этот термин как деление на части или отделы; указывали и на то, что скра означает кожу, пергамент, а затем и записанные на них памятники. В этом понимании оно встречается весьма рано в скандинавских странах: в 1118 г. Haflidaskra, законник, составленный Гафлидом, lögskrar—судебные книги о которых упоминается в норвежских источниках XII ст., hirdskra сборник, составленный при короле Магнусе в XIII ст. И впоследствии гильдейские статуты именуются в Швеции „gildeskra“, в Дании уставы товариществ называются „scra“. Мы находим этот термин в конце средневековья и в городах Вестфалии и Шлезвига, в смысле постановлений, статутов (schrae): „мы, консулы (магистрат) и граждане города Апенрада, установили следующие статуты нашего города, именуемые скра и записать велели“ (1335 г.). Название это появляется и в Гамбурге, в особенности же в Ревеле и в Риге в XV ст. в измененном виде schra, scrage, schragen; уставы рижских цехов именуются „schragen“. Повидимому, во всех

этих городах слово „скра“ заимствовано из Скандинавии и оттуда же оно перешло и в Новгород,—лучшее подтверждение того, что исходную точку в немецкой торговле с Новгородом составляет шведский остров Готланд с его купечеством, вслед за которым пошли уже чисто немецкие города [1]).

Новгородская скра сохранилась в целом ряде списков — Шлютер насчитывает семь списков, относящихся к эпохе XIII—XVII ст., некоторые из них встречаются в нескольких различных редакциях [2]).

Наиболее старинный список (первая скра) относится к XIII ст. и сам именует себя „скра“, составленной, „на основании обсуждения и постановления мудрейших всех городов немецких земель“. Эта первая скра не намерена вводить ничего нового, а записывает лишь издревле господствующее „на немецком дворе в Новгороде“ право для руководства всем посещающим этот двор. „Вот скра Новгородская. Да будет известно всем тем, кои здесь находятся и впредь сюда приезжать будут, кои видят эту скра и слышат, что от всего совета и по общему решению мудрейших мужей из всех городов немецкой земли, предписано это право, которое издревле соблюдалось и существовало в немецком подворье в Новгороде, блюсти и впредь всем тем, кто имеет обыкновение приезжать в упомянутое подворье водою и сухим путем (ст. I) [3]).

Шлютер полагает, что под мудрейшими всех немецких городов можно разуметь лишь собравшихся в Висби представителей купцов северной Германии, участвовавших в торговле с Прибалтийскими странами, ту организацию, которая именовалась „der gemeine Kaufmann“. За готландцами ведь последовали и немецкие купцы, отправлявшиеся из г. Висби и по примеру готландцев приобревшие землю и построившие свой двор в Новгороде. Он полагает поэтому, что в Висби и была составлена эта древнейшая скра, регулировавшая жизнь в общем для всех немецких купцов подворья и

[1]) Frensdorff. Das statutarische Recht der deutschen Kaufleute in Nowgorod. Abhandl. der königl. Gesellschaft der Wissenschaften, zu Göttingen. 1887. B. 33, p. 2 сл.

[2]) Впервые все списки собраны и изданы Шлютером в 1914 г. (Schlüter. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII — XVII Jahrh. 1914). Раньше были отпечатаны только некоторые скра. См. Sartorius-Lappenberg. Urkundl. Gesch. des Ursprungs der deut. Hanse. 1830. II. 16 сл. 200 сл. 265 сл. По-русски у Андреевского. О договоре Новагорода с немецкими городами и Готландом. 1855. Прил. I. Новгородские скра и в „Чтениях имп. общ. истории и древн. российских“. 1905. Кн. IV. Третья новгородская скра. Текст и рус. пер. с предисл. П. Таля.

[3]) Нумерация статей по Андреевскому, ук. соч.

желавшая сохранить старинные обычаи и на будущее время, превращая их в писаное право [1]).

Это предположение отчасти подтверждается и тем, что в последней (27) статье Готланду предоставляется особенно важное право—туда должны отправляться ежегодно остатки сумм, собранных во дворе св. Петра в Новгороде, и там должны они храниться в церкви св. Марии в Висби. В статье этой говорится, что „по старому обычаю постановлено немецкими представителями со всех городов, что имущество св. Петра... не должно помещаться ни в каком ином месте, кроме Готланда“. Из этого видно, что речь идет о древнем обычае, но что этот обычай оспаривается другими городами, которые выдвигаются наряду с Висби. Эти города уже добились того, что ключи от этой кассы, находящейся в Висби, хранятся у представителей не одного Готланда, а четырех городов—Висби, Любека, Зеста и Дортмунда. Хотя первая роль, следовательно, принадлежит Готланду, но ее начинают оспаривать у него и немецкие города — города Вестфалии, в особенности же Любек.

Вторая скра и знаменует собою второй период в истории ганзейской торговли с Новгородом, когда первой роли среди немецких городов добивается Любек. Это видно прежде всего из того, что в основу ее положено любекское право. Вторая скра состоит из двух частей—первая и меньшая содержит, с незначительными изменениями, первую скра, вся же остальная, если не считать немногих дополнений, заимствована, как выяснил, на основании детального анализа, Френсдорф, из любекского права. Многие статьи дословно повторяют соответствующие любекские постановления, в других лишь некоторые выражения изменены, соответственно иным условиям, имеющим место в Новгороде. Напр., вместо города Любека поставлен двор св. Петра, вместо любекского фохта ольдерман двора, вместо „мужчины или женщины“ только „мужчины“, ибо в Новгород женщины не приезжали; вместо заключения в башню—сажание в погреб; размер вир значительно понижен. В некоторых случаях составитель скра об'единяет в одну статью несколько постановлений памятника, из которого он черпает, или он прерывает изложение последнего необходимыми добавлениями, а затем вновь обращается к своему источнику и продолжает следовать ему [2]).

Френсдорф полагает, что вторая скра и могла быть составлена только в Любеке в конце XIII ст. На это указывает и следующее весьма важное постановление (ст. 81):

[1]) Schlüter. Die Nowgoroder Schra in ihrer geschichtl. Entwicklung vom XIII bis zum XVII Jahrh. Sitzungsberichte der gelehrten Esthnischen Gesellschaft. 1911.

[2]) Frensdorff, p. 11 сл.

„если бы среди купцов во дворе возникло сомнение по поводу того или другого права, которое не записано, то об этом должно быть доведено до сведения совета г. Любека, который охотно пришлет свое постановление для включения его в книгу“. Вслед за этим прибавлено в качестве заключения скра, что ее следует ежегодно читать от начала до конца — раз для летних гостей и раз для зимних (ст. 82). В копенгагенской редакции второй скра повторяется еще раз в ст. 86 положение, что, в случае сомнения, следует обратиться в Любек, и последний приложит старания к тому, чтобы его новое постановление облечено было в закон.

Напротив, в третьей — рижской редакции не только этой прибавки, но и первого постановления ст. 81 об обращении к Любеку не имеется, а идет непосредственно заключительная 82 статья о ежегодном прочтении скра. Здесь находим, следовательно, пропуск, и он действительно имеется в самом оригинале: последний содержит пустое пространство, на котором должно было быть упомянутое постановление, четыре строчки уничтожены, выскреблены.

Высказывалось предположение, что, здесь помещались те же слова относительно права Любека восполнить статут. Действительно, в 1298 г. рижский магистрат выражает свое сожаление по поводу уничтожения в статуте одного места, касающегося Любека, что сделано без его ведома и желания. Это заявление находится в связи с столкновением Риги с Тевтонским орденом, когда Рига обратилась за помощью к вендским городам и представители Любека и Висби явились в Ригу в качестве посредников для восстановления мира между ней и орденом. Повидимому, любекские послы, находясь в Риге, узнали об исключении этой статьи из скра, и Риге пришлось сделать упомянутое заявление [1]). В 1910 г., по просьбе Шлютера, была сделана попытка восстановить химическим способом стертые строки, и она увенчалась полным успехом. На пустом месте появились слова: „если бы среди купцов во дворе возникло сомнение по поводу того или другого права, которое не записано, то об этом должно быть... (пропуск) охотно пришлет свое постановление для включения его в книгу“. Слова, совершенно тождественные с теми, которые имеются в любекской и копенгагенской редакции. Только то место, где говорится „до сведения совета г. Любека“, т.-е. содержится самая сущность статьи, против которой Рига восставала, настолько основательно соскребли, что восстановить его не удалось; но на пустом пространстве несомненно были написаны эти слова [2]).

---

[1]) Frensdorff, p. 30—31.
[2]) Schlüter. Sitzungsber. 1911.

Это нежелание Риги предоставить Любеку право дополнять содержание скра является одним из эпизодов борьбы между Висби и Любеком за власть и за управление новгородской факторией. Во второй скра в приведенной выше ст. 81 (и 86) сухо выражен конечный результат этой борьбы, которая вероятно продолжалась весьма долго. Возможно, что это постановление не являлось чем-либо новым, а означало лишь признание уже ранее установившегося обычая, согласно которому возникающие при применении скра сомнения разрешал уже не Висби, а Любек. Что Любек этого добивался и что взгляды городов по этому вопросу расходились, мы узнаем не только из рижского списка скра, где соответствующее место исключено, в виду нежелания Риги подчиниться этому решению, но и из других памятников.

В 1293 г., во время с'езда немецких городов в Ростоке, повидимому, внесено было предложение обращаться не в Висби, а в Любек и разрешать дела по любекскому праву, причем саксонские города и ряд других единодушно высказались за это. Однако для того, чтобы это решение могло вступить в силу, необходимо было согласие и других городов, почему Росток и Висмар предложили им сообщить, согласны ли они с принятым решением. В архивах сохранились (отпечатанные ныне) ответы 26 городов, которым был послан своего рода бланк с заранее заполненным содержанием; они должны были прибавить только число и месяц и приложить печать города. Огромное большинство городов это и исполнило, лишь некоторые сделали известные оговорки или добавления; Рига же высказалась в пользу Висби, хотя и выражала готовность пойти на компромисс; на сохранении прежнего порядка настаивал и Оснабрюк, как видно из выраженной ему со стороны Висби благодарности. Висби при этом указывал на то, как затруднительно должно быть для купца, находящегося в Новгороде или на Готланде, покидая свое имущество, отправляться в Любек для рассмотрения там его дела. Однако, последнее вовсе не имелось в виду, ибо, как сообщал в 1298 г. представитель вестфальских городов, участвовавший на с'езде городов в Любеке, магистрату Дортмунда, дело сводится к тому, чтобы в случае сомнения, возникающего у немецких купцов в Новгороде, об этом через посланных людей писалось в Любек, который им в свою очередь пришлет письменный ответ.

Во всяком случае Любек, как видно из приведенной выше статьи, одержал полную победу. Еще в конце XIII ст. Висби упоминал о „купцах, посещающих Готланд и Новгородское подворье“, рассматривая Новгород в качестве какой-то прибавки к Готланду. Он разрешал все сомнения, возникавшие в Новгороде, но теперь вынужден был это важное право

уступить Любеку. Не только материальное право Любека вошло в статут, предназначенный для Новгорода, но и в процессуальной области апелляционной инстанцией являлся Любек. Иначе говоря, в Новгороде обязаны были руководствоваться нормами любекского права; если же возникал спор по поводу применения их или немецкий купец возражал против решения суда, то спорный вопрос опять-таки разрешался Любеком, который мог изменить решение суда, дать определенное толкование данной статье скра, пополнить последнюю новым постановлением [1]).

В третьей скра, относящейся к началу XIV ст. и немногим отличающейся от предыдущей, устанавливается—в этом заключается почти единственное отличие ее от второй скра—компромисс. Любек готов поделиться властью с Висби, последнему отчасти удается восстановить свое влияние. „Да будет известно—читаем в ст. 18—что все правовые вопросы, которых касается эта книга, подлежат разрешению на основании ее. А если бы возник какой-либо новый вопрос права, который не разрешен в этой книге, то ольдерман и мудрейшие должны решать его по уполномочию обеих сторон. В случае, если кто-либо пожелал бы оспаривать решение, то он должен внести в казну св. Петра 3 марки серебром. Ольдерман и мудрейшие по полномочию сторон должны об этом написать городу и правительству Любека и городу и правительству Готланда... И о своем решении они должны довести до сведения Новгорода. Последний должен внести это право в книгу“. Что касается сумм св. Петра, которые, согласно первой скра, отправлялись в Висби, то теперь они должны отсылаться попеременно „один год на Готланд, другой в Любек“ и отчет об этих деньгах следует дать в Новгород. (ст. 69).

Первые три списка статутов находятся в тесной связи между собою, ибо первая скра включена и во вторую и третью, и третья, если не считать указанных двух статей и еще немногих других, не отличается от второй.

Скра четвертая, пятая и шестая в свою очередь образуют особую группу. Четвертая скра, состоящая из 16 отдельных частей, составлена в 1315-1355 г.г. и совпадает в некоторых отделах своих с другими постановлениями. Она отличается богатством содержания, дает ряд правил, касающихся порядка управления новгородским подворьем, безопасности его, условий торговли, рисует яркую картину жизни и деятельности немецких купцов в Новгороде.

Влияние Любека и здесь резко обнаруживается, хотя Висби еще и теперь не отказывается от своих прав. В первой

[1]) Frensdorff., p. 9, 26 и сл.

скра говорится, что ольдерман двора, как и ольдерман св. Петра (они различаются) могут быть избраны из числа купцов любого города, во второй скра это указание пропущено, в четвертой они избираются только из представителей Любека и Висби попеременно, причем избирают их выборные от этих городов. Точно также священник и „мудрейшие" определяются этими двумя городами. Таким образом управление новгородским двором находится всецело в зависимости от этих двух городов, а так как в 1361 году Висби был занят и разграблен датским королем Вальдемаром и постепенно стал приходить в упадок, то новгородская фактория очутилась в руках Любека.

В пятой скра, почти целиком повторяющей четвертую и относящейся к концу XVI ст., обнаруживается уже важная роль ливонских городов в управлении новгородским подворьем. В этот статут включено постановление ганзейских городов 1361 г., согласно которому имеют силу только те принятые в Новгороде решения, на которые дали свое согласие Любек, Висби и ливонские города Рига, Ревель и Дерпт.

Однако, Рига не ограничилась этим приобретением, требуя для себя и дальнейших прав. Уже в 1360 г. ей принадлежал один из ключей казны св. Петра. В 1363 г. она стояла во главе одной из третей двора, ливонской, наряду с Любеком и Висби. Тогда же постановление о выборе ольдермана попеременно из представителей Любека и Висби было заменено правилом, что он может избираться из жителей любого города, если только принадлежит к немецкой Ганзе. Это обстоятельство, повидимому, подало повод для претензии со стороны Риги в том смысле, чтобы раз в три года должность ольдермана замещалась представителем Риги [1]). Из этого ничего не вышло, ибо Любек ни с кем не желал делить своей власти над Новгородской конторой. Однако, он не мог устранить все более возраставшего влияния ливонских городов, которое, как мы видели, резко обнаруживалось при

---

[1]) Чтобы добиться этого права, Рига готова была теперь признать вновь выдвинутое Любеком требование о том, что снова во всех сомнительных случаях новгородская контора должна обращаться исключительно к нему. Однако, надежды Риги не оправдались: Любек обратился по этому вопросу к Новгороду, но последний не нашел ни в писаном праве, ни в старинных обычаях каких-либо указаний на обоснованность требования, пред'являемого Ригой. И опрос старожил подворья не дал желательного для Риги результата, ибо невозможно было установить, чтобы ольдерман когда-либо избирался из числа рижан. Но и однородные требования Данцига и Торна в смысле избрания ольдермана и из их среды, как и представления статутов и на их утверждение, а не только пяти упомянутых городов, не привели ни к чему.

заключении договоров с Новгородом, как и с городами северо-западной Руси [1]).

Обращаясь к содержанию рассмотренных списков и пытаясь на основании их дать представление об условиях жизни немцев в Новгороде и характере их торговли, мы должны исходить главным образом из третьей скра, различая лишь те части ее, которые содержались уже в первой скра, как от тех, которые были присоединены ко второй, так и от тех, которые появились впервые в третьей [2]).

К наиболее старинным статьям, содержащимся уже в первой скра (первой пол. XIII ст.), относятся те, которые определяют организацию немецкого двора, органы его и порядок управления. Немецкие купцы отправляются два раза в год в Новгород—летом и зимою, почему и различается караван (адмиралтейство) летних и зимних гостей. Каждый из них, по прибытии в Неву, избирает из своей среды двух ольдерманов (старейшин)—ольдермана двора и ольдермана св. Петра. Ольдерман двора, с своей стороны, избирает себе в помощники четырех мужей—ратманов, „мудрейших", как они названы в 3-ей скра. Эти ольдерманы первоначально—как мы видели выше—могли избираться из представителей любого города, впоследствии же (скра 4-ая) только из жителей Любека и Висби попеременно посланными этими городами лицами. Отказ от избрания на эти должности не допускался. Согласно 3-ей скра, если выбранный в ольдерманы „не захочет принять должность по доброй воле, то следует его упрашивать. Если он не захочет внять просьбе, то следует просить его трижды от имени подворья. Если он и этого не примет в уважение, то должен уплатить подворью 50 марок серебром",—сумму весьма крупную. Однородная, хотя и более низкая пеня (в 10 мар. серебр.), установлена и в случае отказа войти в состав „мудрейших".

Ольдерман подворья стоит во главе всего управления двором. По приезде в Новгород, он имеет право выбрать

[1]) Точно также Дерпт замещает должность священника в подворье, Дерпт и Ревель вступают в соглашения с Новгородом от имени всего ганзейского союза, наконец, в 1446 г. с'езд ганзейских городов в Стральзунде хотя и поручает управление новгородской конторой Любеку, но последний передает его ливонским городам и в особенности устанавливает, чтобы немцы в Новгороде во всех затруднительных случаях обращались к ним, и, в частности, чтобы подворьем ведал Дерпт. См. Schlüter. Sitzungsber. 39-40. Hausmann. Balt. Monatsschr. B. 58, p. 257 сл.

[2]) Необходимо также иметь в виду отдельные изменения, имевшие место в особ. в третьей скра, по сравнению со второй, а также считаться с переменами, произведенными четвертой скра, и в особ. со значительными дополнениями к ней. Из последующих скра представляют интерес всего две-три статьи, остальные являются повторением четвертой.

во дворе дом, где желает поместиться с товарищами, и там поселить столько людей, сколько пожелает (ст. 3). Он созывает собрание купеческой общины—стевен, на которое все обязаны являться под страхом пени (ст. 4, 6). В случае каких либо столкновений между жителями подворья, об этом доносится ольдерману. Так, если ссора, происшедшая в пути, не улажена до прибытия в Новгород, то об этом извещается ольдерман (ст. 18). Если происходит ссора между купцами и их слугами, то об этом также сообщается ему (ст. 17). Наконец, в случае столкновений между учениками, если дело дошло до драки или убийства, об этом доводится до сведения ольдермана (ст. 16). В 3-й скра во всех этих местах слова „сообщается ольдерману" заменены словами „судит ольдерман", так что ему принадлежат и судебные функции. При этом—как прибавлено во 2-ой скра (ст. 71)—ольдерман и ратманы предварительно должны стараться помирить поссорившихся, а затем уже, в случае неудачи, судить их. В случае подачи жалобы на кого-либо из живущих в подворье и отказа его явиться на суд, он подвергается пене и кроме того ольдерман и ратманы должны вместе с истцом отправиться к клети, где хранится его имущество, и там положить решение по делу (ст. 45). Согласно первой скра из вир, уплачиваемых виновным, две части поступают в пользу св. Петра (казны св. Петра) и одну треть получает ольдерман пополам с ратманами (ст. 38—39, 41—42, 46, 52, 60). В 3-ей скра об этом отчислении из пеней в пользу ольдермана и ратманов не упоминается; штраф полностью поступает в пользу св. Петра.

Таким образом, мы имеем пред собою самоуправляющуюся единицу, немецкую купеческую общину, вполне организованную, с собранием членов и с должностными лицами, во главе которой стоит ольдерман подворья—представитель ее, судья, администратор, выполняющий, как и все прочие, эту должность лишь временно, пока он не закончил своих дел и не уехал обратно, и притом, по крайней мере впоследствии, безвозмездно. Ольдерману и ратманам запрещается принимать подарки свыше полумарки кун (ст. 65). Но исполнялось ли это? Не являлись ли эти подарки важным источником их доходов?

Все это относится, как кажется (из текста не ясно: говорится просто—ольдерман), к ольдерману двора, от которого следует отличать упомянутого выше ольдермана св. Петра. Последний, повидимому, ведал кассой св. Петра, грамотами и статутами, хранившимися в церкви, и товарами, в ней помещавшимися, следовательно, заведывал хозяйственной частью, сосредоточием которой являлась церковь св. Петра.

Купеческая община состояла из лиц троякого рода— из самостоятельных купцов, их слуг и учеников. Купцы образуют собрание общины (ст. 6), по прибытии в подворье бросают между собой жребий относительно занимаемых ими помещений (ст. 5), уплачивают определенный сбор в пользу двора (в виде процента с ценности привезенных товаров— ст. 22) и в пользу князя (ст. 23). Они обязаны поочередно охранять днем и ночью двор и ночевать в церкви (ст. 20). Купцы привозят с собой слуг или приказчиков („когда хозяин привез слугу"—ст. 11). Для начинающего купца эти путешествия в другие страны имели не меньше значения, чем для ремесленного подмастерья странствования по городам. Будущему купцу ведь предстояло торговать с иноземцами, всю жизнь свою проводить в поездках. Здесь-то он в молодости и узнавал торговые обычаи, учился торговать. Слуга производит продажу товаров по поручению хозяина (ст. 55). Но может случиться, что хозяин будет недоволен заключенной слугой сделкой; тогда слуга должен присягнуть, что он не может доставить товара покупателю и в этом случае он свободен от всякой ответственности. Это сказано во второй скра; напротив, согласно 3-ей (ст. 30), хозяин обязан присягнуть, что он не приказывал слуге продать, и тогда продажа считается несостоявшеюся. Таким образом для расторжения сделки в первом случае достаточно отказа со стороны хозяина, и действия слуги теряют свою силу, тогда как во втором продажа недействительна лишь в том случае, если окажется, что слуга действовал без согласия хозяина. Если же имелось распоряжение последнего, то сделку уничтожить уже невозможно. В 4-й скра предусматривается и случай, когда купец сам уезжает, но не успел распродать товар и поэтому ему предоставляется оставить слугу в Новгороде.

Наконец, с купцами приезжают и ученики. Они образуют особую группу с собственным старшиной (ст. 16), в их пользование предоставляется особая комната, поскольку она не занята товерами (ст. 10).

Мы имеем здесь, следовательно, пред собой обычное деление купеческого сословия на хозяев, слуг и учеников, подобно тому, как ремесленники состояли из самостоятельных мастеров, подмастерьев (слуг) и учеников. Такое же разделение на три ступени находим в рыцарстве и в церковной иерархии средневековья. Связь между этими тремя группами была теснее, чем впоследствии, ибо она основывалась на обязанности слуг и учеников работать у хозяина в течение всего продолжительного срока найма и подчиняться его приказаниям. Покидая хозяина или оказывая ему неповиновение, слуга нарушал правила дисциплины. Сообразно этому, в

1-й скра уже говорится о том, что слуга обязан помогать своему господину и не может оставить его без его согласия (ст. 13). В случае же непослушания хозяину, „если бы он был столь дерзок дорогою или во дворе“, он подвергается штрафу, причем для главного виновника пеня составляет огромную по тому времени сумму в 10 мар. сер., а для соучастников 2 мар. (ст. 16). Упоминание о последних допускает мысль о соглашении между слугами, о своего рода забастовке, которая в то время считалась особенно резким нарушением обязанностей слуг, бунтом и возмущением, направленным против властей. Однако, в то же время и хозяин обязан был взять с собой привезенного им слугу (ст. 11) и не мог рассчитать его в случае болезни (ст. 12).

Из двух групп немецких купцов, посещающих двор св. Петра, купцов, едущих водой, и тех, которые приезжают горой, первые, повидимому, пользовались преимуществами. По крайней мере, если ольдерман едущих водой по прибытии в подворье находит ольдермана сухопутных гостей, то последний обязан ему уступить место. Равным образом, сухопутные гости должны по прибытии приехавших водным путем постесниться ради них, очистить занятые дома и уступить им (ст. 3, 5). Шлютер об'ясняет эти преимущества едущих водой тем, что первыми немцами, явившимся в Новгород, были заморские купцы из Готланда, а затем из вендских и вестфальских городов—все они ездили морем. Лишь с течением времени, когда укрепилось владычество ливонского ордена, приобрели значение и ливонские города, из которых купцы ездили сушей. Последних долго лишь терпели и только постепенно они приобрели равноправие с заморскими купцами—ездящие горой сравнялись с приезжающими водой. Действительно, в 3-ей скра, хотя и говорится попрежнему, что сухопутные гости должны уступить место морским, но относительно ольдермана тех и других этого уже не сказано, а установлено лишь, что ольдерман подворья с прибытием нового ольдермана отказывается от своего звания (ст. 1).

Во второй скра предусмотрены различные виды преступлений, совершаемых членами купеческой общины, причем об'ектом являются, само собою разумеется, другие члены той же общины, а не новгородцы. Здесь и убийство, и нанесение ран, и побои, и удар в ухо, и оскорбления вообще ольдермана или ратмана в частности. За них полагается по общему правилу денежная вира, только за убийство смертная казнь и за увечье отсечение руки. Однако, и в двух последних случаях виновный может полюбовно уладить дело с пострадавшим (или его наследниками), ольдерманом или ратманами, иначе говоря, уплатить требуемую ими сумму

(ст. 40—42). Если бы он скрылся, то, в случае убийства, отдается только половина, а в случае нанесения ран две трети его имущества законным наследникам, остальное же получает потерпевший или его наследники, за вычетом известной суммы в пользу св. Петра (ст. 41—42). В двойном размере облагается увечье или побои, совершенные на кладбище, в церкви или в большой горнице, т.-е. в местах, являющихся убежищами или находящихся под особой охраной (ст. 52; в 3-й скра прибавлено: или в бане, где человек бывает голым, или в тайном помещении, куда люди ходят по своему делу— ст. 28). Усиленное наказание полагается—как поясняет статья—за нарушение мира. Это обычные постановления средневекового права. Аналогичная статья впервые внесена в 3-ей скра и относительно кражи в особо охраненном месте, именно в церкви или жилом помещении. В последнем случае виновный подвергается изгнанию из подворья, если же явится туда, то смертной казни. Допускается пытка (ст. 57). Она может быть применена и при обыске (ст. 58). Как указывает Френсдорф, столь ранних случаев применения пытки для выяснения истины мы не находим в других памятниках германского права [1]).

Наиболее строгое наказание полагается естественно за покушение на права немецкого подворья, т.-е. за всякого рода действия, подрывающие его самостоятельность. Это как бы преступление против правительственной власти, притом совершенное силой или скопом,—за него установлен штраф в 50 мар. серебра, при неуплате которого виновный заключается в тюрьму (сажается в погреб); сверх того он изгоняется из подворья навсегда (ст. 66). В 3-ей скра (ст. 56) прибавлено еще преступление, совершенное новгородцем против подворья или против немца. На это подается жалоба старшинам подворья, но также и тысяцкому новгородскому. Виновному может быть запрещено вступать в подворье в течение года, если он не даст возмездия за свою вину. Здесь речь идет в виде исключения о вине не членов общины, а посторонних лиц в отношении последней, причем самостоятельно подворье, конечно, не может налагать наказания на новгородца, а в состоянии только лишить его права посещать немецкий двор.

Наряду с наказаниями за преступления находим много случаев наказуемости всякого рода нарушений полицейского характера. В особенности 4-я скра содержит целый ряд постановлений, преследующих охрану порядка, безопасности,

---

[1]) Frensdorff. Abhandl. der königl. Gesellsch zu Göttingen. B. 34. T. 2, p. 18.

чистоты. Помимо упомянутых уже отчасти правил относительно пользования комнатами и клетями (для хранения товаров), относительно варения пива и меда, пользования дровами, имеется еще ряд статей, касающихся предупреждения пожаров, столь опасных в те времена, почему, напр., имелись особые сторожа, которые делали обход для надзора за огнем. Далее установлено, что тюки и бочки должны быть размещены в порядке, запрещено перелезать через забор, как и портить столы или скамьи, бросать солому, употребляемую при упаковке товаров, и многое другое.

Особое внимание обращалось на церковь. И не потому, что она являлась священным местом. Нет, с этой точки зрения она совершенно не рассматривается и о богослужении вообще нигде не упоминается. В этом отношении скра резко отличаются от цеховых статутов, где всегда на первом плане стоят религиозные обязанности членов. Правда, и здесь фигурирует священник, которого купцы привозят с собой и содержат на свой счет, но об его духовных обязанностях нет ни слова. Зато в 3-й скра (ст. 5) говорится о том, что священник обязан безвозмездно писать письма, необходимые св. Петру, т.-е. все официальные бумаги и документы для подворья. За известную плату он должен писать письма и для купцов. Из этого видно, что на первый план выдвигались светские обязанности священника. Он исполнял функции писца при подворье, крайне важные в те времена, когда большинство купцов не знало грамоты и когда выбранный ольдерманом купец не в состоянии был составлять необходимых в сношениях с новгородским правительством или с немецкими городами бумаг. Но и вообще не только в XIII, но и в XV ст. написать письмо считалось делом весьма сложным, и поэтому купцы и прибегали в своей коммерческой корреспонденции к помощи священника, обученного в монастыре.

Такой же характер, как деятельность священника, имели и функции самой церкви. Уже в 1-ой скра (ст. 25) читаем, что „никто не должен торговать в церкви св. Петра ни с каким русским, будь то новгородец или гость“ (иногородный), и за нарушение этого правила полагается высокий штраф в 10 марок серебра. В первой половине XIII ст. церковь, следовательно, служила для целей торговли, но только русских впускать туда для совершения торговых операций не дозволялось. Но и сто лет спустя положение не изменилось. Из 4-ой скра узнаем, что в церкви по стенам были расставлены тюки с товарами, причем около алтаря стояли бочки с вином. Как указывает Бук, различные скра упоминают о церкви почти исключительно как о товарном складе, и мы имеем основания предполагать, что она в первую очередь

была именно складом [1]). Этим об'ясняются те специальные меры охраны церкви от ограбления и от пожара, которые устанавливаются в скра,—особые ночные дежурства в церкви, особые смотрители за огнем, требование закрывать на ночь окна в церкви, двери ее задвигать болтами, тушить освещение на ночь и т. д. Мы уже видели выше, что в ранние эпохи истории торговли последняя всегда совершалась в храмах, как единственном месте, где можно было безопасно производить товарообмен. В частности такую роль играли церкви и на Руси. У ганзейцев они служили товарными складами не только в Новгороде, но и в Брюгге, Бергене и других местах. На чужбине это было наиболее верное место, где товары были защищены от разграбления и где и купцы искали убежища, в случае нападений на них со стороны местного населения. Нам известны случаи, когда во время столкновений с новгородскими жителями немцы скрывались в церкви и тем избегали опасности быть убитыми. В XIV ст. немецкая церковь в Новгороде была каменная, тогда как все остальные строения были деревянные, и это делало ее еще более ценной в качестве товарного склада, ибо при постоянных пожарах соседних деревянных построек она могла оставаться невредимой. Но, конечно, пожар внутри ее грозил гибелью хранившимся там товарам, что, при отсутствии страхования в те времена, являлось полным разорением для купцов. Приходилось поэтому прибегать к строжайшим постановлениям относительно пользования огнем.

Запрещение торговать с русскими в церкви, вызывавшееся нежеланием допускать их в это убежище, является уже одной из мер, регулирующих торговую деятельность немецких купцов в Новгороде. Если не считать установления обязанности для всякого купца до своего от'езда произвести расчет (ст. 26), то в 1-ой скра относящихся к торговле постановлений не найдем. Зато в следующих они появляются в значительном количестве. Здесь речь идет о случаях, когда немец везет товар других немцев по их поручению или когда они ведут торговлю в форме товарищества (ст. 70). Они могут ссужать друг друга деньгами или давать в долг товары; но каждый должен смотреть за тем, кому он дает взаймы. Ибо тот может продать или заложить полученное, и тогда заимодавцу придется его выкупать (ст. 76). Один может быть поручителем за долги другого (ст. 58, 64). По-видимому, должник, в случае невозможности ни уплатить долг, ни представить поручителя, или если он, взявши чужой товар, растратил или проиграл его, отдается в кабалу

[1]) Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des XIV Jahrh., p. 63.

кредитору. О таком случае отдачи одного немца в кабалу другому (об отдаче в кабалу русского немцу или наоборот предусмотрено, как мы видели, в договорах) говорится во 2-ой скра (ст. 53). Кредитор или господин может его держать взаперти и на привязи, но без ущерба для его здоровья, и обязан кормить его. Должник обязан выполнять работу для своего господина, пока не возместит ему долга, но продавать его запрещается. Упоминается о задатке, в силу которого договор считается совершенным, если получивший задаток не отступится от договора и не вернет задатка (ст. 56), также об аварии корабля, когда потеряна мачта или парус или приходится груз бросать в море (ст. 79). Эти постановления повторяются и в 3-ей скра (ст. 29, 32—33, 38, 43, 49, 52).

В отличие от этих статей, касающихся отношений немцев между собой, два постановления той же 2-ой скра относятся к отношениям между немцами и русскими и запрещают немцам занимать что-либо у русских под угрозой пени в 10 мар. сер. с каждой занятой сотни (ст. 28), а равно устраивать товарищество с русскими или перевозить имущество русского (ст. 20). Последнее распространяется и на других иностранцев—итальянцев, фламандцев, англичан. Немец не может ни вступать в компанию с ними, ни перевозить их товары (ст. 31). Под перевозкой товаров здесь разумелось нечто вроде комиссионной операции, т.-е. принятие товаров, принадлежащих итальянцам, англичанам, фламандцам, для продажи их в Новгороде, или новгородских товаров для сбыта их в немецких городах или других странах. Ганза такого рода операции, как можно усмотреть из неоднократных постановлений с'ездов ганзейских городов, решительно запрещала и столь же усердно боролась с образованием торговых товариществ, в которых принимали бы участие иностранцы. И то и другое противоречило ее монопольным стремлениям, которые не могли примириться с торговлей иностранцев в странах, рассматриваемых немецкими городами в качестве своих рынков. Иностранцы не могли допускаться сюда ни в каком виде, будь то непосредственно в качестве торговцев, или же косвенно в виде участников компаний немецких купцов или поручающих последним свои товары для продажи. Две последние формы являлись удобным способом обойти монополию Ганзы, ибо сбыт производился и в том и в другом случае немцем, а иностранец участвовал лишь своими капиталами или товарами. Эти формы участия были поэтому особенно опасны, и союзу городов приходилось вести с ними решительную борьбу.

Многократно повторяется в новгородских скра и запрещение брать или давать взаймы русским или иным иностранцам, в то время, как в отношении немцев—как мы

видели выше—это, повидимому, широко практиковалось. 3-я скра, напр., требует, чтобы в торговле с русскими уплата производилась наличными, в 4-ой запрещено брать в кредит или давать кредит итальянским, фламандским, английским или русским купцам, под угрозой потери всего имущества. Причина запрещения заключалась, повидимому, в том, что немец, который брал деньги или товары в долг у русского, оказываясь несостоятельным должником, попадал—как мы видели из договоров—в кабалу к русскому; являясь же его кредитором, он нередко лишь с большим трудом мог добиться удовлетворения своей претензии. И в том и в другом случае получались неудобства, повод для недоразумений, столкновения, приобретавшие легко национальный характер—кредитные операции евреев и ломбардов являлись ведь вообще в те времена одним из поводов насилий над этими иноплеменниками и неоднократного изгнания из различных стран и городов и тех и других.

В 4-й скра находим и два других весьма важных постановления. Одно из них устанавливает временный характер пребывания немецких купцов в Новгороде: „никто не должен оставаться постоянно во дворе для купли и продажи, но лишь только распродаст привезенные им товары, тотчас же должен ехать со двора". Впрочем никакого срока не устанавливается, и если он, участвуя в летнем караване, не успел распродать товара, то может оставаться и на зимний сезон. Или же он может оставить слугу (приказчика) для продажи оставшихся товаров. Однако, такое пребывание в Новгороде более полугода, повидимому, являлось исключением, тем более, что, согласно другой статье, никто не должен привозить товаров на сумму свыше тысячи марок серебра; в противном случае, весь излишек привезенных или посланных свыше этого им товаров идет в пользу св. Петра. Таким образом и самый размер оборотов ограничивается. Аналогично постановлениям средневековых ремесленных статутов, определяющих максимум товара, который может изготовлять каждый мастер, чтобы не лишать заработка других ремесленников, и здесь каждому положен предел в интересах других купцов. Обороты по необходимости должны были оставаться в узких границах, значительного развития они достигать не могли.

Последнему препятствовала и постоянно происходившая и с той и с другой стороны фальсификация товаров. Жалобы на плохой воск и испорченные меха, доставляемые русскими, на кожи и сукно, привозимые немцами,—это были важнейшие предметы вывоза и привоза—раздаются постоянно. Специальными соглашениями (напр., 1342 г.) между обеими сторонами пытаются бороться с этим злом, но безуспешно. В скра

немцы и сами признают правильность жалоб новгородцев, с своей стороны требуя, чтобы немцы действительно привозили надлежащий товар, а не кожу, сшитую из кусков разного сорта, или сукно и холст, иначе сложенные, чем это полагается (2-я скра, ст. 84, 3-я скра, ст. 55). Особенно много таких постановлений содержится в 4-й скра, но едва ли они помогали, и даже запрещение продавать неосмотренный в подворьи товар, которое имеется уже в 1-ой скра, как показывают вечные жалобы, не могло ничего изменить в те времена, когда господствовал принцип „не обманешь, не продашь“.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Торговля Северо-Западной Руси с немцами в XIII—XV ст. на основании договоров.

Торговля Руси с немцами в период XIII—XV ст. не ограничивается одними сношениями Ганзы с Новгородом и Псковом. Немцы торговали и с другими областями—и не только проезжая из Новгорода дальше вглубь Руси, но и непосредственно отправляясь по Западной Двине в различные северо-западные области и устраивая там торговые фактории. Особенно существенными являлись их торговые сношения с Смоленском, Полоцком и Витебском. Подобно торговле их с Новгородом и Псковом, и товарообмен с северо-западными областями может быть выяснен на основании тех соглашений, которые совершались между немцами и соответствующими русскими княжествами и городами. В договорах с Новгородом и Псковом в качестве представителей немцев, как мы видим, выступает Готланд, затем немецкая Ганза с Любеком во главе, а еще позже ливонские города Дерпт, Ревель и Рига (хотя Любек не исчезает). Напротив, в договорах с северо-западными областями с самаго начала выдвигаются на первый план ливонские города, а один из них, именно Рига, вследствие своего особенно выгодного географического положения, приобретает господствующее значение в торговле и в регулировании ее, постепенно отстраняя все прочие. Судя по происходившим при этом переговорам, вся власть находилась в руках Риги, Ганза же совершенно не вмешивалась в эти дела, повидимому, по той причине, что и самое участие ее в торговле здесь все более сокращалось. Дело дошло до того, что в 1478 г. Рига прямо заявила Девентеру и другим приморским городам, что никто не может торговать с русскими в Полоцке, кроме Риги и ее округа.

Из русских областей в договорах участвуют Смоленск, Полоцк и Витебск, причем в одних случаях договоры распростаняются в равной мере на все три области, в других

же Смоленск заключает их отдельно от Витебска и Полоцка, которые оказываются под властью Литвы, вступающей самостоятельно в соглашения с Ригой.

Однако основной и наиболее важный договор 1229 года, который „докончал“ князь Смоленский Александр „с немци“, „как то докончали отци наши, деди наши“, распространяется, как видно из заключения его, и на Витебск и Полоцк: „тая Правда латинескомоу взяти оу Роускои земли оу волости князя Смольнеского и оу Полотьского князя волости и оу Витебьского князя волости“. В нем установлены в сущности все основные положения, которыми должен регулироваться товарообмен между немцами и северо-западными областями России. Последующие договоры и дополнительные соглашения, вызванные — как и в Новгородской торговле — столкновениями между обеими сторонами, дают еще меньше нового, чем это можно наблюдать в новгородских соглашениях, обычно повторяя лишь каждый раз, что путь должен быть „чист“, „без рубежа“ и гости должны пользоваться защитой „как братья“. Исключения в этом отношении не составляет даже подробный договор ок. 1250—60 г.г., который хотя и содержит множество постановлений, но, если не считать незначительных отклонений, является лишь копией договора 1229 г. Значительно изменяются условия лишь в договоре 1406 г. и дополнении к нему 1498 г., обозначающих новую страницу в истории торговли между ливонскими городами и северо-западными русскими областями, точнее между Ригой и Полоцком.

Наша задача, таким образом, сводится к рассмотрению договора 1229 года, с указанием тех немногих частичных отклонений от него, которые впоследствии имели место, а затем к анализу соглашений 1406 и 1498 г.г. При этом, как и следовало ожидать, в договоре 1229 г. мы находим много таких постановлений, которые являются выражением принципов, однородных с высказанными в соглашениях между Новгородом и Ганзой в ту же эпоху. Изложение их являлось бы повторением правил, которые мы уже успели рассмотреть. Совпадение их, конечно, не может никого удивлять. Немцы предъявляли в обоих случаях однородные требования, вытекавшие из характера их торговли и вошедшие в обиход Ганзы вообще, требования, которые они старались осуществить во всех странах, с которыми Ганза вела торговлю. Русские, в свою очередь, руководствовались своими обычаями, своим правом, установившимся со времени „Русской Правды“, своими выгодами и интересами в области торговли, которые являлись однородными в различных местностях России. Но, с другой стороны, полного совпаденя этих интересов в сфере товарообмена все же ожидать нельзя было;

условия в этом отношении Новгорода и Смоленска или Полоцка были неодинаковы. В частности политическое положение северо-русских народоправств, как их назвал Костомаров, с одной стороны и подвластных смоленскому князю или Литве областей различалось во многих направлениях. Наконец, Рига далеко не полностью осуществляла принципы, принятые Ганзейским союзом, как целым, в его торговле с различными странами. На этих-то отклонениях в договорах 1229 и 1406 г.г., по сравнению с соглашением Новгорода с Ганзой, мы и остановимся по преимуществу, лишь вкратце касаясь тех вопросов, которые и тут и там разрешены на одинаковых основаниях.

К числу тех постановлений договора 1229 г. [1]), которые мало отличаются от содержащихся в новгородских договорах, относятся прежде всего статьи, трактующие о наказуемости различных преступлений — убийства, нанесения увечий, ран и побоев, прелюбодеяния, насилия над свободной женщиной или рабой, самоуправства (ст. 1—7, 17—20). Во всех этих случаях устанавливается, в соответствии с русским правом, денежная вира. Дополнением, не встречающимся в новгородских договорах, но имеющимся и в ст. 11—12, договора со Смоленском 1250 г., является (дог. 1229 г., ст. 14—15) запрещение принуждать гостя к решению спора, в случае подозрения, железом („вести ко железу горячемоу") или поединком („на поле биться"). В первом случае имеется отступление от русского права, устанавливающего решение железом при подозрении в краже, институт, против применения к ним которого ганзейцы возражали и в Швеции; второе являлось, напротив, германским обычаем, но купечество как на севере, так и на юге Европы восставало против него и в частности ганзейцы повсюду (во Фландрии, Голландии) настаивали на том, чтобы их нельзя было принуждать (в уголовных делах) к поединку.

Из области частно-правовых институтов существенное значение для торговли имеют те, которые предоставляют иностранному кредитору особые преимущества. Мы находим здесь постановление, которое уже встречали, что при наличности нескольких кредиторов первым удовлетворяется гость, который дал товар в долг русскому (ст. 10—„аже латинин насть роусиноу товар свои оу долго оу Смольнске, заплатити немчиноу пьрвие, хотя бы иномоу комоу виноват был русиноу"). Но к нему присоединяются и новые правила.

[1]) Договор во всех семи редакциях содержится в Русско-ливонских актах. Приб. № 1, стр. 420 сл. Первая редакция имеется у Владимирского-Буданова. Хрестоматия. I. (Нумерация статей в дальнейшем по Владимирскому-Буданову). Договор 1250—60 г.г.—в Русско-ливонск. актах. Приб. № 2. Стр. 448 сл.

Так и в случае конфискации имущества („поток“) должника князем (и обращения его в холопы) предварительно уплачивается из его имущества долг немецкому купцу (ст. 11—„аже разгневаиеться князе на своего члвка, а будете виноват немчицю роусин, а отимьть князе все, женоу и дети оу холопство, первоие платити емоу латинину, а потомь князю как любо с своимь члвкмь“). Равным образом, в случае смерти должника наследник должен прежде всего удовлетворить иностранного кредитора (ст. 12—„аже латинин дасть княжю холопоу в заием или иномоу добромоу члвкоу, а оумрете не заплатив, а кто иемльть иего остатьк, томоу платити немчиноу“).

По поводу взыскания самого долга новгородские договоры 1195 и 1269 г.г. устанавливают лишь, что должника (иностранца) нельзя заключать в тюрьму. То же говорится в смоленском договоре 1229 г. (как и в смоленском договоре 1250 г., ст. 6)—немцы придавали этому большое значение. Но здесь присоединяются и новые указания (ст. 8—9, 21—22). Если русский не заплатит „латинескоу“, то последний обращается к тиуну, который поручает „детскому“ взыскать долг за товар. Если однако в течение 8 дней долг не будет уплачен, то „дати иемоу на сьбе пороука“. Но поручителя может не оказаться, тогда, очевидно, наступает предусмотренная ст. 4 выдача с головой кредитору или заключение должника в оковы (в железо). „Не мьтати иего оу погреб, аже не боудете пороукы, то оу жельза оусадить“ (то же в договоре Смоленска 1250 г., ст. 6). Таким образом, заключение в оковы признается более легким наказанием, чем бросание в темницу, причем, судя по другим источникам, имеется в виду помещение его у кредитора, ибо он отдавался последнему. В 1436 г. упоминается о таком случае, когда русский держал немца у себя под арестом за долги, в другом случае выговаривается (в соглашении с Новгородом) право взять такого должника на поруки (в 1423 г.) [1]. Но смоленские жители могут силой воспрепятствовать немцу заковать должника русского; в этом случае они сами отвечают за долг (ст. 22—„аже смольняне не дадоуть иемоу воль, смольняномь платити самым, долг платити“; то же в ст. 15 договора 1250 г.).

Подобно Новгороду, и в Смоленске мы находим немецкую факторию—гостиный двор и ольдермана, как и церковь: в договоре 1229 г. упоминается о весах, находящихся в „немецьскои божници“, в ст. 41 о весах, которые хранятся „оу латинескои црквн“, в ст. 29 говорится о третейском разбирательстве ольдермана: „роусиноу не ставити на латинеского

[1]) Götz. p. 245.

детьского, не явивше старость латинескомоу; аже не слоушаиеть старосты, тоть можеть на него детского приставити". Русский обязан предварительно обратиться со своей жалобой на немца к немецкому ольдерману, и только в том случае, если немец не подчинится решению последнего, он может обратиться к смоленскому суду. В этом постановлении не только выражена наличность организованной немецкой фактории, но и существенное право, признанное за ней. Ганзейцы добивались его—как мы видели выше—и в Новгороде, но, повидимому, тщетно, тогда как, напр., в Линне, согласно английской привилегии 1310 г., в случае столкновения между ганзейцем и англичанином, ольдерман немецкий назначал двух немецких купцов, которые совместно с двумя, избранными мэром города, жителями должны были стараться по возможности примирить стороны [1]).

Не менее важное право в этом направлении предоставлено немецкой купеческой общине и по ст. 16: „аже латинескии гость бииеться мьжю собою оу роускои земли любо мьчемь, а любо деревомь, князю то не надобе, мьжю собою соудити". Большинство авторов (Владимирский-Буданов, Филиппов, Напиерский, Бережков) толкуют эту статью в смысле поединка, происходящего мечом или копьем между немцами, в который смоленский князь не вмешивается, т.-е. не получает с него никаких пошлин [2]). Более правильно понимает это постановление Гетц, как предоставление немцам собственного суда в случаях столкновений между ними. Что речь идет здесь не о поединке, а о драке, о нанесении ран и увечий, можно усмотреть из соответствующей статьи смоленского договора 1250 г., где то же правило повторяется, но в несколько измененном виде. „Оже имоуть ся бити Роусь в Ризе и на Готьскомь березе мечи или соуличами, или иная тяжа оучинить ся межи самеми, не надобе то вдцце, ни иному соудьи немьчьскомоу, ать оуправять ся сами по своему соудоу; такоже и немьчем Смольньске" (ст. 13). Из этой статьи, где к битью мечами или копьями присоединяется „иная тяжа", т.-е. иное столкновение, мы видим, что и в упомянутой выше статье договора 1229 г. речь идет о столкновении, где пускаются в ход мечи и копья [3]).

В латинской грамоте 1268 г. немцы и в Новгороде добивались права судить своих купцов в таких случаях, т.-е. при столкновениях, происходящих между ними, внутри

---

[1]) Hans. Urkundenbuch. II. № 170. § 9.

[2]) Владимирский-Буданов. Хрестоматия. I. Стр. 119. Филиппов. Истор. русск. права. 5 изд. I. 65. Напиерский. Акты. Приб. I. Стр. 428. Бережков, стр. 95.

[3]) Götz, p. 255.

фактории, собственным судом, не представляя их на суд новгородских властей, но едва ли там достигли этого, ибо и это предложение не вошло в договор 1269 г. Напротив, в Смоленске—как мы видим—они получили это существенное право, означавшее самоуправление, самостоятельность немецкой фактории, право, приобретенное ганзейцами и в других странах. В датской привилегии 1328 г. их право идет еще гораздо дальше, распространяясь даже на случаи столкновения между ганзейцами и местными жителями, на что они на Руси претендовать и не думали [1]).

И в договоре 1229 г. упоминается о транспорте привозимых немцами товаров через Волок, соединяющий Западную Двину с Днепром, для чего смоленский тиун обязан послать им людей без промедления („а не оудержати иемоу"), иначе для них может получиться ущерб („аже оудержить, оу томь ся можете оучинити пагоуба"), если же погибнет порученный волочанам товар, то они все вместе (солидарно) отвечают за него (ст. 23—24). При этом мы узнаем, что тем же путем ездили и жители Смоленска, возвращавшиеся, очевидно, из Риги; на Волоке „мьтати жеребеи, кого напьрьд вести ко Смольньскоу" (ст. 42). Но это относится только к немцам и смольнянам—и тем и другим дается предпочтение перед иными купцами из русских земель („аже боудоуть людиие из ыноие земль, тѣх посль вести"—в рижском списке эти люди из иных земель названы иными русскими гостями). Очевидно, торговое движение на Смоленск было оживленное—он ведь лежал на „великом водном пути" из Новгорода в Киев.

Путь по Двине гарантируется свободный как епископом Рижским, так и магистром ливонского ордена („мастьр Божх дворян") и всеми князьями прилегающих к ней земель по всему ее течению, по воде и по берегам („от вьрхоу и до низоу в море, и по воде и по берегоу всемоу"—ст. 43). Береговое право, отмены которого ганзейцы повсюду добились, и здесь признается упраздненным (мы встречали отмены его уже в договоре Олега с греками 911 г.)—груз с потонувшего судна принадлежит владельцу, который может его вытаскивать из воды, а если ему нужно, то и нанимать для этой цели людей („оу кого ся избииеть оучан, а любо челн... товар иего свобонь на воде и на березе без пакости всякому; товар иж то потопл, брати оу мьсто своиею дроужиною из воды на берего; аже надобе иемоу болше помочи, тоть наимоуи при послоусех").

Несмотря однако на все гарантии свободного пути по Двине, путь этот был далеко не безопасен, ибо, с одной

[1]) Hans. Urkundenbuch. II. № 474.

стороны, Полоцк задерживал купцов, едущих в Витебск и Смоленск, желая, чтобы они останавливались в его стенах и здесь продавали товары местным жителям („штапельное право“), а с другой стороны, ливонский орден препятствовал проходу судов, захватывал корабельщиков в Дюнамюнде (Усть-Двинске), литовцы совершали нападения на суда на Волоке, почему договор предусматривает немедленный транспорт товаров в этом месте, без задержки.

Проездных пошлин ни немцы по дороге в Смоленск, ни смольняне, отправляющиеся в немецкие города, платить не должны. Таков общий принцип. Но осуществлялся ли он? Дальнейшие постановления заставляют усумниться в этом. Общее правило о свободе от этих сборов содержится в рассматриваемом договоре 1229 г. („всякому латинескому члвкоу свободен путе из гочкого берега до Смольнеска без мыта; тая правда иесть Роуси из Смольнеска до Гочкого берега“— ст. 34). Оно повторяется и в договоре Смоленска 1250 г. ст. 16). Но в последнем сказано лишь, что от Смоленска до Риги „чистыи путь“, „а не надобе им ни вощець ни мыто“, и прибавлено „а на Волоце, како то есть пошло“. Последнее, очевидно, обозначает, что на Волоке уплачивается известный сбор в обычном размере, а не только плата за транспорт товаров. В договоре 1229 г. (ст. 35) этому соответствует обязанность гостей уплатить тиуну на Волоке рукавицы (готские рукавицы перстатые—по другой редакции), „ажбы товар перевьзл без держания“. Мало того, и по приезде в город купцы обязаны поднести княгине кусок сукна („дати им княгине постав частины“). Таким образом, существует как сбор при в'езде в город, так и проездные пошлины на Волоке и приведенное выше общее положение, что последних не должно взиматься, не соответствует действительности. Тем более ошибочно приведенное нами при рассмотрении новгородских договоров мнение (стр. 11), будто немцы в Новгороде и в Смоленске были освобождены от всяких пошлин.

К торговле в тесном смысле относятся постановления о весах и весовых сборах, причем главным образом идет речь о взвешивании золота и серебра, которые преимущественно взвешивались в те времена (ст. 37—41). Позже, около 1330 г. было впрочем заключено специальное соглашение относительно весов и весового сбора, где уже речь идет и о товарах—воске, олове, меди, хмеле, относительно же весовщика прибавлено: „отступи прочь, а рукою не приимай“ [1]). Далее находим постановление о том, что проданный товар не может быть возвращен обратно („не взяти товара наоуспять“—ст. 27, в договоре 1250 г. ст. 17), хотя и впоследствии

[1]) Русско-ливонские акты. № LXXIV.

русские, торговавшие в Риге, жаловались на то, что рижане не исполняют этой статьи. В новгородских договорах она отсутствует. Особенно же важны постановления о свободной покупке и продаже товаров (ст. 25 и 30) и о праве немцев ездить за пределы Смоленска, а русских за пределы Риги (ст. 26) и об обязанности немцев судиться в Смоленске, а русских в Риге и на Готланде (ст. 28).

Последние две статьи имеют в виду торговлю немцев и за пределами Смоленска; первая разрешает ее, вторая предполагает, но устанавливает, что русский не может „звати латинеского на иного князя соуд", кроме смоленского, разве что немец сам на это согласится. Впрочем, возможно, что здесь речь идет лишь о местностях, лежащих в пределах смоленского княжества. Напротив, ст. 26 трактует и о поездках за пределы Смоленской области: „аже латинескии оусхочеть иехати из Смольнеска своимь товаромь в иноу сторону, про то иего князю не держати ни иному никомоу же". Здесь гарантируется немцам свободный проезд в другие русские княжества: напротив, ст. 20 договора 1250 г. их значительно ограничивает в этом отношении, ставя поездки в зависимость от разрешения смоленского князя: „а како боудеть немьчьскыи гость Смоленьске, а почьнеть ся кто от них просити выноую землю, то... о нем ся прошати а мне с по доуме поущати".

Одновременно ст. 26 договора 1229 г. разрешает и русским „иехати из Гочкого берега до Травны", т.-е. до Любека. В рижской долговой книге 1327 г. действительно встречается случай продажи воска с уплатой за него в Любеке [1]). Тем не менее можно сомневаться относительно значительности даже в это время активной торговли, производимой за пределами Руси жителями Смоленска, как и Полоцка и Витебска, на которых—как мы указывали выше—также распространяется договор 1229 г. Хотя весь упомянутый договор построен на принципе взаимности и в каждой статье за правом, предоставляемым „латинескоу" на Руси, следует то же право, устанавливаемое в пользу „роусина" в „Ризе и на Гочком березе", тем не менее из ряда рассмотренных нами статей договора можно усмотреть (как и из приведенных выше договоров Новгорода), что в действительности имеются в виду лишь немцы на Руси, но не русские в Риге или на Готланде.

Так, напр., наказания за убийство, нанесение увечья, раны, изнасилование, прелюбодеяние установлены в гривнах серебра, т.-е. в русской монете, иностранная же не указана вовсе. Но еще существеннее то обстоятельство, что встре-

[1]) Hildebrand. Das Rigische Schuldbuch. 1872. № 1511.

чаются такие постановления, которые применимы лишь на Руси, но не в ливонских городах или на Готланде, как наказание за убийство холопа или за насилие над рабой, ибо в других странах их уже почти не встречалось, или как предварительное удовлетворение иностранного кредитора, в случае конфискации имущества должника князем и обращения его в холопы—и такого рода явления имели место лишь на Руси, но едва ли за границей. Равным образом, и статьи, трактующие о перевозке товаров на Волоке и об ответственности волочан (хотя по поводу этой ответственности ради полной взаимности говорится и о русских в Риге и на Готланде), как и о пошлинах, там взимаемых тиуном, не могут иметь отношения к торговле русских—при поездке в Ригу и на Готланд никакого волока не имелось за пределами Руси. Статья об уплате сбора в пользу княгини и другие две о хранении весов вообще касаются только Смоленска и даже соответствующей прибавки о Риге и Готланде здесь уже не имеется. Нет этой взаимности и в отношении сборов за взвешивание товаров—речь идет только о Смоленске; а по поводу взыскания долга подробно говорится о тиуне, о детском, об обязанности смольнян платить, если они немцам помешают расправиться с русским должником. Лишь в заключении после подробного описания всего этого процесса прибавлена небольшая фраза: „тая правда оузяти роусиноу оу Ризе и на Гочкомь березе“, но не указывается, к кому и в каком порядке русский кредитор должен там обращаться.

Из этого можно вывести предположение, что на первом плане стояла торговля немцев в русских областях, тогда как торговая деятельность русских даже в ливонских городах и на Готланде имела меньше значения. По вопросу же о поездках смольнян и других западно-русских купцов за пределы Риги нам известно, что Рига впоследствии, по крайней мере, к концу XIV ст. ставила этому всяческие препятствия. Она не желала пропускать ни русских в Балтийское море, ни приезжавших из вендских или вестфальских городов немцев вверх по Двине в русские области. Вообще если в договорах Смоленска с немцами 1229 и 1250 г.г. упоминается наряду с Ригой о готском береге, то ни в мире, заключенном в 1338 г. литовским князем Гедимином, которому тогда принадлежали Полоцк и Витебск, с Ригой и магистром ливонского ордена, ни в соглашении с орденом и Ригой смоленского князя Ивана Александровича 1340 г. нет уже речи ни о Любеке, ни о Готланде—русские отправляются только в Ригу [1]).

[1]) Götz, p. 340.

Что касается другого упомянутого выше вопроса о свободной торговле иностранцев, то хотя ему посвящены две статьи (одна о свободе продажи товаров, другая о свободе закупки), но ясности относительно об'ема предоставленных им прав все же не получается. „Аже латинескии придеть к городоу, свободно иемоу продавати, а противоу того не молвити никомуже“ (ст. 25) „латинескомоу и есть волно оу Смольнеске которыи товар хочьть купити, без пакости“ (ст. 30). Подобные же общие фразы „волное торгованье“, „волно ехати торговати, купити и продати“ мы находим неоднократно и впоследствии [1]).

Спорным является в особенности вопрос о том, предоставлено ли торговать гостю с гостем. На основании жалоб Риги витебскому князю Михаилу Константиновичу в конце XIII ст., можно предполагать, что эта торговля дозволена. В этом заявлении Риги содержится протест и против неправильностей в области взимания весового сбора, установленного договором 1229 г. („аже ты, княже, лишнее емлешь“), и против насилий над немецкими купцами, у которых „товар отял силою и неправдою“, которых „вязали и мучили“, и против того, что князь, как и его брат, купили у немцев товары, но не заплатили за них. Вместе с тем рижане протестуют против того, что князь, по совету людей, которых следовало бы наказать, а не слушать, лишил их возможности торговать с другими гостями, и когда один рижанин по имени Фредрик хотел продать соль другому гостю, то его заковали, а товар его князь велел разграбить. „Еси неправду деял—заявляют рижане—както ныне новую правду ставишь, както есме не чювали от отчов ни от дедов ни от прадедов наших. Аже ты велишь кликати сквозе торг: гость со гостемь не торгуи. Княжо, у томь еси неправду деял. Княжо, аже еси тако у своемь сердчи, тоть то еси неправою думою думал. Будут тобе, княжо, лишие людье тую думу пододали, тоть не у честь тобе дали тую думу; то есть тобе, княжо, достоино, аже бы тыи люди казнил, как то бышь иниии людие бояли ся, кто лихую думу пододаваеть“. Затем рассказывается вся история с Фредриком, который „шол с темь человеком соли весить“ и которого княжеский детьский Плос повел, якобы, к князю, на самом же деле „порты с него снем за шию оковал и руки и ноги и мучил его так, както буди Богу жяль“. Князь же „детьские свое послав на его подворие и велел товар его розграбити“. „И ныне мы ся тебе молим—заключают рижане—абы ты тыи товар отдал княжо. И сам ведаешь ажо неправдою еси свое крестное челование забыл“ [2]).

---

[1]) Напр., Русско-ливонские акты. № XXVа и XXVб.
[2]) Русско-ливонские акты № XLIX.

К концу XIV столетия и полочане в свою очередь жалуются на то, что в Риге их лишают возможности торговать с „заморскими“ немцами. Рига это отрицает: и эти немцы участвовали в заключении договоров и пользуются предоставленными в них свободами. Это обстоятельство находилось в связи с только что рассмотренным вопросом о праве поездки купцов в другие местности. Рижане требовали предоставления им возможности ехать из Полоцка дальше в Витебск и Смоленск. Полоцк готов был допустить это под условием, что Рига в свою очередь даст им возможность ездить на Готланд и Любек, на что Рига не соглашалась [1]).

Очевидно, Полоцк и Рига старались создать себе штапельное право, при котором все привозимые к ним товары должны были продаваться в стенах города, а не вывозиться дальше, и притом должны были сбываться местным купцам, но отнюдь не иностранным или иногородным. Запрещение торговли с другими гостями являлось таким образом выражением того же штапельного права.

Однако, в мире, заключенном вслед за этим между литовским князем Витовтом и Ригою в 1399 г. в Полоцке [2]), именно этот спорный вопрос о штапельном праве был оставлен открытым, ибо стороны, очевидно, не могли прийти ни к какому соглашению. Он был поднят снова при заключении договора между Полоцком и Ригой в 1406 году. Этому договору предшествовало нарушение в 1403 году мира Витовтом, который, как это он сделал и за несколько лет до того, потребовал от рижских купцов, чтобы они покинули Полоцк в течение 4 недель, в противном случае они будут силой изгнаны из города или заключены в оковы. Но и выехать он не дал им свободно, а задерживал их до тех пор, пока магистр ливонского ордена не возместил нанесенных в 1403 г. полочанам убытков. При от'езде купцов им была, впрочем, дана возможность оставить нескольких человек в Полоцке для охраны своих товаров [3]).

Из переговоров, которые велись при заключении упомянутого договора 1406 г., и из предложений, делаемых обеими сторонами, мы можем усмотреть, насколько существенно расходились их пожелания и взгляды. Договор, созданный на основании решения Витовта, является лиш временным компромиссом, после которого следовал ряд соглашений; окончательно же выяснены были спорные вопросы лишь грамотой литовского князя Александра 1498 г., которой Полоцку было

---

[1]) Русско-ливонские акты. № CXXVII.
[2]) Там же. № CXXII.
[3]) Там же. CXCIII. CXCVI. CXCVIII. Götz, 345.

предоставлено штапельное право и определены условия торговли рижан и других гостей в Полоцке [1] [2]).

В привилегии князя Александра рижанам и иным гостям запрещено под угрозой конфискации товаров ездить в Витебск или Смоленск; они могут отправляться туда лишь для взыскания долгов, но не для торговли [3]). Эти поездки вызывались тем, что купцы из Витебска и Смоленска продолжали посещать Ригу. За пределы Риги ни они, ни полочане, конечно, не ездили. Полоцк во всяком случае стал конечным пунктом немецкой торговли и центром товарообмена в северо-западном крае.

Но Полоцк этим не ограничивается—торговля гостя с гостем вообще должна быть прекращена, и не только за пределами Полоцка, в других местностях, куда немцы могли бы отправляться, но и в стенах самого Полоцка. И здесь

---

[1]) Русско-ливонск. акты. №№ CXCIII. CXCVI. CXCVIII. Предложения сторон см. там же CLIII. CLIV. CLXI. Окончат. договор там же № CLXIV.

[2]) В полоцком предложении 1405 г. старое требование Полоцка уже высказано: „а мимо города Польтеск немецькому купьцю не ходити, торговати немьцем у Полотьсце",—тогда как в рижских требованиях ни об этом, ни о торговле русских за пределами Риги ничего не упоминается. Витовт пока еще не дал своего согласия на требование Полоцка, и было установлено, что „могут полочане мимо Ригу у землю, а рижяном мимо Полтеск у землю, куда хочют, то на обе стороне межи нас волно, водою и землею". Исключение делается лишь в том случае, если бы Витовт или его наследники или магистр ливонского ордена устроили складочное место в Полоцке или Риге („исклад учинили"); „а тот исклад держати на обе стороне, у Полоцку и в Ризе так, как уставлен будет" (Рус.-ливон. акты. №№ CLX, CLXIV). Но полочане, повидимому, не примирились с этим отказом, желая во что бы то ни стало создать штапельное право для Полоцка. В 1448 г. немцы сообщают в Ригу, что отправленные ими в Смоленск товары задержаны и отправка их в Витебск и Смоленск запрещена. На это жалуются в 1452 г. и прусские купцы, усматривая в таком образе действий Полоцка нарушение установившегося издавна обычая. И польский король Казимир заявляет немцам, находящимся в Полоцке, что они не могут ехать мимо города. Напротив, Витебск с этим не согласен; в послании в Ригу 1466 г. он указывает на то, что желает сохранить торговлю с Ригой и вредить ей не намерен (Götz. § 57). С своей стороны, и Рига портила дело, не желая, как это уже и раньше было, пропускать русских купцов за море. В 1470 году она обращается к Данцигу с просьбой дать свое заключение о том, можно ли удовлетворить такое требование русских, и Данциг на это отвечает, что русские и литовцы никогда за морем не торговали (Рус.-лив. акты. CCLVIII). Тем не менее пока еще последовало соглашения между Ригой и Полоцком в смысле свободного проезда в обе стороны. Полочане готовы отказаться от своих притязаний на монополию, если и Рига, в свою очередь, уступит им. „А как любите нам—заявляют они—што нашим купцом полочаном дадите за море путь чист торговати, водою и сухим путем, а мы ныне ваших купцов пропустим к Витебьску и к Смоленску по старому" (Рус.-ливон. акты. № CCLXVI).

[3]) Акты к истории южной и западн. Русн. 1863. Т. I. № 159.

товары должны итти через руки местных жителей, иначе мог бы получиться обход постановления, согласно которому нельзя ехать мимо Полоцка, минуя его жителей. Гости приезжали бы сюда, формально выполняя это требование, но в действительности нарушая его. Они торговали бы между собою в самом городе, так что в результате всетаки устраняли бы горожан.

Как мы видели, и Витебск, и Рига уже рано стали запрещать торговлю гостя с гостем, что вызывало каждый раз возмущение противной стороны. Их примеру следовали Полоцк. В своих предложениях 1405 г. Полоцк заявляет: „а торговати немецькому купцю с гостем Литовьское земли добровольно, а с новьгородци немецькому купьцю торговати, а промежи има ходити нашему полочанину: занеже нас новьгородци не пустят у немечькии двор торговати без своего новьгородца; а с Москвичи торговати вашим немьцем; также нашему полочанину межи ими ходити, торговати: занеже на нас москвичи тамьгу емлют“ [1]). С литовцами немцы, следовательно, могут торговать непосредственно, с новгородцами же и моквичами только через посредство полочан. Последние, по об'яснению Никитского, являлись своего рода маклерами, без которых ни одна сделка гостя с гостем заключена быть не могла—„между ними“—по образному выражению памятника—„ходил полочанин“ [2]). Маклеров на Руси в те времена не было, в противоположность Западу, где повсюду существовали маклерские корпорации и где, как, напр., в Брюгге, обязательно было пользование их помощью.

Запрещая рижанам непосредственную торговлю с новгородцами и с москвичами, Полоцк ссылается на то, что новгородцы не дают им торговать на немецком дворе без посредства местных жителей, а москвичи с них, полочан, взимают тамгу. Выходит таким образом, как будто против торговли рижан с новгородцами и москвичами Полоцк в сущности ничего не имеет, и готов был бы допустить ее, если бы тому не препятствовали действия противной стороны. Едва ли, однако, мы имеем основание принимать эти об'яснения за чистую монету и даже предполагать, как утверждает А. С. Мулюкин, что Полоцк запрещает непосредственную торговлю немцев с москвичами в качестве репрессалии против Москвы, которая взимала тамгу с жителей Полоцка [3]). Скорее это просто отговорка. Не говоря уже о том, что тамга вообще уплачивалась всеми иногородными (см. ниже, гл. IX), а не одними полочанами (да и местными

---

[1]) Русско-ливонск. акты. № CLIV.
[2]) Никитский, стр. 150 сл.
[3]) Мулюкин. Юридич. положение иностр. купцов, стр. 4.

жителями, но только в пониженном размере), так что никакой несправедливости по отношению к Полоцку не было,—мы видели, что стремление устранить непосредственную торговлю гостей обнаруживалось уже давно и в северо-западных городах и находилось в данном случае в связи с настойчивым желанием Полоцка устроить у себя складочное место, вытекало из того основного положения, что все привозимое в Полоцк должно проходить через руки его жителей. Гетц и понимает приведенное выше постановление 1498 г. о недопустимости езды мимо Полоцка в смысле установления штапельного права в полном смысле слова, т.-е. с обязанностью прибегать к местным жителям и при продаже товаров в пределах города [1] [2]). Во всяком случае в привилегии 1498 г. указано, что немцам запрещается закупать товары в месте производства, в лесах и деревнях [3]), т.-е. приобретать их у крестьян, которые также по понятиям того времени относились к числу чужих—лишнее подтверждение запрета торговли гостя с гостем.

Наконец, с обеих сторон обнаруживалось желание ограничить деятельность приезжих купцов оптовой торговлей, не допуская розничной—обычное в те времена стеснение для гостей. Действительно, в предложении, исходящем от Полоцка, говорится: „а малое вам торговли не купити у Полотсце порозничи; а корьчмы вам у нас у Полотсце не держати". И в частности по поводу двух важнейших об'ектов русско-немецкой торговли, воска и мехов, прибавлено: „купити вам немцем у нас, у Полотсце, немецькому купцю пол-берьковьска воску пол тысячи белкы" [4]). Впротивоположность этому, „ратьмане Ризькии" предлагают разрешить немцам „у Полочьку торговати и с гостемь и с полочаны все сполу то будь мало или велико во всякои торговли какыилнии (какыи ли ни) был товар никакого чего выложено без всякоя хитрости". В свою очередь и они дают такое же обещание: „тако же мы хочем полочаном у Ризе чинити" [5]). В предложении магистра ливонского ордена это место повторяется почти дословно (по-немецки), но прибавлено, что при этом не должны нарушаться старинные привилегии гор. Риги [6]). Между тем—как указывает Бунге—уже к концу XIII ст. по статутам г. Риги гости лишь первый год своего пребывания пользовались равными с гражданами правами в области

[1]) Götz, p. 347.
[2]) И в Ковно запрещено (в 1493 г.) немцам торговать с гостями и с крестьянами (Hans. Urkundenbuch. XI. № 689).
[3]) Акты к истор. южн. и зап. Руси. № 159.
[4]) Рус.-ливонск. акты. № CLIV.
[5]) Там же. № CLIII.
[6]) Там же. № CLXI.

торговли и промыслов, в дальнейшем же должны были для сохранения их стать гражданами города. А в XIV ст. последовали дальнейшие ограничения в том смысле, что закупка товаров для вывоза и продажа привезенных товаров разрешались гостям лишь оптом, но отнюдь не в розницу. Равным образом им запрещалось закупленные товары перепродавать тут же на месте [1]).

Таким образом, рижане, формально предоставляя купцам, приезжающим к ним из Полоцка, те же права, каких они сами добивались в Полоцке, на самом деле вовсе не придерживались принципа взаимности, а напротив, расчитывали посредством упомянутой прибавки обойти свое заявление „тако же мы хочем полочаном у Ризе чинити“.

Но этого они не добились. Принцип взаимности выдержан. Решением Витовта торговля в розницу гостям не дозволена ни в Риге, ни в Полоцке, причем по этому вопросу должны быть изданы специальные постановления. „Также полочаном у Ризе, а Рижяном у Полочку никакое малое торговле не торговати, што розницею зовут; а то мы как у Полоцку, а рижяне у Ризе учиним и поставим, а любо, как можем межи себе уровнати“. Привилегией 1498 г. это положение окончательно закреплено: в Полоцке устанавливаются три двухнедельные ярмарки, в течение которых гостям только и дозволена розничная продажа. Это обычное исключение, делаемое в средние века. Ярмарочная торговля находилась в особом положении. В интересах ярмарки, оживления ее, посещения многочисленными торговцами, что давало и значительный доход государю в виде торговых сборов, устранялись обычные стеснения: гости пользовались правом убежища, никакие репрессалии не допускались, взыскание по долгам, возникшим до ярмарки, не могло иметь места, наконец, торговля разрешалась всем и каждому любыми товарами и в любом количестве.

Но вне ярмарок привилегия 1498 г. дозволяет рижанам в Полоцке торговать только оптом, под угрозой конфискации товаров. Продавать можно сукно только целыми штуками, соль мешками, мускатный цвет и мускатный орех, галгант, цытварный корень, гвоздику, шафран и иные ценные пряности—фунтами, топоры, ножи и т. п.—дюжинами, винные ягоды и изюм—корзинами, вино, пиво и другие привозные напитки—бочками, железо, свинец, медь, олово и латунь—центнерами. Точно также закупать дозволено товары только оптом: воск по 20 фунтов, меха собольи, куньи, енотовые по 40 штук, беличьи, горностаевые, хорьковые, норки—по 250 штук, золу и деготь—целыми тоннами.

---

[1]) Bunge. Die Stadt Riga im XIII und XIV Jahrh. 1878, p. 138 сл.

Наконец, в области суда соглашение 1406 г. обозначает резкую перемену в том смысле, что суд производится не в том месте, где совершено преступление или возникла тяжба, а на родине преступника или должника. В договоре 1229 г. мы читаем еще „ити истьцю к истьцю и взяти емо та правда, которая то в томь городе“ [1]), и точно также в мирном договоре, относящемся к 60-м г. г. XIII ст., говорится: „а где будеть кто кому виноват, в томь городе правити, где тот человек живет; инде суда ему не искати, в которой волости человек извиниться (окажется виновным), ту ему правда дати“ [2]).

Напротив, в грамоте, касающейся весов и относящейся к 1330 году, выражен уже иной принцип: „аже привезеть нечистый товар, а нелюб будеть, поехати ему назад со своимь товаромь, а свой князь тамо казнить его“ [3]). Это частичное постановление, применяемое здесь лишь к случаям фальсификации товаров, в 1406 году получает общий характер. „Ратмане Ризькии“ просят „полочаном стеречи немечьских купцев, как своя братя... без всякоя хитрости“ и заявляют, что с своей стороны „тако же мы хочем полочаном у Ризе чинити“. А к этому они прибавляют: „аще которы немьчин извиниться у Полочьсце, того немьчина оттослати у Ригу, ратьмане его судять по своеи правде“, и то же следует сделать с полочанином [4]). Это повторяется и в предложении Полоцка [5]). „А извиниться нашь полочанин у Ризе, ино его немьцем у Ризе не казнити, отпустити его у верх, ино его там свои полочане казнят“. То же применяется к рижанам. Наконец, на той же точке зрения стоит магистр ливонского ордена [6]). Неудивительно при таких условиях, что это поддержанное всеми предложение вошло и в решение Витовта 1406 г. „А полочяном блюсти рижянина у Полоцку как себе, а рижяном блюсти полочянина у Ризе, себе обороняти. Аже полочанин што проступить у Ризе, ино им того до Полоцка послати, ино его там полочане осудят по своему праву“ [7]).

Если в приведенных выше постановлениях, касающихся условий торговли, одержал победу Полоцк, добившийся штапельного права и тем сам сильно ограничивший права гостей, то здесь, как указывает Гильдебранд, осуществлен (в своеобразной форме) принцип, свойственный германскому средневековому праву, согласно которому всякий должен судиться и за границей

[1]) Русско-ливонск. акты. Приб. № 1. Стр. 435. Д. 23.
[2]) Там же. № XXII а.
[3]) Там же, № LXXIV.
[4]) Там же, № CLIII.
[5]) Там же, № CLIV.
[6]) Там же, № CLXI.
[7]) Там же, № CLX, CLXIV.

на основании того права, которое действует на его родине, он как бы носит это право с собой [1]). Впрочем, необходимо прибавить, что это принцип не только германского, но, быть может, еще в большей степени, романского права: итальянские купцы, отправлявшиеся на Восток, судились там на основании своего права [2]).

---

[1]) Hildebrand. Das deutsche Kontor zu Polozk. Baltische Monatsschrift. B. XXII. 1873, p. 366.

[2]) Гильдебранд полагает, что это относилось в данном случае только к преступлениям, но во всяком случае немцам удалось в этом смысле добиться в Полоцке гораздо большего, чем в Новгороде, где сохранился старый принцип судить виновного в том месте, где совершено преступление. Что касается области гражданского права, то, как видно из приведенного решения Витовта, на тяжбы частного характера новый принцип не распространяется. Но—как указывает Гетц—из других источников можно усмотреть, что полочане для суда над ними за долги посылались в Полоцк; когда же это не делалось, то они выражали свой протест, ссылаясь на договор. Мы встречаем и поездки полочан в Ригу для взыскания там долгов с рижан, причем в этом случае в суде на родине ответчика участвует и представитель истца, отправляемый в место, где происходит судоговорение. См. Götz, p. 349.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Торговля Московского государства с Западом в XVI и XVII ст. Торговля англичан и голландцев.

До XVI ст. главным пунктом, где соприкасалась хозяйственная жизнь России с Западом, являлся Новгород. Дополнением к нему были северо-западные города—Полоцк, Смоленск, Витебск, развивался путь по Западной Двине. Теперь выдвинулся север, Белое море вместо Западной Двины—Северная Двина, путь по ней и дальше до Москвы; впервые установились непосредственные морские сношения между Россией и Европой.

После открытия Америки Христобалем Колоном (Колумбом) во всех европейских государствах обнаруживается страсть к открытию новых стран, снаряжаются экспедиции для отыскания новых путей. Из Англии экспедиции направляются на север—ищут новых земель как на западе, так и на востоке. Идя к западу, англичане попадают на крайний север Америки, к Гудсоновой реке; двигаясь к востоку, они не находят, правда, нового пути в Азию, но зато, подобно Колону, открывают если не новую часть света, то во всяком случае новую страну—Московию.

Вновь возникшее „общество купцов-искателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещаемых“ отправило три корабля, из которых два были затерты полярными льдами, и смелые мореплаватели без теплой одежды и пищи медленно умирали; корелы нашли на Мурманском море корабли, которые „стоят на якорях в становищах, а люди на них все мертвы и товаров на них много“. Ричарду же Чанслеру, ехавшему на „Благом предприятии“, удалось благополучно добраться до Усть-Двины, где он пристал к монастырю св. Николая: „того же лета — читаем в Двинской летописи под 1553 г.—августа в 24 день прииде корабль с моря на устье Двины реки и обослався: приехали на Холмогоры в

малых судех от английского короля Эдварда посол. Рыцарт а с ним гости". Чанслер был вызван в Москву Иоанном Грозным и представил ему грамоту, экземпляры которой были даны каждому кораблю ко всем владетелям стран, в которые они могли бы попасть. „Мы предоставили почтенному и храброму мужу Гугу Вилибею и прочим с ним находящимся— говорится в ней—нашим верным и любезным подданным идти по их усмотрению в страны, им прежде неизвестные, чтобы искать того, чего у нас нет, и привозить из наших стран то, чего нет в их странах. И таким образом произойдет выгода и для них и для нас и будет постоянная дружба и ненарушимый союз между ними и нами".

Чанслер был милостиво принят Грозным, желавшим установить сношения с Англией, в особенности для получения с Запада вооружения, которого поляки и шведы не хотели пропускать: „государь, царь и великий князь—говорится в той же Двинской летописи—королевского посла Рыцарта и гостей аглинские земли пожаловал, в свое государство российское с торгом из-за моря на кораблях им велел ходить безопасно и дворы им покупать и строить невозбранно". Чанслер во время своего пребывания в Московском государстве собирал сведения о торговле, как это известно из записки его к дяде своему Фронтингэму, а находившийся при нем Иоган Гассе описал для английского купечества русские монеты, меры и весы, указал производимые в России товары и советовал устроить складочное место для английских товаров не только в Москве, но и в Вологде. После этого Чанслер благополучно „отошел в свою землю".

После таких успешных результатов, открывавших для английской торговли новое поприще и подготовивших все для нее необходимое, образовалась уже новая компания, во главе с губернатором, 4 консулами и 24 ассистентами, получившая в 1555 г. у короля Филиппа и королевы Марии хартию на исключительное право торговли с Московским государством, как и с другими странами, которые она откроет на севере, северо-востоке или северо-западе от Англии; всякая попытка посторонних лиц нарушить монополию компании, торгуя с этими странами, наказывается конфискацией товаров.

Компанией была выработана инструкция для своих агентов, отправляющихся в Россию, которые должны были собираться и советоваться о том, что было бы всего приличнее и выгоднее для компании, а в то же время изучать русский народ во всех его сословиях, его нравы, обычаи, подати, монету, вес, меру, счет, товары, которые могут быть с выгодой проданы в России; наконец, они должны были всемерно стараться выведать путь в Китай, морем или сушей. Кроме того, им предписывалось не нарушать никаких законов в

Московии, ни религиозных обычаев населения, торговать без нарушения порядка, с населением обращаться вежливо, не насмехаясь над ним, и не трогать женщин. Русского желательно заманить на корабль и напоить его, чтобы выведать у него разные тайны, но не делая ему при этом никакого зла. Далее слугам воспрещается богохульство, игра в карты, непристойные разговоры, всякие интриги и ссоры, предписывается обязательная утренняя и вечерняя молитва и чтение вслух Библии. В то же время компания приказывает соблюдать осторожность по приезде в Архангельск—не уходить далеко от своих судов, не расставаться по возможности с оружием, как и не проявлять жадности к подаркам.

В 1555 году Грозным была выдана компании первая привилегия, в которой установлена беспошлинная торговля англичан, свободный приезд в Россию и обратный выезд, а также было гарантировано, в случае кораблекрушения, возвращение компании всего спасенного имущества. В знак особого благоволения царя, она получила в Москве дом на Варварке. Новая привилегия была дана компании в 1567 году, привилегия крайне важная, ибо, помимо подтверждения прежних прав, ей дозволено вести беспошлинную торговлю также в Казани и Астрахани, Нарве и Дерпте, следовательно, ездить не только северным путем, но и чрез Балтийское море. Предоставлено и право торговать с восточными народами, в особенности вести торговлю с Персией, торговать „в Болгарии и Шамахе". Мало того, ни другим иностранцам, ни англичанам, не входящим в состав компании, не дозволено приезжать в Московское государство северным путем—гавани на Ледовитом океане и Белом море открыты для одной лишь компании. В 1569 г. к этому прибавлено право чеканить английскую монету на русских монетных дворах и привилегия „жить везде в России по своему закону"—право суда и наказания над англичанами принадлежит главному агенту компании, русские власти обязаны оказывать ему содействие. Наконец, за преступления, совершенные агентами компании, будет взыскиваться с них самих, но отнюдь не со всего общества—принцип личной ответственности, отказ от права репрессалий.

Это были чрезвычайно широкие права—исключительное право приезжать северным путем, возможность торговать с Персией, беспошлинная торговля, право торговать и иметь свои дворы во всевозможных городах, наконец, право самоуправления в широких размерах. Это был кульминационный пункт; никогда впоследствии компания не пользовалась столь широкими привилегиями. Правда, уже два года спустя Иоанн Грозный, разгневавшись на английскую королеву Елизавету

за ее нежелание заключить с ним политический союз, выместил свою злобу на „торговых мужиках“, т.-е. английских купцах, арестовав все их товары и заявив Елизавете, что „и без английских гостей Московское государство не скудно было“. Но вскоре припадок царя прошел и он вернул и товары и прежние вольности компании. И не без основания дьяк Щелкалов говорил английскому послу Боусу после смерти Грозного: „умер твой английский царь“ [1]).

Привилегии Федора Иоанновича и Бориса Годунова, которого англичане именовали „лордом-протектором“, при всем доброжелательном отношении их к компании, дают ей уже гораздо меньше. Правда, и здесь говорится: „мы, ради нашей сестры королевы Елизаветы и во внимание к тому, что, согласно их свидетельству, они подвергаются большим потерям и препятствиям при мореплавании, даруем... дозволение свободно приезжать в Москву и во все наши владения со всякого рода товарами и торговать ими, как пожелают. Приказываем не взимать никаких пошлин с их товаров, ни других сборов при переезде с места на другое водою или сухим путем, при спуске кораблей, при проезде через какую-нибудь землю, за корабли и суда, как и поголовных денег не брать с них, ни денег за проезд через мосты или за переправу и за свидетельство в местах остановки“ [2]).

Таким образом, англичанам даруется попрежнему право повсеместной торговли без уплаты пошлин и сборов. Но, помимо того, что им здесь не дозволена торговля в розницу, они уже не являются более монополистами. Северный путь открыт и другим народам, как открыт всем англичанам, а не одной только компании. Между тем англичане считали, что, открыв впервые северный путь в Россию, они имеют право на исключительную монополию торговли с Россией и не только на Архангельск, но и в Новгороде и Нарве. Англичанин Гаклейт еще в 1598 году писал, что английская нация приобрела себе великую славу навсегда, вследствие открытия моря у Северного мыса, ранее неизвестного, и удобного пути в Русскую империю через залив св. Николая и реку

[1]) Юрий Толстой. Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. Грамоты. 1875. Его же. Обзор первых сорока лет, сношений между Россиею и Англиею. 1875. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII ст. Зап. Имп. Акад. Наук. Т. VIII. Прил. № 1. Любименко. История торг. снош. России с Англией. Вып. I. 1912. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. Гл. XI. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. 1890. Гл. IV. Костомаров. Очерки истории торговли Моск. госуд. в XVI и XVII ст. 1889. Гл. I.

[2]) Милостивая грамота Федора Ивановича, нового царя, дарующая привилегии английским купцам. Записки о Московии XVI века Сэра Джерома Горсея. Перев. Белозерской. 1909. Прил., стр. 117.

Двину. Он сравнивал это открытие с открытием португальцами моря у мыса Доброй Надежды и морского пути в Индию, а итальянцами и испанцами—неизвестных прежде стран к западу и юго-западу от Гибралтара и от Геркулесовых столбов [1]).

Таким образом, открытие морского пути в Московию приравнивалось к открытию морского пути в Индию, а открытие самой Московии к открытию Америки—англичане хотели доказать, что они в области открытий не уступят португальцам и испанцам. В силу этого, в грамоте, переданной английским послом Елизаром Флетчером в 1587 г. царю Федору от „Елизавет Королевны", говорилось, что торговля предоставлена была английским „торговым людям, которые впервые на Русь дорогу нашли морем с великими убытки и с томленьем", и прибавлено: „ино иным не пригодитца на Русь ездити, которые ся не убытчили и не промышляли тем первым путем". И обращаясь к „любительному брату своему, государю, о том, что которые статьи написаны были в торговой грамоте, которую гостем дал прежний государь Иван Васильевичь, а те бы статьи, которые пригодятца, написати велел в нынешнюю грамоту",—Елисавета прежде всего бьет челом Федору Иоанновичу, „чтоб англичанин никаков и иные иноземцы не ездили торговать вь его государеву землю, по сю сторону Варгава, ни к которому пристанищу, к Двинскому устью, и к Ругодиву (Нарве) и в Новгород без королевнины проезжие грамоты и ослобоженья". Иначе говоря, кроме компании никто торговать не должен, ибо только ее агенты будут получать „королевнины проезжие грамоты".

Флетчер в своей речи прибавил к этому подробное об'яснение и заявление от имени королевы, „чтоб он, государь, вспамятовал, что ее прежреченные торговые люди первое дорогу проискали и торг уставили всее земли, и им стали в то убытки в их товарех, а его, государеве, земле и его, государевым, подданным людям от них великая прибыль учинилась", а королевна надеется, „что государь и его государевы разумные думцы то их страданье вменят им за доброе дело". Он ссылается как на то, что „те, которые дорогу проложат и пристанища находят, в великой чести бывают и их везде берегут, во всех землях", так и на пример („а болши того обрасца ненадобеть") „великоразумного и мудрого" отца государя, „как он с великою любовью принял ее торговых людей и дал им свои жаловалные поволные грамоты, что им одним торговати во всем в его государстве, и для его государевы любви гости ее радовалися его государевым жало-

---

[1]) Гамель. Англичане в России в XVI и XVII. ст. Прил. I к т. VIII. Зап. Имп. Акад. Наук, стр. 32.

ваньем и того для пребывали в торговлях на Руси и не отвели своее торговли к иным землям“. А между тем „здесь торгуючи мало прибытка имеют против того, что им можно взяти в иных государствах, которые государства поближе к ним... толко они все на себя приимают, не хотя отстать от него, от государя“.

Заслуги компании, следовательно, велики. Ею впервые найден путь, она торгует с убытком на Руси, а могла бы в других землях иметь большую прибыль, для Руси же большая выгода получается. Отсюда, по примеру Грозного, ей следует даровать исключительное право торговли. Королева Елизавета просит, чтоб государь „от нее выслушал, что ей известно есть про ее гостей, как они от иных терпели и что иноземцы над ними чинили, которые иноземцы вытеснили их из их торговли, а они сперва здесь торг уставили“.

В ответ на это велено было об'явить „королевнину посланнику Елизару“, какие огромные привилегии англичане получили: им „было жалованье мимо всех иноземцев, а какова им дана была поволная торговля во всех государя нашего государствах, и дворы им подаваны во многих городех государя нашего безданны, и грамота им жаловалная... сперва дана, какова им была люба, и пошлин с них имати не велел в своем государстве, на Москве и по всем городом“. „А в те поры—читаем далее—за государем нашим... была государя нашего вотчина, Лифляндская земля и большое пристанище морское было у Ругодива (Нарвы), и всех поморских государств торговые люди с товары приходили к Ругодиву, а не одни аглинские гости приходя в государя нашего государстве торговали... а ты ныне в своих речех говорил, будто одним аглинским гостем торговать велено (было) в государя нашего государстве, и то гости аглинские ложно сказывали королевне“. „А как Ругодивское пристанище от государевы вотчины отошло и отец государев... у морского пристанища, у Колмогор велел поставити город и всяким торговым людем изо всех государств поволил приходить к своему государству к Двинскому городу к пристанищу морскому, а аглинским гостем в своем государстве поволил государь торговати по прежнему всякими товары без вывета и свое государево жалованье к ним держал великое, свыше всех земель гостей“. При этом Флетчеру указывается и на то, что англичане на Руси вовсе не „великие убытки терпели“, а напротив „торгуючи безпошлинно много лет, многие корысти себе получили“. Особые же их преимущества, которые им дарованы „мимо всех иноземцев“, заключаются и в том, что им дозволено проезжать „в Бухары, в Шамаху, и в Казбин, в Кизылбашскую землю... и мимо Казани и Астрахани во все в те государства пропущати

торговати государь велит и пошлин с них имати не велит"; тогда как „иным иноземцем никому никуды мимо Московское государство, ходити не велено ни одное версты за Москву, не токмо в Казань и за Казань, и за Астрахань, а аглинским гостем, мимо всех иноземцев, через свои государства так поволил ходить в такие далние государства, любя сестру свою любителную Елизавет Королевну" [1]).

Таким образом, сохранить за одной лишь компанией торговлю северным путем не удалось. Еще менее шансов на успех имела, конечно, попытка запретить другим иностранцам торговать в Нарве и других русских городах. Впрочем, ответ, данный Флетчеру царем Федором, не во всем соответствовал действительности. В Нарве, правда, всегда торговали купцы других национальностей, шведы, ганзейцы и т. д., и вели там торговлю еще гораздо раньше, чем появились на Руси англичане. Что же касается Архангельска, то в ответе Федора Иоанновича дело изображается так, как будто с потерей Лифляндии Грозный перенес торговлю к Северному морю, хотя как мы знаем, инициатива исходила от англичан. В Архангельск первоначально приезжали одни представители английской компании, а вовсе не „всякие торговые люди", и только позже стали появляться и голландцы, французы, гамбургцы, как и посторонние компании англичане.

Англичане несомненно впервые открыли путь в Архангельск, хотя отдельные случайные поездки этим путем, как указывает Гамель, совершались еще до них [2]). Из этого однако еще нельзя делать вывода, будто без них торговые сношения на Белом море не установились бы. В эту эпоху, когда все народы стали совершать путешествия для открытия новых земель, и этот путь не мог остаться неизвестным; если бы не англичане, то голландцы, которые уже делали попытки в этом направлении, несомненно попали бы в Белое море и установились бы сношения между Западом и Московским государством. Белое море являлось в то время единственным, открывавшим России свободный выход и непосредственные сношения; путь на Архангельск был вполне естественным, необходимым.

Англичане явились пионерами в морской торговле с Русью; они дали Московскому государству возможность вступить в непосредственные сношения с Западом, получая оттуда и товары, и опытных мастеров, тогда как другие страны—Германия (император) и в особенности Польша

[1]) Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера. Временник Имп. Моск. Общества Истор. и Древн. Российск. Кн. VIII. Стр. 5. 7. 12. 15—16.

[2]) Гамель, I, стр. 32 сл.

относились к этому крайне недоброжелательно, опасаясь, как бы Московия, „враг наследственный всех свободных народов“, который до сих пор „был невежествен в художествах и незнаком с политикой“, не научился промыслам и искусствам, не приобщился бы к европейской культуре, а в то же время не стал бы выделывать нужные для войны предметы; в этом случае Запад мог опасаться „ужасного нашествия жестоких врагов—московитов“. Отсюда нападения поляков, датчан, шведов на английские, французские и иные корабли, направляющиеся в Архангельск.

Но причина захвата этих судов была и другая—попросту конкуренция различных народов, желание ослабить других и захватить в свои руки торговлю с Московским государством. Это было обычное явление в ту эпоху, когда западноевропейские страны—Англия, Голландия, Франция, Швеция, Дания—выступали на арену мировой торговли и в значительной мере посредством насильственных действий старались выбить конкурентов из различных стран. Такая борьба происходила и в Индии, и в Северной и Южной Америке, и в других частях света.

Московское правительство создало такую конкуренцию и у себя и тем самым лишило англичан возможности стать монополистами и распоряжаться на русском рынке по своему усмотрению. Правда, как мы видели, англичане и после Грозного пользовались гораздо бо́льшими привилегиями, чем купцы других стран. Беспошлинная торговля, право жить и строить свои дворы во всевозможных городах, ездить в страны Востока—все это было дано одной лишь английской компании, в качестве своего рода признательности за ее заслуги в деле сближения России с Западом, за то, что она положила почин в этой области. Но наряду с пятью пристанями на севере, предоставленными англичанам, две были отданы голландцам и, кроме того, в Коле было разрешено приставать и французам; и те, и другие получили право торговать в различных городах с уплатой половинной пошлины. Мало того, наряду с компанией торговали и отдельные, не входившие в состав ее, части, английские купцы, об'единявшиеся иногда в товарищества и наносившие крупный ущерб компании. Так, напр., в 1567 г. в Нарву приезжало до 70 английских кораблей, нагруженных главным образом сукном, металлами и винами, но привезенными не только из Англии, но также из Франции, Италии, Нидерландов. Посланы они были образовавшимся в Англии обществом для торговли с Нарвой, в составе 46 членов, во главе которого стоял один из бывших агентов компании Беннет и еще несколько человек, также из покинувших службу у компании приказчиков. На такие, происходившие неоднократно по-

пытки бывших агентов компании устраивать конкурирующие с нею общества компания реагировала, добиваясь у королевы Елизаветы писем к царю с просьбой о выдаче „непослушных подданных, неблагодарных граждан своего отечества“, но и Грозный и Федор Иоаннович решительно отказывались выполнить ее волю [1]). Представитель компании Горсей среди своих заслуг указывает на ту пользу, которую он принес компании, не только добившись права ездить чрез Россию в страны Востока и уплаты различных долгов компании, но также того, что „все купцы, которые вели торговлю в этой стране контрабандою, без позволения английской компании, в числе 29, были отданы в его руки для препровождения их в Англию“ [2]). Но он ошибался: это была лишь небольшая часть „контрабандистов“, остальные продолжали свободно торговать и впоследствии. Привилегия царя Бориса, данная компании в 1598 г., подобно предыдущим, не содержала никакого запрещения для этих лиц торговать в России, как ни добивалась этого компания.

В других частях света, где английские компании открывали новые земли и вступали в торговые сношения, они поступали гораздо решительнее как с купцами других национальностей, так и с теми англичанами, которые позволяли себе торговать помимо привилегированной компании. Происходили форменные сражения с первыми и изгнание их из данной местности, пускали ко дну суда вторых, и они рассматривались в качестве пиратов. Но там речь шла о завоевании новых стран и покорении туземцев, строились форты, содержалось войско. В России положение было совершенно иное, все зависело от благоволения и согласия правительства. Только на пути туда, на море можно было производить нападения на суда конкурентов, но в пределах страны приходилось, скрепя сердце, мириться со всеми нарушителями монополии, ограничиваясь распространением про них всяких ложных слухов и наветов, называя их шпионами польского короля и т. п. И так поступала не только английская компания, но и иные английские товарищества по отношению к ней, голландцы относительно англичан и т. д.

Как мы видели, в Московское государство приезжали для торговли купцы всевозможных наций. Действительно, торговали по всей Руси литовцы и поляки, со времени Тявзинского мира 1595 г. и шведы (первоначально только в Новгороде), с 1587 г. французы. Посещали Россию ливонцы,

---

[1]) Любименко. История торг. снош. России с Англ. в XVI ст. Стр. 52 сл., 106 сл.

[2]) Записки о Московии XVI века сера Джерома Горсея. 1909. стр. 78.

гамбургцы и бременцы, датчане. Но наибольшую роль играли первоначально англичане, а затем первое место стали занимать голландцы. Эти две крупнейшие торговые нации, соперничавшие за преобладание и в других странах и частях света, и здесь вели ожесточенную борьбу, и в результате победа осталась за голландцами,—по крайней мере в XVII и в начале XVIII ст. В 1618 г. нидерландский резидент в России Исаак Масса писал в своем донесении генеральным штатам из Архангельска, что „в настоящее время англичане здесь осрамлены, а наша речь теперь в силе. Наконец, в Москве князья узнают истину относительно всего, что прежде говорилось о торговле с англичанами, от которой, в течение 50 лет, царь не получил никакой выгоды, между тем, как от голландцев ежегодно поступают значительные суммы в таможню; теперь узнают, кто лучше и усерднее служит России во всех отношениях... Насколько здесь прежде англичан уважали, настолько их ныне презирают; насколько они прежде держали здесь себя гордо, настолько они теперь повесили нос и сделались чрезвычайно ласковы к нам; впрочем, иначе они и не могли поступить, и если не представится какого-либо средства, то компания их рушится в этом году, так как в этом году прибыло лишь три английских корабля в Архангельск, а наших было больше тридцати, и они продали весь свой товар и возвращаются в Голландию, нагруженные русскими произведениями“. „С нашими купцами—прибавляет Масса—в нынешнем году поступлено чрезвычайно милостиво. Они заплатили с купленных и проданных товаров пошлины в размере не более 2 проц“. Он указывает на то, что англичане всячески стараются возбудить ненависть к генеральным штатам, что они подали царю записку с сообщением о том, что Голландия „желает вмешиваться в дела всех стран и вселить в них раздор“, что она была виновницей шведской войны, которая большей частью производилась ее силами и средствами, и что она добилась выступления Польши против России [1].

Англичанин Коллинс, с своей стороны, 50 лет спустя, характеризовал деятельность голландцев на Руси следующим образом: „Голландцы, как саранча, напали на Москву и отбивают у англичан хлеб. Они гораздо многочисленнее, богаче англичан, ничего не щадят для достижения своих целей и всюду бросаются, куда манит их выгода. В России принимают их лучше, чем англичан, потому что они подносят подарки боярам и таким образом приобретают их покрови-

[1]) Записки о России XVII и XVIII века по донесениям голландских резидентов. Три письма Исаака Массы генеральным штатам. 2-ое и 3-е письмо. „Вестн. Евр.“ 1868. VIII. Стр. 802—03. 809—10.

тельство. Точно также они стараются унизить и осмеять англичан: рисуют карикатуры, сочиняют пасквили и тем вызывают у русских отрицательное представление о нас. Они изображают нас в виде бесхвостого льва с тремя опрокинутыми коронами и множества больших собак с обрезанными ушами и хвостами... И эти изображения их производят на русских большое впечатление“ [1]).

Таким образом, обе стороны прибегали к одним и тем же средствам. Голландцы в особенности старались добиться отнятия у англичан тех усиленных привилегий, которыми московская компания пользовалась. Эти привилегии были подтверждены еще в 1614 и в 1628 г.г. Царь Михаил Феодорович, по примеру царя Феодора и царя Бориса, предоставлял „аглинским гостем сер Томасу Смиту Книхту с товарищи ходити к Москве и в нашу отчину в Великии Новгород и во Псков и все наши государства с товаром торговати беспошлинно... для великого государя брата нашего любительного Якуба (Якова) короля любви“. Им разрешено попрежнему „товар свой продавати на Колмогорах и на Двине и на Вологде и в Ярославле“, причем подробно перечисляются всякие пошлины (замытные, свальные, проезжие, судовые, с голов и с мостовщины, с явки и с перевозов), которых „имати есмя не велели“.

Впрочем, в жалованной грамоте 1628 г. все эти права распространяются только на „Сер Джона Мерика Книхта с товарыщи с двадцати трех человек, которым гостем имена подал... его королевского величества агент Фабян Смит“. На самом деле не только эти 23 человека, но и целый ряд других лиц, под видом их слуг и факторов, торговали беспошлинно; не говоря уже о том, что англичане нарушали постановление „чужих товаров за свои товары с собою не привозити“, а продавали, пользуясь освобождением от пошлин, и товары, привозимые из других стран или принадлежащие купцам других национальностей, под видом своих, нанося убыток не только казне, но и русским купцам. Последние с восшествием на престол царя Алексея Михайловича били челом ему, что „после московского разорения, как воцарился отец твой, государев, английские немцы, зная, что им в торгах от Московского государства прибыль большая и желая овладеть всяким торгом, через подкуп думного дьяка Петра Третьякова взяли из Посольского приказу грамоту, чтобы торговать английским гостям у Архангельска и в городах Московского госуларста 23 человекам; но начали приезжать в Московское государство человек по 70 и больше,

---

[1]) Коллинс. Нынешнее состояние России. Чтен. Имп. Общ. Истор. и Древн. 1894. I, 38—39.

понастроили себе домов и живут без с'езду, товара своего у Архангельска русским не продают и не меняют, а везут его прямо в города и продают, когда поднимутся в цене; русские же товары, которые мы прежде на их товары выменивали, теперь они покупают сами, своим заговором, чрез посылаемых ими по городам и селам покупщиков и отвозят в свою землю беспошлинно или, тоже без платы пошлин, тайно продают на деньги у Архангельска купцам других наций, голландским, брабантским и гамбургским немцам; всеми торгами, которые принадлежали нам, завладели английские немцы" [1]).

Здесь мы находим всевозможные обвинения—и в беспошлинной торговле целой массы не имеющих на то права лиц, и в непосредственной закупке товаров у местных жителей, минуя купцов, что было запрещено, и в продаже товаров другим гостям, что также не дозволялось,—словом, во всех грехах, которые можно было поставить в вину купцам того времени. „Милосердый государь—заключают они,—пожалуй нас, холопей и сирот своих, не дай нам от иноверцев быть в вечной нищете и скудости, не вели искони вечных наших промыслишков у нас бедных отнять".

Челобитная возымела свое действие, ибо совпадала с интересами самого московского правительства, несшего явный убыток от привилегий компании, которая не платила пошлин. В виду развития торговых оборотов ее, эти убытки были уже весьма значительны, и московское правительство, у которого не хватало решимости лишить сразу англичан этой привилегии, воспользовалось удобным случаем и покончило с прежними их льготами.

Когда после воцарения Алексея Михайловича возник обычный вопрос о подтверждении жалованной грамоты англичанам, он сослался на то, что англичане учинили „злое дело, государя своего Карлуса до смерти убили". Как писал Кильбургер, „царь сказал, что такие люди, которые своего собственного короля лишили жизни, недостойны его привилегий". „Когда вы своему королю по изменнически дерзнули голову отсечь, чего подлее нигде на свете не слыхано, то я с вами никакого сообщения не хочу"—велел им сказать царь. Английскую революцию и убийство короля Карла искусно эксплоатировали и голландцы, обвиняя англичан в неблагонадежности. Указ 1649 года ссылается на то, что царь Михаил Федорович разрешил англичанам повсюду торговать в России, но теперь, в 1649 г., многие прежде пожалованные англичане умерли,—стало быть, и привилегия

[1]) Акты Археографич. Экспед. IV. № 13. Соловьев. Изд. 3-е. X. 129 сл. Цветаев, стр. 268.

потеряла свое значение. Далее приводятся обычные обвинения англичан, что они составили союз, торгуют заповедными товарами и т. д., отчего русские торговцы беднеют, англичане богатеют. И в заключение указывается на то, что прежде торговали они по государевым жалованным грамотам, которые даны им по прошению „английского Карлуса короля", а теперь они убили его и потому грамота потеряла силу. В результате англичане были выселены из Москвы— им в Московском государстве „быть не довелось", а велено „со всем своим имением ехать за море, а торговать с Московскими торговыми людьми всякими товарами, приезжая из за моря у Архангельского города" и притом с уплатой пошлин [1]). Если когда-то в шутку говорили, что английский двор будет превращен в монастырь, то теперь в нем была устроена „большая тюрьма".

Сношения между Россией и Англией после этого не прекратились. Царь Алексей не признавал Кромвеля и весьма нелюбезно обошелся с его послом, напротив, поддерживал переписку с принцем Карлом, а по восшествии его на престол, возобновился обмен посольствами. Стюарты после реставрации стали вновь поднимать вопрос о возвращении их подданным привилегий в Московском государстве, ссылаясь на то, что, лишенные царем прежнего своего положения в наказание за измену законной династии, они теперь, по возвращении ее, должны получить полное прощение. Но ни обращения в этом смысле к Алексею Михайловичу, ни такие же просьбы, направленные к Федору Алексеевичу, а затем к Иоанну и к Петру, не привели к каким-либо результатам. „Прежним компаниям (соглашениям) быть не годится—от них более ссоры, чем дружбы,—открылось, что они торгуют подкрадными обидными товарами", т.-е. контрабандой. Решено было раз навсегда покончить с теми особыми, чрезмерными льготами, которыми пользовались на Руси англичане [2]).

Более глубокая причина отмены этих привилегий заключалась в том, что русское население не нуждалось более в посредничестве англичан для сношений с Западом, ибо имелось достаточно купцов других национальностей, которые занимались привозом товаров в Россию и вывозом их оттуда. За сто лет до потери английской компанией исключительных привилегий в Московском государстве английское правительство лишило ганзейцев тех особых преимуществ, ко-

---

[1]) Мартенс. Собрание трактатов и конвенций. Т. IX (X). 1882. Введен. XCIII—XCIV.

[2]) Любименко. Торговые сношения России с Англией при первых Романовых. Журн. Мин. Нар. Просв. 1915. XI. 15. Соловьев. Ист. Росс. Т. XII. 241.

торыми они пользовались в Англии, и закрыло их двор в Лондоне („суконный двор"). Теперь Россия таким же образом поступила с англичанами. Однако, полного соответствия между этими действиями не было. Англичане освободились в XVI ст. от посредничества ганзейцев и итальянцев, в руках которых находилась прежде торговля между Англией и другими странами. Они сами стали теперь не только приобретать за границей нужные им товары, но и выполнять в других странах ту же роль, какую играли прежде ганзейцы. В XVII ст. Ганза была вытеснена и из Скандинавских государств. Подобно Англии, и последние уже не нуждались в иностранных купцах, а напротив, стали теперь сами посещать другие страны, в том числе Московское государство и производить там торговлю. Русские до такой ступени еще не успели подняться в XVII ст. Они могли отнять прежние жалованные грамоты у англичан, но обойтись без иностранцев вообще они еще не в состоянии были. Хотя они и старались уже сократить привилегии иноземных купцов вообще, по возможности ограничивать их требование в Архангельске и не пускать вглубь страны, но фактически это далеко не всегда удавалось—приходилось (как мы увидим ниже) делать исключения в пользу многих отдельных купцов и даже целых национальностей. Русские флота не имели и еще не научились ездить за границу и там вести активную торговлю. Эта цель еще и значительно позже достигута не была. Следовательно, без иностранных купцов обойтись невозможно было.

Пока сделан был лишь первый шаг в этом направлении. Жалобы на иноземцев раздаются и впоследствии, да и англичане продолжали попрежнему торговать, хотя и только в Архангельске и с уплатой пошлин, на общих с прочими иностранцами основаниях. Лишь некоторым из них выдавались специальные грамоты на приезд в Москву и в другие города.

Но потеря привилегий англичанами еще более усилила их конкурентов—голландцев. В 1582 г. в Архангельск прибыло 9 английских кораблей, но всего 6 голландских, в 1600 г.—12 английских и 9 голландских. Напротив, в 1613 г. приехало 30 голландских кораблей, в 1618 г. из общего числа 43 судов имелось 30 голландских, в 1630 г. вошло в гавань даже 100 голландских и всего несколько английских кораблей. В 1658 г. среди 80 судов было всего 4 английских [1]). „В этом году—сообщает Корнилий де Бруин в своем путешествии через Московию 1708 г.—в Архангельск прибыло очень много купеческих кораблей, насчитывали их до

---

[1]) Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. 1915. Об'яснения и дополн., стр. 432 сл.

154, а именно 66 английских, в сопровождении 4 военных кораблей, столько же голландских с тремя военными кораблями, 16 гамбургских, 4 датских и 2 бременских. Впрочем, из английских было много небольших судов с незначительным грузом" [1]). „Во всей Европе нет нации, которая производила бы бо̀льшую торговлю с Архангельском и со всем Московским государством, чем голландцы,—говорит француз Савари в своем „Совершенном купце" (1674 г.)—ибо они отправляют туда ежегодно от 24 до 30 судов... Гамбургцы и бременцы тоже посылают туда корабли, но их значение гораздо меньше, ибо первые посылают не более 4—5, а вторые одно или два судна в год. И англичане отправляют туда корабли, но в меньшем числе, чем голландцы" [2]).

Савари указывает на то, что эти 25—30 кораблей, отправляемых голландцами ежегодно в Россию, нагружены главным образом французскими товарами. И вывозимые из России товары они сбывают преимущественно во Францию, за исключением двух-трех судов, которые они нагружают русской икрой и юфтью и отправляют в Геную и Ливорно.

Таким образом, оказывается, что торговля с Московским государством производится в сущности в широких размерах не Голландией, а Францией. Последняя является страной происхождения и страной назначения: привозимые в Россию товары производятся во Франции, вывозимые оттуда—предназначены для французского рынка, для французского потребителя. Голландцы являются лишь посредниками между Россией и Францией.

Чем же об'ясняется такая роль их? Почему французы не могли самостоятельно привозить свои товары в Архангельск и вывозить оттуда нужные им русские продукты? Иначе говоря, чем обусловливалось важное значение Нидерландов в этой торговле?

Савари насчитывает целый ряд причин, вызывающих преобладание голландцев, по сравнению с французами. Голландцы имеют много судов, французы мало. Стоимость судов первых на 25 проц. ниже стоимости последних, ибо лес и рабочие руки им обходятся дешевле. Голландские матросы опытнее французских, и там, где на французском судне необходимо 12 матросов, голландское ограничивается восемью. Голландские матросы довольствуются камбалой и сыром, водой, пивом и небольшим количеством хлебного спирта, тогда как французам нужен свежий хлеб, свежее мясо, а не только солонина, хорошие сухари, вино и разные водки. К этому при-

---

[1]) Путешествие Корнилия де Бруина через Московию. Пер. Барсова. Чтен. в Имп. Общ. Ист. и Древн. 1872. II. 100.

[2]) Savary des Bruslons. Le Parfait Négociant. 1674. II, p. 198.

соединяются и другие моменты—свойства нидерландских купцов. Они более знакомы с мореплаванием, чем французы, купцы могут заменить моряков, ибо с юных лет они служат на судах дальнего плавания. Голландские купцы богаты и поэтому в состоянии вынести значительные потери. Они давно уже поселились в Москве, Архангельске и других больших городах Московии и знакомы со всеми обычаями страны. Они в состоянии сбывать товары русским в кредит на год и даже на два, и закупать товары на наличный расчет, причем они знают хорошо свою клиентелу и умеют различать среди русских купцов добросовестных плательщиков от недобросовестных и, в случае банкротства, умеют избежать неприятных последствий. Наконец, торговля Нидерландов сопряжена с меньшим риском, ибо в Амстердаме учреждено общество морского страхования, имеющее 60 военных кораблей, которые сопровождают торговые суда и охраняют их от нападения пиратов.

Однако, Савари находит, что если до недавнего времени голландцы действительно имели такие преимущества, то в настоящее время положение изменилось и французы могли бы производить с таким же успехом торговлю с Московией.

Недавно—говорит он—образовалась северная компания, которая посылает свои суда в Балтийское море и вывозит французские товары в прилежащие к нему страны, в последних же закупает корабельный лес; так что постройка французских судов стоит теперь не дороже, чем голландских. Если голландцам дешевле обходится содержание экипажа, то эта выгода вполне компенсируется тем, что им приходится закупать экспортируемые в Россию товары во Франции и до отправки их выгружать в Амстердаме, а затем из складов снова нагружать на суда. Вследствие этого, они вынуждены уплачивать дополнительные пошлины в Нидерландах при ввозе и вывозе, от которых французы свободны, не говоря уже об утечке при этом вина, спирта и других жидкостей.

И в Париже недавно образовалось страховое общество, в котором даже голландцы страхуют свои суда. Оно не имеет, правда, конвойных судов, но последние нужны главным образом лишь во время войн.

Но одно соображение, говорящее в пользу нидерландской торговли, Савари во всяком случае признает. Голландцы имеют много опыта в торговле с Московским государством и помещают в ней значительные капиталы, ибо сыновья купцов становятся также купцами, при вступлении в брак детям даются крупные капиталы, так что они начинают дело с бо̀льшими суммами, чем имеет самый богатый купец во Франции, который направляет своих детей в другие профессии. В то время, как во Франции они покидают промы-

сел отца, в Нидерландах капитал не уходит из торговли, остается в семье и возрастает, благодаря бракам между купеческими семьями. По этой причине французы в состоянии успешно развивать свою торговлю лишь при помощи крупных компаний [1]).

Таким образом, голландцы заняли в XVII ст. первое место в торговле с Московским государством по тем же причинам, в силу которых они стали вообще первым торговым народом в эту эпоху, признанными всеми фрахтовщиками, мореплавателями и купцами, посредниками между самыми различными странами [2]). Это положение Нидерландов создалось прежде всего, благодаря обилию привозимых ими материалов для постройки судов и приспособленности их, как приморских жителей, к мореплаванию. Оба эти момента дали им возможность создать большой торговый флот, флаг которого развевался на всех морях, как и обеспечить дешевизну фрахтов. С другой стороны, наличность значительного, вполне сформировавшегося и опытного торгового класса, в пределах которого предприятия переходили от отца к сыну, составляла характерную особенность голландцев; а знакомство их с обычаями тех стран, с которыми они торговали, в данном случае с купечеством Московского государства, с его привычкой закупать товары в кредит, с кредитоспособностью отдельных лиц, доставляло им преимущество перед купцами других национальностей.

В то время, как торговля Нидерландов с заокеанскими странами находилась в большинстве случаев в руках привилегированных акционерных компаний, существование которых исключало возможность торговли отдельных купцов с этими областями, Россия являлась одним из тех государств, где всякий голландец мог свободно торговать. Для нидерландского купечества именно здесь открывался широкий простор для применения своих капиталов и своего опыта.

Савари исходит из того, что торговля совершается на Архангельск, и торговлю в этом городе он находит для иностранцев наиболее выгодной: „для того, чтобы торговля с Московским государством шла успешно, желательно, чтобы она сосредоточивалась целиком в Архангельске“ [3]). Это соответствовало действительности: во второй половине XVI и XVII ст. Архангельск являлся центральным пунктом тор-

[1]) Savary. Le Parfait Négociant. II, p. 202 сл.
[2]) См. мою Истор. экономич. быта Зап. Европы. 6 изд. Ч. II. Гл. 1 II. Отд. 3-й. IV. Гл. 1.
[3]) Savary. II, p. 194.

говли с Западом. „История Архангельска—справедливо замечает Б. Г. Курц—есть не что иное, как история русской внешней торговли с Западной Европой со времени Иоанна Грозного до преобладания петроградской торговли“. Значение его было столь велико, что—как указывает тот же автор в другом месте—во время архангельской ярмарки торговая жизнь самой Москвы ослабевала, вследствие выезда купцов в Архангельск [1]). Не только частные купцы, но и сам царь отправлял в Архангельск—по словам англичанина Коллинса—огромное количество мехов, мыла, пеньки, льна, которые там обменивались на шелковые ткани, меха, бархаты, парчи, атласы, сукна и другие товары [2]).

Шведский комиссар де Родес в своем донесении о русской торговле производит подсчет расходов по перевозке товаров из-за границы в Москву или из Москвы за границу на Архангельск и сопоставляет их с расходами по перевозке чрез Балтийское море на Новгород, Ниен, Нарву, Ревель. Оказывается, что в последнем случае, вследствие уплаты пошлин в Лифляндии и при проходе судов через Зунд, издержки выше, чем при провозе на Архангельск. Но помимо этого купцы придавали—по словам де Родеса—значение еще и другому моменту, говорившему в пользу Архангельска, тому, что не приходилось „проезжать земель какого-нибудь другого государя, хотя бы они должны были из-за этого плыть кругом 50 или гораздо больше миль“ [3]). При проезде же по Балтийскому морю приходилось провозить товары через владения Швеции, которой принадлежала до Петра Ингерманландия. Автор другого шведского сочинения, относящегося к тому же времени, сообщает, что действительно с появлением архангельской торговли балтийская торговля пала, тогда как до этого времени в балтийские порты приходило 200—300 судов. Шведы пытались бороться с этим, но безрезультатно [4]).

Кильбургер рассказывает, что „к половине июля все купцы уезжают из Москвы на Архангельскую ярмарку и находятся в дороге на почтовых лошадях 14 дней... В июле приходят корабли и тогда ярмарка продолжается до сентября месяца, так что корабли идут опять отсюда иногда только в октябре, из чего можно заключить, что купцы из

---

[1]) Курц. Сочин. Кильбургера, об'ясн. и дополн., 420. Его же. Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в пол. XVII ст. Журн. Мин. Нар. Просв. 1912. III. 93.

[2]) „Русск. Вестн.“ 1841. IX. 568.

[3]) Де Родес. Донесение о русской торговле. Перев. Курца. Чтения в Имп. Общ. Ист. и Древн. 1915. II. Стр. 175 сл. 187.

[4]) Форстен. Сношения Швеции и России во втор. пол. XVII в. Журн. Мин. Нар. Просв. 1898. II. 238.

Голландии, Гамбурга и Бремена совершают торговлю с Россией в течение 5 месяцев" [1]).

Однако, ярмарочное время не всегда было одинаково. До 1663 г. ярмарка начиналась и оканчивалась в течение августа; но с этого года, по челобитью иностранцев, что ярмарка бывает поздно и только месяц, а корабельный ход от города бывает, за морозами, опасен, велено продолжить ярмарочное время на 3 месяца, с 1 июня до Семена дня, до 1 сентября. Однако, выгоды для русских купцов от этого удлинения срока ярмарки не получилось, ибо с тех пор иноземные корабли стали приходить только к августу, так что русским купцам в ожидании их приходилось напрасно проживать в порту, а иностранцы закупали у них товары перед самым закрытием ярмарки. Вся торговля сводилась к одной неделе, в течение которой наше купечество торговало с ними „свальным торгом поневоле, с великим накладом". Поэтому оно просило позволения торговать и за Семен день. Действительно, правительство находило, что ограничивать ярмарку началом сентября, как домогались голландцы, невозможно, ибо „торговые промыслы имеют свободу", и в 1679 г. указано быть Архангельской ярмарке без определенного срока [2]).

На противоположном конце Московского государства находился другой торговый центр, где сосредоточивалась торговля с Востоком—Астрахань. Сюда приезжали персы, армяне, татары, бухарцы, даже индусы; все они известны были у нас под общим именем „кизыльбаши" или „тезики". Иностранцы, посещавшие Московское государство, называют Астрахань „большим и многолюдным торговым городом", где „бывает большое стечение народа и прославленная торговля". Сюда доставлялись товары как для потребностей русского населения, так и закупаемые русскими купцами для перепродажи западно-европейскими купцам. Описывая свое путешествие по Волге, бар. Майерберг заключает его словами: „после 3000 верст течения Волга соединяет принесенные ею воды вечным союзом с неизменным ее господином, Каспийским морем, да еще наделив их приданым. Потому что для отправки армянам, мидянам, парфам, персам и индусам она привозит вверенные ей русскими драгоценные меха собольи, куньи, горностаевые и рысьи. А берет за то у них разные ткани льняные, хлопчатобумажные и шелковые, золотые и серебряные парчи, ковры, сырой шелк, окрашенный в разные цвета, рубины, бирюзу и жемчуг, ревень, закаленные в Бактриан-

[1]) Кильбургер, 163—64.

[2]) Акты Археогр. Эксп. VI. 151. Доп. к Акт. Истор. XI. 126. Огородников. Очерк истории города Архангельска. „Морской Сборн." 1889. X. 128—29. Marperger. Moscowitischer Kauffmann. 1723, p. 162 сл.

ском Низапуре (в Персии) клинки и на обратных судах отвозит все это по бегущим ей навстречу рекам Оке и Москве, даже в самую столицу Московской России" [1]) [2]).

О предметах торговли России с Западной Европой дает представление единственная сохранившаяся от того времени торговая книга, составленная — по словам напечатавшего ее И. И. Сахарова—в 1575 и 1610 г.г. Эту торговую книгу не следует смешивать с теми торговыми книгами различных купцов западно-европейских государств, которые сохранились в иностранных архивах и в последнее время найдены и опубликованы. В то время, как последние представляют собою записи доходов и расходов, различных, совершенных этими купцами, операций, являются бухгалтерскими книгами, упомянутая торговая книга, сообщающая нам сведения о торговле Московского государства, есть нечто иное, как руководство, составленное для русских купцов. Она называется: „книжка описательная, како молодым людем торг вести и знати всему цену, и отчасти в ней описаны всяких земель товары различные, их же привозят на Русь немцы и иных земель люди торговые". В отличие от однородных руководств для торговцев, составленных в эту эпоху в других странах, наша торговая книга однако ограничивается сообщением мер и весов и монет, перечнем привозных и вывозных товаров и указанием цен на них покупных и продажных, причем по поводу отдельных товаров, в особенности экспортируемых, даются некоторые полезные для купцов указания. Но ни торговые пути, ни города, ни пошлины, ни всякие иные приспособления для торговли не указываются, как нет ничего об иностранных государствах, с которыми Русь ведет торговлю.

Мы не знаем—говорит И. И. Сахаров—ни причин, побудивших автора к составлению этой книги, ни цели, ни имени его. „Без всякого сомнения она могла быть составлена только торговым человеком. Из самого состава ее видим, что этим делом занимался человек опытный и сведущий в торговых делах, человек осторожный и знающий хорошо русскую и заграничную торговлю своего времени", в особенности цены русских и иностранных товаров [3]).

---

[1]) Путешествие в Московию бар. Майерберга. Чтения в Имп. Общ. Ист. и Древн. 1873. III. 54.

[2]) Кроме Москвы, Архангельска и Астрахани Марпергер (Moscowitischer Kauffmann. 1723, p. 165 сл.) называет также следующие русские торговые города: Владимир, Кострому, Нижний-Новгород, Вел. Новгород, Холмогоры, Ярославль, Углич, Казань и ряд сибирских городов.

[3]) Торговая книга. Записки отд. Русск. и Славянск. археологии Имп. Археологическ. Общ. I. 1851. Стр. 106.

Рассмотрев весы и меры („память, по чему знати купить разные всякие рухляди весчее и в аршинех"), автор во второй части трактует о деньгах и о привозимых в Россию товарах: „память товарам немецким (т.-е. иностранным) всяким, и ефимкам, и золотым, и сукнам, и жемчугам, и всякой купеческой рухляди, почему на Москве и на Мурманском и в немцах купят и продают".

Привозные товары распадаются на одиннадцать групп. Прежде всего идут сукна („о сукнах всяких"), причем автор дает совет: „сукна смотрите, чтобы были краскою чисты, пежен бы и чалин и полос не было, гниль выщупывай и не местоваты бы были". Перечисляются всевозможные сорта—„брюкиш (от г. Брюгге), полубрюкиш, аглинские, свицкие (шведские), лимбарские (лимбургские), сукна, что делают в Брабанех (в Брабанте)". О сукне брюкиш говорится: „середняя мера 35 аршин, а мерные приходят и больше; а цвет в брюкишех лучший синь, лазорев, аспиден и голуб". По поводу французских сукон сказано: „по русски шарлат, а иным их сукнам имян не знаем и в лавках их нет". Цены против каждого сорта обозначены по стоимости его в Нарве: „в Ругодиве купили". Указано повсюду название их „по немецки", но из этих названий видно, что это не немецкие, а голландские. Очевидно, автор имел дело с голландцами, которые торговали сукном в Нарве.

Другой отдел трактует „о всяких камениях": яхонт, бирюза, наждак, ящур, вареник, вениса и т. д. „А вы пытайте наждак, чем обравнивают, а купят фунт наждаку в 3 алтына. А вы у мастера поучитеся, как алмазят камень и обделывают, и режут". Далее читаем: „почали ныне в изумрудный цвет делати достаканы лживые, а говорят свинцом подделывают стекло; и вам изумруд пытати изумрудовою трескою: и будет не имет его треска, ино то прямой изумруд, а имет треска, ино то поддельное стекло; в изумруде дорогом, что в зеркале видится вид человека".

Затем идет небольшой отдел о жемчугах („жемчужные зерны гурмытские смотри, чтобы были окатны, и сходчивы, и водой бы были чисты, а цена по зерну смотря") и отдел „о сахарах, кореньях и семях", в котором перечисляются привозимые в Россию пряности и благовония с указанием, сколько они стоят в Голантех (в Голландии), откуда привозятся: „анису фунт, коли дешев, 8 денег плати, а дорог 3 алтына; в Голанте платят фунт по 10 стювершей, а стюверш русские две деньги". Здесь находим и „цытварной корень, что к болезням дюже гожь", и солодковый дубец и ревень, где „корень толст, как лошадиные копыта", и „орехи скатные, лучшие, зеленые", и сахар разных сортов—„головной желтой, головной на бело, коробчатой, на спицах, леденец,

на инбире“. Привозилась и гвоздика целая, серая без мелочи, и кардамон, „что в питье кладут по зернышку“, перец, шафран, тмин, ладан, фимиам, мушкатные свежие орехи, о которых сказано: „а знати мушкат коли свеж, уколи его, ино сок выступит, а в сухом соку нет“; много и других колониальных товаров, привозимых голландцами из Ост-Индии, Зондских и Молукских островов в Амстердам и оттуда в другие страны, в том числе и в Московское государство.

В последних пяти отделах перечислены бакалейные товары („о солях и красках“)—купорос, квасцы, мышьяк, нашатырь, сулема и камфара, мастика, далее металлы, из которых привозилось олово разных сортов из Голанской земли (Голландии), из Антропы (Антверпена), медь и медная проволока, железо и железная проволока, кожи чатцкие, свитские, угорские, средние, большие, посольские, вина бочками (ренское, конарское, мушкатель, романея и т. д.), „золото цевочное“ (пряденое) и наконец „разные товары“. В этот последний отдел входят всевозможные товары: мыло шпанское (испанское)—бруски (его) велики, пестры, бумага хлопчатая, нитки немецкие, гарус, кружева, бархат, камки и тафты разные; но сюда же попали лимоны, чернослив, грецкие орехи [1]).

Всего перечислено в торговой книге 170 видов привозимых иностранцами товаров. Как мы видим, наибольшая часть их состоит из предметов роскоши. Таковы и стоящие на первом плане иностранные сукна, и камни, и жемчуг, и пряности, и благовония, и пряденое золото, и, наконец, „разные товары“—кружева, камка, бархат, гарус. Предметом роскоши являлось в те времена и мыло, как и писчая бумага. Остаются лишь две группы, товары коих не входят в состав предметов роскоши: соли и краски (купорос, нашатырь, мышьяк и т. д.) и металлы („о свинце, олове, о меди и о железе“)—последние, вероятно, главным образом применялись для выделки оружия.

Главным предметом английского привоза являлось сукно, на которое спрос усилился с тех пор, как овчинные тулупы стали заменяться кафтанами, причем излюбленным цветом считался голубой. Вообще русские, по словам иностранцев, предпочитали цвета яркие и линючие. В XVII ст. голландцы удачно вытесняли своим более дешевым камлотом английские сукна; правда, он был непрочен и сседался в носке, русские же видели в этом доказательство новизны. Но это, повидимому, имело место только после того, как англичане в 1649 г. потеряли свои привилегии, ибо в 1621 г. Московская компания еще утверждала, что она экспортирует в

[1]) Торговая книга. Записки Археолог. I. II. 8 сл.

Россию больше сукна, чем англичане вывозят его в другие страны, а при Карле I она сделала попытку, впрочем неудачную, заключить с царем контракт на ежегодный привоз из Англии 100 тысяч штук сукна; по расчету англичан, бояре и дворяне должны были покупать ежегодно до 25 тыс. штук тонкого сукна, средние классы—25 тыс. штук второсортного, а потребителем остального более грубого явился бы простой народ и крымские татары.

Далее англичане привозили олово, свинец и медь, неоднократно обязывались также доставлять „200 мушкетов добрых и иную ратную сбрую", порох, серу и другие предметы военного снаряжения, чем приобрели в особенности расположение Грозного [1]).

Савари перечисляет следующие товары, вывозимые из Франции в Московию (главным образом через посредство голландцев). Соль, вина из Бордо и Анжу, причем среди последних должно быть на $^3/_4$ красных и только на $^1/_4$ белых, спирт и уксус. Много вывозилось, по его словам, из Франции писчей бумаги, всякого рода пряностей, сухих фруктов, домашней утвари и ремесленных инструментов. Но наибольшее значение имеет вывоз в Московию канадского бобра, сбыт которого там особенно выгоден по той причине, что это единственный товар, который можно продать за наличные деньги, тогда как в отношении прочих товаров это почти немыслимо. При этом бобровый мех должен быть новый, т.-е. еще не ношенный туземцами, шкура должна быть тонкая, а волосы длинные и густые. Русские—рассказывает Савари—вычесывают шерсть и продают ее снова голландцам и англичанам, которые везут ее обратно во Францию, мехами же они отделывают платье, как мужское, так и женское [2]).

В 54 статьях торговая книга перечисляет, под названием „память как продать товар русской в немцех", вывозимые из Руси товары, причем даются пространные советы относительно того, как следует поступать с отдельными товарами, на какое количество брать заказ, как условливаться с иностранцами на счет поставляемых товаров, как их приготовлять, сообщается, какие цены на них существуют в Голанской земле, в Брабанех (в Брабанте), в Шпанех (в Испании), в Цесарской земле (в Австрии).

Так прежде всего идет сало говяжье: „в Брабанех купят пуд по 1 рублю, в Шпанех купят пуд 2 рубля... а делают из сала сальные свечи, а с теми свечами делают в погребах бархаты и камки... И ты по заказу имайся (бери подряд)

---

[1]) Любименко. 1916. XII. 153 сл.
[2]) Savary des Bruslons. II. 188. 196 сл.

за 200 берковец поставити... А учнут немцы про товары заказывати, приготовити к их приходу: к новому лету, на Иваново Рождество или на Петров день... А сказывают в Брабане всякое морское сало в бочках продают, по 4 рубля и дороже бочку, делают из того сала мыло". Дается подробное описание приготовления заказанного сала „на немецкий обычай". Воск — „с кем будешь сговариваться имайся продать за 100 берковец, да наперед спросити: по сколько пуд в круге делают в Голанской земле воску? Ныне на посмех дешев, нет провоза". Телятинки белые и малые, „опушают ими платье за место горностаев"; кожи яловичьи сырые—„на Мурманском брабанец Давыд покупает, не по один год"; рукавицы. Затем следуют разнообразные меха (песцы, куницы, выдры, белки, бобры, норки, горностаи, лисицы, соболи—„немецкие жены на вороту их носят"). Мед; лен чесаный, конопля; пряжи канатные и готовые канаты— „и ты держи сговор на 100 берковец, а в то число распроси: сколько ему в какую толщину и в длину делати?"

Далее идет масло коровье, мясо, смола, деготь, слюда „оконичная", пшеница, клей—карлук (рыбий), зола — „а делают золою кожи, мыла и сукна красят". Семги кольские и треска сухая, коя сушена на вешалах. „Солят немцы семгу: порят с хребта, очи, щеки и нарост вырезают". Относительно трески: „с сколькими ценою сговоришь, имайся за 200 тыс. рыб, а не осмотряся, больше того не имайся. И в приговоре с ним примолвишь: а пошлет Бог будет и коли добудеше больше того, взяти по той же цене приговорной" (т.-е. покупатель, в случае большего улова, обязан взять и сверх условленного по той же цене). Наконец, вывозятся гвозди сапожные, сошное железо, мыло вологодской вари и борисоглебское. Кроме этих двух-трех товаров, вывоз, как мы видим, состоит целиком из сырья, именно из предметов животноводства (кожи, масло, мясо, сало), рыболовства, звероловства (меха, воск, мед).

В заключение автор советует „распрашивати у англинцов и у иных немцов", не нужен ли им персидский (шемахинский) шелк: „по чему вам сырой и некрашеной шелк в толстой и средней нити дадут за фунт?.. И распрося, что скажут, вели у себя подлинные их речи написати, чтобы нам вперед про шелк вестно было и надобе ли привозити его". Уславливаться надо заранее и с корабельщиками („с корабельными ходаки") „лет на 10: почему ему на год имати и по скольку пудов ему клади привозити" [1]).

Для того, чтобы определить, какую роль играли в нашем вывозе отдельные товары, необходимо ознакомиться с табли-

---

[1]) Торговая книга. I, 129 сл.

цей архангельского отпуска, которая извлечена де Родесом из архангельских таможенных книг и содержится в его „Донесении" [1]). Ценность вывоза по отдельным группам товаров следующая (в тысячах рублей).

Меха	98,0
Кожи	370,9
Шпик и мясо	33,0
Сало	126,6
Свиная щетина	25,6
Поташ	120,0
Икра	30,0
Воск	15,7
Москательный товар . .	14,8
Ткани	23,0
Прочие товары	30,0
Итого .	887,6
К этому присоединяется персидский шелк, вывозимый раз в три года, третья часть составляет	13,5
Хлеб и льняное семя (но хлеб вывозится не ежегодно, а лишь при высокой цене)	264,4
Всего вместе	1165,5

На первом плане стоят кожи, экспорт которых равняется почти трети всего вывоза, весьма важны сало, поташ и меха. Вывоз этих четырех товаров составляет 715 тыс. руб. или 61 проц., т.-е. почти две трети всего русского экспорта. Фабрикаты (холст) играют минимальную роль.

И Савари среди вывозимых из России во Францию товаров называет прежде всего меха—соболь и горностай, из которых делаются муфты и воротники, шерсть канадского бобра (который—как мы видели—в Россию вывозится), сбываемая во Франции шапочникам, далее кожи козлиные, медвежьи, волчьи, щетину свиную, которою пользуются сапожники, седельники, шорники и другие ремесленники, наконец, лен и пеньку, рыбу, рыбий жир, сало, деготь, воск и поташ для выделки мыла и других товаров [2]).

Англичане придавали наибольшее значение вывозу из России товаров, необходимых для снабжения обширного

[1]) Донесение де Родеса, 163 сл.
[2]) Savary des Brusions. II. 190 сл.

создаваемого ими флота. Московская компания закупала в России пеньку, смолу, готовые снасти и крупные канаты, и все это продавала в Англии казне для флота. Когда в 1604 г. в парламенте раздались нападки на компанию, в заслугу ей была поставлена доставка из России оснащения для кораблей. Канаты компания производила и сама в России из русской пеньки, и ост-индская компания не раз заявляла, что русские канаты самые лучшие. Но она покупала и сырую русскую пеньку для переработки—после 1649 г., повидимому, закрылись английские канатные дворы в России и вывозились уже не канаты, а пенька. Вывоз смолы, необходимой для осмоления канатов, составлял первоначально привилегию английской компании, но позже монополия этой торговли перешла в руки голландцев, и англичане безуспешно старались отбить ее у них или, по крайней мере, добиться разрешения вывоза смолы. Зато сильно развился моржевый и китовый промысел англичан и добывание из китов ворвани, на которую пред'являлся большой спрос мыловаренными заводами. Хотя эта деятельность англичан сопровождалась кровавыми столкновениями на море с голландцами, компания все же ежегодно ввозила в Англию значительное количество ворвани и китового уса.

Много хлопотала компания о разрешении ей вывоза зерна, который в XVI ст. являлся заповедным товаром, позже мог уже свободно экспортироваться, но только с уплатой пошлины; но это-то англичанам и не улыбалось. Помимо компании, неоднократно обращался английский король Карл I с просьбами о дозволении вывоза хлеба отдельным англичанам и даже не-англичанам. Такие рекомендательные грамоты к царю и патриарху король выдавал за деньги, и голландцы уверяли, что этот хлеб предназначается не для устранения голода в Англии, а для обогащения частных лиц. Это обстоятельство, как и заявление агента компании, что она к этим ходатайствам не причастна, вызывало отказ царя. Вообще на русский хлеб был большой спрос: шведская королева Христина и Нидерландские Штаты даже готовы были платить царю за зерно оружием и посылали ему в подарок пушки, мушкеты и снаряды—излюбленные предметы русских царей. В результате Голландия стала правильно вывозить хлеб из России [1]).

[1]) Любименко. 1916. XII. 157—75.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Торговля и купечество Московского государства по сообщениям иностранцев XVI—XVII ст.

О состоянии Московского государства сохранилось довольно много разнообразных сочинений иностранцев, по различным поводам посетивших Московию и описавших то, что они там видели и слышали. Здесь и посланники, и военные люди, и купцы, и просто любопытствующие путешественники, и лица, приезжавшие для выяснения того, как повести католическую пропаганду среди русского народа. Все они составляли дневники, записки, повествования, мемориалы, наконец, отчеты для царствующих особ о посещении посольствами русского царя и московского государства.

Эти описания, разнообразные по форме и содержанию, составляют ценный материал для изучения истории эпохи, доставляемый очевидцами. Но осторожность в пользовании их все же весьма необходима, ибо русские люди смотрели на приезжих иностранцев с великой подозрительностью и, усматривая в их вопросах коварные замыслы, отказывались удовлетворять их любознательность, или, как жаловался Рейтенфельс, намеренно преувеличивали все в хорошую сторону. Но с таким умением, что „возвратившиеся иностранцы по совести не могут похвастаться знанием настоящего положения дел в Московии“ [1]).

Среди многообразных сведений, имеющихся в „сказаниях“ иностранцев о московском государстве (как их называет В. О. Ключевский), мы находим и данные, касающиеся торговли. Если не считать двух-трех авторов, специально посвятивших свои сочинения вопросам товарообмена, как де Родес или Кильбургер, которые сообщают довольно много указаний

---

[1]) Извлечение из сказаний Якова Рейтенфельса о состоянии России при царе Алексее Михайловиче. Журн. Нар. Просв. 1839. Т. XXIII. Стр. 30.

в особенности о привозимых и вывозимых товарах, да перечисления последних Флетчером, Олеарием и некоторыми другими, затрагиваемые в этой области вопросы относятся главным образом к описанию внешнего вида Москвы, ее лавок и дворов, к характеристике русских купцов, к торговле в рядах, да к вопросу о монополизации различных видов товаров царской казной, что особенно поражало знатных иноземцев.

„В городе Москве"—говорит Кильбургер в своем „Кратком известии о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России"—„больше торговых лавок, чем в Амстердаме или в ином целом княжестве". „Но—прибавляет он тут же—лавки эти маленькие и иногда плохого качества; сравнивать же их с амстердамскими совсем нельзя, ибо пришлось бы признать, что из одной амстердамской лавки можно выкроить десять и более московских". В Москве—указывает он в другом месте—„так же много лавок, как во многих европейских городах, хотя большинство их так малы и узки, что купец едва в состоянии повернуться между товарами" [1]). На это характерное обстоятельство, весьма поразившее иностранцев, указывал за 100 лет до того (в 1581 г.) иезуит Антоний Поссевин, посетивший Россию при Самозванце; и он видел много новых лавок, расположенных улицами (рядами), по роду товаров, в Китай-городе, но эти лавки были так малы, что, по словам его, в одном венецианском магазине найдется больше товаров, нежели в целом ряду московских лавок [2]). „Так как народу в Москве великое множество — писал в своем путешествии через Москву Корнилий де Бруин, приезжавший при Петре Вел.—то для лавочек они должны довольствоваться небольшими помещениями, которые вечером они и запирают, уходя домой" [3]).

Итак, многочисленность лавок и мелкие размеры каждой из них, куча крохотных лавочек обратили на себя внимание иностранцев. И это не изменялось—эпоха самозванцев и эпоха Петра дают одну и ту же картину.

Это наблюдение подтверждается и другими данными. Торговых мест всякого рода было огромное количество. В

[1]) Kilburger. Kurzer Unterricht von dem Russischen Handel wie selbiger mit aus-und eingehenden Waren 1674 durch ganz Russland getrieben worden. Büschings Magazin für die neue Historie und Geografie. T. III. 1769. p. 248. Рус. пер. Б. Г. Курца. с об'ясн. и дополн. 1915. Стр. 88—174.

[2]) Possevini Moscovia. 1583, p. 14. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. Стр. 217—18.

[3]) Путешествие Корнилия де Бруина. Чтен. в Имп. Общ. Ист. и Древн. 1872. II. 85.

Москве на рынках и площадях, во всевозможных рядах, в Белом-городе и в Китай-городе, и за Москвой-рекой толпилась масса народа и продавались самые разнообразные товары. Здесь имелись не только лавки и амбары, но и шалаши, скамьи, бочки, кади и кувшины, торговля оседлая и разносный торг. На каждые 2—3 посадских двора приходилось место торговли (посадских дворов в 1701 г. было 6894, торговых мест 2664) [1]. Но и в Туле находим 401½ торговое помещение, среди них 209½ лавок, 118 скамей, 29 амбаров, 13 шалашей. Торговцы составляли к концу XVI ст. 44 проц. всех жителей Тулы, а вместе с ремесленниками 70 проц. [2]. В Пскове насчитывалось в конце XVI ст. 1200 лавок, клетей и амбаров [3]. В Нижнем-Новгороде, по переписной книге 1620 г., имелось 1900 дворов и 574 торговые помещения, в Устюж.—около 1000 посадских дворов и 260 торговых помещений, среди которых было много кузниц [4].

Точно также подтверждается и указание на крайне мелкие размеры этих лавок. Типичной лавкой являлось помещение в 2 сажени в ширину, 2½ в глубину. И это была полная лавка [5]. А наряду с ними имелись полу-лавки, четверти лавки и даже восьмые части лавок. В 1726 г. в Московском Китай-городе из 827 всех торговых владений было всего 307 владельцев полных лавок, тогда как в 76 случаях они занимали менее целой лавки, именно от ⅞ до ¾ лавки, а в 328 случаях торговое место составляло всего пол-лавки, в 27—от ½ до ¼ лавки. Напротив, соединение нескольких лавок в однех руках (или, быть может, одной лавки, но по своим размерам равной нескольким установленной величины) было явлением весьма редким: насчитывается всего 32 случая владения по 1½ лавки и 15 случаев свыше 2½ лавки, из них только один, когда торговец занимал 3¾ лавки. Даже в тех случаях, когда купец владел несколькими лавками, на самом деле получалось всего 2—2½ лавки, ибо в каждом отдельном месте он имел по пол-лавки, по четверти и даже по одной восьмой. В 1701 г. 189 чел. владело по одной лавке, тогда как 242 занимали всего пол-лавки, а 77 человек ¾ лавки. А к этому присоединялось еще великое множество торговых мест, которые вообще не имели характера лавки, а представляли собою лишь временные, переносимые помещения. Таких мест

[1]) Довнар-Запольский. Торговля и промышленность Москвы XVI—XVII ст. 1910. Стр. 55—56.

[2]) Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI и XVII веках. Киевск. Университ. Извест. 1914. № 4. Стр. 63, 73.

[3]) Чечулин. Города Московского государства в XVI веке. 1889. Стр. 130.

[4]) Довнар-Запольский, 56.

[5]) Костомаров. Очерки торговли Московск. госуд. Изд. 2-е. Стр. 147. Довнар-Запольский, 29, 43.

насчитывалось в Китай-городе в 1626 году 680, из них 47 шалашей, 267 скамей и мест скамейных, причем и тут нередко торговец занимал пол-шалаша, часть скамейного места [1]).

Небольших размеров были, конечно, лавки и в других городах. Как указывает Н. Д. Чечулин, „повидимому, в то время (в XVI ст.) признавалась нормальною величина лавки в 2 сажени: при описании лавок жалованных очень часто отмечается их величина—обыкновенно на локоть или полусажень больше двух сажен, и тогда говорится: а с прибавки (с локтя или с полусажени) и платити ему (владельцу лавки) десять денег“ [2]). В Туле, судя по писцовой книге 1625 г., лавка представляла собой клочок земли в ширину и в длину по $1^3/_4$—$2^1/_2$ саж. В 1622 г. велено с казенных кирпичников не брать „полавочного“ и пошлин „с их товару, которого товару меньше двух рублев“. Действительно, такие случаи были. В 1625 г. на тульском рынке оказалось 9 таких лавок, с которых оброка „по жалованной государевой грамоте не бралось“ [3]).

„Очень часты случаи“, говорит Н. Д. Чечулин, „что человеку принадлежала $^1/_2$, $^1/_3$ и даже $^1/_4$ лавки или амбара; обыкновенно при этом лавки делились поровну между совладельцами, но встречаем несколько случаев, что одному владельцу принадлежало $^2/_3$ или $^3/_4$, а другому $^1/_3$ или $^1/_4$“. И во внутренних городах между отдельными владельцами лавки распределялись обычно довольно равномерно; „редко кто владел более чем 3 лавками, за исключением впрочем таких торговых городов, как Казань и Псков, где иные имели лавок 10 и более, и платили раз в 10—15 больше, чем в среднем каждый из участвовавших в торговле людей“. Но таких людей и тут было весьма немного. Из 765 человек посадских тяглых людей, плативших оброк за лавки во Пскове, 326 чел. платили от 1 до 5 алтын, 245 от 5 до 10 и 93 от 10 до 15. Это составит 664 чел. или почти 90 проц. всех плательщиков. Свыше 25 алтын платили всего 29 чел. или менее 4 проц. общего числа. В Казани имелась небольшая группа в 22 человека, переведенных из других городов, которые, составляя всего 1 проц. населения Казани, имели почти 15 проц. торговых заведений, и каждый из них платил почти втрое больше, чем человек „добрый“ или „лучший“ [4]). Напротив, в Туле из 100 случаев владения торговыми помещениями 93 (352 случая) приходятся на владение одной лав-

---

[1]) Довнар-Запольский, 29, 43, 50, 53.
[2]) Чечулин, 250, 336.
[3]) Белоцерковский, 64—66.
[4]) Чечулин, 132, 180, 246, 336.

кой или скамьей; всего 3 проц. (11 случаев) владели двумя помещениями, большего числа вообще не встречалось [1]).

Зомбарт утверждает, что западно-европейские города в XIV—XV ст. кишели массой мелких и мельчайших торговцев, производивших крайне незначительные обороты [2]) Это утверждение оказалось преувеличенным; установлены факты довольно больших оборотов, совершаемых в средневековую эпоху [3]). В отношении Московского государства у нас нет данных об оборотах (см. впрочем выше, стр. 144, о лавках, где „товару меньше двух рублев"), но, судя по большему количеству маленьких лавочек, полулавок и четвертей лавок, в которых сосредоточивалась торговля в русских городах того времени, мы можем это положение Зомбарта с гораздо большим правом применить именно к Московской Руси XVI—XVII ст. Никто не станет отрицать, конечно, наличности крупных торговцев, в особенности среди московских гостей, но, повидимому, преобладающей являлась торговля весьма мелких размеров. Сравнения, проводимые Поссевином и Кильбургером между Москвой с одной стороны, и Венецией или Амстердамом с другой, весьма характерны: указания на то, что из одной амстердамской лавки можно сделать десять и более московских или что один венецианский магазин имел больше товаров, чем целый торговый ряд в Москве, свидетельствуют о том, насколько велико было расстояние между нашей и западно-европейской торговлей.

Кильбургер приводит факт обилия лавок в Москве в доказательство того, что в Московском государстве население „от самого знатного до самого простого любит купечество", что „русские любят торговлю" [4]). На это указывает и де Родес в своих „Размышлениях о русской торговле 1653 г." Все постановления этой страны—говорит он по поводу Московии—направлены на коммерцию и торги, как это достаточно показывает ежедневный опыт, потому что всякий, даже от самого высшего до самого низшего, занимается и думает только о том, как бы он мог то тут, то там выискать и получить некоторую прибыль" [5]).

Из этой любви русских людей к торговле, как и из многочисленности лавок сделали вывод о широком развитии торговли Московского государства. Однако, как справедливо указывает Г. В. Плеханов, эти сообщаемые иностранцами

---

[1]) Белоцерковский, 65.

[2]) Sombart. Der moderne Kapitalismus. 4 Aufl. 1921. B. I. T. 1. 309 сл.

[3]) См. мои Лекции по истор. экон. быта Зап. Европы. 6-ое изд. I. 182 сл

[4]) Кильбургер. 88.

[5]) Состояние России в 1650—55 г.г. по донесениям Родеса. Пер. Курца. 1914. Стр. 149.

свойства русских еще ровно ничего не доказывают: многочисленностью торговцев и сильно развитым интересом к торговле отличаются и китайцы, но едва ли кто-нибудь станет утверждать, что их торговля обнаруживает крупные успехи [1]). И у различных нецивилизованных народов мы находим большую склонность к торговле: негры, напр., страшно любят торговать. Благодаря торговым сношениям с европейцами, первобытные народы быстро научаются торговать, и европейцы удивляются тому, с какой скоростью они усваивают всевозможные приемы и уловки, свойственные опытному европейскому торговцу, в том числе и способность обвешивать, уверять в высоком качестве малоценных товаров и вообще совершать всевозможные обманы. Те самые народы Океании, которые еще в конце XVIII ст. при появлении Кука во многих случаях не имели никакого представления об обмене, сорок лет спустя уже оказались умелыми торговцами. Когда в 1814 г. явились испанские миссионеры в Новую Зеландию, они были поражены тем умением и той расчетливостью, с которой туземцы производили обмен товаров, как они расхваливали свои продукты и старались извлечь как можно больше выгоды из каждой операции. Стэнли с удивленнием рассказывает о том, что туземцы в Маниема (в Центральной Африке) имеют столь же преувеличенное представление о ценности своих товаров, как и лавочники Лондона, Парижа и Нью-Иорка [2]).

Повидимому, подобная эволюция совершилась и в хозяйственной психике населения Московского государства, главным образом под влиянием сношений с иностранцами. И здесь появилась сильная любовь к торговле, жажда продавать и покупать. При этом обнаружились те же качества, которыми характеризуются современные не-европейские народы—„хитрости и лукавства“, запрашиванья, обманы. Русским приходилось впрочем, противопоставлять это столь же бесцеремонным действиям иностранцев, презиравших восточных варваров и смотревших на Россию, как на наиболее выгодное для скорой наживы место.

„Их смышленность и хитрость—рассказывает Адам Олеарий в своем путешествии в Московию, Тартарию и Персию, совершенном в 1634 и 1636 г.г.,—наряду с другими поступками особенно выделяется в куплях и продажах, так как они выдумывают всякие хитрости и лукавства, чтобы обмануть

---

[1]) Плеханов. История русск. обществ. мысли. I. 1919. Стр. 257.

[2]) См. Sartorius von Waltershausen. Die Entstehung des Tauschhandels in Polynesien. Zeitschr. für Social-und Wirtschaftsgesch. 1895. B. VI. p. 65. Waitz. Anthropologie der Naturvölker. B. VI. p. 76. 611—12. Ratzel. Völkerkunde. I. p. 193—94.

своего ближнего“ [1]). „Купцы—читаем у барона Майерберга в его донесении имп. Леопольду I 1661 г.—подкрепляют свои обманы ложной божбой и клятвой при торговых сделках; эти люди такой шаткой честности, что если торг не тотчас же окончен отдачею вещи и уплатой цены за нее, то они легкомысленно разрывают его, если представится откуда-нибудь барыш позначительнее [2]). Иоанн Георг Корб, секретарь посольства имп. Леопольда I к царю Петру I в 1698—99 г.г. заявляет, что „так как москвитяне лишены всяких хороших правил, то, по их мнению, обман служит доказательством большого ума. Лжи, обнаруженного плутовства они вовсе не стыдятся. До такой степени чужды этой стране семена истинной добродетели, что самый даже порок славится у них как достоинство“. Впрочем—прибавляет Корб—он не желает распространять этой характеристики на всех: „между толиким количеством негодной травы растут также и полезные растения и между этим излишеством вонючего луку алеют розы с прекрасным запахом“ [3]). „Русские купцы по большей части от природы так ловко в торговле приучены к всяким выгодам, к скверным хитростям и проказам, что и умнейшие заграничные торговцы часто бывают ими обманываемы“ [4]). „Что касается до верности слову — говорит Флетчер — то русские большею частью считают его нипочем, как скоро могут что-нибудь выиграть обманом и нарушить данное обещание“. Это „вполне известно тем, которые имели с ними более дела по торговле“ [5]). В „Записках о Московии бар. Герберштейна“ 1556 г. дается следующая характеристика русской торговли: „Торгуют они с большими обманами и хитростями и не скоро кончают торг... Ибо, прицениясь к какой-нибудь вещи, они дают за нее меньше половины, чтобы обмануть продавца, и не только держат купцов в неизвестности по месяцу или по два, но иногда доводят их до совершенного отчаяния“. „Как только они начинают клясться и божиться—говорит Герберштейн далее—знай, что тут скрывается хитрость, ибо они клянутся с намерением провести и обмануть“ [6]).

Такую характеристику русского купечества мы находим и у других иностранцев. „Народ по природе склонен к об-

---

[1]) Олеарий. Описание путешествия чрез Московию в Персию и обратно. Пер. Ловягина. 1906, стр. 181.

[2]) Путешествие в Московию бар. Майерберга, описанное самим бар. Майербергом. Пер. Шемякина. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1873. III. 90.

[3]) Дневник Иоанна Георга Корба. Пер. с латинск. Женева и Семевского. 1868. Стр. 279.

[4]) Кильбургер, 89.

[5]) Флетчер. О государстве русском. Изд. 2-ое. 1905. Стр. 128.

[6]) Герберштейн. Записки о Московии. Пер. Анонимова. 1866. Стр. 90—91.

ману“, „обман и всякого рода пороки свойственны русским“, „обман в торговле слывет у них хитрой штукой и делом умным“, „в делах торговых хитры и оборотливы“, „им ничего не стоит нарушить договор, если это им выгодно“ [1])— этот рефрен повторяется у всех, за исключением таких, как Кампензе, который утверждает по поводу русских, что „обмануть друг друга почитается у них ужасным, гнусным преступлением“ [2]), хотя и он имеет в виду отношения русских между собою, но не их поведение в делах с иностранцами.

Но тот же Герберштейн, который жалуется на русских, что они „продают каждую вещь очень дорого и просят пять, восемь, десять иногда двадцать червонцев за то, что можно купить за один червонец“, считает нужным прибавить, что и сами „они покупают у иностранцев редкую вещь за десять или пятнадцать флоринов, тогда как она едва стоит один или два“ [3]), иначе говоря, обе стороны применяют те же приемы, платят друг другу равной монетой. В этом отношении русские торговцы могли многому поучиться у торговавших с ними иностранцев, и поэтому рассказ Олеария о том, что московские купцы упрашивали обманувшего их в торговле на большую сумму голландца, чтобы он вступил с ними в компанию [4]), весьма ярко освещает картину нравов того времени. В особенности англичане приписывали своим конкурентам—голландцам все пороки, которые у них и заимствовали русские купцы. „Русские хитры и алчны, как волки“—писал в 1667 г. англичанин Коллинс, который девять лет прожил при дворе „великого царя русского“—„и с тех пор, как начали вести торговлю с голландцами, еще более усовершенствовались в коварстве и обманах“ [5]).

Во всяком случае, этот характер торговли русских с иностранцами свидетельствует о том, что капиталистической ее отнюдь еще нельзя назвать. Она производилась еще в мало развитых формах, торговец имел в виду заработать не на расширении сбыта, не на закупке товара там, где он дешев, и т. д., а при помощи разного рода хитростей и обманов. Она напоминала скорее торговлю тех же англичан и голландцев в заокеанских странах, с той только разницей, что там они сплошь и рядом прибегали не только к обману, но

---

[1]) Чтения Имп. Общ. Ист. и Древн. 1884. IV, 10. 1896. II. 13. Курц Сочинение Кильбургера. Об'ясн. и дополн. 248. 250—51. 256.

[2]) Письмо Альберто Кампензе к папе Клименту VII о делах Московии. Стр. 34. (Библиот. иностр. писат. о России В. Семенова. Отд. 1. Т. I. 1836).

[3]) Герберштейн, 91.

[4]) Олеарий, 181.

[5]) Нынешнее состояние России, описанное одним англичанином. Чтения Имп. Общ. Ист. и Древн. 1846. I. 38.

и к насилию, от чего в Московском государстве приходилось отказаться.

Иностранцы обращали внимание на своеобразный характер торговли в Московском государстве и в том отношении, что она ведется в рядах, из которых каждый сосредоточивает товары определенного рода, напоминая в этом отношении восточные базары. В западно-европейских городах они ничего подобного не находили.

Самое замечательное и вместе с тем похвальное в Москве—говорит Кильбургер—это что каждый сорт товара, от самого высокого до самого низкого (простого), имеет свои определенные улицы и рынки [1]). „У входа в крепость — читаем в сочинении Бальтазара Койэта, описывающего путешествие нидерландского посольства в Москву в 1675 г.— находится самая большая и самая лучшая площадь всего города, на которой с утра до ночи толпится народ. Возле площади и на соседних улицах находится много лавок, причем каждому роду товаров соответствует особая улица или место на площади; таким образом, представители одинаковых занятий или промыслов помещаются тесно друг возле друга“ [2]). „Площадь так обширна—рассказывает Таннер в своем описании польского посольства в Москву в 1678 г., — что достаточна для торговых помещений всего города. Там виноторговцы продают разного рода вина... За ними торгуют шелковыми материями, тканями турецкими и т. п. Потом золотых дел мастера, и таким образом во всяком ряду свое производство... Любо в особенности посмотреть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянок: нанесут ли они полотна, ниток, рубах или колец на продажу, столпятся ли так, позевать от нечего делать, — они поднимают такие крики, что новичек, пожалуй, подумает, не горит ли город, не случилось ли внезапно большой беды... Некоторые во рту держали колечко с бирюзой. Я в недоумении спросил, что это значит. Москвитяне ответили, что это знак продажности бабенок... Есть еще улица, куда ходит простой народ вычесывать грязь из головы, почему она получила прозвище Вшивого рынка. Там набросано столько волос, что шагу не сделаешь без того, чтобы не ступить, точно на подушку, на грязную их кучу“ [3]). „На особой улице—читаем у Рейтенфельса—продаются сыр, ветчина и сало, на другой свечи и воск, отдельно вещи деревянные, кожаные, конские приборы, лекарственные травы, шелк,

[1]) Кильбургер, 174.

[2]) Посольство Кунрада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Изд. Археограф. Комисс. 1900. стр. 523.

[3]) Бернгард Таннер. Описание путешествия польского посольства в Москву. Пер. Ивакина. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1891 III. 61—62.

канитель серебряная и золотая, женские наряды, ожерелья и прочая. Короче: для каждого рода товаров назначено особое место, в том числе для продажи старого платья и для низеньких лавочек брадобреев". Рейтенфельс весьма одобряет такой порядок, ибо, благодаря этому, каждый „из множества однородных вещей, вместе расположенных, может весьма легко выбрать самую лучшую" [1]). Корб перечисляет всего 13 рядов [2]), но он соединяет по несколько рядов вместе в целые группы, ибо на самом деле их было гораздо больше. По описи 1695 г., в Китай-городе насчитывалось 72 ряда, в том числе одних рядов, торговавших материями, было до двадцати. Были ряды кушачный, рукавичный, чулочный, башмачный, голенищный, подошвенный, пушной, бобровый, соболиный и т. д. — деления, как видно, очень дробные [3]). Находим ряд для книг, другой для икон, ряд для торговли ладаном, особый ряд для продажи облачений священников, особый монашеский ряд; специальный ряд для торговли колоколами и церковными сосудами [4]).

Этот рассказ о том, что для всякого товара имеется особый ряд, повторяется постоянно в описаниях иностранцев — и у Дженкинсона в половине XVI ст., и у Петрея в 1608 г., и у Москевича в 1611 г., и у Олеария в 1636 г., и у Зани в 1672 г. [5]) [6]).

Иноземцы постоянно упоминают о рынке, где „цырульники обрезают простому народу волосы на голове теми же ножами, которыми разрезают хлеб и прочую пищу" и который „так устлан волосами, что по нем ходишь, как по мягкой обивке". Но там же продавалось и много прекрасных и дорогих вещей, почему Вшивый ряд, по мнению Кильбургера, мог бы справедливо претендовать на другое название [7]). О мясном и рыбном рынке иностранцы говорят, что „приближение к ним можно узнать по запаху раньше, чем увидишь, — смрад здесь так велик, что все иностранцы затыкают нос, тогда как русские его не замечают и чувствуют себя отлично" [8]).

---

[1]) Рейтенфельс, 22.

[2]) Корб, 263—64.

[3]) Зерцалов. Московский Китай-город в XVII ст. Чтен. Общ. Ист. и Древн. II. 30. Курц, 487—88.

[4]) Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в пол. XVII ст. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1898. IV. 3 сл.

[5]) Hacluits Collection. I. Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1865. IV. 2 сл. Устрялов. Сказания современ. о Дмитрии Самозванце. II. 56 сл. Олеарий. 105 сл. См. Ивакин. Бернгард Таннер. Чтения. 1891. III. 138. 147. 151. 156.

[6]) На это указывает и Marperger. Moskowitischer Kauffmann. 1723. p. 153.

[7]) Кильбургер, 174.

[8]) Там же. 111.

Различные авторы указывают на то, что такое распределение торговцев по рядам, в зависимости от вида продаваемых ими товаров, было установлено правительством: „купцам по роду их торговли назначены особые места, рынки и местности; в прочих местах торговать им не дозволяется“ [1]. Этого не следует однако понимать в том смысле, что самые ряды созданы распоряжением властей. Они возникли, надо думать, самопроизвольно, и мы находим рядки или ряды уже в отдаленные времена, находим их не только в Москве, но и во всех других городах (см. ниже, гл. IX), как необходимые места торговли, [2] где сидели местные купцы (для приезжих были гостиные дворы). Однако с течением времени обнаруживается стремление торговцев производить свои операции и в других местах, и поэтому, для сохранения прежнего, постепенно переживающего себя, порядка правительству приходится выдерживать сильную борьбу с торговцами. В 1626 г. было приказано, чтобы „в рядах торговые всякие люди сидели с товары своими; которыми товары в котором ряду торгуют, где кому указано, а порознь бы нихто никаков человек с разными товары в иных рядах не торговали“. К этому прибавлено, чтобы торговцы „по кресцом ни с какими мелкими товары и в воротах и в окнах и на скамьях ни с каким товаром не сидели и не торговали, а торговали в рядах и сидели на скамьях с товары своими, где кому даны места“ [3]). Этих бродячих торговцев, стоявших в воротах и сидевших на окнах или расхаживавших, старались „усадить“: „по рядам с белой рыбицей не ходить“, по рядам на веках с „сельдми не ходить“, „с сдобными калачами не ходить“, „сидети с пирогами в лукошках“ [4]). Однако, едва ли эта борьба с ходячими торговцами, которых „переводили“ и „ссылали“ в другие места, приводила к лучшим результатам, чем стремление рассадить всех и каждого, „которыми товары в котором ряду торгуют“. Нам известно, что запрещение торговать в неуказанных рядах повторяется неоднократно, напр., в 1676 г. о неторговании на Красной площади, по перекресткам и в иных неуказанных местах разными мелочными товарами, кроме рядов, в 1683 г. о торговании всякими товарами в указанных рядах по учиненному росписанию, в 1685 г., в 1698 г., в 1704 г. [5]). И все же в лапотном ряду можно было купить веревки и кадки,

---

[1]) Корб, 263.

[2]) См. Ильинский. Городское население Новгор. области в XVI в. Журн. Мин. Нар. Просв. 1876. VI. 214. 221.

[3]) Рожков. Происхожд. самодержав. в России. 1906. Стр. 159.

[4]) Довнар-Запольский, 47.

[5]) Полн. Собр. Зак. II. №№ 660. 771. 1038. 1040. 1054. 1139. III. № 1649. IV. № 1971.

в конюшенном—беличий мех, в овощном—сургуч или слоновую кость, в скобяном—ремни и многое другое [1]).

Возможно, что такое несоответствие между названием ряда и продаваемыми в нем товарами об'яснялось и тем, что многие торговцы сбывали весьма разнообразные товары одновременно, — характерная особенность мало развитой торговли. Так, напр., в различных городах, находившихся по близости от Москвы—Коломне, Можайске, Муроме, мы не только находим по два и даже по три ряда, имеющих одно и то же название, но знаем, что действительно „в лавках какого-нибудь ряда не торговали одним и тем же товаром"; мало того, „в одной и той же лавке торговали совершенно разными товарами". Точно также в Пскове в ряду сапожном в одной лавке торговали не только сапогами, но одновременно и самопалами, в мясном ряду встречаем лавку, которая торгует и сельдями и льном, в хлебных лавках торговали не только молоком, маслом, солью, квасом, яблоками, сельдями, но также сеном, лаптями, свечами, сундуками, посудой, железом; в сурожском ряду перечислены в разных сочетаниях как сукна и пуговицы, так и скляницы, ладан и свечи и даже золото и серебро. В Туле часто в одной лавке продавались совершенно различные товары — напр., мед и рыба, мед и сельди, мед и соль, даже мед и железо или шапки и яблоки [2]).

Но и в Москве мы можем установить подобного рода случаи торговли разнообразными товарами, когда „человек торгует одновременно в сафьянном и лоскутном ряду и в нижнем щепетильном ряду, владеет одновременно кузницей или лавкой в котельном ряду и в то же время держит квасную кадь и сусленый кувшин [3]).

Для Москвы однако еще более характерно то обстоятельство, что даже крупные торговцы одновременно торговали самыми разнообразными товарами, а к этому присоединяли еще и другие операции. Так, напр., собранные в 1648 г. выписи из таможенных книг о привезенных гостем Василием Шориным товарах свидетельствует о том, что в 1645 г. он провез чрез Архангельскую таможню $7^1/_2$ половинок сукна, 200 аршин атласу, 25 аршин красного бархата, золото пряденое в мишуру, но также тонкую медь, красную досчатую медь и 100 тысяч иголок, а на другом досчанике находилось 16 медных колоколов весом в 256 пудов и 860 стоп писчей бумаги. В другом году им провезены были бакалейные товары. Из предметов вывоза приказчики Шорина

---

[1]) Курц, 487.
[2]) Чечулин, 134. 195. 305.
[3]) Довпар-Запольский. 29.

везли сало топленое, клей, масло, рыбу, икру, но также юфть и весла. Так что один и тот же купец торгует сукном и бархатом, медью, иголками, бумагой, маслом, рыбой и, наконец, юфтью. Кроме того, ему же принадлежало в Соли Камской четыре варницы с семью рассольными трубами. „В том же акте есть и выписи из таможенных книг о провезенных товарах гостиной сотни Семена Задорина и ярославца Федора Кислово. Их товары отличались таким же разнообразием“. В 1635 г. был произведен сыск по государеву указу в торговых предприятиях кадашевца Фролки Меркурьева, причем оказалось, что за ним числятся лавки в рыбном и масленом и сельдяном ряду и каменный погреб, а кроме того он держал откупы в разных городах—в Можайске тамгу, кабак, сусло, квас и гостиный двор, кабаки в Торопце, Вязьме, Переяславле Рязанском. Московские купцы вообще старались захватить в свои руки доходные статьи в провинциальных городах. В Саратове, напр., в руках московских кадашевцев или торговых людей гостиной и суконной сотен находились рыбные ловли, кабацкое питье, торговые бани, квас, сусло, уксус, морс, проруби и портомойни, перевозы. Из росписи доходных статей 1701 года видно, что дворцовые статьи сданы на откуп почти исключительно московским торговым людям, именно промысловые статьи, охватывавшие рыбную ловлю во всем Поволжьи. Они обнаруживают торговую и промышленную деятельность как в Поволжьи, так и на севере. Они приобретают на севере земли и соляные варницы, являются кредиторами земских миров, ссужают их деньгами, и таким образом черное крестьянское землевладение оказывается в зависимости от купеческого капитала. [1])

Здесь мы находим уже зачатки нарождающегося капитализма. Не в обилии лавок и не в желании населения торговать выражаются они, а в стремлении москвичей производить торговлю и рыбные промыслы в Поволжьи и на севере, в их откупах и промыслах разного рода; в этом, как и в производимых ими кредитных операциях, обнаруживается новый дух, стремление к накоплению. Впрочем, самое разнообразие их деятельности, соединение торговли всевозможными видами товаров с соляными и рыбными промыслами, с откупами, с ссудами,—все это не свидетельствует о значительной степени развития коммерческой деятельности; дифференциации в коммерческой области еще не обнаруживается. Но не следует упускать из виду, что и в западноевропейских странах мы вплоть до XVIII ст. находим еще в этой сфере мало специализации; лишь постепенно отде-

---

[1]) Довнар-Запольский, 26—27.

ляется розничная торговля от оптовой, банковая деятельность от торговли, устанавливается специализация в отношении товаров, которыми торгует купец. В таких городах, как Париж и Лондон, розничная торговля уже разбита на большое количество специальностей, но в провинциальных городах даже Франции, а тем более в городах австрийских или германских еще в XVIII ст. сохраняется обычай торговать самыми разнообразными товарами одновременно. Так что в этом отношении значительной разницы между Россией и Западом мы не найдем. Напротив различие обнаруживается, напр., в том, что в западно-европейской торговле широко развиты были вексельные операции, расчеты при помощи трассирования векселей; банкиры почти исключительно занимались в то время куплей и продажей векселей. У нас же вексель еще совершенно не был известен и самая торговля в значительной мере совершалась в форме мены—товар на товар. Мы не говорим уже о бирже и биржевых операциях, о государственных займах, в которых купцы на Западе принимали деятельное участие. Все это было чуждо торговле Московского государства [1]).

Но на Западе мы можем установить к этому времени и сложившийся торговый класс. То время, когда торговлей занимались венецианские и генуэзские дожи и нобили, церкви и монастыри, папы и патриархи, короли и герцоги,—словом, все, что угодно, ушло уже в область предания. В Московском государстве находим, напротив, именно эту картину: торгуют все „от самого знатного, до самого простого“ (Кильбургер), „от самого высшего до самого низшего“ (де Родес) [2]). Торгуют бояре, торгует духовенство, торгуют и все другие сословия. „Все бояре без исключения, даже и сами великокняжеские послы у иностранных государей везде открыто занимаются торговлей; продают, покупают, променивают без личины и прикрытия“ [3]). В Туле в самом конце XVI ст. посадским черным людям принадлежало всего 20 проц. торговых помещений, все остальные 80 проц. находились в руках частью ратных людей (30 проц.), среди которых были стрельцы, пушкари, частью служилых людей всякого рода; упоминаются среди торгующих и четыре монастырских старца, и игумнов слуга и многие другие. По данным 1625 г., роль посадских в торговле повысилась, но и теперь они не превышали 37 проц. торговцев, ратные люди попрежнему владели 31 проц. всех торговых помещений [4]). В Пскове

[1]) См. Кулишер. Лекции по истор. экономич. быта Зап. Европы, Изд. 6-ое, ч. II, отд. 3-й. IV. гл. 5, 6. V. гл. 2.

[2]) Кильбургер, 88. Де Родес, 149.

[3]) Путешествие Майерберга, 92.

[4]) Белоцерковский, 64, 96.

положение было иное: в конце XVI ст. 80 проц. всех торговых заведений принадлежало черным тяглым людям, но все же и здесь находим среди остальных 48 лавок ратных людей, 123 заведения, где торгуют духовные лица, и 81 торговое помещение, принадлежащее церквам. При этом в среднем на каждого владельца приходится по 1—1,3 лавки, тогда как на каждую церковь по 3 лавки. В Можайске из духовенства 27 человек занимались торговлей; среди них были и игумены, и священники, и дьяконы, им принадлежало свыше 40 лавок, именно 10 проц. всего числа лавок, духовные же лица составляли 20 проц. всех жителей; причем лавки духовенства имелись не только в иконном ряду, но и в пушном, сапожном, овчинном, седельном, солодяном, рыбном, мясном; 2 священника, церковный дьячок и сторож имели 2 амбара и 4 скамьи. В Коломне ратным людям принадлежала треть всех торговых заведений, в Свияжске стрельцы владели четвертой частью всех лавок, в Казани одной десятой [1]).

Большую роль в торговле этой эпохи (о предыдущем периоде см. выше, стр. 35—36) играло духовенство. Монахи не только владеют поместьями, но они также—по словам Флетчера—самые оборотливые купцы во всем государстве и торгуют всякого рода товарами [2]). „Монахи не уступают никому в торговле, занимаются столько же, сколько и другие, покупкой и продажей, держат суда, плавающие с товарами“ [3]). Так, напр., Астраханский Троицкий монастырь выпросил себе при Грозном право выстроить в Астрахани лавку, покупать и продавать в ней беспошлинно на монастырский обиход и право держать судно-белозерку или дощаник, в длину от кормы до носа 30 саженей—и перевозить на этом судне соль и рыбу из Астрахани вверх Волгою до Ярославля и Окою до Калуги, продавать эти товары и другие беспошлинно [4]). И в других местах монахи торговали солодом, хмелем, хлебом, лошадьми, рогатым скотом и всем, что могло приносить прибыль [5]). Это находилось в тесной связи с обилием у монастырей, земель, мельниц, рыбных ловель, пчельников которые были получены от жертвователей. Отсюда избытки хлеба, меда и воска, рыбы и других продуктов, которые пускались в продажу. Набожные помещики, как и прочие жители, возили монастырям в дар и зерно, и конопляное масло, горох, холст, овчину [6]). „Стольник Бекле-

---

[1]) Чечулин. 130—32, 167, 190, 219, 327.
[2]) Флетчер. 100.
[3]) Чтен. в Общ. Истор. и Древн. 1881. IV. 24.
[4]) Соловьев. Ист. Росс. VII. 66.
[5]) Рущинский. Религиозн. быт русских, 143.
[6]) (Рославлев). Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. 1876. Стр. 29.

мишев дал вкладу (в монастырь) двух меринов, мерин гнедой да мерин карий, да конь саврас, стольник Десятой дал вкладу мерин сер, старец Дионисий дал вкладу шесть ульев пчел, старец Мелетий дал вкладу невод... Поп Максим дал вкладу 15 четвертей с осминою ржи и пшеницы и всякого хлеба, да лошадь, да корову" [1]).

Как велики были богатства монастырей, можно усмотреть, напр., из кормовой книги Кирилло-Белозерского монастыря XVII ст., где вместе с кормами вписаны и вклады, принесенные в монастырь в виде денег, имений и драгоценных вещей. Из денежных вкладов наиболее крупными являлись пожертвования Иоанна Грозного, составившие свыше 24 тыс. руб. или более 100 пудов серебра. Все это пожертвования после смерти разных лиц на поминовение их душ. Принесенные монастырю вещи состояли из образов и панагий, церковных облачений из атласа и бархата, обычно унизанных драгоценными камнями и жемчугом (пожертвованные Грозным оценивались в 6 тыс. руб.). Далее находим многочисленные шубы, собольи, горностаевы, куньи, беличьи, чаши, чарки, кубки, часы, ложки серебряные, колокола, ожерелья. Так, напр., старица Агафья пожертвовала жемчужное ожерелье, князь Бельской золотую чару, Шипулин чашу кизыльбашскую (восточную) с серебряными кольцами, Дмитрий Годунов лампаду серебряную, Дмитрий Воронцов колокол в 30 пудов, царица Мария Феодоровна по сыне своем Дмитрие Иоанновиче 3 чаши серебряных столовых больших, судки серебряные столовые, уксусницу, перечницу, рассольник, блюдечко, стопу. Дары состояли и в зерне, соли, лошадях. [2])

Неудивительно после этого, если Майерберг заявляет: „говорят, что монастыри наделены такими богатыми вкладами благочестивых людей, что, вместе с высшим духовенством, владеют будто бы третьею частью всех поместьев в Московии" [3]).

Огромные сокровища монастырей, результат доброхотных даяний благочестивых людей, давали им возможность и в эту эпоху (как и в предыдущий период, см. стр. 36) заниматься и кредитными операциями. Вопрос 16-й Грозного Стоглавому Собору касается отдачи в рост церковной и монастырской казны. „Угодно ли Богови и что о сем Божественное писание глаголет? И мирянам лихоимство возбраняет, нежели церквам Божиим деньги в росты давати и хлеб в монастырь,

---

[1]) И. Л. Истор. описание оптинн. Иозельск. пустыни, 41 сл.

[2]) Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря. Записки отд. русск. и славянск. археол. имп. археологич. общ. I. 1851. Стр. 46.

[3]) Майерберг, 42.

где то писано в святых правилах?“ По словам Вассиана Косого, монахи, „волнуемые сребролюбием и ненасытимостью“, всевозможными способами угнетают население, живущее в селах, „налагая проценты на проценты“. „Иноки уже поседелые—прибавляет он—шатаются по мирским судилищам и ведут тяжбу с убогими людьми за долги, даваемые в лихву“. Не менее решительно высказывается другой монах Максим Грек, говоря о монахах: „мы бесчеловечным образом взимаем проценты на проценты, доколе не выплатят занимаемый капитал“. А с того, кто из-за крайней нищеты не в силах уплатить проценты за год, взимаются на следующий год двойные проценты или, разграбив все имущество, выгоняют людей, о которых, по св. Писанию, церковь более всего должна заботиться. [1]).

Но больше всего, повидимому, торговал сам царь. „Если кто-нибудь привезет в Московию какие бы то ни было товары—рассказывает Герберштейн,—то он должен немедленно заявить и показать их сборщикам пошлин или начальникам таможни. В назначенный час они осматривают и оценивают их; даже и когда они оценены, все еще никто не смеет ни продавать их, ни показывать их прежде, нежели они будут показаны царю. Если царь захочет купить что-нибудь, то в ожидании этого не позволяется, чтобы купец показывал свои вещи, или чтобы кто-нибудь надбавлял цену“ [2]). Это писал Герберштейн в 1549 г., а сто лет спустя Майерберг также повторяет, что, привезя товары, никто не может предлагать их на продажу, пока царь не об'явит о том, намерен ли он купить их. [3])

На это указывает и де Родес. Когда греки привозят в Москву свои товары—богатые золотые ткани, ковры, бархат, „им не позволяется показывать ни малейшей части товаров никому, кто бы он ни был, прежде, чем гости их царского величества, которые для этого специально отряжены, не осмотрят их. Затем эти товары раскладывают и показывают их царскому величеству; он тогда выбирает, что ему самому нравится, а под видом этого берут также гости из того, что им кажется хорошим, остальные же они (греки) могут потом продавать, кому хотят“ [4]).

Не освобождены были от этой обязанности и англичане даже в ту эпоху, когда они находились в привилегированном положении. Из привозимых ими узорочных тканей и драгоценных камней лучшее отбиралось в казну на царскую

---

[1]) Хлебников. О влиянии общества на организ. государства. 131. Костомаров. Рус. Ист. II. 377. Опыт исслед. об имущ. монастырей, 33.
[2]) Герберштейн, 89.
[3]) Майерберг, 174.
[4]) Де Родес, 161.

потребу. Так, по росписи 1613 г., англичане доставили в казну 29 зерен жемчуга, 29 каменьев яхонта лазоревого, 144 зерна жемчуга, низанного по белому атласу, 6 поставов сукна багрецу, 7 поставов сукна лундышу (лондонского) разных цветов и 125 аршин шелковых тканей, причем эти товары были оценены англичанами в 875 руб. [1]). Они обязаны были доставлять товары казне по закупочной цене, и поэтому привозили их повидимому в недостаточном количестве, как жаловалось русское правительство.

При этом купленные товары вовсе не поступали только в царский обиход, а в широких размерах перепродавались. Об этом подробно сообщает Флетчер (писавший в самом конце XVI ст.) в главе с характерным названием: „о мерах к обогащению царской казны имуществом подданных". Так, для обогащения казны отправляются нарочные в местности, где имеются меха, воск, мед, и там забираются целиком один или несколько из этих товаров по той цене, которая казной же назначена, а затем эти товары перепродаются по высокой цене как своим, так и иностранным купцам; если же они отказываются от покупки, то их принуждают к тому силой. Подобным же образом казна присваивает себе иностранные товары, как-то: шелковые материи, сукно, свинец, жемчуг, привозимые купцами турецкими, армянскими, бухарскими, польскими, английскими и другими, и потом заставляет своих купцов покупать эти произведения у царских чиновников по цене, ими же назначенной. Наконец,—прибавляет Флетчер—на некоторое время обращаются в монополию произведения, доставляемые в виде податей, как-то: меха, хлеб, лес, и в продолжение этого времени никто не может продать этот товар до тех пор, пока не будет распродан товар царский [2]).

На этих „заповедных" товарах, составлявших монополию казны, останавливается подробно де Родес. Так, казна выручает большую прибыль на персидском сыром шелке, „который его царское величество через своего „купчину" выменивает от персидского государя на сукна, красную медь, соболей и золото, а чтобы получить на этом еще больше прибыли, всем и всяким купцам запрещено торговать в Персии подобными товарами". Пуд шелка, доставленный в Россию, обходится не более 30 рублей или 50 рейхстал., а продается за 45 руб., причем „русские гости", которые избираются из значительных купцов и состоят как бы факторами царя, обыкновенно продающими шелк, раз получив высокую цену, все время ее требуют", забывая о том, что покупатель должен считаться с рынком; а из-за этого часто шелк лежит

[1]) Любименко. Журн. Мин. Нар. Просв. 1916. XII. 153.
[2]) Флетчер. О государстве русском, 51.

несколько лет и происходит большая потеря на процентах. Так произошло с приобретенными де Родесом (по поручению ревельского жителя Паульсена) 107 тюками шелка, которые не хотели продать за 80 рейхст. за пуд, а продали по 93, но лишь спустя 5 лет; между тем, если к 80 рейхст, прибавить 8 проц. за эти годы, то получится гораздо больше— 110. Де Родес обращался к тестю царя боярину Милославскому с предложением от „некоторых значительных купцов, ведущих большой мировой торг", нельзя ли устроить, чтобы весь шелк, получаемый из Персии, поступал в казну; в этом случае они желали бы законтрактовать на известное количество лет весь шелк частью в обмен на товары, имеющие сбыт в Персии, частью за наличные деньги. К этому он прибавил, что операция с шелком „притянет к себе и привлечет не только еще и другие товары, которые добываются в Персии, но и значительную часть индийской, особенно китайской торговли, и что вышеназванные купцы будут стремиться все получать из казны" [1]). Кильбургер 20 лет спустя (в 1674 г). повторяет многое из сообщаемого де Родесом о шелках, но обращает внимание на то, что теперь торговля шелком уже может производиться свободно всеми подданными [2]).

Ревень также—как указывает де Родес—доставляется в казну и никакому частному лицу не дозволяется им торговать [3]). Это было и во времена Кильбургера, который считает нужным однако присовокупить, что „зимой много тайно провозится и продается" и много совершается обманов при продаже ревеня; последний хорошо известен в аптеках и ценится в качестве слабительного [4]).

„Те товары, которые русские в свою очередь везут в Персию, — продолжает де Родес, — заключаются большей частью в красной меди, сукнах, соболях и других мехах... Этих товаров простые люди также не могут открыто доставлять персам, потому что это также запрещено и их царское величество вывозит их туда посредством своих гостей". „В астраханской области у Каспийского моря, — читаем у него далее—ежегодно вываривается большое количество соли и там ловится различного рода большая рыба... Соль и рыба принадлежат гостям царя, которые приказывают как соль, так и рыбу... развозить вверх по Волге в Нижний... и распределять по всей стране". Она „продается по маленьким партиям меньшим купцам, которые распродают их в свою очередь по мелочам разносчикам" [5]).

1) Де Родес. Донесения. 151—53.
2) Кильбургер, 150—151.
3) Де Родес, 153.
4) Кильбургер, 106.
5) Де Родес, 159—163.

И „кавиар“ или икра „принадлежит их царскому величеству“ и его „обыкновенно законтрактовывают англичане и везут в Италию, но теперь он законтрактован на несколько лет голландцами и итальянцами, состоящими вместе в компании“; на этом „царь ежегодно имеет не менее значительную прибыль“. Позже, во время путешествия Корба (в 1698 г.) икра была отдана на откуп одному голландцу [1]).

Никому не дозволяется, по словам де Родеса, торговать и хлебом. Напротив, вести торговлю мехами может каждый, но с получаемых из Сибири мехов в казну поступает десятина. Этими мехами царь плотит грекам за покупаемые у них ковры, шелковые и золотом тканые материи; если же остается излишек мехов, то они раздаются для сбыта гостям, которые на этом выручают прибыль, но иногда вынуждены и приплачивать [2]).

Кроме этих товаров, были еще и другие, составлявшие монополию казны и сдаваемые на откуп. Так, в 1653 г. голландские купцы Фохелаар (Фоглер) и Кленк взяли на откуп вывоз нефти и конопли, в другие годы казна производила торговлю пенькой [3]). Смола в 1649 г. была отдана беспошлинно иноземцу гостю Винниусу, позже ее получил Гебдон, когда же она не была на откупу, то двинские таможенные головы сами должны были покупать смолу у русских и продавать ее иностранцам [4]).

Как мы видим, казна весьма затрудняла торговлю частных лиц, с своей стороны торгуя наряду с ними, или же запрещая им торговать теми же товарами, эксплоатируя самостоятельно монополии или сдавая их на откуп.

Орудием царя при этих разнообразных его коммерческих операциях являлись — как можно усмотреть из приведенных цитат из де Родеса — гости, привилегированная группа среди купцов, члены которой (среди них попадались в виде исключения и иностранцы), имели личные жалованные грамоты, доставлявшие им различные преимущества—из‘ятие от путевых поборов, от всякого тягла и постов, право держать без’явочво всякое питье, покупать вотчины, свободно ездить в пограничные государства. Гости ведали таможенными доходами, рыбными и соляными промыслами, они же закупали для царя товары и производили от его имени и на его счет торговые операции, заключали подряды с иностранцами [5]).

Торговцы, как и народ, относились к ним весьма враждебно за их взяточничество, за притеснения, чинимые ими

---

[1]) Де Родес. 15—58. Корб. 251.

[2]) Де Родес, 157.

[3]) Посольство Кунрада фан-Кленка, стр. XI. Гурлянд. Ив. Гебдон, коммиссарице и резидент. 1903. Стр. 65 сл.

[4]) Гурлянд, 56 сл. Курц, 277 сл.

[5]) Костомаров. Очерк ист. торг. Моск. госуд., 155.

более слабым, [за их] корыстолюбие—пользуясь своим привилегированным положением, они могли производить более выгодные операции, чем рядовые купцы, и подрывали торговлю последних.

Очень резко отзывается о гостях Кильбургер, называющий их царскими коммерции-советниками и факторами, неограниченно управляющими торговлей во всем государстве. „Это корыстолюбивая и вредная коллегия, довольно многочисленная", проживающая в разных местах и имеющая, благодаря своему званию, право повсеместной первой купли. Не имея возможности везде лично осуществлять свои права, они в больших городах назначают живущих там знатнейших купцов, которые пользуются привилегиями гостей, и ради своей частной выгоды препятствуют развитию торговли. Гости „оценивают товары в Москве в царской казне, распоряжаются в Сибири соболиной ловлей и соболиной десятиной, как и архангельским рейсом, и дают советы царю и проекты к учреждению царских монополий". Гости препятствуют всякой свободе торговли, чтобы „они могли тем лучше разыгрывать хозяина и набивать свои собственные карманы". Простые купцы питают к ним вражду и „если когда нибудь—прибавляет Кильбургер — произойдет бунт, то чернь им всем свернет шею" [1]).

---

[1]) Кильбургер, 164.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Регламентация внутренней торговли XVI—XVII ст. Торговля иностранных и иногородних купцов.

Торговля русских купцов XVI—XVII ст. была стеснена во всевозможных направлениях. Стеснял ее царь своей первой куплей, своими монополиями, своей широкой торговой деятельностью. Стесняли ее комерции-советники царя, по выражению Кильбургера, царские гости своими привилегиями и притеснениями рядовых купцов. Стесняли ее, наконец, иностранцы, продававшие и покупавшие товары, перебивая торговлю у русских купцов. Бороться с первым торговцем-царем, как и с его факторами-гостями, купцы были бессильны. Гораздо легче им было вступить в борьбу с иностранцами, которые являлись в то же время иноверцами. Здесь на их стороне было и общее недоверие к иноплеменникам, и сочувствие со стороны церкви, а если им удавалось убедить и правительство в том, что образ действия иностранцев наносит ущерб казне, сокращая ее доходы, то им была обеспечена и его помощь. Правительству нужны были, правда, иностранцы, слишком решительно поступать с ними было опасно. Необходимо было считаться с тем, не будет ли „оттого с немецкими государствы у московского государства нелюбья“, приходилось избегать крутых мер, „чтоб тем иноземцев заморских не отогнать“ [1]). Даже лишив англичан права беспошлинной торговли в 1649 г., московское правительство считает необходимым успокоить англичан тем, что „в тех пошлинах им убытку не будет, потому что они все те пошлины наложат на свои товары и продадут те свои товары русским торговым людем, и пошлины их будут на русских торговых людях, а не на них, англичанех“ [2]). Но, с другой стороны, правительству ясно было, что и при значи-

---

[1]) Сборн. кн. Хилкова, № 82.
[2]) Дополн. Акты Истор. III. № 55.

тельных ограничениях иноземцы все же извлекают слишком большую прибыль из торговли с Россией, слишком заинтересованы в ней, чтобы могли отказаться от этой торговли. На стороне правительства было и старинное гостинное право, осуществления которого требовали русские купцы.

Результатом всего этого и был ряд постановлений, ограничивавших иностранцев в угоду русским купцам, но постановлений, которые далеко не полностью осуществлялись. Иностранцы нередко „учинялись сильны" и решительно отказывались выполнять неудобные им указы, правительство же смотрело на это сквозь пальцы, или же делало исключения из только что изданных им же распоряжений, нарушало свои же предписания. Все это дает любопытную картину, характеризующую условия торговли того времени и дополняющую приведенную выше характеристику русского купечества иностранцами.

Прежде всего, русские купцы настаивали на недозволении иностранцам торговать в розницу, требуя осуществления этого основного принципа гостинного права. Это запрещение мы находили уже в Полоцке в 1406 и 1498 г.г. (см. выше, стр. 111—12); повидимому, оно существовало в известной форме и в Новгороде (см. стр. 76). Как мы указывали выше, запрещение розничной торговли в Полоцке и Риге распространялось не только на продажу товаров, но и на закупку их по мелочам, не дозволена была и непосредственная торговля в деревнях.

Такой же порядок, согласно обычаю, сохраняется и в Московском государстве, хотя общего закона относительно запрещения розничной торговли иностранцам, предшествующего Новоторговому уставу 1667 г., не было или, по крайней мере, не сохранилось. Даже англичане, пользовавшиеся особенно большими привилегиями, эти льготы получили только в грамоте 1567 г., тогда как грамота 1584 г. (а быть может и грамота 1572 г., известная нам лишь в кратком изложении) им уже не дает такого права. В привилегии 1584 г. говорится, что они „нарозно своих товаров и врозвес и варшин на своем дворе не продают, ни меняют, а продают и меняют свои товары местным делом (т. е. оптом) сукна кипами и поставы, а камки и бархаты поставцы а не варшин, а всякой весчей товар врозвес, взолотники не продают, а продают местным делом, а вино фряское продают куфами, а в ведра и встопы и в чарки врознь не продают". То же повторяется почти дословно в английских привилегиях как 1586, так и 1614 и 1628 годов. И тут читаем об обязанности продавать и менять сукна кипами и поставами, камки (шелковые ткани) и бархаты косяками и поставцами, но не аршинами, весчий товар берковцами, вина иностранные бочками большими

беременными и полубеременными и куфами, но не ведрами и не стопами [1]).

На самом деле англичане, повидимому, нарушали это запрещение, ибо уже в 1586 г. английской королеве Елисавете в письме к царю Федору приходилось оправдывать своих подданных от обвинений в розничной торговле: они, напротив, по ее словам, запрещали продажу товаров в розницу через своих агентов, и Роберт Пикок был специально командирован в Россию, чтобы прекратить это злоупотребление [2]). Из последнего видно, что такие злоупотребления имели место, и жалобы русских купцов, недовольных тем, что иностранцы торгуют в розницу, имели основания. В указе 1627 г. читаем, что „били челом московские и казанские и ярославские и нижегородцы и костороmичи и вологжане и всяких городов гости и торговые люди на галанцев (голландцев) и на амбурцов (гамбургцев) и на барабанцов (брабантцев) и на иных торговых немец". Жалобы, следовательно, идут со всех концов земли русской на всевозможных иностранцев, ибо эти „торговые немцы", под собирательным названием которых разумелись купцы всевозможных национальностей, продают товары не оптом—не „местным делом", а портищами, аршинами, полупудами и гривенками [3]). Жаловались и на „англинских немцев": один из них, Давид Рутц, самовольно, без разрешения продает на своем московском дворе всякие товары в розницу [4]).

Но иностранцы не унимаются. В 1652 г. новгородский гость Василий Стоянов и „все новгородцы торговые люди" просят, чтобы государь их пожаловал „велел им дать свою государеву грамоту, чтоб неметцким свейским (шведским) и любским (любекским) и иных земель иноземцом торговым людем в великом Новегороде и в пригородех и в уездех по селам и по погостам и по деревням и по всяким уездным ярманкам врознь товаров своих русским людем продавати и у русских людей товаров всяких врознь покупать не велеть, а велеть бы им всякие товары продавать и покупать в Великом Новгороде у посадцких торговых людей свалом, а не врознь" [5]). Здесь преступление шведских и любекских и иных

---

[1]) Гамель. Англичане в России, 253 сл. Любименко. Истор. торг. снош. I. 43. 51. Мулюкин. Приезд иностранц. в Моск. госуд. 1909. Прил. № 6. Его же. Очерки по ист. юридич. полож. иностр. купц. в Моск. госуд. 1912. Стр. 15—16 и Прил. № 1.

[2]) Толстой. Россия и Англия. № 58.

[3]) Мулюкин. Очерки по истор. юридич. полож., 23. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. 1890. Стр. 250.

[4]) Цветаев. Протестантство, 269.

[5]) Мулюкин. Истор. юридич. полож. Прил. № 2.

„немецких“ городов „торговых немцев“ усугублялось тем, что, продавая и покупая не свалом, а порознь аршинами и фунтами мягкую рухлядь (меха), и сало, и кожи, они это делали к тому же не в самом Великом Новгороде, а в селах и погостах и на ярмарках, т. е. нарушали еще и другое запрещение—торговли вне городов непосредственно с крестьянским населением.

Одновременно челобитня была подана и вологодскими купцами. Они били челом царю на голландцев, которые не столько продают, сколько покупают товары мелкими статьями, притом не у местных посадских людей, а на площади у приезжих крестьян с возов—скупают и мягкую рухлядь, и мясо говяжье и свиное, и окорока, и языки, и сало, и пеньку, и рогожи, и кули и многое другое. Но, чувствуя как будто, что одного этого факта еще недостаточно для борьбы с иностранцами, челобитчики подкрепляют свое прошение ссылкой на то, что они сами отбывают службы и подати, которые от такой конкуренции иноземцев могут пострадать, тогда как „иноземцы градских государевых никаких податей не платят и тяглых служеб не служат“. Мало того—и тут они особенно играют на всегда чувствительной фискальной струнке,—„твоя государева вещая (весчая) перекупная пошлина от той их розничной покупки тебе государю не збираетца“. В заключение они, ссылаясь на грамоту 1584 г., выданную „аглинским иноземцом“ „блаженные памяти великим государем“, просят допускать закупку товаров иностранцами лишь „болшими статьями“, сало топленое, окорока копченые и пряжу пеньковую—вьюхами, чтобы казне „порухи не было“, а „нам бы сиротам твоим промыслишков своих не отстать и твоих бы государевых служеб и податей впредь не отбыть и в конец не погибнуть“ [1]).

Закрепили придал форму общего закона этому запрещению Новоторговый устав 1667 г., ст. 42 которого гласит: „на Москве и в городех всем иноземцом никаких товаров врознь не продавать; а будет учнуть врознь продавать, и те товары имать на великого государя“. А ст. 82 сверх того прибавляет: „и по ярмонкам им ни в которые городы с товары своими и с деньгами не ездить и прикащиков не посылать“ [2]). Последнее сделано, очевидно, для предупреждения закупки товаров в розницу, ибо, как мы видели, и она вызывала много неудовольствия [3]).

---

[1]) Мулюкин. Там же.

[2]) Полн. Собр. Зак. I. № 408, ст. 42. 82. 83.

[3]) После этого шведы стали жаловаться на то, что в „торговле с стороны царского величества после мирного договору противно чинится“, ибо им велено продавать товар оптом и „вольность вся отнята“. Однако, ни мирный договор в Тявзине 1595 г., ни Столбовский мир

Характерно однако то, что челобитные купцов не ограничиваются борьбой с иностранцами. Архангельские посадские люди в 1670 г. приносят жалобу уже на волостных крестьян, которые, по их словам, приезжают к Архангельску и продают товары и лес порознь, а не оптом, а иные приезжают с рыбою и мясом и продают врозь, а сами ни податей городских ни служб не несут. „Вели, государь,—заключает челобитная,—продавать им оптом нашим посадским тяглым людем, чтоб нам сиротам твоим достальным людишкам без промыслов в конец не погибнуть и врознь не разбрестись“ [1]).

Таким образом посадские люди возмущаются уже не только розничной торговлей иностранцев, но даже намерены воспретить ее своим же, приезжим крестьянам, доставляющим продукты из подгородных сел.

Но крестьян, как и иногородних русских купцов, затрогивают и самые меры, принимаемые против иностранцев. В самом деле, ограничения по об'екту были—как мы видели—тесно связаны с ограничениями по суб'екту: не только нельзя продавать и покупать в розницу, но нельзя вообще закупать товары вне городов, в деревнях и погостах, на ярмарках, наконец, с возов у приезжающих в город крестьян. Монополия торговли предоставляется горожанам, местным торговым людям—только у них иностранцы могут закупать товары для сбыта их заграницу, только им они могут продавать привезенные из других стран товары. Непосредственные сношения с кем бы то ни было, будь то потребители или производители, сношения, минующие местных посадских людей, им строго заказаны. Но по той же причине они не могут торговать между собой—торговля гостя с гостем не терпима, как это было уже в Новгороде, Полоцке, Витебске, Риге в прежние столетия. Но не терпима и торговля иноземцев с приезжими русскими купцами; англичане, голландцы, шведы не могут в Москве продавать своих товаров приезжающим туда новгородцам или ярославцам, в Костроме—казанцам или вологжанам, как не могут покупать привозимых последними товаров. Ибо и это противоречило бы интересам местных посадских людей, означало бы обход их, своих, в угоду чужим, гостям, приезжим. В упомянутых выше челобитных

1649 г., на который они ссылаются, им такой вольности не дал, говорится лишь о „вольной и беспомешной торговле меж обоих государств“, и ничего более. А к тому же с русскими, в силу тех же договоров, поступали в Стокгольме не иначе: „в Стекольне (Стокгольме) повольного торгу нет, врозь ничего продавать не дают“—жаловались в свою очередь русские купцы, поселившиеся в Швеции (Тявзинский договор в Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1862. II. Столбовский мир—Полн. Собр. Зак. I. № 19. См. Курц, 389. 391).

[1]) Огородников. Очерк истории города Архангельска. Морск. Сборн. 1889. IX. 134—35.

нижегородских и вологодских купцов, наряду с покупкой товаров иностранцами на уездных ярмарках у приезжих крестьян, фигурирует в качестве обвинительного пункта и покупка товаров у „иных городов приезжих русских торговых людей“, как и продажа им товаров.

Но вследствие этого получалось ограничение не только иноземцев, но и русских людей, притом не только пригородных крестьян, но и купцов,—действовал старый принцип удельно-вечевого периода, когда каждое княжество смотрело на себя, как на самостоятельное государство, а жителей другого княжества считало чужими, как бы иностранными подданными. Тогда было вполне понятно, если Полоцк не дозволял купцам, приезжавшим из других городов, торговать с приезжими москвичами,—„промежи има ходити нашему полочанину“. Но с единством Московского государства, об'единившего под своим скипетром многочисленные русские княжества и устранившего удельных князей, весьма плохо мирилось требование, чтобы „торговые немцы“ торговали с московскими посадскими людьми, но не с новгородскими или вологодскими, как будто всякий, кто не отбывал податей и служб в Москве,—в этом ведь заключалась вся суть—являлся для Москвы иностранцем.

Дозволялось ли полякам и литовцам в Москве торговать с иностранцами—в отличие от правил, господствовавших в Новгороде и Полоцке (см. выше гл. 4 и 6)—трудно сказать. В договорах об этом ничего не говорится, а из слов—торговать „волно, безо всяких зацепок“, „гостити без рубежа и без всякие пакости“, этого еще вовсе не следует. Все эти обещания вместе с целованием креста мы находили и в Новгороде и в Полоцке, и все же торговля гостя с гостем там не дозволялась. Англичанам, правда, первоначально и в этом отношении была дарована свобода, но ведь они находились тогда в совершенно исключительном положении. При Борисе Годунове в 1589 г. Флетчер обращается с ходатайством, чтобы и „всем иноземцом ослобожено было торговать с теми с аглинскими гостми в Ругодиве (Нарве), в Новегороде и в иных лифлянских городех, как преж сего торговали“. И на это получает в ответ, что хотя „Ругодив и Лифлянские городы государя нашего искони вечная вотчина, да случаем ныне не за государем нашим“, в своем же государстве он им дарует эту свободу, именно „аглинским гостем и всяким иноземцем торговать“, т. е. очевидно, право торговать с другими иноземцами, как просит Флетчер [1]). Позже об этом в приви-

---

[1]) Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера. Временник Имп. Общ. Ист. и Древн. Российск. Т. VIII. 1850. Стр. 13. 31—32.

легиях, выданных англичанам, ничего не говорится, но торговать с иностранцами они продолжали. Посадские люди плакались, что „английские немцы всякие товары продают иных земель немцом“, тайно продают их у Архангельска голландцам, брабантцам и гамбургцам, а английский посол Карлейль вынужден был оправдываться, заявляя, что бояре и приказные не могут указать ни одного случая торговли англичан ни с голландцами, ни с гамбургцами [1]).

В 1627 г. был наказан пенею англичанин, торговавший с персами. „Как были на Москве кизылбашские купчины, пришед ко нему на гостин двор, купили у него в полате, где он с товаром своим сидит олова прутового тридцать пуд“. Между тем, „по государеву указу англичаном и иным иноземцом торговым немцом с кизылбашскими купчины заморскими никакими товарами и оловом торговать не велено“. Англичанин же ссылался на то, что он такого государева указа „ни у кого не слыхал“ [2]).

Во всяком случае, А. С. Мулюкин справедливо указывает на то, что Новоторговый устав 1667 г. не создал впервые такого ограничения, а лишь узаконил и потвердил то, что и раньше практиковалось. Помимо приведенных фактов, об этом свидетельствует и заявление московских купцов 1667 г., что до сих пор „шаховы персидские области купецкие люди кизылбаши и армяне и кумычане и индейцы приезжали с шелком сырцом и со всякие товары царского величества в Московское государство и торговали теми товары на Москве и в Астрахани и по иным городам всегда с русскими купецкими людьми, а с немцами и с гречаны и ни с которыми иноземцы те кизылбаши никакими персидскими товары, по указу великого государя, нигде не торговали“ [3]).

В Новоторговом уставе прежде всего говорится: „учинить заказ крепкой, чтоб иноземец с иноземцем никакими товары не торговали и не продавали и не меняли, понеже великому государю в таможнях в сборех его великого государя казне чинятся большие недоборы, а русским людем в торгах их помешка и изнищение чинится; и будет иноземцы меж себя учнуть торговать, а сыщется про то допряма: и те товары взять на великого государя“ (ст. 63). Но уже более ранняя статья распространяет это правило и на торговлю с русскими купцами: „а чтоб иноземцы приезжим торговым людем товаров своих не продавали и у них ничего не покупали“; причем прибавлено ясно: „а продавали б в тех городех купецким людем того города, в коих они станут торговать, а у них

---

1) Цветаев. Протестантство, 268. Мулюкин, 11—12.
2) Мулюкин, 8.
3) Собр. Госуд. Грам. и Догов. IV. № 81. Мулюкин. 9—10.

також товары всякие покупали, а не у приезжих". Мало того, установлено, чтобы „и подрядов и записей иноземцы с приезжими людьми никаких не чинили и тем у тех московских и городовых купецких людей промыслов не отымали" (ст. 60).

Но в ст. 61 прибавлено: „а московским купецким людем в порубежных во всех городех и на ярмонках торговать с иноземцы всякими товары вольно". Следовательно, для москвичей сделано исключение—они не подводятся под категорию чужих и на них гостиное право не распространяется. В противоположность купцам прочих городов, они и в других городах являются равноправными местным жителям, хотя тягла посадского там не несут [1]). Конечно, речь идет только о порубежных городах. Но не надо забывать, что вся торговая деятельность иностранцев сосредоточивалась с одной стороны, в Архангельске и прочих (польско-литовских) порубежных городах (к которым в отношении восточных народов приравнивалась Астрахань), а с другой стороны, в Москве; разрешения приезжать в Москву и иметь там свои дворы они особенно добивались. Так что москвичи, имея возможность торговать с ними и тут и там, в сущности ни в чем ограничены не были. Вся тяжесть запрета торговли с иностранцами падала на купцов других городов, которые не могли торговать с ними ни в Москве, ни в порубежных городах, а только в том случае, если иностранцы приезжали к ним и там закупали товары или сбывали свои продукты и изделия. Получалась особая привилегия для москвичей, в ущерб купцам всех прочих городов—иностранная торговля отдавалась в руки первых, становилась монополией московских гостей и торговцев, как и купцов порубежных городов.

Но иноземцы нарушали все эти запрещения. И делали это не только открыто, как мы видели выше. Они боролись с этими стеснениями и иным способом. В привилегиях, дарованных англичанам в 1614 г., говорится: „а русским торговым людем от них не торговати". В привилегии 1628 г. это выражено еще яснее: „закупней русских людей у себя не держати". Для того, чтобы иметь возможность приобретать товары вне городов, непосредственно у производителей и по мелким статьям, иноземцы нанимают русских людей, которые, по их поручению, „от них" торгуют, являются „закупнями". Этим в корне подрывалось монопольное положение русских купцов. Не совершая сами запрещенных сделок, иностранцы через посредство „маломочных" русских людей достигают своих целей—последние как бы на собственный счет покупают у производителей товар как оптом, так и мелкими статьями, покупают его и у других иностран-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. I. № 408. Ст. 40—41. 60—63.

цев. „Сами иностранцы—говорит А. С. Мулюкин—не могли пробраться в те места, куда имели доступ русские, а кроме того русские, хорошо знакомые с местными условиями, приобретали товар дешевле". Поступившие на службу к иностранцам русские купцы являлись их орудием и для беспошлинной торговли, ибо, наняв их в Архангельске и „избегая таможенной бдительности, они отправляли свои товары в Холмогоры, где продавали беспошлинно, показывая вид, как будто бы товары были уже куплены русскими в Архангельске". И эти жалобы на посредничество русских, на то, что последние с виду являются самостоятельными купцами, фактически же выполняют поручения иностранцев, не прекращаются. Русские указывают на то, что иностранцы приобретают товары помимо русских купцов „своим заговором" и рассылают покупать по городам и в уезды, „закабаля и задолжа многих бедных и должных русских людей". Они добиваются указа, чтобы „маломочные люди у свеян (шведов) и у инех чюжеземцов денег тайно в подряд не имали и товаров на неметцкие денги не покупали"; ибо торговля русских на деньги, занимаемые ими у иностранцев, и комиссионерство разоряет русских купцов, которые „в долгех побиты на превежех" [1]).

Но, повидимому, жалобы эти и челобитни мало помогали: эти операции были выгодны для обеих сторон—и для иноземцев, обходивших установленные для них ограничения, и для русских людей, находивших себе заработок, фигурируя в качестве посредников, пользуясь кредитом у иностранцев.

Другую группу постановлений, регулирующих торговлю иностранцев, составляли правила относительно того, куда они могли приезжать и на какой срок, где могли селиться и торговать. Основным принципом, издавна существовавшим, являлось то, что иностранные купцы, хотя и могут свободно приезжать в Московское государство ради торговых целей, как это было установлено многочисленными договорами, но имеют право приезжать только временно, пока не распродадут своих товаров (как это было и в Новгороде, см. гл. 4,5); далее, они могут приезжать лишь в пограничные города, Архангельск, Новгород, Псков, Нарву, Астрахань, но отнюдь не в Москву и не в другие внутренние города. Передвижение по стране вообще для них не допускалось и могло иметь место лишь на основании специальных жалованных грамот. Наконец, они обязаны были проживать и производить торговлю в особо предназначенных для них гостиных дворах, но не в рядах, не в собственных домах или нанимаемых ими у местных жителей.

---

[1]) Костомаров, 85. Мулюкин, 99—100.

Такова была теория (вытекавшая из гостинного права), но соответствовала ли этому практика? Право торговли в Москве и вообще во внутренних городах России в качестве членов определенных политических союзов — говорит А. С. Мулюкин — имели „поляки, датчане, итальянцы, шведы, римские купцы, ганзейские, греки и, наконец, восточные народы, такие, как бухарцы, хивинцы, персияне, индусы". Время и срок пользования этим правом были весьма разнообразны. „Одни приобретали право торговли в Москве, а другие в это время его теряли. Одни приобретали его на целое столетие, а другие на несколько лет". Правда, тот же автор полагает, что при всем разнообразии этих явлений можно подметить среди них общий закон, который проводился более или менее последовательно и заключался „в постоянном стремлении правительства ограничить торговлю иностранцев одними порубежными городами" [1]). Однако, такое утверждение противоречит только что приведенному перечислению народов, пользовавшихся правом ездить во внутренние города: многочисленность их (к ним надо прибавить еще англичан до 1649 г.) отнюдь не свидетельствует о таком стремлении ограничить иностранцев одними порубежными городами и во всяком случае доказывает, что даже, поскольку такие меры принимались, они не достигали своей цели.

Ограничение заключалось только в том, что в Москву иностранцам разрешалось приезжать лишь с большими запасами товаров и одновременно в небольшом числе. Так, в жалованной грамоте жителям г. Любека 1652 г. говорится, что „для вашего прошения и челобитья ваших любских торговых людей пожаловали в наше Московское государство в Великий Новгород и во Псков со всякими товары приезжати и торговати им поволили", а сверх того „велели из них с большими товары пропускать и к Москве человек пяти или шести" [2]). Равным образом, когда в 1641 г. датчане ходатайствовали о предоставлении датским купцам права торговли по всему государству, бояре отвечали: пусть датчане приезжают по 5 и по 6 человек [3]). И флорентинцам, по ходатайству князя Фердинанда 1658—60 г.г., царь разрешил торговать в Архангельске, „так же и в иные городы и к Москве для торговли пропущать поволил же человека по два и по три" [4]). Для купцов других национальностей и такого ограничения в смысле количества приезжающих лиц не находим.

[1]) Мулюкин. Приезд иностр. в Моск. гос., 198—99.
[2]) Полн. Собр. Зак. I. № 80.
[3]) Соловьев. Ист. Росс. IX. 317 сл.
[4]) Памятн. диплом. снош. X. 578.733.

И полякам первоначально предоставлено было право торговать во всех городах, позже было им запрещено „в царствующий град Москву“ ездить, но они жалуются на то, что воеводы „не токмо в столицу и в Замосковные городы, но и в иные московские городы ездить не велят“ и „про то докончалным грамотам нарушенье чинят“. Однако, когда воеводы хотят их выслать на границу, то они „учиняются сильны“ и продолжают торговать. В Андрусовском мире это право торговли для поляков и литовцев повсюду, кроме Москвы, ясно выражено: „меж купецкими людми в порубежных городех и в тех городех и местех, в которых перед войной нынешнею торговали, с проезжими грамотами всякими торговати, опричь тех товаров, которые в обоих государствах заказаны будут, без затруднений“ [1]). Здесь прямо говорится о праве торговать не только в порубежных, но сверх того и в других городах и местах, где до войны торговали. Вскоре поляки были допущены и в Москву. Правда, именной указ 16 октября 1672 г. установил торговым людям „коруны Польской и княжества Литовского“ „торговать на Москве отнюдь давать не велеть... а торговать им в порубежных городех“ [2]), но 29 ноября того же года именным указом с боярским приговором и это право им предоставлено. „Великий государь указал и бояре приговорили: буде впредь из-за литовского рубежа купецкие люди с товары, для своих торговых промыслов, учнут приезжать к Москве, и им торговать до его великого государя указу, повольною торговлею, кроме заповедных товаров, табаку и вина“ [3]).

Таким образом, поляки в течение всего рассматриваемого периода фактически ездили во все города, кроме Москвы, и только приезд в Москву для них временно был закрыт.

Точно также шведам Тявзинским договором 1595 г. дозволено „торговать во всех пристанях и городах Русской земли восточной, западной, северной и полуденной, как бы они ни назывались, и в странах, которые Господь может даровать государю из татарских или иных областей“ [4])[5]).

Нечего говорить, что англичанам вплоть до 1649 г. никаких препятствий не ставилось („пожаловали есмя их освободили им торговати во всем своем государстве во всех

---

[1]) П. С. З. I. № 398, ст. 16.
[2]) П. С. З. I. № 532.
[3]) П. С. З. I. № 536.
[4]) Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1868. II. Стр. 3.
[5]) Это постановление повторяется в Столбовском мире 1649 г. „торговати... на Москве, в Новгороде, во Пскове, в Ладоге, и в иных Российских городех“), как и в мирном договоре 1658 г. („в царствующем граде Москве... и в иных царского величества в землях и в городех“) П. С. З. I. №№ 19. 240.

городех“). Правда, согласно рассказу Флетчера, русские еще в 1589 г. „рассуждали между собой о переводе всех иностранных купцов на постоянное жительство в пограничные города и о том, чтобы на будущее время быть осмотрительнее относительно прочих иностранцев, которые будут приезжать во внутренние области государства, дабы—об'ясняет Флетчер—они не завезли к ним лучшие обычаи и свойства“. [1]) И точно также сто лет спустя эта мысль оставлена не была. Царские гости опять настаивали—по словам де Родеса—на том, „чтобы все иностранные купцы, которые в Москве“, жили в Холмогорах, „а не дальше внутри страны“, для того, „чтобы они (гости) тем лучше торговали по своей воле в стране“, [2]) но достигнуть этого им и теперь не удалось,—только англичанам пришлось покинуть Москву.

Восточные купцы приезжали в Астрахань, но ездили и дальше вверх по Волге и добирались до Москвы, и в огромном числе приезжали в Москву вместе с послами: в 1552 г., напр., приехало 100 ногайских послов, 1500 человек гостей и их людей с 10 тыс. лошадей, в следующем году—28 послов и 2260 купцов с 11 тыс. лошадей, два года спустя гонцов и гостей 1000 чел. и еще 1500 купцов с 40 тыс. лошадей и 24 тыс. овец. [3])

В Новоторговом уставе 1667 г. говорится: „от города Архангельского и из Великого Новгорода и Пскова пропущать к Москве и в иные города тех иноземцев, у которых будут великого государя жалованные грамоты о торгах за красною печатью“ (ст. 86), прочих же „иноземцев к Москве и в иные города не пропущать, торговать им у города Архангельского и во Пскове“ (ст. 86). [4]). Однако, из приведенных данных видно, что в силу договоров эти постановления отменялись, бездействовали, и только купцам некоторых национальностей, как напр., англичанам, приходилось в это время брать специальные жалованные грамоты для проезда в Москву, другие же национальности обычно в них не нуждались.

Это подтверждается и тем, что иностранцы владели торговыми подворьями не в одних лишь порубежных городах. Принцип и тут был тот, что иноземные купцы обязаны останавливаться в специально устроенных для того казенных гостиных дворах. Еще при Иоанне III установлено было: „а ставятся гости с товаром и иноземцы и из московские земли и из уделов на гостиных дворех“. [5]) Речь идет

---

[1]) Флетчер, 56.
[2]) Де Родес, 189.
[3]) Прод. Древн. Росс. Вивл. IX. Мулюкин. Приезд иностр. 207-08.
[4]) П. С. З. I. № 408, ст. 85—86.
[5]) Собр. Госуд. Грам. I. 389.

не только об иноземцах, но также и о приезжих русских купцах. В XVI ст. „во всяком мало-мальски значительном городе—говорит Н. Д. Чечулин—был непременно гостиный двор, а то и не один. На нем должны были останавливаться, складывать свои товары и торговать всякие приезжие торговцы. Для жилья их на гостином дворе всегда были избы, где приезжие гости, за определенную плату с человека в неделю, пользовались ночлегом и столом; размер платы, а иногда также и обязательные для дворника кушанья, определялись особыми уставными грамотами“ [1]). Лишь при незначительном количестве привезенного товара приезжий торговец мог останавливаться где хотел, во всех прочих случаях за складывание товара в другом месте ему грозил довольно большой штраф. Точно также городским жителям строго запрещалось принимать на свои дворы приезжих людей с товарами. [2]) Так, в Пскове, наряду с лавками, находящимися в рядах, где торговали только псковские жители (даже жителей Псковского уезда среди торгующих в рядах почти не было), имелись гостиные дворы для приезжих торговцев, именно „двор гостин московских гостей приезжих с 69 амбарами“, в каждом по 2 избы, соединенные сенями, и „двор гостин льняной“ с 81 амбаром. С амбара дворники брали по 4 деньги в неделю, „за тепло и за стряпню и за соль и за капусту и за скатерть и за квас и за утиральники“. Судя по поступавшей плате, оба гостиные дворы были постоянно заняты, весь год полны товарами. При этом приезжие платили несравненно больше, чем местные: 280 денег в год, тогда как ни в одном ряду оброк не превышал полтины с лавки, а в некоторых составлял всего 20 денег или в 10 раз меньше. Но это—как подчеркивает Н. Д. Чечулин—известно и из многих грамот того времени: приезжие облагались выше, чем свои, местные жители [3]).

Из городов ближайших в Москве гостиный двор упоминается в Коломне, в Муроме было три гостиных двора, в описании Можайска читаем: „на посаде и у торга два двора гостиных, на одном дворе хором изба, да мыльня, да 6 амбаров, а на другом дворе хором изба да клеть; а ставятся на тех дворех Литовские торговые люди и московских городов приезжие люди“. В Казани „по старой Спасской улице двор гостин... на гостине дворе трои ворота... да на гостине ж дворе амбары... и всех 82 амбара“. В Свияжске „на посаде двор гостин“. И здесь амбары в

[1]) Чечулин, 337.
[2]) Акты Археогр. Эксп. I. 56. 211. 225. 361.
[3]) Чечулин, 134—35.

гостиных дворах обложены очень высоко—приезжему было, очевидно, торговать гораздо менее удобно, чем местному жителю [1]).

Обязанность всех приезжих, как иностранцев, так и иногородних, останавливаться и торговать исключительно в государевых гостиных дворах потверждается и впоследствии. Относительно Архангельска издается распоряжение „беречь на крепко, чтоб одноличпо приезжие люди мимо гостиных дворов нигде не ставились и особных дворов и амбаров, опричь аглинских гостей и галанцев, которым по имянным государевым грамотам велено держать свои дворы и амбары, ни у кого не было“ [2]). Но распоряжение это плохо выполнялось, ибо двадцать лет спустя правительство само жалуется, что „приезжие иноземцы... в нынешних годех явные неправды в привозе худых товаров и в покраже пошлин и в своевольных продажах и покупках, мимо гостиных дворов у себя на дворех втайне товары держали, також и в порубежных городех мимо гостиных дворов от себя врознь всяким людем продавали... от чего русские люди в разоренье пришли“ [3]).

Но, повидимому, и приезжие купцы из русских городов не лучше подчинялись требованию „становиться“ в гостиных дворах. По крайней мере из Соборного Уложения царя Алексея Михаиловича 1649 г. узнаем о „приезжих городовых всяких торговых и тяглых людях“, у которых „на Москве дворов своих нет“. Они—вопреки приказам—„в лавках торгуют в наемных и своих“. Уложение определяет: „и тем людем впередь с товары своими приезжати на гостин двор и торговати на гостине дворе, а в рядех лавок не наймовати“ [4]).

Как мы видели выше, для „аглинских“ гостей делалось исключение—им „велено было держать свои дворы и амбары“. Это право было предоставлено англичанам с самого начала, и они все время удерживали его за собой. „Аглинские ж земли гостей и купцов—читаем в грамоте 1614 г.—пожаловали есмя прежним их аглинским двором на Москве у Максима святого за торгом и оне на нем жывут по старине, а держат на том дворе одного дворника русского чловека или своего немчина, а иных русских людей не держат никого, да у них же аглинских гостей дворы по городом двор в Ярославле, двор на Вологде, двор на Колмогорах, двор у пристанища морского в Архангельском городе, и те им дворы за собою держати по нашему царскому жалованью по прежнему, а с

---

1) Чечулин, 193. 251—52.
2) Дополн. Акты Истор. III. № 55.
3) П. С. З. I. № 408, ст. 7.
4) П. С. З. I. № 1. Гл. XIX, ст. 30.

тех дворов податей и оброков и всяких пошлин имати есмя не велели".

Когда Флетчер в 1589 г. добивался исключительной монополии торговли для английских купцов, то он получил в ответ, что царь и так уже „жалованье к ним держал великое свыше всех земель гостей и торговых людей, которые ходят в Московское государство". В частности „дворы им подаваны во многих местех"; „а иных земель гостем великих государств, турского салтана, папы римского, и цесаря, и короля ишпанского, и короля францовского, и короля литовского" этого права держать собственные дворы не предоставлено [1]).

Однако, как ни многочисленны перечисленные здесь национальности, все же купцы всех этих шести государств, за исключением разве одних литовских, для русской торговли почти никакого значения не имели и являлись на Русь редко и в весьма ограниченном количестве. В отличие от приведенного выше списка купцов, которым дозволено было ездить во внутренние города, здесь не названы ни датчане, ни шведы, ни ганзейцы, ни греки, ни восточные народы. Что же касается купцов тех национальностей, которые держали в своих руках товарообмен между Россией и Западом, то московское правительство вынуждено было разрешать им иметь собственные торговые дворы, освобождая их от обязанности останавливаться на казенных гостиных дворах. В таком положении находились кроме англичан также и голландцы, и ганзейцы, и датчане, и шведы.

Голландцы уже со времени Иоанна Грозного имели свои дворы в Архангельске, Москве, Вологде, Холмогорах, Усть-Коле, и эти права их были подтверждены грамотой Михаила Федоровича [2]). Ганзейцам московское правительство разрешило в 1548 г. пользоваться „двором неметцким" в Новгороде, „по старине", в 1603 г. Борис Годунов потвердил право их на дворы в Новгороде и Пскове, и только в Москве им не было дозволено при Михаиле Федоровиче завести собственный двор [3]). Датчане пользовались этим правом с конца XVI ст. (1597 г.): „мы, великий князь, по прошению брата нашего Крестьяна короля Датского, пожаловали его земли Датские торговых людей и дали им место в нашей отчине в Великом Новгороде у Волхвы реки, против Любениц, длиною шестьдесят сажен, а поперешнику тридцать сажен, а в Иване-городе також указали им место дать на посаде за весчею избою под горою против стрелницы и ворот,

---

[1]) Статейн. список. Временник. VIII, стр. 16—17.

[2]) Дополн. Акты Истор. III. 194. Костомаров, 36.

[3]) Грамота 1603 г. напечатана у Scherer. Histoire raisonnée du commerce de la Russie. 1788. II. 101 сл. (Pièces justific. № 1). См. Цветаев, 155.

которыми в город ездят, длиннику тридцать сажень, поперечнику двадцать сажень [1]). Это право они сохранили за собой и в XVII ст., временно имели свои дворы не только в Новгороде и Ивангороде, но и во Пскове и в „царствующем граде“ Москве.

Наконец, и шведы, в силу договора 1526 г., имели право на особый двор в Новгороде; по Тявзинскому миру им возвращены те дворы, „которыми дворами они прежде владели со всеми угодьями и вольностями“; мало того, и в тех городах, где „прежде дворов не было, должно беспрекословно отводить оные для того, чтобы они могли складывать свое имущество“. Но, повидимому, они этим правом не воспользовались и новых дворов не строили, сохранив двор только в Новгороде. На это указывается и в Стокгольмском договоре 1649 г.: „наперед сего велеможного государя, короля Густава Адольфа Свейского, его королевского величества, подданные торговые люди имели вольный двор в Новегороде, тако ж и ныне по Тявзинскому и Выборгскому договору очищену и дану быть доброму двору и месту к тому в Новегороде“. Но сверх того теперь прибавлено „и на Москве и во Пскове такие ж торговые дворы дати и тамо им божественная служба по своей вере, по своим дворам в хоромах вольно имети, а церквей по своей вере не ставити“ [2]) [3]). Однако, де Родес еще спустя 4 года доносит королеве, что „псковский двор до сих пор еще не устроен“ и что для спосопешествования торговле такой двор также весьма сильно требуется в Ярославле, ибо это один из наиважнейших торговых городов, который имеет после Москвы наибольший привоз как сушей, так и водой, вверх по Волге. „Что же касается постройки и содержания таких дворов, то необходимо, вследствие пожаров, чтобы здания были из камня, в виду того, что всякий остерегается доверять свое имущество деревянным постройкам, да и иного это даже удерживает везти туда какой-нибудь товар“. В особенности

[1]) Рус. Ист. Библ. т. XVI. №№ 9. 90.

[2]) П. С. З. I. № 19.

[3]) Прежние постановления подтверждаются последующими договорами—Валиссаровским 1658 г. („имети свои вольные торговые дворы в царствующем граде Москве, в Великом Новегороде и во Пскове, где они преж сего были“), Кардисским 1661 г., где прибавлены еще дворы в Переяславле; Плюсским 1666 г., в котором делается ссылка на постановления Кардисского договора и прибавлено „торговых людей не принуждать в иных дворех стоять, и постоялое платить, понеже быти им на гостиных и торговых дворех“. Однако эти привилегии взаимные („с обоих сторон“): по Тявзинскому и Выборгскому договорам, „русским купцам предоставляется иметь вольный торговый двор в Колывани (Ревеле), в Стокгольме и Выборге, в Колывани кроме того и церковь“. Позже, в 1658 г. к ним присоединяется Рига и Нарва (П. С. З. I. №№ 19, 240, ст. 7. № 301, ст. 11. № 395, ст. 4, п. 3).

необходим каменный двор в Москве, для постройки которого королеве следует попросить из царского строительного склада материалы по казенной цене, тогда они обойдутся на половину дешевле [1]).

Таким образом, в то время, как приезжие русские купцы обязаны были „ставиться" на общих гостиных дворах, иностранцы пользовались особыми привилегиями, освобождавшими их от этого требования. Существование таких „вольных" гостиных дворов, пожалованных иностранцам, в которых они останавливаются и складывают свои товары, означало, конечно, изолирование их от туземного населения на старинный средневековый лад. Это изолирование, как и отделение их друг от друга, от иностранцев других наций, было свойственно средневековой эпохе. В странах Востока, напр., в Османской империи, это явление сохранилось и в рассматриваемый период [2]). На Руси такое изолирование иноземцев проявляется во многом—и в стремлении ограничить пользование услугами русских людей со стороны иностранцев, и в запрещении им носить русское платье, и в особенности в поселении их в особых слободах, как это было, напр., в Архангельске, Вологде, Москве [3]).

В Архангельске они проживали в Немецкой слободе, в Вологде—в восточной стороне города, в Новинках, в Москве они первоначально жили в Иноземной слободе, но затем стали селиться по городу свободно, где им было угодно. В 1649 г. вышло распоряжение: „а у кого всяких чинов у русских людей дворы на Москве в Китае и в Белом Земляном городе в загородских слободах: и тех дворов и дворовых мест у русских людей немцам и немкам вдовам не покупати и в заклад не имати... А буде кто русские люди учнут немцам... дворовые места продавати: и им за то от государя быти в опале". И сверх того велено немецкие церкви „сломати и впередь в Китае и в Белом и в Земляном городе на немецких дворех киркам не быти; а быти им за городом за Земляным от церквей Божиих (т. е. православных) в дальных местех" [4]). Вскоре, в 1652 г., по царскому указу „Афанасий Иванов сын Нестеров, да дьяки Фёдор Иванов да Богдан Арефьев отроили новую иноземную слободу за Покровскими воротами, за Земляным городом, подле Яузы реки, где были наперед сего немецкие дворы, при прежних великих государех до Московского разорения и роздали в той немецкой слободе под дворы земли, размеря против наказу", сообразно

[1]) Донесения де Родеса. 202—03.

[2]) См. мои Лекции по истор. экон. быта Зап. Европы, ч. II. Отд. 3-ий. IV. Гл. 1.

[3]) Цветаев. 253. 262 сл. Мулюкин. Ист. юрид. пол. 231. 245.

[4]) П. С. З. I. № 1. Гл. XIX, ст. 40.

их социальному положению, „по чинам и по статьям“, в частности „торговым немцам и вдовам примериваяся к прежним их московским дворам“ [1]). В эту новую Иноземскую слободу и были выселены иностранцы.

Впрочем, вскоре они стали снова селиться в черте города, в самой Москве, а в правление царевны Софьи это обратное движение иностранцев в самую Москву выразилось и в появившихся там снова домах купцов, и в том, что иностранцы владели в городе лавками [2]).

И в Архангельске жители в 1664 г. жалуются на „торговых иноземцев, которые живут не в своей иноземческой слободе в ряд с посадскими людьми на тяглых местах“, хотя никакого тягла они не несут. „И теми своими дворами—читаем в челобитне—они иноземцы тех земель (голландцы, гамбургцы, бременцы) нашу искони ввечную мирскую дорогу заперли... и проходу скотишку нашему нет и прохожий мост они разломали и разбросали“. „Да с нами ж—продолжают посадские—сироты твоими поставился в ряд иноземец Яков Романов Снип возле наши мясные лавки двумя амбары, да иноземец Вахрамей Иванов поставил за мясными нашими лавками поварню в речную сторону... и тем они... наши мясные лавки заперли“. „И мы, государь, сироты твои бедные людишки—заключают они—от тех выставочных дворов и анбаров и погребов и поварен в конец погибли, обнищали и обдолжали великими долги“ [3]).

Так что иноземцы не только обзавелись привилегиями на постройку собственных гостиных дворов и частных домов, но не желали жить изолированно, а селились повсюду вместе с туземным населением.

Те же характерные явления, которые мы наблюдали выше, можно установить и в отношении таможенных пошлин [4]), т.-е. тех проездных и торговых сборов, которые взимались не только с товаров, но и с купцов. Среди проездных сборов, т.-е. уплачиваемых при проезде купца, имеется и головщина—поголовный сбор, взимаемый не с товаров, а с самих сопровождающих их людей (такой сбор существовал и на Западе в средние века) [5]). При этом проводилось различие между жителями города, иногородными и иноземцами. Так, из новгородской таможенной грамоты 1574 г. можно

---

[1]) П. С. З. I. № 85.

[2]) Цветаев. Протестантство в правленье Софьи, 41.

[3]) Огородников. IX. 135—36.

[4]) См. Гагемейстер. Разыскания о финансах древней России. 1834. Толстой. История финансовых учреждений России. 1848. Осокин. Внутренние таможенные пошлины России. 1850.

[5]) См. мое Коммунальное обложение в Германии в его историч. развитии. 1914. Стр. 180 сл.

усмотреть, что с головы первых берется по полуденьге новгородской, со вторых—по деньге, а с литвина и всякого иноземца брали по 2 деньги с человека, находившегося на их судах. То же соблюдалось и при проезде сухим путем. Даже при обложении жителей одного и того же уезда с ближних брали менее головщины, чем с отдаленных.

К головщине присоединялось мыто, взимаемое уже с груза, но по самому примитивному масштабу — с возов, с саней, с судов, не считаясь с количеством находящихся на них товаров.

При привозе товара в город с него брали различные пошлины—явку или сбор, уплачиваемый при самом об'явлении товара, гостиное при остановке в гостиных дворах (однако, сверх платы за помещение), весчее и померное—по случаю взвешивания или измерения товаров. В одних случаях облагался человек (с головы), в других товар, но и в последнем случае размер сбора все же зависел от личности торговца. Явочной пошлине подлежали обычно только иногородные и иноземцы, но не местные жители, и величина ее определялась расстоянием между постоянным местожительством торговца и местом уплаты. Так, в Орешке в 1523 г. новгородец городской человек подвергался сбору в деньгу московскую, пригородный житель, т.-е. из городов в пределах Новгородской земли—в деньгу новгородскую, прочие иногородные—в 2 деньги, иноземцы—в алтын. В Новгороде брали с ближних и дальних торговцев столько же (в 1586 г.)—по 4 московские деньги с головы и с ореховцев, и с ладожан, и с москвичей и с приезжих из прочих городов, но иноземцы— „Литва, турчане, армяне, опричь немец“—платили по 2 алтына с человека. Гостиное также взимается только с иногородных и иностранцев — только они ведь обязаны были останавливаться на гостиных дворах и из них торговать,— „а с торговых людей Московские земли, с подгородца, и со псковитянина, и с тверитянина, и с рязанца имати явки гостиного по алтыну с человека“ (грамота 1592 г.). Анбарное с местных жителей вовсе не бралось или, во всяком случае, в меньшем размере, чем с прочих. По поводу взимания весчего в Новгородской уставной грамоте 1134 г. говорится: а у гостя им имати у низовского от дву берковска вощаных по гривне серебра да гривенка перцю, у полоцкого и у смоленского по 2 гривны кун, у новоторжанина по полуторы гривны, а у новгородца по 6 мордок.

Это различие между „своими“ и „чужими“ сохранилось и с исчезновением уделов, сохранилось и тогда, когда сбор стал взиматься в определенном проценте с цены товара. В XVI ст. городские жители платили деньгу с рубля, иногородные и иноземцы—по 2 деньги.

Наконец, и наиболее важный из торговых сборов—тамга, установленная, быть может, татарами (самое слово татарское—обозначает печать, клеймо, накладываемое на товар; от „тамги“ происходит „таможня“) и взимаемая с цены товара при продаже его или при привозе на рынок, обусловливалась происхождением торговца. Местные жители платили в разных городах от 1/2 деньги до двух денег, притом обычно лишь с привозных товаров, иногородные от 3 до 7 денег, иноземцы от 7 до 10; для последних была учреждена в XVI ст. особая большая тамга [1]). По Белозерским грамотам 1498 г. и 1551 г. с горожан взимается 1/2 проц., столько же с жителей области, с иногородных же 6 проц., по Дмитровской грамоте Василия III с первых 1/2 проц., со вторых—2%, с иногородных и с иностранцев 4 проц., в Весьегонской грамоте находим 3/4 проц. и 1 проц., а с иногородных, 2 проц., в Новгородской 1571 г. 3/4 проц. с горожан, 2 проц. с жителей области, 4 проц. с иногородных, 7 проц. с иностранцев [2]).

В 1653 г. (в силу Торгового устава) совершена значительная перемена. „Великий государь, слушав выписки и челобитья и сказок гостей и гостиной и суконной и черных сотен и слобод и городовых всяких чинов торговых людей, указал и бояре приговорили: впредь свою государеву таможенную пошлину имати с весчих и невесчих со всяких товаров и с хлеба на Москве и в городех с тутошних жилецких и с приезжих, со всяких чинов людей, рублевую пошлину, с продавцов по 10 денег с рубля, почему которой товар ценою на деньги в продаже будет. А которые напредь сего сбирывались на Москве и в городех с весчих и невесчих товаров проезжие, рублевые и всякие мелкие пошлины и те проезжие и мелкие всякие сборы отставить, и перекупные пошлины с весчих товаров быть по прежнему“ [3]). С установлением рублевой пошлины таким образом отменяется лишь часть прежних сборов; перекупное сохраняется, как и ряд других, напр., мыты, мостовое, перевоз. Последний „имать на больших реках на Волге и на Оке в полую воду... с товарные телеги по 10 денег, а с тутошних уездных людей с товарной же телеги... по 6 денег“, следовательно, с местных жителей перевоз взимается в пониженном размере. Рублевая пошлина уплачивается с цены, почему велено „цены с товаров не убавливать“... и продажную цену „сказывать прямо в правду без всякие хитрости“; в противном случае „товары имати на себя государя бесповоротно“, а тех, кто „об'явятся с утаенными то-

[1]) Мамонтов. Тамга. Моск. Университ. Извест. 1871. Стр. 387 сл.
[2]) Лодыженский. История русского таможенного тарифа. 1886. Стр. 7.
[3]) П. С. З. I. № 107.

вары и с убавочною ценою в другой ряд, бить кнутом нещадно".

С иноземцев же устанавливается рублевая пошлина в повышенном размере и сверх того от'явочная. „А с иноземцов, с торговых немец, с весчих и не с весчих, со всяких заморских товаров, которые начнут торговать на Москве и в городех оприч Архангельского города (значит, если они не остаются в Архангельске, а отправляются вглубь страны), имать по 2 алтына (12 денег) с рубля... да с них же имать проезжие от'явочные пошлины за Великий Новгород, на Москве и у г. Архангельского, которые товары повезут в Москве и в иные городы, и которые русские товары повезут за море (следовательно, при ввозе в страну и при вывозе за границу), по четыре деньги с рубля". Однакоже „оприч тех торговых немец, которые приезжают из за моря и торгуют у Архангельского города", т.-е. оставаясь здесь и не отправляясь в другие города: тогда с них взимается особая, пониженная пошлина [1]).

Эти постановления лишь отчасти изменены Новоторговым уставом 1667 г. Здесь определен сбор с весчих товаров— в 5 проц. (десять денег), с невесчих—4 проц., как с привозных, так и с вывозных товаров, и кроме того сбор в 5 проц. „с продажные цены", „как он тот товар продаст на городе" (п. 29). Иноземцы же платят 5 проц. в пограничных городах; но „буде которые иноземцы похотят товары свои от города (пограничного) возить к Москве и в иные городы, и им платить с тех заморских товаров у Архангельского города проезжих пошлин по гривне с рубля" (10 проц.), т.-е. в этом случае вдвое. Это повышенное обложение мотивируется тем, что „русские люди и московские иноземцы пятину и десятину и всякие подати платят и службы служат, а иноземцы ничего не платят" (п. 56). А к этому присоединяется еще „с продажи по 2 алтына с рубля" (6 проц.) „по прежнему" (п. 59) [2]).

Но иностранец вынужден был сверх того вносить пошлину не рублями, а ефимками (дукатами). Между тем рубль составляет—как указывает Кильбургер—100 коп.,—дукат же поднимается до 125 и в Новгороде дукат часто невозможно достать [3]). Поэтому иностранцы просили „новой торговой вредной устав отставить, который по се время малой образ в пошлинах царского величества казне" доставил, но привел лишь „ко отогнанию всяких чюжеземцов точию корысти некоторого числа самолюбивых человек" [4]).

---

[1]) П. С. З. I. № 107.
[2]) П. С. З. I. № 408 п.п. 12. 29. 48. 56. 59. См. Кильбургер, 157.
[3]) Кильбургер, 157.
[4]) Посольство Кунрада фан-Кленка. Введ. А. М. Ловягина. LXXV.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Торговля России с иностранными государствами в XVIII ст. Торговля на Балтийском и Черном море. Англия, Голландия и Франция.

„Сие преславное господарство—пишет Юрий Крижанич о Руси в половине XVII ст.—будучь тако широко и безмерно долго, еднакожь от всех стран есть заперто в торгованию. От севера нас пашет (опоясывает) Студеное море и пустые земли. От востока и полудня окружают дивии народы, с коими никаково торгование быть не может... Торгование азовское и черноморское, кое бы сей земле наикорыстнее было, то держат обседено (около сидя, во владении) крымцы... И тако нам остают токмо три от страхов слободна торговища: по суху Новгород и Псков: а на воде Архангельское пристание". Но от последнего выгоды мало: „али к тому путь есть несмерно предалек и трудовен" [1]).

Итак, „Русь заперта отовсюд"; надо искать новых торжищ, более удобного пути, чем архангельский, незамерзающего выхода к морю. Эту задачу поставил себе Петр. Сначала он пытался „нарядить едно торговище на Дону, супроть Азову, для торгования с турки"—как советовал Крижанич [2]). Но несмотря на „учинение некоторых побед над турками" и на завоевание Азова, он всетаки на юге не достиг своей цели и обратил свои взоры на север. Еще в 1655 году русский купец Петр Николаев в беседе со шведскими послами о перенесении торговли с Белого моря на Балтийское, что шведов (как мы видели выше) весьма интересовало, заявлял, что это легко можно было бы сделать, если бы Карл X уступил царю Ингерманландию, которая королю, дескать, приносит мало пользы, а царь за это отказался бы от своих

[1]) Русское государство в пол. XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. 1859. Стр. 7—8.
[2]) Юрий Крижанич, 13.

притязаний на Литву. Конечно, шведы на это не пошли, напротив—по словам русских—„шведский король всякими мерами промышляет, чтобы ему Варяжским (Балтийским) морем всем одному завладеть, в торговых промыслах всем большое утеснение сделать“ [1]).

Только завоевание Петром берегов Балтийского моря и основание нового порта—Петербурга положило конец этому состоянию и явилось исходной точкой для нового периода в истории русской торговли. „При самом начале сего благополучного порта—говорит Чулков в своем „Историческом описании российской коммерции при всех портах и границах“, состоящем из 20 огромных волюмов—как будто некиим провидением приведен был голландской купеческой корабль в 1703 году осенью, дабы возвратясь возвестил оной Европе, что имел щастие быть при новоначинающемся порте, которой в глазах неприятельских, против всех чаяния, а некоторых желания, основывается, увеличивается и привлечет всю северо-западную коммерцию; что—прибавляет он—наконец и учинилось“ [2]).

„О сем свидетельствуют Санктпетербургские ведомости 1703 года декабря 15 дня тако“. В ноябре—сообщается в „Ведомостях“—нечаянно зашло в устье Невы направлявшееся вероятно в Ниеншанц нидерландское судно с вином и солью, капитан был приглашен к столу Меньшиковым и ему выдано было 500 золотых червонцев, а матросам по 300 ефимков каждому и обещано при всяком новом приезде капитану по 100 руб., а в то же время об'явлено, что капитан следующего судна получит 300, а третьего 150 дукат, и соответствующее вознаграждение будет выдано и матросам. Капитан назвал свой корабль „город С.-Петербург“ и совершал правильные рейсы во вновь открытый им порт.

После занятия Дерпта, Нарвы, Ивангорода и, следовательно, всей Ингерманландии, в следующем году Петр мог считать себя „начальным“ над всем южным побережьем Финского залива, он устроил верфь и адмиралтейство и чрез посольства об'явил иностранным государствам о новой русской гавани. В ответ на „мемориал“ об этом, поданный окольничим Матвеевым французскому королю, последовал ответ, что „все московские корабли, которые придут в пристани его королевского величества и которые будут нагру-

---

[1]) Форстен. Сношения Швеции и России во втор. пол. XVII ст. Журн. Мин. Нар. Просв. 1898. II. 242. Соловьев. Ист. России. X. 357. Курц. Сост. России в 1650—55 г.г., по донесениям Родеса. Чтен. Имп. Общ. Ист. и Древн. 1915. II. 232.

[2]) Чулков. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной. Т. IV. Кн. 1. 1785. Стр. 15.

жены товарами, родящимися и делающимися в Москве, будут приняты во Франции и почтены как приятельские... и чает его королевское величество, что царь московский даст свои указы для впуску в пристани свои кораблей французских и подданные его учтены будут так же приятельски, как агличане и голландцы“ [1]).

Точно также российский консул граф Каретт, находившийся тогда в Венеции, „постановил купеческий договор между Россиею и республикою генуэзскою; чему об'явили также свое согласие купцы ливорнские и неаполитанские“, а Меньшиков „с вольным цесарским городом“ Любеком „учинил о том же согласие“, заявляя именем царя „городу Любеку и всем мещанам и жителям оного коммерции в Балтийском и Северном море не запрещать и корабли их, которые любскими пасами и свидетельствованными письмами снабжены будут, не задерживать и необычайно не осматривать ниже из тех кораблей, какие вещи взяты“ [2]).

Однако, этих оповещений, как и постройки кронштадтской гавани и гостиного двора на Петербургской стороне (он назывался попросту „трактир Австерия“, и Петр туда заезжал на чарку водки), было еще недостаточно для того, чтобы сделать Петербург „великим купеческим магазином“. Вследствие затруднительности провоза, цены в Петербурге были значительно выше, чем в Архангельске, куда можно было ехать по Двине водным путем, да и купцы русские освоились давно с Архангельском, где рынок был больше и товары разнообразнее и сбыт вернее, и не желали менять его на новый, им еще неизвестный, порт.

Первое препятствие Петр старался устранить путем соединения Волги с Невою, но эти планы первоначально не привели ни к каким результатам. Позднее заложен был Ладожский канал, но он был закончен лишь в 1732 г. А с привычками купцов Петр боролся обычным своим решительным методом—принуждением. „Понеже начатие сей торговли—повествует Чулков—было дело новое и российское купечество вникнуть в оную ни времени, ни случая не имело“, и поэтому „попечитель об отечестве“ не мог расчитывать на то, чтобы „российские купцы охотно в сию торговлю вступили, того ради принужденным находился он для их же собственной пользы—поясняет Чулков—употребить некоторое принуждение, которое публиковано было имянным его указом“ (1713 г.) [3]). Велено было из ближних к Петербургу городов к будущей весне товары везти в Петербург, но не

---

[1]) Чулков. IV. 1. Стр. 18.
[2]) Там же. 27—29.
[3]) Там же. 32—33.

в Архангельск „под потерянием своих пожитков“, а юфть и пеньку везти в Петербург и из дальних городов; указ этот приказано было об'явить по всем городам в церквах и прибить к городским воротам. Самих купцов из внутренних городов переселяли в Петербург. Ни ходатайства русских купцов, ни представления голландцев не могли устранить это приказание. В следующем году Петр разрешил, правда, везти в Петербург всего половину товаров, но в 1717 году было снова приказано доставить туда две трети и только $^1/_3$ в Архангельск [1]).

Цель была достигнута скорее, чем Петр мог ожидать. Уже в 1718 г. те самые купцы из Новгорода и Пскова, которых пять лет тому назад приходилось силой заставлять направлять часть товаров в петербургский порт, обратились теперь за разрешением везти туда товар полностью. Принуждать их больше не нужно было, они сами охотно выполняли желание Петра. В виду этого, в 1719 г. обязательная доставка товаров в Петербург была понижена до одной трети, тогда как остальное всякий мог везти куда угодно. Мало того, было сделано распоряжение, чтобы тех из купцов, которых было велено выслать на житье в Петербург, но которых послать не успели, теперь не отправлять, а которые высланы „одинакие и скудные и домов здесь своих не имеют... отпустить в дом по прежнему“ [2]). В 1727 г. было отменено всякое стеснение архангельской торговли—туда можно было возить сколько угодно товаров.

Но это уже мало помогало делу—торговля Петербурга растет, торговля Архангельска падает. Число посещавших петербургский порт кораблей составляло в 1713 г. 1, в 1714 г.—16, в 1716 г. 33, в 1718 г.—54, в 1720 г.—75, в 1722 г. 119, в 1724 г.—180. Число входивших в гавань Архангельска иностранных кораблей составляло в 1701—1705 г.г. в среднем 126, в 1706—1710 г.г. 162, в 1711—1715 г.г.—154, в 1716—1720 г.г. 142, тогда как в 1721—1725 г.г. всего 50, а в 1726—1730 г.г. даже 34. Таможенные сборы, портовые и внутренние, давали в 1711—1715 г.г. в среднем ежегодно 248 тыс. руб., в 1716—1720 г.г. 212 тыс., напротив в 1721—1725 г.г. упали до 64 тыс., а в следующее пятилетие до 30 тыс. руб. [3]). „Учреждение торговли в Петербурге—читаем у современника Петра, Фоккеродта—привело в такой упадок архангельскую, что ныне привозится в Архангельск мало русских товаров, кроме дерева в деле, да еще дегтя, ворвани и прочего, которые добываются на берегах Белого моря и Двины и по их тяжести не перевозятся в Петербург; но

[1]) П. С. З. №№ 2732, 2784, 2793, 3195.
[2]) Чулков. Т. IV. Кн. 6. Стр. 468. Т. IV. Кн. 1. Стр. 98—99.
[3]) Огородников. 1889. XI. 142.

еще меньше привозят туда иностранных товаров". А в переведенном с французского руководстве для купцов под названием „Торг амстердамской, содержащий все то, что должно знать купцам и банкирам, как в Амстердаме живущим, так и иностранным", сообщается о том, что „торг Архангелогородской ныне после построения Санктпетербурга не столь силен, как он был назад лет около сорока" [1]). Только в 1762 г. Архангельск был вполне уравнен с Петербургским портом; в особенности в смысле уплаты пошлин ему были даны те же права и преимущества, ибо—как об'ясняется в указе—те причины, которыми обусловливалось запрещение привоза к Архангельску некоторых товаров и установление повышенных пошлин, давно отпали. Но эта мера уже не могла помочь Архангельску, не в силах была возродить его, раз Петербург, благодаря вновь построенным каналам, соединявшим его с внутренними губерниями, стал наиболее удобной гаванью для вывоза русских товаров, гаванью, хотя и замерзавшей, но в течение гораздо меньшего срока, чем Архангельский порт, и значительно ближе расположенной к Западной Европе.

Не одним только Петербургом впрочем выдвинулось Балтийское море и оттеснило на задний план Белое, но и рядом других портов, число которых быстро возрастало. В 1704 г. была завоевана Нарва, в 1710 г. Рига, а по Ништатскому миру Россия владела уже 7 гаванями балтийскими. В 1737 г. был приобретен Гапсаль, в 1743 г. Фридрихсгам, к концу века к ним присоединились еще Либава и Виндава, и вместе с Кронштадтом получилось 12 гаваней на Балтийском море—последнее выдвигалось уже одним количеством своих портов.

Крупное значение среди них приобрела Рига, занимавшая второе место (после Петербурга) среди балтийских портов. Уже в 1704 г. ее гавань посетило 359 судов, после завоевания города Петром в 1710 г. число это сократилось до 15, но вскоре вернулось к прежним размерам и в 1725 г. достигало уже 388. Петр этому всячески содействовал, приказав подавать себе ежегодно списки товаров, вывозимых из различных местностей России в Ригу,—из них можно усмотреть, что товары доставлялись туда не только из Великороссии, но и из Малороссии. Но еще большее значение имели сношения Риги с Польшей—через нее проходили товары, вывозимые из Польши за море или предназначенные для Польши привозные товары, почему рост Петербурга не мог ей на-

---

[1]) Фоккеродт. Россия при Петре Вел. Чтен. в Общ. Ист. и Древн. 1874. II. 70 сл. Торг амстердамской. Пер. Вебера. Ч. II. 1763. Стр. 111. Курц. Сочин. Кильбургера. 137.

нести ущерба. Напротив, Петербург в значительной мере поглотил торговлю ряда других балтийских портов, в особенности Ревеля и Нарвы. Ревелю не был дозволен экспорт товаров из внутренних губерний, Нарва получила это разрешение лишь в половине 30-х годов, так что почти все балтийские гавани вынуждены были довольствоваться привозом к ним товаров из близлежащих местностей. Но совершенно убило их запрещение экспорта леса. Оно нанесло ущерб даже Риге и Петербургу, но еще гораздо тяжелее отразилось на Пернове, Нарве и Выборге. В 1761—1763 г.г. число кораблей, вошедших в порт, составляло в среднем: в Риге 957, напротив в Ревеле 145 и в Нарве 115, в Выборге и Пернове 80 и 72, наконец, в Фридрихсгаме и Аренсбурге 37 и 34, в Гапсале 7, а во всех балтийских гаванях вместе 1833. Поступление пошлин в этих портах за десятилетие 1730—1740 г.г. возросло в иностранных деньгах всего с 524 до 540 тыс. талер., тогда как уплаченных русскими деньгами— с 34 до 180 тыс. руб., т.-е. повысилось более, чем в пять раз. „Эта в течение немногих лет созданная морская торговля— говорит Шторх—у моря и на море, которое до начала этого столетия (XVIII) было совершенно закрыто для русских, является прекраснейшим наследством, оставленным Петром своему народу". В 1773—77 г.г. общий оборот торговли на Балтийском море составлял 25½ милл., в 1793—97 г.г. он повысился до 71 милл. руб., причем на первом месте стоял Петербург (в 1793—97 г.г. 51 милл.), на втором Рига (12 милл.), гораздо ниже Либава, Ревель, Пернов (3,2 и 1,6 милл.), обороты каждого из остальных 7 портов не достигали 1 милл. руб. Половина внешней торговли сосредоточивалась в Петербурге [1]).

Задача Петра заключалась однако не только в открытии России выхода в море, но и в том, чтобы русские использовали этот новый путь, в том, чтобы—как сообщает Фоккеродт—„сделать из своих подданных настоящих купцов и довести до того их, чтобы они отвозили товары и сбывали их в чужих краях не чрез посредство других мореплавательных народов, а на собственный счет и на своих судах" [2]). Но этой цели не достигли ни Петр, ни его преемники: торговля между Россией и Западом сосредоточивалась попрежнему в руках иностранцев.

Русское судоходство и судостроение поощрялось теми же мерами, которые практиковались в то время во всех странах, содержались во всех навигационных актах, начиная с их

[1]) Storch. Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des 18. Jahrh. B. V. 1802. p. 38. сл. 183 сл. 13. VI. 1801, p. 2 сл. 13. VIII. 1803, p. 63--64.

[2]) Фоккеродт, ук. соч. Чтения. 1874. II.

родоначальника—акта, изданного Кромвелем. При Петре русские товары, вывозимые на русских судах, уплачивали третью часть установленных пошлин. Последующими тарифами, как и тарифом 1782 г. (ст. 15, 16), было установлено, что русские подданные, привозящие товары на собственный счет, на русских судах, на которых не менее половины ($^2/_3$) матросов состоят из русских подданных, подлежат всего $^1/_4$ пошлины; при вывозе в этом случае с них взимается $^3/_4$ пошлины, причем им дозволено платить не талерами (как предписывалось иностранцам), а русскими деньгами [1]).

Несмотря на эти льготы, русское судоходство первоначально не обнаруживало никаких успехов, ограничиваясь перевозкой товаров между балтийскими портами (малым каботажем), хотя и тут судов не хватало: в 1745 г. было разрешено даже крестьянам держать суда для транспорта товаров между Ригой и Петербургом, но их было так мало, что когда в 1759 г. необходимо было снабдить провиантом русскую армию, находившуюся в Пруссии, то пришлось зафрахтовать 263 шведских корабля, прибывших с балластом в Петербург. „Наши торги с иностранными народами—заявляет автор одного „Рассуждения о российской торговле 1726 г.“—поныне производятся за море по большей части чрез чужие руки и на чужих судах“ [2]).

В последней четверти XVIII ст. русский торговый флот увеличился. В 1773—77 г.г. в среднем ежегодно все порты посещало 227 русских судов, однако, среди них было всего 12—15 действительно русских кораблей в 200 тонн, отправляемых преимущественно в Амстердам и Бордо, тогда как остальные состояли большей частью из иностранных судов, экипаж которых был наполовину русский (почему они и считались русскими), отчасти из небольших каботажных судов. В 1793—97 г.г. число ежегодно входивших в порты русских судов повысилось до 350, но и это число пришлось бы сильно сократить, если бы исключены были все те корабли, которые, приняв несколько русских матросов, получили право плавать под русским флагом и пользоваться всеми указанными выше привилегиями. Этот способ обходить закон—иностранным судовладельцам не трудно было приобрести русское подданство—наносил не только убыток казне, но и тормозил попытки оживить судоходство и развить торговый

---

[1]) По тарифу 1782 г. эти уступки делались лишь с половины ставки; вторая же половина уплачивалась полностью, ибо только первая составляла пошлину по внешней торговле, с которой раньше допускались эти понижения, вторая же была прибавлена при Елисавете взамен отмененных внутренних пошлин (см. ниже).

[2]) Фирсов. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царств. имп. Екатерины II. 1902. Стр. 48.

флот. Поэтому Павел, разочаровавшись во всех этих мерах поощрения и находя, что они приводят к одним лишь злоупотреблениям, а не к росту торговли, попросту упразднил в тарифе 1797 г. все оказываемые русским судам льготы (ст. 6).

В результате конец века не многим отличался от начала его. Если признать с одним автором XVIII ст. национальной коммерцией ту, которая производится на „собственных государственных судах", то у нас такой коммерции и к концу века не было. Плавали шведские и датские корабли, суда Любека и Ростока, в особенности же нидерландские и английские. Голландцы посещали преимущественно Ригу и Архангельск, почему они всеми силами старались вернуть последнему его прежнее положение. Количество их судов росло с каждым годом, доходя в половине XVIII ст. до 300—400, в 1773—77 г. оно в среднем составляло 642. Голландцы фигурировали главным образом в качестве посредников между Россией и Южной Европой, привозя с юга и из своих колоний товары и вывозя туда русское сырье. Как велика были роль их, характеризуется лучше всего тем, что не только в первой половине столетия, но еще в 80-х годах в России существовал вексельный курс исключительно на Амстердам. Лишь к концу века присоединился и курс на Лондон, Гамбург и другие города.

В 70-х годах XVIII ст. две трети судов принадлежали голландцам и англичанам, затем следовали ганзейские города (217 судов) и шведские (204). Хотя английских судов приходило несколько меньше, чем голландских, но первые отличались большим тоннажем, и во второй половине XVIII ст. первое место в русской торговле занимали англичане. Уже к середине XVIII ст. в их руках сосредоточилась половина русской торговли. В 1756 г. торговые обороты Петербурга составляли 7,7 милл. руб., из коих 4 милл. или 52% приходилось на долю англичан [1]). Тридцать лет спустя торговля Петербурга достигла 31,6 милл. р., обороты же англичан возросли лишь до 9,6 милл., так что в процентном отношении сократились (30%) [2]); напротив, в 1795 г. общий оборот Петербурга поднялся до 60,7 милл., а торговая деятельность англичан повысилась до 26,7 милл., т. е. снова почти дошла до половины всей торговли (45%) [3]).

Конечно, все эти цифры точностью не отличаются. Неправильность записей, произвольность оценок привозимых и

---

[1]) Scherer. Histoire raisonnée du commerce de la Russie. T. I. 1788, p. 169.

[2]) Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe. T. IV. 1796, p. 312.

[3]) Friebe. Ueber Russlands Handel etc. II. № 1, p. 185.

вывозимых товаров, которые были обычно преуменьшены в показаниях купцов, ибо пошлина бралась в процентах с цены товаров, наконец, обширная контрабанда, все это не позволяет исходить из этих цифр и оперировать ими. Но для выяснения роли английской торговли у нас в эту эпоху и они могут пригодиться — они свидетельствуют о широком, преобладающем значении ее.

И другой вывод мы можем сделать из данных о привозе и вывозе; английский экспорт из России значительно превышал привоз англичан к нам. В 1756 г. английский импорт составлял меньше третьей части всего привоза Петербурга (963 тыс. из 3,3 милл. руб.), тогда как вывоз англичан достигал 70% всего вывоза. В 1787 году англичане импортировали всего десятую часть привезенных в Петербург товаров, напротив, вывезли свыше половины всех товаров. И в 1795 г. английский привоз равнялся менее, чем третьей части всего привоза, вывоз же достигал половины общей сумы экспорта [1]). По Вирсту, за период 1794 — 1800 г.г. привоз англичан составлял в среднем 29% всего нашего привоза, вывоз же их 64%, т. е. почти две трети всего вывоза [2]).

Из этого видно, что англичане поступали совершенно иначе, чем другие нации. „Голландцы, гамбургцы и в последнее время и пруссаки—читаем в донесении Уорда лорду Тоуншенду в 1729 г.—продают русским гораздо более, чем покупают у них, следовательно, вывозят деньги отсюда, англичане же доставляют деньги сюда" [3]). То же говорится в одном докладе, написанном 30 лет спустя (в 1761 г.): „Мы получаем от англичан много сукна, мебели, украшений и даем им за это пеньку, лен, мачты, холст, поташ. Для англичан это выгодно, а для нас еще выгоднее, ибо, согласно нашему балансу, мы им даем больше, чем получаем, следовательно, излишек нам уплачивается в монете. При помощи этого обмена англичане доставляют пропитание большему числу наших рабочих, чем мы их рабочих" [4]). В торговле с Россией их целью являлось снабжение своего флота необходимыми предметами, вывоз нужного для кораблестроения леса, парусного холста, канатов, как и железа для выделки пушек, которыми снабжались корабли. „Сохранение английского флота и расширение его, вызванное столь многочисленными морскими войнами, покоилось в значительной мере на одних

---

[1]) Scherer. I. 169. Voyage de deux Français. IV. 342. Friebe. II. № 1

[2]) Вирст. Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления. 1807. Табл. 20.

[3]) Сборн. Имп. историч. Общ. Т. 66. Стр. 104. Остроухов. Англо-русский торговый договор. 1914. Стр. 43.

[4]) Mémoire sur le commerce de Russie. Magazin für die neue Historie. XI. 1777, p. 443.

лишь русских произведениях". В Россию же преимущественно вывозились предметы роскоши, а они поставлялись в гораздо большей степени из Франции, чем из Англии.

Активный баланс торговли англичан в России подтверждается и английскими данными. По Чомберу привоз англичан из России и вывоз их в Россию возрастал следующим образом в тыс. фунтов стерл. (за год в среднем) [1]:

	Привоз из России.	Вывоз в Россию.
1700—1702	124,2	76,8
1720—1722	146,2	80,7
1740—1742	305,0	77,6
1750—1752	459,4	116,3
1760—1762	622,5	49,2
1770—1772	1.100,0	145,1
1780	1.150,4	16,1

По другим данным, товарообмен между Англией и Россией составлял в среднем по пятилетиям (в тысяч. фунт. стерл.) [2]:

	Привоз из России.	Вывоз в Россию.
1756—1760	556	64
1761—1765	816	66
1766—1770	915	132
1771—1773	1.043	161

По вычислениям Зомбарта, общий торговый баланс Англии в 1770—80 г.г. был активный (привоз 11,8 милл. ф. ст., вывоз 13,9 милл.), но в торговле с Россией она теряла значительные суммы. За первые 80 лет XVIII ст. из Англии ушло звонкой монеты на 72 милл. ф. ст., из коих $4^1/_2$ милл. получили левантийские страны, $42^1/_2$ милл. Остиндия и 25 милл. Россия [3]).

Вывоз английских товаров в Россию сосредоточивался целиком в английских руках, ибо Навигационный акт Кромвеля допускал вывоз из Англии лишь на построенных в Англии кораблях, где капитан и 2/3 экипажа состояли из англичан. Что касается экспорта русских товаров в Англию, то он также должен был совершаться либо на английских судах, либо на судах страны происхождения, но ни в коем

[1]) Chomber. Estimate of the Strength of Great-Britain. 1786, p. 97.
[2]) Dohm. Materialien zur Statistik, etc. II. 394. Hermann. Stat. Schilderung von Russland. 1790, p. 448.
[3]) Sombart. Der moderne Kapitalismus. 4. Aufl. 1921. B. II. 2, p. 978.

случае не на кораблях, принадлежащих третьей стране. А так как о русском торговом флоте говорить не приходилось, то все сводилось и тут к одним лишь английским судам.

„Благодаря своему могуществу на море, своему положению и приемам ее изощренной торговой политики—говорит Шторх—Англия сумела захватить посредничество между Россией и южно-европейскими государствами; но она придерживалась при этом принципа производить главным образом лишь экспорт русских продуктов в эти страны, предоставляя привоз не-английских товаров купцам Голландии, Любека, Ростока и других народов. Этот ловкий прием привел к тому, что вывоз важнейших русских товаров почти целиком достался англичанам". Они отправляли русские товары не только в европейские государства, но тайно и в их колонии, в особенности в испанскую Америку, куда привоз товаров иностранцам был закрыт. Шторх указывает и на то, что ряд предметов русского экспорта составлял их исключительную монополию, не только ревень, который продавался в Голландии и Гамбурге через находившегося в Петербурге английского резидента, но и такие запрещенные к вывозу товары, как нитки и пряжа, селитра, пушки, снаряды. Ко всему этому присоединилось еще то, что и купцы южной Европы с заказами на русские товары обращались лишь к английским фирмам, находившимся в России, игнорируя своих земляков. В результате, англичане очутились в выгодном положении народа, доставлявшего всем другим русские товары и не получавшего их ни от кого.

Отсюда и получался столь выгодный для России баланс в торговле с Англией. Он был бы вероятно еще выгоднее для России, если бы каждая из стран, производивших значительный товарообмен с Россией, непосредственно запасалась русскими продуктами. Но такая перемена требовала бы наличности торгового флота в этих странах, а на это надеяться нельзя было Неудивительно, что поощрение англичан, предоставление им особых льгот стало основой русской торговой политики.

При этом англичане ничего не теряли и на том, что баланс получался в пользу России, так как вывозимые ими из России материалы, нужные для судостроения, давали возможность развивать английскую торговлю и распространять ее повсюду. Так что, в сущности, расплачивалась за них не Англия, а все страны, с которыми она вела торговлю [1]).

„Сей в купечестве сильной народ"—как говорили об англичанах русские—успел крепко обосновать свою коммерческую дея-

---

[1]) Storch. V, p. 226—31.

тельность в России, „вникнуть“ в нее. Обычай продавать русским в кредит, а, с другой стороны, при закупке у них товаров давать им задатки, приводил—как сообщают французские коммерсанты, производившие операции в Петербурге—к тому, что две трети русской торговли и почти все комиссионные операции, совершаемые по поручениям из южных стран, попали в их руки. Ибо этот образ действия требовал значительного капитала и опыта, которым обладали только англичане.

Почти все иностранные купцы, селившиеся в Петербурге, были новичками без капитала и кредита, которые могли стать на ноги только благодаря своему прилежанию, знаниям и добросовестности, и, несмотря на все их достоинства, они всетаки нередко прогорали. Английские конторы, напротив, учреждались доверенными или родственниками крупных английских фирм, которым передавались все поручения и которые нередко становились и компаньонами. Такое предприятие могло с самого своего возникновения производить крупные операции и опередить другие старые фирмы [1]).

Наконец, решительность и бесцеремонность англичан поражали других. Они усердно следили за тем, чтобы другие страны не вздумали вступить в непосредственные сношения с Россией, ибо это означало бы их собственную гибель, и не упускали случая чтобы перессорить Россию с этими государствами. В других случаях они принимали энергичные меры к устранению опасных соперников, как это было, напр., когда Пруссия стала доставлять сукно для русской армии. Когда английский консул бар. Вольф, приехав в Россию при Елизавете Петровне, узнал об этом, он немедленно решил, что доставка сукна в Россию должна быть выбита из рук пруссаков и перейти к англичанам. С этой целью он стал поставлять английское сукно по более низкой цене и потерял при этом 200 тыс. руб., но добился своего. Пруссия лишилась русского рынка, когда же конкуренция была устранена и никакая опасность более не грозила, тогда он повысил цену на английское сукно до уровня прусской. За такой патриотический образ действий английское правительство наградило Вольфа серебряным сервизом с королевским гербом и назначило его резидентом при петербургском дворе [2]). „Народ, который так поступает, должен повсюду властвовать в торговле“.

В декларации, изданной во время войны со Швецией в 1719 г., читаем, что Петр „для об'явления склонности“

---

[1]) Storch. V. 230—32.

[2]) Marbault. Essai sur le commerce de Russie, p. 164. Storch. V. 233 сл.

своей „к дружбе", которую он „ко обоим народам велико британскому и Недерланских Соединенных Провинций" имеет, решил „позволить оным народам и всем их навигацию отправляющих подданных кораблям, которые достоверными и правыми паспортами и другими потребными цертифика-тами от оных потенций по достоинству удовольствованы... свободное купечество во все места и пристани короны швед-ской без препятствия отправлять, всеми товарами, которые не контрабанды" [1]). Петр дозволяет им, следовательно, тор-говлю даже с враждебной ему Швецией, „для показания всему свету нашей умеренности". В следующем году, не-смотря на то, что король английский, „оставя" с ним дружбу, „учинил союз" против него с короной „швецкою" и в „помочь той короне" послал в Балтийское море эскадру, Петр „всех купцов народу аглицкого", пребывающих в Российском госу-дарстве, „изволяет по прежнему содержать в милостивом при-зрении и вольном коммерции". Этим купцам не следует опасаться за эти „интриги" никакого „озлобления", но „про-должали бы купечество по прежнему без всякого сумне-ния и опасения" [2]).

И при Екатерине I английская эскадра неоднократно посы-лалась в Балтийское море, так что англичане могли опа-саться, чтобы они „по причине сего... иногда... в их персонах, кораблях и товарах или иным каким образом претерпеть и в крайние убытки приведены не были". Поэтому в 1726 г. им об'является, что русское правительство намерено „оную добрую дружбу и корреспонденцию, которая из древних лет" между обеими странами продолжается, „со всяким тщанием содержать" и англичанам „свободное отправление их купе-чества не токмо позволить, но еще ко умножению оного всякие милостивые склонности и способности подать" [3]).

Из всего этого видно, как Россия дорожила англичанами и как правительство старалось, чтобы английским купцам „озлобления показано или какого разорения и убытку при-ключено" не было. В 1734 г. был заключен „трактат дружбы и коммерции" между Россией и Англией [4]) „дабы постановленным регламентом и кондициями некоторые захо-дящие трудности пресечь и купечество и корабельное хо-ждение... толь наилучше содержано было". Это едва ли не первый специально торговый договор, заключенный Россией

---

[1]) Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Рос-сиею с иностранными державами. Т. IX (X). Трактаты с Англиею 1716—1801. Спб. 1890. № 380.

[2]) Там же IX. № 381.

[3]) Там же IX. № 382. 384.

[4]) См. Мартенс. Т. IX. № 384. Стр. 72 сл. Остроухов. Англо-рус-ский торговый договор 1734 г. 1914.

с иностранными державами,—договоры предыдущего времени, напр., с Швецией, Данией и т. д., имели характер мирных трактатов, и вопросы, касающиеся „мирного сообщения в купечестве“, лишь попутно в них затрагивались.

В 1-ой статье договора говорится, что „истинный и правдивый, крепкий и совершенный мир, дружба и доброе согласие“ между обеими странами „быть и вечно пребывать имеют“. Включены эти слова в договор Англией по желанию русского посланника в Лондоне кн. Кантемира, который желал видеть в них первый шаг к заключению оборонительного союза между Англией и Россией. Однако, этого смысла они в глазах английского правительства не имели и оно держалось принципа „не принимать дальнейших обязательств о взаимной защите или гарантии, которые вовсе нежелательны при настоящих обстоятельствах“ [1]).

Подданным обеих стран „имеет быть позволена совершенно свободная навигация и купечество во всех их в Европе лежащих областях“ (ст. 2),—из этого вытекало, что России не предоставлено право вести торговлю с британскими колониями. Русское правительство первоначально, правда, настаивало на этом, но Англия не могла пойти на это требование, ибо оно противоречило бы основному принципу ее торговой политики, содержавшемуся в Навигационном акте, согласно которому торговля с колониями составляет монополию Англии [2]).

Тот же Навигационный акт допускал привоз в Англию только товаров, происходящих из данной страны, но отнюдь не из других стран—посредничества Англия не признавала. Поэтому русским подданным дозволено лишь „все в российских провинциях ростущие или деланные товары“ (ст. 4) свободно привозить, тогда как англичане могут привозить в Россию „всякие товары и вещи“; так что не соблюдено даже формально равенства. Мало того, русским купцам, хотя и предоставлен импорт произведений азиатских, но „со из'ятием таким, ежели то учиненными уже ныне в Великобритании правами не запрещено есть“. Россия, правда, желала включить постановление о праве импортировать в Англию товары, приобретенные в Китае и у закаспийских народов, но англичане опасались, как бы это не причинило „беспокойства“ Ост-Индской компании [3]).

Наконец, Навигационным актом обусловливалось и постановление, содержащееся в ст. 3, в силу которого подданным обеих сторон дозволено „во все времена на своих ко-

---

1) Сборн. Ист. Общ. Т. 76. Стр. 251.
2) Там же Т. 76. Стр. 188.
3) Там же Т. 76. Стр. 202.

раблях“ (но не на каких-либо иных) или телегах „в морские пристани, места и городы, где которому-нибудь другому народу есть в'езжать, купечество отправлять и пребывать позволение иметь“. Но под „своими“ судами понимались только те, где 3/4 экипажа состояло из подданных данной страны. Положение получилось для России „зело трудное“— где было добыть нужных русских матросов? Но, несмотря на просьбы русского правительства за те многие „авантажи“, которые предоставлены Англии, освободить русских от этого пункта, Англия отказалась это сделать: все обязаны подчиняться Навигационному акту, и если Россия желает вести с Англией торговлю на своих судах, то она должна позаботиться о русских матросах. Таков был гордый ответ [1]).

Разрешение в'езжать в те порты и города, где это дозволено какому-либо другому народу, имело существенное значение в те времена, когда иностранным судам и купцам были открыты далеко не все порты и местности даже в Англии, а тем более в России; у нас допускался в'езд по сухопутной границе лишь в те места, где имелись пограничные таможни. Что же касается права проживания в различных городах, то старое постановление Новоторгового устава 1667 г. (см. выше, стр. 170 сл.), дозволявшее в'езд лишь в пограничные города, хотя и нарушаемое многочисленными договорами, было отменено в 1731 г. правилами „О впуске иноземцев всякого звания в Москву и в прочие города с товарами“ (временно эти правила впрочем не действовали).

В связи с этим находится и ст. 16: „английские купцы да имеют позволение в С.-Петербурге, на Москве в немецкой слободе (пребывание иностранцев по прежнему ограничивалось в Москве этой загородной слободой) и у города Архангельского домы строить, покупать и продавать или наймовать с таким определением, что быть им от всяких постоев увольненым“, в других же городах они обязаны нести постои наравне со всеми, хотя покупать и „наймовать“ дворы и там могут. Эта статья вызывалась жалобами англичан на то, что в России домовладельцы нарушают контракты и выгоняют купцов без предупреждения, почему они добивались права покупать и строить себе дома. Они достигли этого, тогда как освобождение от постоя, на котором они также настаивали, говоря, что так „водится во всех странах, где процветает торговля“, коснулось лишь важнейших торговых центров. В противоположность этому, русских купцов англичане у себя везде освобождают от постоев. Это им нетрудно было сделать, ибо, во 1-х, у них постоев уже не было, а, во 2-х, русские почти не ездили в Англию.

---

[1]) Сборн. Ист. Общ. Т. 76. Стр. 294. Остроухов. 74 сл.

Дополнением к этим постановлениям служит ряд статей, гарантирующих купцам свободный выезд в случае „от чего Боже сохрани“ „разрыва миру“ между обоими государствами, причем им дается годичный срок (ст. 13); далее им обеспечено право продолжать свою торговлю с третьими странами, в случае войны между ними и одной из договаривающихся сторон (ст. 11). В случае желания англичан выехать из России, им обязаны выдавать, „по об'явлению от них за два месяца напредь об от'езде их учиненному паспорты, без требования от них порук“ (ст. 17). Наконец, англичане подведомственны по „судебным и иным делам“ одной коммерц-коллегии, которой они, очевидно, доверяли, „а более ни в каком другом суде“ (ст. 19). Последние два постановления охраняли англичан от обычной волокиты при выдаче „апшидов“ или паспортов и в случае судебного процесса. Пока эти разбирательства находились в ведении главного магистрата или ратуши, иностранцы боялись обращаться туда с жалобами на русских купцов по долгам, ибо „должники сами ведают, что дело тамо не токмо в два года, но и в четыре и пять лет решено не будет“ [1]), почему они и предпочитали коммерц-коллегию, учрежденную „для лучшего охранения и исправной расправы“.

Что касается мореплавания, то „в случае корабельного разбиения... в несчастье впадшим всякое вспоможение учинено быть имеет“ (ст. 5), далее „ни купецких, ни корабельных служилых людей или матросов... отнюдь против воли их и к восприятию службы насильно не принуждать“; если же „какой служитель или матрос из своей службы... уйдет, то надлежит оный паки отдан быть“ (ст. 14); а в случае отплытия английских кораблей (о русских кораблях в Англии не упоминается), „всякое вспоможение и доброе отправление учинено быть имеет“ и их запрещается задерживать „под опасением в... регламентах положенных штрафов“ (ст. 6). В последнем постановлении имеется в виду морской пошлинный регламент, согласно которому готовому к отплытию судну паспорт (ярлык) на отход должен быть выдан не позже 2 часов под страхом „жестокого истязания“ в виде уплаты виновными по 10 руб. за каждый просроченный час.

Наконец, рядом статей регулируется уплата пошлин. В интересах своей широко развивающейся шерстяной промышленности, англичане сумели выхлопотать себе особые льготы в Португалии (Метуэнским договором 1703 г.) [2]) и в испанских Нидерландах (Бельгии), а теперь добились понижения тарифных ставок на одну треть и в России: с солдатских су-

[1]) Чулков. Т. IV, кн. 2, стр. 32.

[2]) См. мои Лекции по истор. экон. быта, ч. II. Отд. 3-й. IV, гл.2

кон по 2 коп. вместо 3, с толстых сукон иоркской провинции (кострожи) также по 2 коп. вместо 3, с „широких фланелев“ по 1 к. вместо 1½ и с узких фланелев по ¾ коп. вместо 1 коп. (ст. 27). Но, кроме того, огульное понижение таможенного тарифа в пользу англичан получилось благодаря разрешению им платить пошлину вместо ефимков ходячей серебряной монетой, считая по 125 коп. за ефимок (ст. 5). Эта льгота предоставлена была одним лишь русским купцам, тогда как прочие иноземцы обязаны были платить непременно иностранными деньгами (ефимками), теряя часто 15 и 20 проц. на каждой монете. Но Россия на этой привилегии англичан не теряла, ибо ефимок стоил тогда менее 1 р. 20 к., и русская казна, считая его за 1 р. 25 к., выигрывала не менее 5 проц. [1]).

Что касается вывозных пошлин, то англичане были сравнены в смысле уплаты их с русскими. „Итако понеже россияне гораздо меньше здесь пошлины перед английскими купцами платят, то оным российским подданным впредь вывозной пошлины при вывозе своих товаров из российских портов по стольку же платить, как и английские купцы платят“ (ст. 4). Статья эта вызвана тем, что в виду упомянаемых здесь особых льгот, установленных для русских купцов, Англия первоначально предполагала взимать в виде компенсации дополнительную (уравнительную) пошлину с привозимых русских товаров. Она указывала на то, что в противном случае не только русские, но и голландцы и гамбургцы будут отправлять товары в Англию под фирмою русских купцов, отчего англичане, экспортирующие товары изРоссии, совершенно разорятся, да и русское правительство понесет убытки на поступлениях от пошлин. Но они же предлагали вместо взимания уравнительной пошлины с русских в Англии установить, чтобы англичане уплачивали в России ту же пошлину, как и русские. Однако, русское правительство находило последнее для себя невыгодным, ибо получалось сокращение доходов. В результате обе стороны сошлись на том, что не пошлины для англичан будут понижены, а пошлины для русских повышены, так что они будут облагаться наравне с англичанами. За это русским купцам в Англии было предоставлено „те же вольности и привилегии в купечестве иметь, которые английские купцы российской компании имеют“. Однако, это постановление аннулировалось прибавкой, „чтоб в том позволении ничего не было противного уложениям земли“. Между тем, по английским „правам, статутам и указам“, русским приходилось уплачивать особую пошлину с иноземцев, существовавшую в Англии

[1]) Scherer. I. p. 125. Патлаевский. Денежный рынок России от 1700 до 1762 г. Записки Новоросс. Унив. II. 1868. Стр. 266.

и означавшую повышенное обложение русских, по сравнению с англичанами. Таким образом; в России англичане были уравнены с русскими, а в Англии русские все-таки находились в худшем положении, чем англичане, подлежа в сущности все-таки той самой уравнительной пошлине, которую Англия грозила ввести, в случае неисполнения ее требования.

Сверх того, в ст. 10 установлено было, что „подданным обеих высокодоговаривающихся стран не надлежит с привозных и вывозных товаров своих более пошлин платить, почему других народов подданные тамо платят". Это означает установление т. наз. принципа наибольшего благоприятствования [1]), согласно которому всякая льгота, предоставляемая какой-либо третьей державе Англией или Россией, тем самым распространяется и на договаривающаяся сторону. Этот принцип уравнения с другими народами высказан и в ряде других статей, где говорится, что они „тако как наилучше фаворизованный народ трактованы и почитаны быть имеют" (ст. 3, 16, 28) или что им дозволено все, что „другого какого народа людям" (ст. 2, 4) „против других иностранных купцов" (ст. 19). Во всех этих случаях речь идет о предоставлении англичанам в России и русским в Англии тех же прав, которые будут дарованы каким-либо иным народам в отношении „навигации и купечества". В ст. 28 даже определяется, что вообще (а не только по отдельным пунктам, как в приведенных статьях) обеих стран подданным предоставляется право наибольшего благоприятствования. Но из этого еще, конечно, не следует, что оно касается и таможенных пошлин. В более поздних договорах относительно последних ясно и определенно сказано, что всякая льгота, предоставленная третьей державе, распространяется и на договаривающуюся сторону, и что никому не может быть дано каких-либо преимуществ, которыми не пользовался бы и контрагент. Здесь этого еще нет, а в упомянутой статье 10 дело ограничивается указанием на то, что „не надлежит... более пошлин платить". Так что эту статью можно понимать и в том смысле, что обе стороны подчиняются общему тарифу, существующему в данном государстве, и для них не может быть установлено особых повышенных ставок, которые не касаются и прочих иностранцев. Особых же льгот в тарифе [2]), по крайней мере в русском,

---

[1]) См. мои Основные вопросы международной торговой политики. Ч. II. 1922. Гл. 1.

[2]) При этом любопытно, что в той же ст. 28 тут же рядом с правом наибольшего благоприятствования прибавлено и разрешение русским „для наук всяких хитростей" приезжать в Англию, а в ст. 10 к установлению равных пошлин с подданными других народов присоединено почему-то постановление, „дабы в пошлинах чинимые подлоги с обеих сторон были предостережены".

для каких-либо западно-европейских государств в то время не имелось и установление их не предвиделось, так что Англия в этом не была заинтересована. Это ведь была эпоха, когда еще уступки в тарифе составляли редкое исключение— дело изменилось лишь с половины XIX ст.

Вообще, как видно из приведенных статей, англичане добились больших льгот—и права уплачивать пошлины русскими деньгами, и понижения пошлин на шерстяные материи, и уравнения их в уплате вывозных пошлин с русскими, и освобождения от каких-либо наказаний, кроме конфискации товара, при контрабандном привозе товаров, и многого другого. В большинстве случаев одинаковые права распространены и на русских, однако, далеко не всегда. В силу особых постановлений Навигационного акта, привилегий Ост-Индской компании, специальных дополнительных пошлин для иностранцев, русские купцы в Англии подвергались значительно большим ограничениям, чем англичане в России. Когда английский резидент прочел графу Остерману первоначальный проект договора, последний заметил, что в нем нет упоминания про русских купцов. Имеется в виду только торговля англичан в России. Резидент тогда ответил, что ему неизвестно, добиваются ли русские купцы каких-либо льгот от Англии, но когда впоследствии Россия настаивала на разрешении русским торговать с английскими колониями, на возврате пошлин за вывозимые из Англии русские товары и на дозволении англичанам приезжать в Россию „для отправления своих мастерств и художеств“, то Англия отказалась их удовлетворить и просила русское правительство не настаивать на этих требованиях, ссылаясь на то, что и она не пытается выговаривать для себя в России ничего подобного. Но в то же время она просила русское правительство удовлетворить ее просьбу о понижении пошлин на шерстяные материи, хотя тут и Россия могла бы ответить, что она также не добивается ничего подобного.

Ст. 8 договора Англия получила и крайне важное право непосредственной торговли с Персией. Англичанам дано право товары „чрез российские области ближайшим и удобнейшим путем в Персию провозить“, уплачивая не свыше 3 проц. проезжей пошлины, что впрочем англичане считали высокой ставкой. Англичане, следовательно, достигли права вести торговлю с Персией через Россию, которого добивались в течение 150 лет, Россия же расчитывала на то, что этим путем вся торговля персидским шелком, который направлялся в Европу через Турцию, будет проходить через Россию. Впрочем, эта торговля англичан была недолговечна. Только 4 года спустя Джон Эльтон завязал торговые сношения с Персией, но вскоре он не только находившимся в Персии

русским людям „обиды и озлобления чинить стал", но—что еще хуже—начал, по поручению шаха, строить флот на Каспийском море, и убрать его оттуда никак не удавалось, хотя английский король обещал пожаловать ему „некоторый чин во флоте". Это заставило российское правительство заявить об отмене ст. 8 трактата, „с наикрепчайшим подтверждением" [1]).

„Понеже обыкновение есть трактатам коммерции назначить время, того ради... стороны согласились, что сему настоящему продолжаться пятнадцать лет", но и „до происшествия того сроку могут они между собою согласиться, дабы оный возобновить и продолжить" (ст. 29). По истечении срока трактат и был продолжен на новые 15 лет. В начале же 60-х годов, когда и этот срок истекал, возник вопрос о замене договора 1734 года новым, причем однако в составленном русским правительством проекте был выпущен конец ст. 4, который устанавливал равенство между русскими и английскими купцами в отношении уплаты вывозных пошлин. Напротив, оно оставляло за собой право „учинить новые установления для ободрения российской навигации взаимственно с английским Навигационным актом". Проект этот был об'явлен графом Паниным „ультиматумом", почему английский посланник Макартней решился его подписать. Но английским правительством ему было выражено за это неудовольствие; в особенности возмущала англичан прямая ссылка на их собственный Навигационный акт и желание следовать ему.

Панин письмом обнадежил посланника, что меры поощрения русского мореплавания будут таковы, что британским купцам будет предоставлено в них участвовать и извлекать все выгоды, какими будут пользоваться русские подданные. Но Макартней, по требованию своего правительства, настаивал на том, чтобы это заявление было облечено в формальную декларацию. Он усматривал в этом пустую формальность, заявляя, что императрица знает его „благонамеренные сентименты", и в маскараде чуть не упал пред ней на колени, упрашивая ее, но „непоколебимость ее превзошла даже обычное женское упрямство". Она находила, что ее „монаршего обнадеживания, кое должно быть всегда свято", вполне достаточно, и не могла „довольно надивиться, что отказывают иметь к оному полную доверенность". Кроме того, такая декларация требовала бы „взаимности", но так как Россия с своей стороны в данном случае ничего не получает, то на самом деле „декларация была бы актом явной зависимости, которая противна достоинству ее короны".

---

[1]) Остроухов, 109—140.

Тем не менее, в результате декларация была дана, но подписанная лишь двумя членами русской делегации, подписавшей договор, из Лондона же настаивали на подписании ее всеми.

После этого Панин хотел уже уничтожить самый трактат. Макартней был страшно возмущен и в своих донесениях называл русские коллегии „какими-то лавками", а членов их „купцами, для которых все продажно", заявлял, что англичане ошибочно считают русских народом образованным, на самом же деле „Тибетское королевство... имеет столько же права величаться этим именем". „Гордость нераздельна с невежеством—писал он далее—и поэтому ваша милость не удивитесь, если действия этого двора проникнуты гордостью и тщеславием". „Международное право не могло с успехом привиться в стране, где нет ничего похожего на университет" и „в разговоре с русскими министрами упоминать о Гуго Гроцие и Пуффендорфе было бы все равно, как толковать... с диваном Константинопольским". Он просил „самым патетическим образом императрицу снизойти" к его несчастному положению, просил „со слезами на глазах", выбросить все условия о поощрении мореплавания, но добился лишь того, что упоминание о Навигационном акте было исключено; вообще же получил в ответ вопрос: что же станется с суверенитетом государства, если нельзя принимать внутри страны мер, вызываемых законными интересами народонаселения? Граф Панин категорически заявил, что он не видит причины связывать себе руки в отношении всякого улучшения русской торговли, что Россия не может подчиняться другой державе, что Англия не ведет торговли с Россией „ради ее прекрасных глаз", что в виду выгодности ее, англичане будут продолжать ее и без трактата. Наконец, Макартней предложил изменить статью хотя бы таким образом, чтобы право поощрять мореплавание устанавливалось не для одной лишь России, а взаимно, против чего русское правительство не возражало, понимая, что при наличности Навигационного акта Англии прибавлять нечего в этом направлении и „у народа в таком почтении и уважении будучи, что... министерство никогда не отважится до него коснуться". Но слова Макартнея относительно принятия мер к распространению „обоюдного" мореплавания были заменены словами: „своего собственного". мореплавания. „Надменность русского двора—писал он—не изменила ему до конца". Макартнею пришлось согласиться, и трактат был подписан [1]). В результате получилось, что российские подданные обязаны платить ту же пошлину с вывозимых товаров, что и англичане (прежнее постановление), с прибавлением однакоже, что

[1]) Мартенс, IX. 227—42.

каждая сторона имеет право „делать такие особливые учреждения, каковые она за благо изобретет к ободрению и распространению своего собственного мореплавания“ (ст. 4, абз. 3).

Если не считать этой прибавки, то трактат 1766 г. является почти дословной копией договора 1734 г. Имеются лишь самые незначительные изменения и добавления. Напр., говорится об освобождении от постоя английских домов в Москве, а не в Немецкой слободе, так что англичане они теперь, очевидно, уже не были ограничены в отношении проживания за городом, прибавлено право подданных обеих сторон свое имущество оставлять „по духовным, кому они заблагорассудят, по обыкновению и законам своих собственных земель“ (ст. 14), о том, что банкроты, которые „упрямятся платить долги свои в казну или партикулярным людям“, подлежат аресту, пока „большая часть их кредиторов, как в рассуждении числа, так и превосходства взыскиваемого ими долгу, не согласятся их освободить“. Исчезла и отмененная уже ранее статья о торге с Персией; напротив, льготы в отношении шерстяных материй сохранены (ст. 24) [1].

Трактат был заключен на 20 лет (ст. 25), однако, после этого не был возобновлен, ибо постановления о „вооруженном нейтралитете“ опубликованные Екатериной и направленные против Англии, вызвали охлаждение между обоими государствами. В 1789 г. Екатерина заявила о своем согласии заключить новый формальный коммерческий трактат, не настаивая на включении в него „нейтральных правил“ [2]. Но лишь казнь короля французского об'единила короля английского и Екатерину в их отношении к „ненавистной французской нации“. Сближение выразилось в установлении в 1793 г. предварительных условий относительно продолжения действия трактата 1766 г. Последний продолжен на 6 лет, причем „стороны обязываются в сие время заниматься постановлением торгового трактата“ (ст. 1). Кроме того, Россия обязуется распространить на Англию все выгоды, установленные в ст. 6 указа, изданного при общем тарифе 1782 г., согласно которому пошлины в портах Черного и Азовского морей понижаются на $^1/_4$ указанных в тарифе ставок (ст. 3) [3].

Самый трактат был заключен в 1797 г., „во имя пресвятые и неразделимые Троицы“ Павлом I и королем английским, „соединенными уже теснейшим союзом“, на 8 лет, причем и в данном случае отклонения от предыдущих трактатов в

---

[1]) Мартенс. IX. № 394. Стр. 242 сл.
[2]) Там же. Стр. 343.
[3]) Там же. № 396. Стр. 354 сл.

общем не велики. Наиболее существенно отсутствие упоминания как об обложении русских купцов теми же вывозными пошлинами, что и английских (впрочем особых льгот для русских купцов уже не было), так и о пониженных пошлинах на английские шерстяные ткани, но прибавлено, что „никакого учреждения... не будет сделано одною из... сторон в пользу собственных своих подданных, коим бы не воспользовались подданные другой... стороны“ (ст. 5). Упоминается о консулах: подданные могут составлять с консулами своими общество и делать между собой для общей пользы фактории нужные распоряжения, но не противные законам страны (ст. 25). От постоя освобождены дома англичан не только в Петербурге, Москве и Архангельске, но также в Риге и Нарве и Черноморских портах (ст. 14)[1]).

В противоположность широко поставленной торговле англичан, товарообмен между Россией и Францией происходил весьма вяло. В 1727 г. было даже упразднено единственное существовавшее во Франции русское консульство, а в 40-х г. г., под влиянием столкновения между русским и французским дворами, в течение пяти лет не показался ни один французский корабль в русских портах. В 50-х г. г. контракт с двумя французами, заключенный относительно вывоза украинского табаку, как будто должен был создать непосредственные сношения между обеими странами, тем более, что французы расчитывали таким путем освободиться от необходимости приобретения виргинского табаку у своих „естественных врагов“—англичан. Но операция, казавшаяся столь выгодной, не кончилась ничем, ибо французы нашли русский табак плохим. К этому присоединились разные затруднения, да и англичане делали все от них зависящее, чтобы испортить дело и даже предлагали сами скупить этот табак, хотя сбыт его должен был нанести ущерб их производившим табак колониям. Таким образом и эта попытка оказалась неудачной. Между тем французы жаловались на то, что введенный в 1757 г. новый таможенный тариф значительно повысил ставки на те именно изделия, которые привозились из Франции, как-то: галантерейные товары, шелковые материи, пряденое и крученое золото и серебро и т. д., что он поднял пошлины на товары, которые были обложены в 6 проц., до 33 проц., с 10 до 71 проц., с 13 до 76—83 проц., с 22 до 78, с 53 до 105. Пошлины на простые французские вина превышали покупную цену. Многие товары могли теперь привозить с барышом только контрабандисты, закупившие их в Германии. Французские же купцы или купцы других национальностей, приобретавшие их во Фран-

[1]) Мартенс. IX. № 400. Стр. 370 сл.

ции, не в силах были конкурировать с отправлявшимися за ними в Данциг и Лейпциг русскими купцами [1]).

Под влиянием этих условий, во Франции стало распространяться убеждение, что торговля с Россией невыгодна и что ее надо предоставить северным народам. Этот взгляд, всеми силами поддерживаемый голландцами и англичанами, скоро превратился в одну из аксиом для французов, уверовавших в то, что англичанам и голландцам принадлежат ключи к северным морям.

В результате—читаем в 1758 г. в одной французской записке—„наши коммерсанты, будучи слишком слабы для производства обширных операций, ограничились в большинстве случаев импортом, столь невыгодным, вследствие необходимости кредитовать покупателей на продолжительный срок, как и трудности, а часто даже невозможности вернуть себе затраченные суммы. Наши купцы из Парижа, Бордо, Бургони и Шампани и в особенности из Лиона, занимаются этим уже давно, но многократный опыт не улучшил дела". Французские фирмы, находящиеся в России, не получают даже комиссионных поручений, вледствие той склонности, которую обнаруживает большинство наших промышленников и торговцев и даже поставщиков морского ведомства обращаться к иностранным представителям, хотя имеются французские, которые могли бы выполнять эти поручения. Все это и попадало в руки англичан; французские фирмы „уже покинули бы страну, если бы одних не удерживали капиталы, ими помещенные, других—надежда на то, что французскому посольству удастся выхлопотать какое-нибудь облегчение для торговли" [2]).

Однако, не только французы находили для себя невыгодным торговать с Россией, но еще более убыточным этот товарообмен представлялся русскому правительству, ибо, судя по таможенным записям, французский привоз был больше вывоза французов из России. На самом деле, однако, если привоз в Россию можно было установить до известной степени, то вывоз во всяком случае скрывался под английскими цифрами. Англичане, по словам французов, этому всячески содействовали, не показывая вывоза русских товаров, производимого ими во Францию, чтобы этим лишить своих противников каких бы то ни было доказательств в свою пользу [3]).

---

[1]) Mémoire de M. M. Raimbert et Dumidy sur le commerce de Russie en 1756. Büsching. Magazin IX. 123. Mémoire sur la situation actuelle du commerce de France en Russie. Ibid. XI. 468.

[2]) Mémoire sur la situation actuelle. 468.

[3]) Mémoire de Raimbert et Dumidy, p. 125.

Вопрос о соотношении между французским привозом и вывозом особенно оживленно обсуждался в 80-х г.г. XVIII ст. в связи с предложением Франции заключить торговый договор, ибо „в торговле с Россией более всего выгод извлекает Англия, которая, благодаря торговому трактату с Россией, предоставляющему ей особенные льготы, производит наибольшие обороты и оказываемое ею влияние исключает в сущности всякую конкуренцию“ [1]).

Ошибочное представление русских, по словам французского генерал-контролера Калонна [2]), есть последствие того, что количество французских судов, перевозящих эти товары, ничтожно (в 1783 г. одно судно, в 1784 г.—7, в 1785 г.—10) и самая торговля между Россией и Францией находится в руках голландцев (ср. выше стр. 122), которые закупают французские товары и перепродают их в России, конечно, по более дорогой цене, а затем нагружают там свои суда льном, канатами, кожами, мехами и лесом и везут их во Францию. Русские не могут усмотреть из своих таможенных книг, сколько их товаров ввозится во Францию, так как голландцы об'являют последнюю страной назначения лишь в том случае, если суда их отправляются туда непосредственно, не заходя ни в какие порты, ни в нидерландские, ни в иные. Только с установлением прямых сношений между обеими странами это ошибочное мнение исчезнет и русские убедятся в том, что Франция является выгоднейшим рынком для русской промышленности. В частности французский флот будет получать нужный ему строительный лес из первых рук [3]).

Французы давно уже добивались заключения торгового договора с Россией, но осуществить это удалось им лишь в 1787 г. Договор отличается обилием статей (целых 47) [4]). Наибольшее значение среди них имеют те, в которых содер-

[1]) Le Clerc. Histoire civile, morale et politique de la Russie moderne. 1783. I, p. 14.

[2]) Калонн приводит слова русских, согласно которым „они видят у себя в стране много французских товаров, тогда как из таможенных данных видно, что французы вывозят русские товары лишь в ограниченном количестве“. На самом деле, за последний 1785 г. привоз из России во Францию равнялся 6,4 милл. ливр., вывоз же из Франции в Россию всего 5,5 ливр., так что баланс сводился в пользу России на сумму почти в 1 милл. ливр. Еще гораздо больше был перевес России в 1782 г., когда Франция получила из России товаров на 9,7 милл. ливр., а доставила ей всего половину этого количества—на 4,8 милл. ливр. Из России во Францию пришло в 1785 г. 140 судов вместимостью в 25 тыс. тонн, из Франции в Россию ушло всего 74 судна вместимостью в 14 тыс. тонн. Но это все иностранные суда (Тарле. Запад и Россия, стр. 131).

[3]) Тарле. Запад и Россия. 1918. Стр. 131—132.

[4]) Мартенс. Собрание трактатов. Т. XIII (Франция). 1902. Стр. 198 сл.

жатся взаимные уступки в области таможенных ставок, хотя и они касаются лишь немногих товаров. Именно, понижены пошлины на французские вина и на марсельское мыло, взамен чего Франция уменьшила ставки на российское полосовое и сортовое железо, на сало и воск [1],—в обоих случаях „разумеется однакож, что сие уменьшение тогда только настоять имеет, когда сии товары будут привезены на российских или французских судах“ (ст. 12). Кроме того, „взаимные подданные будут пользоваться означенными преимуществами и из'ятиями не инако, как по доказательствам собственности своих товаров свидетельствами в надлежащей форме“, и обе державы обязуются запретить своим подданным „употреблять во зло сии выгоды, называясь хозяевами кораблей или товаров, им непринадлежащих“ (ст. 13). И французам дозволено (как англичанам) платить пошлины в русской монете (ст. 10), и для них сделана та же скидка на одну четверть при уплате пошлин в портах Черного и Азовского морей (ст. 11). В свою очередь Франция освободила русские товары, привозимые из южных портов в Марсель, от пошлины, взимаемой там с иностранцев (ст. 11). Много упоминается в этом договоре о консулах (ст. 7, 14, 15 и др.), наконец, подчеркивается право наибольшего благоприятствования, на установлении которого настаивала Франция: даруются взаимно „права свободности и из'ятия, каковыми (в оных) пользуются наиболее приятствуемые народы“ (ст. 4); в отношении разбирательства дел „с ними поступаемо будет наравне как с самыми благоприятствуемыми народами“ (ст. 5).

Петра интересовало не только Балтийское море, но и Черное. Однако, создать здесь торговлю не удалось не только ему, но и его преемникам. По договору 1711 г., пришлось возвратить Турции Азов. По новому договору 1739 г. он был снова уступлен России, но в совершенно разрушенном виде. Россия не имела права держать на Черном море не

[1]) На однородных началах заключены Россией в 80-х годах XVIII ст. торговые договоры с рядом других государств: в 1782 г. с Данией, в 1785 г. с Австрией, в 1787 г. с Неаполитанским королевством и с Португалией. Все эти государства выговаривали себе, подобно Франции, понижение ставок на привозимые в Россию вина (венгерские, неаполитанские, португальские), а также (некоторые из них) на оливковое масло, индиго и табак. Россия же добилась у австрийского правительства уменьшенных пошлин на меха, юфть и икру, у неаполитанского на те же продукты и кроме того на сало, кожи, канаты, полотна и железо, у португальского—с досок и леса, с полосового железа, якорей, пушек, ядер и бомб, с пеньки и полотен парусных, фламских, равентуха, коломянок), с конопляного масла

только военного, но и торгового флота. Торговать она могла, но только при помощи турецких судов, так что торговля не могла развиваться. В 1746—1748 г.г. во вновь построенный Таганрог вошло всего 38 судов—большинство из них были не более рыбачьих лодок. Была сделана попытка учредить торговую компанию из русских купцов для торговлис Константинополем, но первоначально на предложение правительства никто не откликнулся, и только при вторичном вызове желающих в 1755 году образовалось товарищество из трех русских купцов, которое устроило склады товаровв Темерникове, поблизости от Азова. Но компания просуществовала всего 6 лет и в 1762 г. была закрыта [1]). Ее операции—как впоследствии говорили — составляли „одну только тень прямой коммерции".

Попытки русского правительства создать торговлю на Черном море обратили на себя внимание западно-европейских государств, у которых возникла мысль и здесь, как и на Балтийском море, взять эту торговлю в свои руки и завести этим путем непосредственные сношения с Персией. Особенно заинтересовалась этим вопросом Франция, которая на Балтийском море играла весьма второстепенную роль, здесь же, в виду обладания портами на Средиземном море и оживленной торговли с Левантом, имела преимущества, по сравнению с англичанами. Но все эти прекрасные планы терпели крушение, в виду нежелания Блистательной Порты пропускать иностранные суда чрез Дарданеллы. Франция, несмотря на свои дружественные сношения с Турцией и на оказываемые последней услуги, никогда не могла добиться этого; и теперь все ее ходатайства оставались бесплодными [2]).

В результате торговля на Черном море находилась попрежнему в первобытном состоянии. Только в Черкаске собирались русские торговцы, казаки, турки, греки, армяне и здесь происходил рынок. Русские торговцы отправлялись раз в год и в Крым по суше, сбывая там холст, пеньку, канаты, кожи.

Только с 70-х г.г. торговля на Черном море сдвинулась с мертвой точки. Куйчук-Кайнарджийский мир 1774 г. дал России Кинбурн, Керчь, Еникале, так что Россия имела теперь шесть портов у Черного и Азовского морей, из которых, впрочем, Азов и Кинбурн, вследствие недостаточной глубины, исключались из списка, а среди остальных четырех—Херсон был еще только „воздвигнут" и слишком молод, Керчь и Кинбурн опасны для судов. Так что оставался в сущности попрежнему один только порт — Таганрог.

---

[1]) Чулков. Т. II. Кн. I. Стр. 211 сл. 230 сл. 246.
[2]) Scherer. I. 215 сл. Storch. V. 278—282.

Однако, за этим последовало покорение Крыма, которое дало России восемь новых черноморских портов. „Российская коммерция—пишет современник—безмерно одолжена великой Екатерине приобретением Таврической области со множеством на Черном море способных портов“. Благодаря этому—мечтает он—Россия должна стать „центром коммерции между Азией и Европой, так, чтобы одна ее рука касалась Востока, другая Запада и учинила бы чрез то невольными себе данниками многие другие земли и народы и привлекла бы к себе знатную часть индейских и американских сокровищ“. Идя по стопам великих своих предшественников, которые открыли иностранцам порты на Белом море и на Балтийском, Екатерина оповестила всю Европу манифестом 1784 г. о том, что Херсон, Севастополь и Феодосия открыты для всех народов, в дружбе пребывающих с Россией, и они могут „свободно, безопасно и беспрепятственно к тем городам приплывать“ и „оттуда отплывать или от'езжать по своему произволению“. Позже, в 1791 г. Россия новым мирным договором приобрела еще Очаков и новую удобную для судов гавань в виде Одессы, которая также была немедленно открыта (в 1794 г.) иностранцам.

Уже в 1774 г. Россия добилась для своих кораблей права посещать все турецкие воды, а равно проходить чрез Дарданеллы, так что русским судам открыт был путь в Средиземное море, юг России мог вступить в обмен с южной Европой. Едва в Западную Европу проникла весть об этом знаменательном договоре, как не только увлекающиеся писатели, но и трезвые коммерсанты стали предсказывать революцию в мировой торговле, с энтузиазмом говорить о славном освобождении Черного моря. В особенности же окрылило мечты французов покорение Крыма, как и заключение (приведенного выше) русско-французского торгового договора в 1787 г. Крым в руках России, и Россия тесно связана торговым договором с интересами Франции. Им уже мерещилась возможность ослабления при помощи этого трактата, который называли шедевром дипломатического искусства, торговли на Балтийском море, отнятия у Нидерландов посредничества между Россией и Южной Европой, приобретения Францией такой же роли на Средиземном море, в качестве перевозчика товаров всех наций и комиссионера их, какой пользовалась Голландия на других морях, и в то же время недопущения других наций в Черное море.

Но Франция не учитывала и теперь одного—того, что нужно было для всего этого согласие Порты на проход французских судов чрез Дарданеллы. Она производила все расчеты, не спросив об этом хозяина—турок. Как ни блестящи были завоевания России, но в этом отношении они ничего не изме-

нили. В этом заключалось все различие между ее положением и положением голландцев на других морях, где они могли свободно распоряжаться. Этим отличалась и деятельность Екатерины от политики Иоанна Грозного и Петра. Они могли действительно открыть Архангельск и Петербург всем иностранцам, Екатерина могла это сделать лишь на бумаге. Какой смысл было открывать Черное море всем нациям, когда Турция его закрыла для всех наций? Получалось резкое противоречие. Одной только Австрии в 1784 г. удалось добиться для своих судов права прохода через проливы. Но от этого для России получалось сравнительно мало выгоды—австрийское судоходство делало еще только первые шаги своего развития. Торговля же с Францией и итальянскими государствами мало подвинулась вперед [1]).

России приходилось расчитывать на свои слабые силы, на весьма медленно нарождавшийся русский флот, на малочисленное и недостаточно энергичное русское купечество, привыкшее первое место уступать иностранцам, итти у них на помочах. Прилагалось много стараний к тому, чтобы „ободрить“ русских купцов. Это ведь была эпоха меркантилизма, когда государство старалось повсюду пробудить своих подданных, открыть им глаза, сдвинуть их с места. В 1775 г. был издан таможенный тариф для черноморских портов, пониженный „четвертою долею“, по сравнению со ставками для прочих границ. В инструкции к нему, опубликованной сенатом, были указаны товары, на сбыт которых в Константинополе купцы могли с уверенностью расчитывать, и вычислены не только накладные расходы для 28 важнейших видов товаров, но и верная прибыль с них, доходившая до 50 проц. В 1766 г. была учреждена русская торговая компания в Константинополе, во главе которой стоял, впрочем, лишь один русский, другие двое были англичанин и голландец. Но операции ее развивались весьма туго, хотя она и получила суда от правительства, а лондонские, французские, итальянские фирмы снабдили ее поручениями. Интересами черноморской торговли было отчасти вызвано и уничтожение Запорожской сечи, ибо приезжающих в Крым купцов грабили запорожцы, „в варварстве татарам ни мало не уступающие“.

Потемкину было предоставлено право снабжать иностранные суда русским флагом и он пользовался этим в широких размерах, давая разрешение всем, кто только его просил. Так что под именем русских посещали турецкие воды суда, которые никогда и не видели России. Но это были в немногих лишь случаях суда, принадлежавшие французским или

---

[1]) Storch. VI. 92—112. 144—190.

голландским купцам, обычно же суда греческие, т.-е. их собственниками являлись турецкие же подданные. Даже плавание между столь близко расположенными азовскими и черноморскими портами совершалось лишь в незначительной мере русскими, преимущественно же греками, но под русским флагом. В 1786 г. на Черном море плавало около 80 судов под русским флагом и почти столько же турецких кораблей посетило русские гавани. Все торговые обороты этих портов в 1785—86 г.г. не превышали 1,1 милл. руб. [1]).

Обороты всей морской торговли России равнялись в 1773—76 г.г. 27,8 милл. руб., из коих 25,5 милл. приходилось на Балтийское море, а 1,9 милл. на Белое море. Но и в 1793—97 г.г. из 76,9 милл. руб. всех оборотов 71,3 милл. составляла торговля на Балтийском море, 3,7 на Белом море и всего 1,9 милл. на Черном и Азовском морях. При этом 51 милл. падал на Петербург, т.-е. он поглощал ровно две трети всей морской торговли России.

Общие обороты русской внешней торговли по всем европейским границам, как морским, так и сухопутным, возросли, по Шторху, с 29,4 милл. в 1773—77 г.г. до 81,6 милл. в 1793—97 г.г., но сухопутная торговля составляла всего 1,6 милл. в первом и 4,7 милл. во втором случае. Обнаруживается, следовательно, очень быстро возрастание торговли по сухопутной границе—обороты ее увеличились за четверть века в три раза, в большем размере, чем обороты по морской границе (с 27,8 до 76,9 милл.). Но по сравнению с оборотами морской торговли, сухопутная была совершенно минимальна. Так что еще к концу XVIII ст. вся наша торговля с Западом совершалась морем, именно Балтийским морем, через которое направлялось в 70-х и в 90-х годах XVIII ст. почти 90 проц. всего товарообмена с Западом. Только в XIX ст. и торговля на южных морях, с одной стороны, и сухопутная торговля, с другой, стали постепенно развиваться.

Наибольшее значение в торговле чрез сухопутную западную границу имел товарообмен с Силезией, куда отправлялись купеческие караваны из России (как и из Польши и Венгрии). Они вывозили произведения страны — юфть, сало, меха, мед и воск, которые обменивались на изделия Запада—сукно, шелк, шерсть, нюрнбергские товары. А так как—говорится в записке бреславльского купечества 1773 г.— то, что они привозили, далеко не достигало ценности закупаемых ими товаров, то они снабжали страну значительными суммами звонкой монеты; последняя притекала и вследствие тех расходов, которые они производили в пути. Если они посещали ярмарки в других странах, то лишь после того,

[1]) Storch. VI. 112. 138.

как они уже посетили нас (Силезию), и только в том случае, если не могли у нас добыть нужных им товаров. Но и в этом случае они оставляли в Силезии предназначенную для закупок наличность, а мы им давали векселя на другие места. Благодаря этому, мы не только извлекали помещенные в других местах деньги без всякого риска, но сверх того выручали еще провизию на наших векселях. Наконец, русские и поляки передавали нам закупленные ими товары для дальнейшей отправки их [1]). Благодаря этому, в стране господствовало богатство и обилие, всем жилось прекрасно. И Марпергер в 1714 г. рассказывает по поводу Бреславля, что он представляет собою непрекращающуюся ярмарку и что оттуда ежедневно от'езжает такое число русских, польских и иных возов, какое трудно найти даже на очень крупной ярмарке [2]). Кто бы поверил—читаем у Клебера, писавшего в 1788 г.—что одного заячьего меха привозится столько, что он в большом количестве отправляется еще в Амстердам, Лондон, Лион. Воску доставляется ежегодно на 400 тыс. талер., но только восьмая часть его остается в стране, все же остальное идет дальше в Гамбург, Францию, Италию. Русские и мазуры привозят его из своих лесов на маленьких легких повозках, на которых нет ни одного фунта железа. Они стоят в Бреславле на площади, продают товары, повозку и лошадь и идут пешком домой. Эта торговля—прибавляет он—именуется экспедиционной в том смысле, что эти восточные страны (Россия, Польша, Венгрия) добывают товары из Саксонии, Австрии, Италии, Франции и отдают часть прибыли бреславльскому купцу за доставку товаров из этих стран [3]).

Герман указывает на то, что эта сухопутная торговля доставляет убыток России, ибо привоз больше вывоза, и это, повидимому, подтверждается приведенными выше сообщениями о приливе звонкой монеты в Силезию. Только благодаря крайней незначительности оборотов по сухопутной границе, общий баланс наш все же получается, по его словам, активный. Общая сумма привоза и вывоза России возросла с 22 милл. руб. в 1762 г. до 50 милл. в 1788 г., причем в последнем году Россия „выиграла“ 5 милл. [4]).

На той же точке зрения стоят и другие авторы того времени—они не сомневаются в активности баланса (Фрибе, Герман, Шторх, Шерер). Напротив, при „изысканиях“, произведенных комиссией о коммерции по поводу „унижения“ (падения)

---

[1]) Moriz-Eichborn. Das Soll und Haben von Eichborn und Kompagnie in 175 Jahren. 1903, p. 2. 7. 95 сл.

[2]) Marperger. Schlesischer Kauffmann. 1774, p. 487.

[3]) Klöber. Von Schlesien vor und seit dem Jahr 1740. II. Freiburg. 1788, p. 395 сл.

[4]) Herrmann. Statistische Schilderung von Russland. 1790, p. 446—47.

вексельного курса, высказывается противоположный взгляд. Курс нашего рубля на Амстердам, равнявшийся в 1787 г. 39 штиверам, стал затем беспрерывно падать и спустя 6 лет дошел до 22½ штив., что вызывало сильное беспокойство как среди купечества, так и в правительственных сферах и неоднократные „рассмотрения“, „особенные доношения“ и „примечания“ о причинах падения и „способах возвышения“ его. Образовано было даже в 1793 г. „особенное собрание“ для „отобрания мнений“ у „знатнейших“ российских и иностранных купцов и для выслушания их „рассуждений и прений“. „Причины“ и „способы“ указывались весьма разнообразные и многочисленные, причем отчасти уже тогда соображали, что на вексельный курс влияет не один только торговый баланс, но и платежи, вызываемые другими обстоятельствами. Обращали внимание и на нашу задолженность за границей и на перевоз крупных сумм находившейся за пределами России армии. Но на ряду с этим предлагали „убавить чрезвычайно умножившийся привоз“ предметов роскоши, почему следует „учинить запрещение“ привоза „ненужных и роскошных“ товаров или, по крайней мере, обложить их „тяжелыми пошлинами“.

При этом уже в 1778 г., когда впервые возник вопрос о вексельном курсе, граф Воронцов указывал на то, что хотя по таможенным ведомостям получается выгодный баланс, но, веря более „практике“, он полагает, что привоз иностранных товаров гораздо больше показываемого в ведомостях. Это „приватно известно“ лицам,—„кои на торг наш с некоторым вниманием взирают“.

В 1788 г., когда комиссия о коммерции вновь „вошла в изыскание всех обстоятельств“, касающихся сей самой „материи“, она находила, что с того времени, как за таможнями, особенно С.-Петербургской губернии, установлено строгое „смотрение“, так что „ни мало от них не стало чиниться послабления“, в петербургский порт стали привозить и об'являть в таможне „по большей части тяжеловесные только товары“, „кои по тяжести своей к потаенному привозу не удобны“. Товары же дорогие, служащие „к одной только роскоши“, хотя и выписываются в Россию и здесь „в продажу производятся“, но о значительном привозе их в ведомостях не значится, почему—„полагать должно“, что они „входят сюда мимо портов побочными какими-нибудь путями, и едва ли не все с похищением пошлинного дохода“. Другую причину упадка вексельного курса комиссия усматривает в „потаенном через пограничные таможни провозе сухим путем“ из того самого Бреславля, о котором мы выше упоминали, как и из Лейпцига. И эта торговля „умножается и едва ли не пожирает нарочитую часть баланса нашего по

торгу". Развитие контрабанды, по мнению комиссии, „доказывается великим числом денег, которые в биржевые дни нередко перевозятся за море посредством векселей".

Наконец, и „особенное собрание" 1793 г., рассмотрев „со вниманием" „оригинальные подносимые от знатнейших купцов примечания", утверждало, что курс „унизился" из-за „неожиданного происшествия" с русским торговым балансом, который является пассивным даже по ведомостям. Но пассивность его гораздо значительнее, чем о том сообщают „таможенные бумаги", ибо туда не вошли деньги за „бриллианты и всякие дорогие каменья и жемчуга, по почте сюда во множестве присылаемые", как и за „великоценные товары", привезенные „потаенными дорогами". Таким образом, таможенным ведомостям придавалось мало доверия, напротив серьезное значение приписывалось контрабанде, создающей неблагоприятный торговый баланс [1]).

В 1794 г. президент коммерц-коллегии, известный поэт Державин обратил внимание на то, что в этом году баланс нашей внешней торговли показан в ведомости на $6^1/_2$ милл. ниже баланса предыдущего года, что означает увеличение ввоза иностранных товаров. От увеличившегося привоза надо было бы ожидать повышенных таможенных поступлений, но оказывается, что это не имело места. При выяснении этого противоречия и недоумения, коллегия нашла, что балансовые ведомости вовсе не свидетельствуют об истинном состоянии торговли, а в основе их лежит крупное таможенное злоупотребление, ибо привозные товары, в особенности те, с которых берется пошлина с цены, оцениваются гораздо ниже их стоимости. Если же всем иностранным товарам „дать истинную цену", то выйдет, что „баланс иностранный вряд ли пред нашим не преимуществует", т.-е. получается пассивный баланс, не говоря уже о „воровском" „похищении" пошлины [2]).

---

[1]) Фирсов. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле в царствование Екатерины II, стр. 99, 115—16, 149—50.

[2]) Там же, 189—92.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Предметы привоза и вывоза в XVIII ст.

Среди вывозимых за границу товаров, по Шторху, первые места занимают пенька (в 1793—95 г.г. в среднем вывезено 3 милл. пуд. на 8,5 милл. руб.) и лен (1,3 милл. пуд. на 5,3 милл. руб.), экспорт которых распределяют между собой почти поровну Петербург и Рига, и железо (3 милл. пуд. на 5 милл. р.), на 4/5 полосовое железо, причем железо вывозится почти исключительно на Петербург; небольшая часть его вывозится на Таганрог, в южных портах ему принадлежит второе место в области экспорта (первое—хлебу), идет оно туда из Сибири. Не меньшее значение имеет и экспорт сала (1,1 милл. пуд. на 4,7 милл. р.), вывозимого главным образом из Петербурга, но также из Архангельска. За этими четырьмя товарами следует холст, в особенности фламское полотно, идущее на рубашки неграм в Вест-Индии и Южной Америке, и равендук, из которого выделываются паруса; вывоз обоих сильно возрос со времени войны северо-американских колоний за независимость (в 1758—62 г.г. в среднем 3,9 милл. аршин, в 1793—95 г.г. 12,5 милл.), причем он совершается почти целиком на Петербург. Далее хлеб в зерне (в 1793—95 г.г. в среднем 403 тыс. четв. на 2,9 милл. руб.)—вывозится больше всего из Риги, в последние годы растет вывоз его из Таганрога—на Черном море он играет первую роль в области вывоза. Пшеница-арнаутка вывозится из Харьковской, Воронежской и Новороссийской губерний гужевым путем в Таганрог; в качестве обратного груза здесь фигурирует вино, бумажные ткани и соленая рыба. Обычно отправителю судна или его доверенному в Таганроге приходится, по прибытии туда судна, отправлять людей для закупки зерна в деревнях, потому что в портах нет хлебных магазинов для хранения зерна.

Из кож экспортируется главным образом юфть (в 1793—95 г.г. в среднем 139 тыс. пуд. на 2,6 милл. р.), притом почти

исключительно из Петербурга; много вывозится леса—бревен, балок, мачт—прежде всего из Риги, экспортирующей в особенности дуб всех сортов. Лес везется к портам из отдаленных мест, транспорт продолжается обычно два года, а часто и дольше при мелководии или иных препятствиях. Торговцы лесом вынуждены поэтому для иностранного спроса постоянно держать значительные запасы леса; им приходится с владельцами лесов заключать контракты на 2—3 года вперед, причем третья часть уплачивается немедленно, остальное постепенно, по мере доставки. Когда лес приходит в Ригу, он уже давно оплачен и при расчете нередко оказывается, что владелец или поставщик леса еще должен купцу. Последний вынужден, таким образом, уплачивать крупные суммы авансом, но этот риск возмещается растущей уверенностью в сбыте и оживлением судоходства. Число судов, приходящих в Ригу за лесом, составляет от 300 до 400 в год, причем для экспорта мачт годятся только большие суда. Вывоз леса вносит жизнь и в отдаленные местности, не знающие никаких иных промыслов, кроме лесного, и увеличивает циркуляцию денег, вследствие крупных сумм, затрачиваемых на транспорт леса. Эти расходы втрое превышают цену леса на месте. Лес, который на месте стоит 58 тыс. руб., продается иностранному покупателю за 329 тыс., т.-е. в 6 раз дороже, ибо к 58 тыс. присоединяются 173 тыс. расходов за перевозку, 52 тыс. вывозных пошлин и 46 тыс. прочих расходов, процентов на капитал и барыш торговца. Так что половина всего затрачиваемого капитала идет на расходы, и сумма, равная покупной стоимости на месте, поступает в казну.

Вторую группу составляют следующие товары, вывоз каждого из которых превышает 300 тыс. руб. Пеньковое и льняное семя (1,4 милл. руб.), вывозимое из Риги. Сукно, именно грубые, деревенские ткани, ватмал (1 милл. руб.), идущие по сухопутной границе из Риги в Литву и Польшу. Пеньковое и льняное масло (231 тыс. пуд. на 702 тыс. р.). Канаты не только для приходящих судов, но и по заказам из Америки, Лиссабона, Копенгагена (143 тыс. пуд. на 459 тыс. руб.). Свиная щетина (21 тыс. пуд. на 448 милл. р.). Рыбий клей (4 тыс. пуд. на 421 милл. р.), вывозимый почти исключительно на Петербург и главным образом англичанами, которые пользуются им при выделке пива и портера, а также сбывают его испанцам, португальцам и французам для прибавления его к вину. По опубликованному английской факторией в Петербурге списку экспортированных товаров, вывезено было на английских судах в 1753—68 г.г. 1—2 тыс. пудов белужьего клея, а в конце 80-х годов по 4 тыс. пуд. (в 1788 г. даже 6850 пуд.). Поташ (121 тыс. пуд. на 388 тыс. руб.). Меха (355 тыс. руб.), экспортируемые главным образом сушей

в Турцию (вероятно, много контрабандой, несмотря на невысокую пошлину), где они являются важнейшим об'ектом русского привоза и излюбленным предметом роскоши, признаком не только богатства, но и знатного и высокого положения. Вывозится соболь, который носит султан в торжественных случаях; горностай, предназначенный для женского платья и для богатых турок,—по словам Шторха—праздно сидящих целый день на диване и поглаживающих свою бороду или горностаевые хвостики; белки, черные лисицы, которые имеют право носить только паши; меха неродившихся ягнят, идущие на шапки знатным грекам, господарям Молдавии и Валахии и драгоманам. Торговля мехами находится всецело в руках России и попытка англичан заменить русские меха канадскими не удалась. Воск и восковые свечи (17 тыс. пуд. на 346 тыс. р.), вывозимые главным образом из Петербурга, частью из Архангельска и Риги, в Италию и другие католические страны. Мыло (60 тыс. пуд. на 254 тыс. р.), зола и деготь (291 тыс. пуд. на 248 тыс. р.).

Наконец, гораздо меньшее значение имеют такие товары, как икра (38 тыс. пуд. на 188 тыс. р.), вывозимая частью Балтийским морем, в особенности на Петербург, частью Азовским из Таганрога, преимущественно в Италию и Константинополь (в последние годы ее стали вывозить в большом количестве англичане), как сальные свечи (на 181 тыс. р.), рогожи (на 178 тыс. р.), рыбий жир (на 109 тыс. р.), отправляемые на Архангельск; как масло коровье (на 157 тыс. р.), идущее почти исключительно через Таганрог, Евпаторию и Херсон в Турцию, где рынок может поглотить гораздо большее количество; оно закупается в самых различных районах, даже привозится в Таганрог из Сибири, где его растапливают, в Таганроге стоит 7 руб. пуд, а продается в Константинополе за 20 руб., так что на нем экспортер зарабатывает еще больше, чем на хлебе [1]).

Специально для Петербурга, вывоз которого составляет к концу XVIII ст. 60 проц. всего русского экспорта морем и сушей, Фрибе дает следующие цифры за 1795 г. [2]):

		Всего	из них на английских судах.
Железо	тыс. пуд.	2.458	2.025
Пенька	„ „	1.690	1.153
Сало	„ „	995	584

[1]) Storch. Historisch-statistisches Gemälde. B. VIII, p. 134—212.
[2]) Friebe. Ueber Russlands Handel, landwirtsch. Kultur, Industrie und Produkte. B. II. 1797. № II, p. 185.

		Всего	из них на английских судах.
Лен	тыс. пуд.	486	437
Пеньковое масло	„ „	270	—
Юфть	„ „	116	4
Канаты	„ „	78	12
Поташ	„ „	74	15
Сальные свечи	„ „	61	2
Мыло	„ „	41	—
Свиная щетина	„ „	29	27
Подошвенная кожа	„ „	21	—
Воск	„ „	11	4
Белужий клей	„ „	7	5
Конский волос	„ „	5	—
Бревна	тыс. штук	2.651	261
Заячьи меха	„ „	449	57
Рогожи	„ „	277	17
Холст	тыс. арш.	2.226	1.847
Пшеница	тыс. четв.	43	16
Льняное семя	„ „	64	57

Как видно из этих данных, экспорт важнейших товаров, как железо, пенька, лен, щетина, клей, лес, холст, льняное семя, шел главным образом через руки англичан. Второе место занимали в экспорте некоторых товаров — железа, холста—Соединенные Штаты; канатов они более, чем кто-либо вывозили. В других случаях большее значение имел экспорт в Любек, Данию или Пруссию. Так, Любек играл первую роль в вывозе сальных свечей, мыла, пенькового масла, воска, поташа, рыбьего клея, парусного холста, вывозил и много хлеба. Канаты направлялись, кроме Америки, также в Португалию, юфть в Италию, холст и конский волос в Данию.

Главное значение—как мы видим—в экспорте имели, как и в предыдущую эпоху, предметы сырья, произведения скотоводства, рыболовства, охоты, лесоводства. Но к ним присоединяется вывоз холста, канатов, мыла, деревенского сукна, железа. Все эти товары вывозились и в XVII ст., только вывоз холста, в особенности же железа, теперь значительно возрос. Англия в особенности вывозила мешечный холст, фламское полотно, равендук, беленый холст, полотно скатертное; последнее приобретала и Америка. Столь же сильно нуждалась Англия в нашем железе. Как указывает В. И. Покровский, средний ежегодный вывоз фламских и парусных полотен и равендука составлял в пятилетие 1758 — 62 г.г. 77 тыс. кусков и возрос в 1793 — 95 г.г. до 251 тыс., но уже в 1800—

1813 г.г. снова понизился до 212 тыс. кусков [1]). По Семенову, он еще в 1802—04 г.г. был выше вывоза 70-х годов (259 тыс. кусков вместо 183 тыс.), но затем стал падать. По мере распространения на Западе машинного производства льняной пряжи, как и замены полотна бумажными тканями, руские изделия должны были вытесняться иностранными [2]).

То же произошло и с железом. Англия импортировала в 1737 г. железа 20 тыс. тонн, в том числе 5 тыс. тонн (или 300 тыс. пуд.) из России, импорт железа во Францию составлял в 1787—89 г.г. в среднем ок. 6 милл. ливр., из России ввозилось на 420 тыс. ливр. [3]). Из материалов коммерц-коллегии видно, что наш вывоз железа с 1760 г. до конца столетия непрерывно возрастал: в 1762 г. 1.158 тыс. пуд., в 1766 г. 2.335 тыс., в 1773 г. 2.744 тыс., в 1779 г. 3 милл., в 1794 г. 3,9 милл. пуд. Однако, в начале XIX ст. в среднем отпускалось уже всего (за 1800—14 г.г.) 1,8 милл. в год, в 1814—24 г.г. 1,3 милл. [4]). Блестящее развитие английской металлургической промышленности, работавшей с конца XVIII ст. на минеральном топливе, сделало и русское железо для Запада излишним [5]).

Большую роль играли в XVIII ст. и русский лес, смола, деготь, пенька в странах с развитым кораблестроением, Франция ввезла этих товаров в 1787—89 г.г. в среднем на 9 милл. ливр., причем 3,5 милл. приходилось на Россию. Англия уже в 1716 г. импортировала их на 197 тыс. ф. ст. из России, но затем в течение XVIII ст. этот импорт еще более повысился [6]). И вывоз леса, достигавший в конце XVIII ст. 1½ милл. руб., затем стал падать, в особенности вследствие войн, но и после прекращения их лишь медленно увеличивался, не доходя еще до цифры конца XVIII ст. (в 1814—19 г.г. в среднем 1,3 милл. р.) [7]).

Таким образом, развитие экспорта всех этих товаров являлось лишь кратковременным; в особенности же вывоз промышленных изделий, полотна и выделанных кож (юфти) [8]),

---

[1]) Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Под ред. В. И. Покровского. Т. I. 1902. Стр. 286.

[2]) Семенов. Изучение историч. сведений о российск. внешн. торг. и промышл. Т. III. 1859. Стр. 97.

[3]) Sombart. Der mod. Kapitalismus. 4 Aufl. 1921. B. II. T. 2, p. 1021—22.

[4]) Сборн. свед. по ист. и стат. внешн. торг. I. 235.

[5]) См. мои Лекции по ист. эконом. быта Зап. Евр., т. II. Отд. V. (новейш. время), гл. III.

[6]) Sombart. II. 2, p. 1024.

[7]) Сборн., 130.

[8]) Вывоз юфти, которая также играла важную роль в нашем экспорте, притом уже с XVI ст., начал падать уже во второй половине XVIII ст. — с 204 тыс. пуд. в 1749 г. до 140 тыс. пуд. в 1778—80 г.г. и до 112 тыс. в 1790—92 г.г. (Сборн. I. 183).

а также железа, возраставший в течение XVIII ст., вскоре снова упал до незначительных размеров.

Вывоз хлеба, который впоследствии приобрел столь крупное значение, стал расти лишь в XIX ст. В предшествующем веке вывозилось в 1717—19 г.г. в среднем 32 тыс. четвертей, в 1758—62 г.г. 70 тыс., в 1778—98 г.г. 400 тыс., но в 1788—92 г.г. всего 233 тыс. четв. Напротив в 1801 — 1806 г.г. вывоз хлеба равнялся 2,2 милл. четв., а в 1816—20 г.г., после временного сокращения вследствие войн, 3,2 милл. [1]).

Семенов приводит следующие цифры нашего привоза во второй половине XVIII ст. по главнейшим товарам (в тыс. руб.):

	1749	1758—60 в средн.	1778—80 в средн.	1790—92 в средн.
Вина, водки, портер и пиво	644	946	1.332	1.777
Сахар	321	691	1.222	3.789
Кофе	71	139	244	631
Чай	4	17	28	399
Фрукты	152	145	397	787
Соль	226	562	486	524
Шелк-сырец	24	11	455	986
Красильн. вещества	778	317	547	1.486
Ткани шерстяные	1.374	1.578	2.592	4.588
„ шелковые	327	802	697	1.546
„ бумажные	186	461	812	2.582

Как мы видим, на первом плане стоят предметы роскоши (свыше 11 милл. в 1790—92 г.г.)—вина и водки (о значении вывоза вин к нам можно усмотреть из того, что во всех торговых договорах, заключенных нами в конце XVIII ст.—см. выше, стр. 208 прим.—выговорено понижение пошлин в России именно на вина), сахар (тростниковый, безусловно предмет роскоши в то время), чай и кофе (доступные и значительно позже только высшим классам, потребление их, как показывают приведенные цифры, развивалось лишь очень медленно), ткани шелковые и бумажные—и последние составляли предмет роскоши, будучи еще изготовляемы ручным способом. К предметам роскоши следует отнести и южные плоды—из Турции, Италии, Франции. Испании. Шерстяные ткани, среди них главным образом сукно (в 1790—92 г.г. на 3,3 милл.), предназначались частью для армии, потребность которой не могла еще удовлетворяться собственным производством, частью состояли из высших сортов сукна, привозимых для богатых слоев населения. На третьем плане стояло сырье и вспомогательные материалы (2,5 милл.)—шелк-сырец и краски (индиго, сандал, кошениль).

---

[1]) Сборн. I. 3—4. Семенов. III. 73—74.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Меры торговой политики при Петре I и Екатерине II [1]).

„Торговля—мое дитя"—говорила Екатерина II. И она, и Петр Великий исходили из того, что „торговля верховная обладательница судьбины человеческого рода", почему „прилежать к ней" „есть дело самих высочайших особ достойное". Екатерина сама участвовала в созданной для торговли со Средиземным морем компании Владимирова, „опекунство" над которой было поручено адмиралу Мордвинову. Желая создать „знатную коммерцию", она учредила „многие регламенты и учреждения, „относящиеся до коммерции", в частности ею „учинены" с другими державами „купечественные трактаты" „на выгодных кондициях". Словом, они подражали европейским государствам, которые „коммерцию свою весьма распространили и в лучшее привели состояние". В сочинениях того времени об „исправлении купечества и торговли", говорится о необходимости облегчения „судового хода" и „кораблеплавания", об учреждении „особливой страховой компании", о создании „надежного развоза" продуктов, об „устройстве медных банков для транспорту денег билетами" и многом другом, служащем к „великой пользе коммерции" [2]).

Однако, авторы их признают, что помимо „невозможности развозу на российских судах товаров", ибо „собственные российские купецкие корабли еще таковы", что, вследствие „худого своего строения" и малости их „они для океана вовсе ненадежны",—препятствием приведению торга в „цветущее состояние" являлась инертность и невежество русских купцов, а также отсутствие „единодушности"

[1]) Мы касаемся здесь только торговой политики Петра и Екатерины, не затрагивая мер, принятых в отношении прмышленности, как и общего характера их экономической политики, ибо на том и другом (сопоставляя с Западом) останавливаемся подробно в другой книге: Очерк истории русской промышленности. 1922 г. Гл. VIII.

[2]) См. Фирсов. Госуд. и общ. 34. 47. 59. 278.

в купечестве и его „бескапитальность“. Русские купцы „не весьма тщательны ко внешней торговле“, они отличаются „всегдашним несогласием“, „разномыслием и великой между собой ненавистью, что всего удобнее видеть можно на ярмонках, где богатые купцы угнетают маломочных, а сии последние понижением цен на свои товары и другими разными зломышленными обманами делают подрыв богатым“. Этим они „приводят себя в оскудение“, будучи „подобны птицам, которые, найдя кусок хлеба, до тех пор одна у другой его отнимают, пока, раскроша на самые мелкие крупинки, смешают их с песком или с землею и совсем растеряют“. „Весьма мало да почти и совсем нет—читаем в одном рассуждении 1762 г.—у нас в купечестве хороших капиталов, которые в состоянии были бы знатные с иностранными государствами торги отправлять“. В России считается „не с большим двести тысяч торгующих“. „Довольно известно“, что „из того великого числа“ большинство „купецкое токмо звание на себе несут“ и „пропитание себе получают не купечеством, но бурлацкою и протчею черною работою или такими торгами и промыслами, которые и к купечеству причислить стыдно“. Помимо них, да еще „лавочников и сидельцев, которые, кроме гораздо знатных в иных государствах и в число купцов не ставятся, останется самая малая часть людей, кои по настоящему купеческому званию себя и дела свои ведут“. Точно также „если мы рассмотрим — говорит кн. Щербатов — капиталы купцов, продающих товары при портах и покупающих оные, то ясно увидим, что у купечества нашего нет довольно капиталов, дабы своими собственными капиталами торг сей производить“. Это подтверждали и иностранцы—английский посланник в 1782 г. сообщал своему правительству, что в России нет ни значительных купцов, ни банкиров, ни вообще денежных людей.

Чулков перечисляет 150 московских „капитальных“ купеческих домов, которые обанкротились „большею частью от неразумения, от нерадения и от недержания купеческих книг или незнания генерально купеческой науки“. „Вот—прибавляет он — следствии пренебрежения необходимых в коммерции правил, которых в иностранном европейском городе последовать столь много и вдруг не может“. К этому присоединялись и „бываемые в российских товарах обманы“, и „непорядочная торговля“, и презрение к русским со стороны иностранцев: „когда иностранный купец стоит с русским, то кажется, что он стоит со своим слугою и обращается с ним свысока“. „Разве я не грек, что я не могу обманывать“—заявляют, по словам Шерера, писавшего в 1788 г.—русские купцы.

Отсюда они не имеют кредита в других государствах, да сомнительно, чтобы они имели его и в своем, а между тем „кредит—душа коммерции". „Купечество наше—говорит один автор 90-х г.г. XVIII ст.—чрез свои обманы давно потеряло свой кредит у иностранных, которые их упрекают, что они в канаты вмешивают паклю, в клей загибают сомовину, в паюсную икру закладывают каменья и дресву, в соленое мясо кладут головы с рогами, ноги с копытами и другие подобные сему делают подлоги". По его словам, в одной бочке с икрой, проданной голландцам, оказался даже „целый мертвый калмык" [1]).

По всем этим причинам давнишняя мечта: „вывоз в чужие государства отнять у чужестранных купцов и отдать то своим" и к концу века не могла быть осуществлена. Еще в первой половине XVIII ст. один из прожекторов тоскливо вопрошал: „какие способы употребить, чтобы освободить русских купцов от такой зависимости?" Но и в 70-х годах оказывалось, что русские купцы „не имеют никакой охоты, ни склонности" к торгу „без посредства чужестранных здесь купцов" в отдаленные другие государства, и ни мало о том „не помышляют". И теперь еще раздавались жалобы на то, что иные товары к нам поступают из четвертых рук, и один из авторов того времени говорил о русской торговле как о „гордиинском узле", для разрешения коего необходим „вождь, который бы к тому прямой путь показал", ибо она „поныне производится за море по большей части чрез чужие руки и на чужих судах". По словам Теплова, купцы русские „по сие время ничто иное, как прямые наемщики или, лучше сказать, извощики купцов иностранных".

С громовой речью против купечества выступил кн. Щербатов в Екатерининской комиссии 1768 г. по составлению нового уложения. Намерения Петра — говорит он—вовсе не состояли в том, чтобы русское купечество вело торговлю, не только не выходя за границу, но даже из своего города. Петр старался развивать внешнюю торговлю России, но отвечали ли русские купцы таким попечениям? Учредили ли они конторы в других государствах? Имеют ли корреспондентов для узнания, какие куда потребны товары и в каком количестве? Посылали ли они своих детей учиться торговле? Нет! Они ничего этого не сделали. Неудивительно при таких условиях, что крестьяне отнимают у них торговлю. Пусть взглянут они продожает Щербатов — на плодоносную Россию. Они увидят со всех стран света прочие части вселенной, отверзающе врата русским произведениям, лишь бы только

---

[1]) Scherer., I p. 86 сл. Чулков., ук. соч. Фирсов. 9.11.45.

были охотники, которые пожелали бы брать чужестранные сокровища за наши продукты. Иностранцы приезжают в наши порты за нашими товарами и „тем обогащаясь сами, обогащают и нас". Но насколько бы прибыток этот умножился, если бы мы сами возили наши товары в чужие края и на промен брали бы чужестранные товары из первых рук. И не стыдно ли—прибавляет он—нам, здесь собранным россиянам, слышать, что гамбургцы и голландцы, будучи отдаленнее от Ледяного моря, чем мы от Колы, на 15 или на 18 градусов по прямой линии, кроме обхода Норвегии, приходят бить китов и получать себе прибыль почти у наших берегов, несмотря на то, что вооружение судов и договоры с матросами обходятся им весьма дорого... Как же было бы прибыльно русским купцам предпринять такой торг и по близости места, и по дешевизне найма матросов. Вот истинные ключи богатства купцов... Действительная польза отечества сопряжена с их обогащением [1]).

Щербатов был вполне прав. Доказательство тому образ действия архангельских купцов. Торговля их была стеснена исключительной привилегией графа Шувалова на беломорские сальные промыслы, действовавшей до 1768 г. По истечении срока ее была об'явлена „торговля вольная" на сало и кожи морских зверей, треску и иную рыбу, но отпуск за границу этих продуктов предоставлен одним лишь мещанам и купцам Архангельского посада, на 10 лет,—за отсутствием у Архангельска других товаров, „свойственных сему месту для торгу своего за море". Как же использовало архангельскоекупечество эту „великую милость?" Оно ознаменовало получение привилегии торжеством с „пированием" и маскарадом. Но на большее у него пороху не хватило. Один из первостепенных купцов предложил, правда, „себе подобным богачам" скупить все сало и отпустить его за море на собственный счет, но те предпочли войти в соглашение с иностранцами и отпустить сало, хотя и под своим именем, но на счет иностранных купцов, иначе говоря, продали свое имя иностранцам, не получившим права на сальный экспорт... Его примеру последовали остальные купцы: каждый из них стал „по своей дороге искать и ловить за продажу своего имени частную прибыль от иностранных по 5 коп. с пуда за отпуск сала за море на счет иностранных". Иначе говоря, получив столь ценную привилегию, архангельское купечество и не думало использовать ее для создания самостоятельного экспорта за границу, а эксплоатировало ее лишь путем переуступки ее ино-

[1]) Исторические сведения о Екатерининской комиссии, собранные Поленовым. Т. II. Стр. 64-65.

странцам. Такое обложение в свою пользу экспорта за право пользоваться именем местных купцов являлось для последних наиболее упрощенным способом наживы, но самая торговля и львиная доля барышей оставались попрежнему в руках иностранцев [1]).

Неудивительно при таких условиях, если депутат Екатерининской комиссии от коммерц-коллегии Меженинов в целях покровительства купцам, „кои в чужие державы на свой счет торговать будут“, предлагает такого рода льготы: Семьи их освобождаются от „ служб, поборов, налогов и тягостей“, в купеческом банке прежде всего должно „удовольствовать их“, в случае же „оскудения в торгах“, они должны быть определяемы в директоры над таможенными сборами. Ободрение их доходит до предоставления им права покупки малолетних, которые должны быть обучаемы „навигации“ в штурманской конторе, а затем употребляемы купцами к мореплаванью; или же следует брать детей у бедняков последней гильдии и, обучив их, раздавать торгующим за море купцам. Вот какие экстраординарные льготы необходимы были, чтобы побудить русских купцов к самодеятельности, но и они были тщетны.

Меженинов советует далее учредить в чужестранных торговых городах агентов, консулов и факторов из рижских и ревельских купцов, знающих коммерцию, а также для обучения коммерции посылать купеческих детей в чужие края.

Последнее предложение новизной не отличалось, хотя его и приходилось каждый раз повторять. Уже при Петре, вследствие незнания русскими купцами иностранных языков и полного незнакомства с характером и условиями торговли с Западом, послано был 12 купеческих сыновей из Москвы и Архангельска в Голландию и Италию для изучения в тамошних предприятиях торговли и итальянской бухгалтерии. Затем в 1723 г. велено было всегда содержать 15 человек для этой цели за границей таким образом, чтобы, по возвращении одних, отправлялись следующие. Впоследствии, при Екатерине II, указывалось на то, что это повеление Петра без исполнения оставлено и что русская торговля была бы в совершенно другом виде, если бы оно тогда же было выполнено. Теперь, вновь предлагалась эта самая мера. В одном докладе, 1761 г. рекомендуется отправить уже только 5 или 6—а не 12—15—человек, взяв из лучших торговых фирм сыновей владельцев или прикащиков, в различные места Европы—Гамбург, Амстердам, Лондон, Бордо, Лиссабон и Кадикс. Владельцы должны их послать на свой счет для обучения торговле, но необходимо, чтобы правительство с своей стороны присоединило к ним 2—3 лиц в качестве инструкторов.

---

[1]) Фирсов. 272—75.

Этим путем автор, повидимому, расчитывал не только обучить их бухгалтерии и ведению торговых операций, но и установить связь с иностранными фирмами (ибо на Западе ни одного имени русского купца не слышали), создать русскому купечеству кредит и вообще бороться с приемами иностранцев, всячески дискредитирующих русских купцов за границей и подрывающих доверие к ним [1]).

Действительно, в 1764 г. Екатерина, которая говорила: „я бы желала, чтобы мой народ сделался промышленником", велела „взять подписки с знатнейших первостатейных купцов, не пожелают ли они кого из своих детей... послать в чужие государства для пользы отечества и своей собственной". Ссылаясь на указ Петра, она прибавляла, что считает „за самонужнейшее и полезнейшее дело" для купца „сына своего в контору купеческую посадить на несколько лет для приобучения теории и практике купеческой", особенно в английских и голландских торговых городах. Похвальное дело совершит отец, который „не пожалеет капитал употребить" на это дело или кто, будучи „уже в возрастных летах", сам захочет „путешествовать в лучшие и славнейшие коммерческие государства".

Но указ этот вызвал довольно слабый отклик. Были, правда, отдельные лица, которые пожелали проибрести „существительное купецкое познание", „от чего впредь происходить может государственная польза", и с этой целью отправиться в „вояж", в расчете найти за границей что-либо „примечательное" и в надежде, что иностранное купечество пожелает российскому „открыть в том знание". Однако, и эти лица обычно желали совершить „вояж" не на „собственный кошт", а будучи посланы казною, „куда признано будет за способное". В 1766 г. и был сделан „опыт просвещения такого рода на казенный счет", причем все свелось к приказу выбрать в Архангельске двух детей „лучших ежели можно домов" 11—12 лет, детей „доброй надежды и не совсем испорченного воспитания". Екатерина приписала: „а выберите с волею отцовскою, а не против желания сих". Они были отправлены в Лондон для обучения в английских конторах. Но этими двумя купеческими мальчиками дело и ограничилось [2]).

Создан был „план воспитательного училища из купеческих детей для коммерции". В комиссии по сочинению нового уложения депутат от Архангельска мотивировал необходимость учреждения такого училища тем, что Россия „лишается искусстных негоциантов, каковыми просвещенная Европа наполнена будучи, всегда имеет верх одерживать в своих при-

---

[1]) Mémoire sur le commerce de Russie. 1761, p. 452—53.
[2]) Фирсов. 166—71.

бытках и того ради Россия может уподоблена быть такой мануфактуре, которая, имея хорошие материалы, а неисправные инструменты, не может достигнуть совершенства". Училище должно вырабатывать „доброго купца и доброго гражданина". Другой депутат, указывая на то, что в купеческих семьях оставшиеся после смерти родителей малолетние, пришедшие в возраст, проматывают отцовское наследство по причине худого своего воспитания, предлагает назначать к таким малолетним достойных людей в опекуны и обучать их нужным купцу наукам.

Но все это были пока только пожелания, планы будущего. Идея „купечество привести в познание" лишь весьма медленно проникала в толщу торгового класса.

В другом направлении торговая политика обнаруживает при Екатерине существенную перемену, отказ от прошлого. К числу тех „принципий", которыми Петр имел в виду „возвысить" коммерцию, принадлежало правило: торговать купецким людям так, как торгуют в иных государствах—компаниями. От этого должно было получиться и „распространение торгов" и „казны пополнение" — последнему придавалось особенное значение. И эта мера, подобно другим, была, следовательно, заимствована с Запада. Еще в 1698 г. голландец Небель проектировал устроить компанию для эксплоатации северных рыбных и звериных промыслов, но не достиг своей цели. В 1713 г. Салтыков предлагал царю „велеть во всех губерниях учредить колонии или компании торговых людей и тем компаниям с принуждением велеть торговать в иные государства", со „вспоможением" от казны. Здесь мы имеем компании для торговли за море, притом с участием казны, в виду „бескапитальности" русских купцов, „ради скудости денег" (как говорилось при учреждении компании для торга с Испанией), и притом компании, учреждаемые по приказанию: „а буде волею не похотят, то и в неволю". Форма компании считается наилучшей: „коммерции умножать... и для того компании строить". Указом 1724 г. велено „учинить определенные доли пайщиков с примеру остиндской компании" [1]). Последняя, вероятно, голландская компания [2]), с ее крупными оборотами и большими барышами, с ее завоеваниями в Индии, производила большое впечатление на умы современников, повидимому, и Петра.

Компании эти были, само собою разумеется, монопольные. Подобно тому, как на Западе они снабжались исключительными привилегиями, так и у нас им предоставлялась

[1]) П. С. З. № 1706. VI. № 4540. VII. № 4348.
[2]) См. мои Лекции по истор. экон. быта Зап. Европы, 6 изд. Ч. II, Отд. 3-ий. IV. Гл. 6.

монополия производства или сбыта определенных товаров — „отбирать безденежно, как серебро, так и инструменты того, кто будет сверх их компании оно мастерство производить“ [1]). В 1728 г. комиссия о коммерции, рассматривая причины „помешания в торгах“, предлагает, „с пользою самому купечеству, разделить торги по компаниям... и кто в те компании запишется, снабдевать по достоинству их купечества привилегиями, что уже другим неимеющим участия в той привилегии невольно торговать, разве кто от самой той компании удостоин будет и к привилегии имя его приобщится“. Только путем исключительных привилегий и можно было привлечь „купецких людей“ в компании. Жаловался ведь бар. Шафиров, что ко вступлению в устраиваемую им китоловную компанию „охотой склонить никого он не чает“ и „все от того отговариваются нищетой“. Он просит, „дабы определено было о том указом, обнадеживать ли ему такими или другими милостивыми ее величества кондициями, дабы он мог за подписью своею по тем городам послать для публикации“.

Для эксплоатации рыболовных, китоловных, сальных промыслов на Белом море, но также по Волге, в Астрахани, на Камчатке, и устраивались главным образом торговые компании, наряду с промышленными компаниями для заведения фабрик и горных заводов, как и для разработки руды. Напротив, компании для торговли с иностранными государствами, подобные тем, которые мы находим в столь большом количестве на Западе, в особенности в Нидерландах, Англии, Франции, но также в Пруссии, Австрии, Дании, можно встретить у нас лишь в виде редкого исключения — все эти компании для торговли с Испанией, на Черном море (Темерниковская), на Средиземном (при Екатерине) имели очень кратковременное существование, состояли всего из нескольких участников и располагали весьма небольшими капиталами. Для осуществления их, как мы видели, не было ни инициативы, ни капиталов, ни общих условий непосредственной торговли с Западом. Иное дело, напр., беломорские промыслы. Они были ближе и проще, у себя дома, и особенно крупных капиталов не требовали. Указом 1704 г. велено было всего государства рыбные ловли „взять за себя великого государя и ведать и отдавать из Ижерской канцелярии... откупщикам на оброк с торгу из наддачи“. Вслед за этим указано было компании Меньшикова, который уже раньше был назначен начальником над всеми рыбными ловлями и фактически был хозяином рыбных промыслов, „отдать промысел ворваней, моржевой и иных морских зверей... и

---

[1]) См. мой Очерк истории русской промышленности. 1922. Гл. VIII и IX.

иным никому тем промыслом без их компанейщиков соизволенья отнюдь не промышлять".

Компания Меньшикова и Шафировых просуществовала до 1721 г., когда снова велено было беломорские „промыслы содержать и на них морских зверей промышлять и рыбу ловить и сало топить и продавать и за море отпущать до нового указа всем промышленником невозбранно". Вскоре однако последовало новое распоряжение о том, чтобы „рекам, которые от св. Носу к Коле, быть в компании", но „за неявлением ко вступлению прочих людей те промыслы содержались под смотрением коммерц-коллегии по 1731 год на казенном коште". Только в 1731 г. промыслы получила компания Евреинова, кроме рыбы трески, которая, в силу сенатского определения, „уволена в народ", т.-е. является предметом свободного торга. Позже беломорские промыслы получил бар. Шафиров, в том числе и „уволенную в народ" треску, а вслед за ним в 1739 г. известный генерал-берг-директор бар. Шемберг, бежавший впоследствии за границу. После этого они перешли к Евреинову, а в 1748 г. были отданы графу Шувалову, и только по истечении срока его привилегии, монополия была упразднена и права на эксплоатацию беломорских промыслов получило — как мы видели (см. выше, стр. 225) — все купечество Архангельска [1]).

При Екатерине II вообще картина сильно меняется: компании и монополии исчезают, откупа отчасти остаются, но казна сдает соответствующие доходные статьи преимущественно целым городам или областям, как, напр., астраханскому или архангельскому купечеству, или же и они уничтожаются „для того, чтобы не один, но все общество тем торгом пользовалось", а чтобы казна не лишилась дохода, откупная сумма заменялась повышением пошлины при отпуске за границу.

До Екатерины II, помимо частных компаний, получивших привилегию производства или торговли теми или иными товарами или эксплоатировавших сданные им на откуп казенные статьи, фигурировала в этой роли и казна: имелись товары, которые казна сама производила или которыми торговала—на монопольных основаниях. Как мы видели выше, в XVII ст. царь был первым купцом в своем государстве. При Петре первоначально число заповедных товаров росло, достигнув своего апогея в 1714 г. [2]); иностранцы не без

---

[1]) Лаппо-Данилевский. Русск. торг.-промышл. комп. в перв. пол. XVIII ст. 41—42. Фирсов. Торг.-пром. комп. в перв. пол. XVIII ст. 93. сл. 113 сл. 118 сл. 134 сл.

[2]) Такие товары, как юфть, пенька, конопляное масло, поташ, деготь, сало, льняное семя, рыбий клей, ревень, икра, могли подвозиться частными лицами лишь к речным, озерным или морским пристаням и затем поступали в руки казны.

основания утверждали, что это „стесняло и убивало торговлю в России“. Но затем оно пошло на убыль, и „вольный торг“ в смысле права продажи товаров частными лицами стал торжествовать. Указом 1719 г. царь, „милосердуя к купечеству Российского государства, указал казенным товаром быть только двум: поташу и смольчугу, а прочие товары, которые продаваны были из казны, уволить торговлею в народ, токмо с прибавочною пошлиною“ [1]).

В первое время при преемниках Петра этот принцип соблюдался, хотя торговля ревенем в 1731 г. снова запрещена была частным лицам под страхом смертной казни. Но при Елизавете, наряду с откупами, снова появляются и товары, сбываемые казной,—кроме поташа, смольчуга, ревеня, также клей, икра, льняная пряжа. Только при Екатерине „для общественных выгод“ снова был допущен свободный торг: имея „природное и матерное“ попечение „о благоденствии подданных своих“, Екатерина разрешила им продажу внутри страны, как и вывоз, даже таких товаров, как поташ и ревень, „предоставляя в пользу им и те самые выгоды, кои принадлежали единственно короне“. В виду многих неудобств, „клонящихся ко вреду и тягости общенародной“, „освободительными“ указами в „вольную торговлю“ отдан был китайский торг и ввоз персидского шелка. Компания для торговли с Персией, Хивой и Бухарой и другая от Темерниковского порта для товарообмена с Турцией и Средиземным морем были лишены своих привилегий, и торговля об'явлена доступной „всем невозбранно“ [2]).

Уже в указе Петра III 1762 г. говорилось, что „коммерция должна быть не сокращена, а так благоразумно и рассмотрительно распоряжена, что все и каждый по мере и состоянию своему в оной соучавствуют“. Поэтому торговые компании подлежали упразднению, как „убежища банкротов“, старавшихся „к своему обогащению имя компании выпросить“, чтобы захватить торг „в свои руки и в разорении многих своего спасения искать“. Этого принципа придерживалась и Екатерина: „дешевизна—говорила она—родится только от великого числа продавцов и от вольного умножения товара“. По поводу проекта сдачи на откуп торговли игральными картами она ответила коротко и ясно: „чорт возьми с откупом“; представленный ей проект привилегированной морской компании она назвала „бешеным“. Не менее решительно Екатерина высказалась по поводу предложения завести торговлю с Индией. „Купцам предложить торговать,

[1]) П. С. З. VIII, № 3428.
[2]) Патлаевский. Денежный рынок в России от 1700 до 1760 г. Стр 155 сл. Фирсов. Торг.-пром. комп. 24. 28.

где они хотят. Что касается меня, то я не даю ни людей, ни кораблей, ни денег и отказываюсь на всякие времена от всех земель и владений в Восточной Индии и в Америке". В другом случае она велела проект о монополии „партикулярных лиц" „возвратить его составителям с тем, чтобы и впредь о подобном не. заикались",. „буде сам его не издерешь"—прибавляет она и замечает по поводу этого проекта, составленного по правилам всех монополистов: „в начале моего царствования я нашла всю Россию по частям розданною подобным компаниям, и хотя я 19 лет стараюсь сей корень истребить, но вижу, что еще не успеваю, ибо отрыжки сим проектом оказываются".

Это новое направление в области торговой политики выразилось и в различных сочинениях и записках того времени. „Торговля есть дочь вольности"—пишет Чулков. „Генеральные компании" обижают остальное купечество—говорит другой автор. „Великий вред коммерции" происходит от системы запрещений вывоза, об'ясняет составитель одной „мемории". „Знатные господа", получая откупа, „могут все законы перетолковывать в свою пользу". „Монополии и откупы почитать можно подрывом купечеству". Тот протест против всей системы стеснений, сопряженной со старой политикой меркантилизма, который к концу века обнаруживается на Западе, и у нас выражается в новых веяниях екатерининской эпохи [1] [2].

Таможенные пошлины первоначально при Петре сохраняли тот же характер, о котором сообщал Кильбургер в половине XVII ст. Именно, по словам Юля, писавшего в 1711 г., иностранец, привозя товар в Россию, платил в Архангельске 10% с цены, но вносил их талерами, которые засчитывались за 50 коп., тогда как стоили вдвое более, так что в действительности пошлина составляла 20%. Кроме того, привезя товар в тот или другой город для продажи, он обязан был уплатить 6 проц. с цены, а продав его, еще 5 проц., в обоих случаях русскими деньгами. Пошлина равнялась, следовательно, формально 10+6+5=21 проц., на самом же деле достигала 31 проц. Напротив, русский купец подлежал в Архангельске при покупке иностранного товара

[1]) П. С. З. XV. № 11489. XVIII. № 13018. Соловьев. Ист. Росс. XXV. 291. Фирсов. Торг.-пром. комп. 206. Прав. и общ. 29 сл. 192 сл.

[2]) „Есть ли какой торг могут производить многие—читаем в одной записке—то не должно позволить производить немногим или одному человеку... Всякой торг генерально отданной одному в руки препятствует несказанно приращению коммерции и многим непорядкам бывает причиною", как и создает „несносную дороговизну".

пошлине всего в 5% (русскими деньгами), а в городе, где сбывал, пошлине в 5% и сверх того по продаже еще в 5%, итого платил 15%, или всего половину суммы, причитавшейся с иностранца [1]). Сохранялось, следовательно, попрежнему усиленное обложение иностранных купцов, дифференциация пошлины не по товарам (последние облагались однообразно из того же процента), а по личности привозящего их купца. Это приводило, само собою разумеется, к тому, что иностранцы выдавали себя за русских или, как это было и раньше (см. выше), производили свои операции через подставных лиц, своих приказчиков из русских, действовавших в качестве самостоятельных, якобы, купцов.

Но впоследствии, при Петре, вся прежняя система фискального тарифа была заменена протекционной и притом в усиленном размере, причем ставки определялись в зависимости от соотношения между внутренним производством и привозом тех или других товаров: „которая (фабрика) в четверть умножится против привозу (т.-е. производство составит четверть привоза), то наложить четверть пошлины сверх обыкновенной (т.-е. в 25 проц. с цены), а которая в треть—треть наложить, а которая в полы, половину наложить (50%), а которая против привозу умножится, то три трети (четверти) капитала пошлин наложить“. Сообразно этому, в 1724 г. установлены огромные пошлины в 75%, в других случаях—в 50%, даже в 25%, были, впрочем, и более низкие, вывозные же составляли около 3% [2]). Русские попрежнему облагались ниже, чем иностранцы, но теперь уже только в случае вывоза и привоза товаров на русских судах (см. выше, стр. 189), следовательно, принималась во внимание не только личность торговца, но и судно, точнее экипаж судна.

При столь высоком тарифе контрабанда должна была успешно развиваться и процветанию ее содействовало отсутствие всякой пограничной стражи—все сводилось к устройству застав по большим дорогам, малые же между ними велено было заваливать лесом или перекопать рвами, что, конечно, не мешало проезду по ним. Но товары водворялись не только из-за границы, но и из остзейских областей, где тариф в портах действовал прежний, гораздо более низкий, и откуда они, несмотря на запрещения, проникали во внутренние губернии [3]).

В результате все провозилось „воровски“ торговцами, которые „раза по три в год ездят в королевство Польское,

[1]) Записка Юста Юля, датского посланника при Петре I. Чтения в Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1899. Кн. III. 318 сл.

[2]) П. С. З. VII. № 4345. Лодыженский. Истор. русск. таможенн. тарифа. 57 сл.

[3]) Лодыженский, 72.

в Бреславль, в Слезу (Силезию) и Амбург и там такие товары покупают и, возвратясь назад, налаживают дорогу, чтобы Ригу об'езжать, тоже на дорогах всякие заставы, которые зело плохи об'езжают, и привозят без всякой трудности в Москву и продают купцам, которые их по малому делу в лавках держат"[1]).

Пошлина взималась с цены товара, а цена показывалась самим купцом. В качестве средства борьбы с показанием чрезмерно низких цен таможне было предоставлено право брать на себя низко оцененные товары по об'явленной цене с прибавлением 20%. Для того, чтобы лишить цольнера, как назывался заведующий таможней, этой возможности, купцы либо доставляли товары сразу очень большими партиями, так что у цольнера не хватало средств для покупки их, либо провозили их чрез такую таможню, где невозможно было продать товар, так что цольнер вынужден был соглашаться на купеческую оценку, как бы низка она ни была. Во многих случаях таможники искали тех товаров, которые нужны были им самим, и их скупали, остальные же оставляли об'явителю, не обращая внимания на оценку. Таможенные служащие вообще наживались; не даром говорили, что „таможня золотое дно". Большинство таможен находилось на откупу, откупщики же, совершенно не интересуясь протекционной политикой Петра, находили для себя более выгодным заменять высокие запретительные пошлины, сильно сокращавшие привоз товара, более низкими, благодаря чему усиливался привоз товаров и таможенный доход возрастал. Импортеры не имели основания жаловаться на такое понижение ставок, но зато высокий покровительственный тариф превращался в нечто совершенно иное и оказывалось, что „ныне, как высокая пошлина", товаров провозится „только множественное число и так дешево, как 15 лет назад, когда высокой пошлины не было".

Ясно было, что пошлины небходимо понизить. Это сделано было тарифом 1731 г., который не только отличался значительной умеренностью, но и заменил пошлины с цены для большинства товаров ставками с числа, меры, веса, так что на показание купца уже не приходилось полагаться. Но зато, в виду различной ценности отдельных сортов того же товара, тариф значительно усложнялся—приходилось каждую статью делить на много подразделений[2]). Но он просуществовал лишь до 1757 г., когда появился новый тариф, который вернулся к тарифу 1724 г. (на послед-

---

[1]) Чулков. IV. Кн. 2. Стр. 114.

[2]) О таможенных пошлинах с цены и специфических (по весу и мере) см. в моих Основных вопросах международной торговой полит. Ч. I. 1918. Стр. 182.

ний делались нередко ссылки) и даже превзошел его—пошлины доходили до 60—80 проц. стоимости товара и даже превышали ее.

Впрочем, эти огромные ставки были отчасти последствием и того, что к внешним пошлинам в тесном смысле были присоединены и пошлины, взимаемые взамен отмененных в 1753 г. внутренних сборов. Последние существовали еще в половине XVIII ст. в 17 различных видах, отчасти сохранившихся со времен Новоторгового устава, отчасти введенных вновь Петром и его преемниками. Среди них наибольшее значение имела внутренняя рублевая пошлина, взимаемая при ввозе товара в пределы города. Сборы эти, особенно тяжело ложившиеся на малоценные товары, взимались откупщиками в большем размере, чем следовало, и приводили—по словам графа Петра Шувалова—к тому, что многие люди подвергались суду и наказанию и народ разорялся, а между тем „необходимо оный народ на первый план рассуждения себе представить и смотреть за тем, чтобы он не пришел в крайнюю слабость“ [1]). Настаивая на отмене этих сборов, Шувалов указывает на то, что целовальники, при взимании их, „чинят притеснение и убытки“ и с крестьян „снимают шапки и отбирают рукавицы и опояски“. „Троицкая Сергиева Лавра от Москвы отстоит в 60 верстах, но на оной дистанции мостов или гатей 4 или 5, в том числе когда в межень можно мост или гать об'ехать, и по мосту не едет, а мостовое платит также, и тако, напр., когда крестьянин везет на продажу в Москву воз дров и за него возьмет 15 или 20 коп., и из того числа заплатит в Москве пошлины, да в оба пути мостовое и себя и лошадь содержит чрез 120 верст, и затем домой едва ль привезет половину“ [2]).

По предложению Шувалова, внутренние сборы были в 1753 г. упразднены, что вызвало ликование в народе, а чтобы казне убытка не было, переложены на привозные и вывозные товары, так что внешние пошлины были увеличены на 13%. Первоначально эта прибавка взималась отдельно (в русских деньгах, в отличие от прочей пошлины, взимаемой по тарифу 1731 г. в ефимках), и только в тарифе 1757 г. обе были слиты вместе.

Вместе с тем вернулись к таможенному откупу, который взял Шемякин с компанией, получивший звание обер-инспек-

---

[1]) См. Кизеветер. Посадская община, 425 сл. Лодыженский, 83 сл.

[2]) П. С. З. XIII. № 10. 164. Впрочем Н. Н. Фирсов (Торг.-пром. комп. 118 сл.) старается показать, что проведенная Шуваловым реформа вызывалась его собственными интересами—обширными производимыми им коммерческими операциями: у него на откупу были и уральские горные заводы, и беломорские рыбные промыслы, и многие другие (см. мой Очерк истор. русск. промышл., гл. XI и выше, стр. 225—230).

тора и ранг-майора. Но еще до истечения срока Екатерина, вступив на престол, отняла у него откуп, ибо за последние полгода он не уплатил установленной суммы, вследствие чего казна „не малый убыток претерпевала“, „да и вообще он (Шемякин) в беспорядочном правлении оказался“. Шемякин оправдывался тем, что от соседних с границей жителей никакой помощи нет, напротив, они сами, по соглашению с поляками и с русскими купцами, собравшись человек по сто и более с ружьями и копьями, беспрерывно провозят товары, а удержать их нельзя по причине малочисленности команды на форпостах. Что же касается об'езжающих границу военных команд, которые должны были бы оказывать содействие таможенникам, то они таможенных служителей немилосердно бьют и держат долгое время под караулом и тайно проезжающих с товарами людей из-за взяток пропускают через границу, оговоренных к следствию не дают, нарочно посланных в раз'езды мучительно бьют, а на Колыбельском посте и смертное убийство учинилось [1] [2]).

В 1766 г. тариф был значительно понижен. Покровительственная пошлина ограничивалась 30 проц.: „оный излишек в 30 проц. к поощрению быть может; ежели же не доволен, то такие фабрики держать бесполезно“; Высокими пошлинами облагались лишь товары „к домашним уборам и украшениям, также к роскоши в пище и питии следующие“. Эта система сохранена была и тарифом 1782 г., но все же контрабандный привоз на западной сухопутной границе попрежнему процветал, почему предложена была крайняя мера— вовсе закрыть эту границу [3]). Граф Миних, управлявший та-

---

[1]) Соловьев. XXIV. 296.

[2]) После Шемякина таможни были взяты „в казенное смотрение“ и повелено было „по регламентам и указам“, хотя существовал проект отдать снова таможни „надежной капитальной компании“ „в партикулярное содержание“. Впрочем, выяснилось, с какими злоупотреблениями сопровождалась откупная система, в частности снова оказалось, что откупщики в своих интересах понижают пошлины. „Одни купцы на круглый год договариваются с откупщиками платить валовую сумму с каждого воза, в котором привозятся дорогие товары, об'являемые и очищаемые как убогие. Другие же, за несколько верст остановившись перед границею, приезжают только по ночам для договоров и постановленных досмотрщиков, ясно простых иногда мужиков, посадских привезенным нарочно питьем спаивают, а потом того же момента провозят подлогами большие за малую пошлину и укрывают тут же товары, запрещенные или великим тарифом обложенные“ (Доклад члена комиссии о коммерции Теплова. Лодыженский, 123).

[3]) При осмотре западной сухопутной границы выяснилось, что она нигде не укреплена, „к тому же во многих местах и знаков нет, где оная быть долженствует; форпост от форпоста стоит в дальнем расстоянии, так что в некоторых местах стоящим форпостным людям мимо проезжающих и проходящих не только осмотреть и воспрепятствовать не можно, но по густоте леса и в ближнем разстоянии видеть ничего нельзя“.

моженными сборами, на это ответил, что хотя „сие есть самое легчайшее средство воспрепятствовать таможенным служителям делать вспоможение тайному привозу“, но вместе с тем „сие средство будет подобно тому человеку, который все деревья в своем саду вырубить захотел для того, чтобы воры плодов не крали“. Комиссия о коммерции, рассматривая вопрос о том, как бы „убавить“ „воровство“, ибо „искоренить никакого соединенного с свободою коммерции способа изобрести невозможно“, находила, что не следует „разрушать“ числа таможен, чтобы „не затворить чрез то течения торговли“; тем более, что и при закрытии западной границы нет гарантии, что товары не будут все-таки водворяться, ибо их не трудно будет снабдить за границей клеймами русской таможни, почему заарестовать их на внутренних рынках, как контрабанду, невозможно будет. Несмотря на это, торговля все же была „утеснена“: указом 1788 г. был запрещен привоз чрез западную сухопутную границу всякого рода иностранных шелковых, шерстяных, бумажных и прочих товаров, также напитков и вещей, за исключением лишь некоторых изделий.

Так был разрублен гордиев узел, „ребенок—по немецкой поговорке—был выброшен вместе с выливаемой ванной“.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Комиссионная торговля иностранцев в XVIII ст. Кредит. Вексель.

Шторх, писавший в конце XVIII ст., указывает на то что англичане, чтобы захватить в России торговлю в свои руки и укрепить ее за собой, ввели обычай уплаты авансом всей или части суммы за доставляемые в следующем году продукты. А в то же время русским они продавали иностранные товары в кредит на шесть, девять и даже двенадцать месяцев. Примеру англичан вынуждены были последовать и другие иностранные купцы в России, и для русских это было так удобно, что у них уже вовсе прошла всякая охота заниматься активной торговлей, столь трудной, требующей значительных сведений и капиталов и в то же время сопряженной с риском [1]).

На этот продолжительный и широкий кредит в торговле русских с иностранцами обращают внимание и другие авторы того времени. „Когда приближается зима—говорит Шерер—русские из внутренних губерний привозят иностранным купцам, находящимся в Петербурге, пеньку, лен, кожи и т. д. Уславливаются относительно цены и срока доставки товара. Договор записывается в таможне, иностранец-покупатель авансирует четвертую часть или даже половину выговоренной суммы, не получив еще ничего из обещанного товара. Если русский продавец честный человек, он держит свое слово, в противном случае он оставляет у себя товар, увозит с собой полученный аванс и более не показывается“ [2]).

В начале XVIII ст. англичане жаловались на то, что „кредит, иже есть душа в купечестве, чрез нынешнее в платежах долгое продолжение и между купцами неисправность

[1]) Storch. Hist.-stat. Gemälde. V. 203.

[2]) Scherer. Hist. raisonnée du commerce de la Russie. 1788. I. 113—14.

также и через волокитное поведение в получении суда утратился и разорился". Как сообщает Чулков, купцы присылали вместо себя в Петербург сыновей или приказчиков, которые покупали в долг товары у иностранцев, а на следующий год посылались уже другие, которых невозможно было заставить уплатить за взятые в предыдущем году товары. Хозяева отказывались платить деньги за приказчиков или отец за сына, хотя в выданных приказчиками или сыновьями обязательствах было написано, что деньги должны заплатить хозяева или родители. Правительство пыталось бороться с подобного рода явлениями, но всевозможные меры, вроде обязанности записывать своих приказчиков в таможне и отвечать по их обязательствам, „как бы они хозяева сами то учинили", мало помогали. Эти распоряжения не выполнялись купцами, и прежние злоупотребления не исчезали [1]).

Но это все же не удерживало иностранцев от торговли с русскими и от широкого кредитования их.

Это подтверждают французы, путешествовавшие по России, в своем описании поездки, вышедшем в 1796 году. „Крепостные—сообщают они—не могут выдавать векселей, но это не мешает им пользоваться большим кредитом". Один английский коммерсант, поселившийся в Петербурге, рассказывал нам, „что он ежегодно доставляет одному мужику с длинной бородой сукна на сто тысяч рублей с рассрочкой платежа на год. Этот человек уезжает весной, продает сукно и возвращается в Петербург только следующей весной. Тогда он уплачивает за купленное в прошлом году, берет столько же в кредит и снова уезжает. Коммерсант даже не знает, откуда он родом и где его можно захватить, в случае неуплаты". Впрочем—заключают авторы—„такое доверие едва ли уместно по отношению ко всем" [2]).

И Георги об'ясняет, что „российские купцы по закупаемым ими у иностранцев товарам платят через долговременный, по большей части годовой срок, удовлетворяя однакоже продавца обыкновенными здесь процентами с покупной цены". Однако, и он вынужден признать, что „есть и такие покупщики, кои совсем ничего не платят" [3]).

Из описания силезской торговли 1807 г. мы узнаем, что иностранному продавцу приходилось иногда более года ожидать уплаты по проданным товарам. „Полотно мы продаем русским, и это нередко связано с риском потери капи-

---

[1]) Чулков. IV, кн. 2, стр. 96 сл. 100 сл. Остроухов, 99 сл.

[2]) Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe. T. IV. 1796, p. 358.

[3]) Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. 1794. I. 206.

тала; обыкновенно проходит вместо двенадцати месяцев 15, 18 и даже 24, пока последует расчет"[1]).

Шторх, как мы видели, приписывает распространение обычая давать авансы, как и кредитования русских, англичанам, утверждая, что, „пока в торговле с Россие первую роль играли голландцы, выгоды для обеих сторон были одинаковы, купля и продажа совершались в обоих случаях на наличные или в форме мены товара на товар или на краткий срок; только англичане это испортили"[2]).

Между тем, этот обычай появился еще до XVIII ст., гораздо раньше, чем англичане стали выдвигаться на первое место и забирать торговлю в свои руки, именно еще в XVII ст., когда наибольшее значение имели голландцы, англичане же после 1649 г. потеряли свои привилегии и свое влияние в России. Савари в своем „Совершенном купце" рассказывает, что доставляемые в Россию товары нередко оплачиваются лишь через два года, а закупаются тамошние продукты на наличные. Так поступают, по крайней мере, англичане и голландцы. И дальше он специально по поводу голландцев и их преимуществ в торговле с Россией, по сравнению с французами, подчеркивает, что они продают привозимые товары в кредит на год или на два, а закупают за наличные деньги, причем умеют отличать добросовестных должников от сомнительных[3]).

Таким образом обычай этот установился гораздо раньше, повидимому, уже весьма давно. К концу же XVIII ст. он стал уже постепенно выходить из употребления. Георги, описав приезд русских купцов в Петербург и заключение контрактов с выдачей им части и даже всей суммы вперед, прибавляет, что „многие российские купцы привозят свои товары и без подряду и продают оные по торговым ценам или же ожидают лучших"[4]).

Наиболее подробно на этой перемене останавливается, однако, тот же Шторх в последнем (8-м) томе своего сочи-

---

[1]) Moriz-Eichborn. Das Soll und Haben von Eichborn und Kompagnie in 175 Jahren. 1903 p. 73.

[2]) Storch. V. 232. Это обвинение англичан в кредитовании русских и выдаче им авансов, чтобы вытеснить другие нации, мы находим в докладной записке двух французских коммерсантов, Рембера и Дюмиди, о торговле с Россией, которые все неудачи французов в России и невозможность развить франко-русскую торговлю готовы свалить на англичан (Mémoire de Raimbert et Dumidy, p. 124). От них заимствовал это Шторх, а затем это утверждение перешло к другим авторам, напр., к Патлаевскому (Денежн. обращ. 145), от Патлаевского к П. А. Остроухову (Англо-русск. торг. дог. 47) и т. д.

[3]) Savary des Bruslons. Le Parfait Négociant. 1673. II, p. 196. 202.

[4]) Георги. I. 206.

ния. Он рассказывает, что приезжающие в Петербург в ноябре или декабре русские купцы заключают договоры с иностранцами относительно поставки последним русских товаров, получая либо всю сумму вперед, либо только небольшой задаток, тогда как все остальное уплачивается им при самой доставке товара следующей весной. В зависимости от того, устанавливаются ли те или другие условия расплаты, и цена выговаривается не одинаковая, разница составляет от 8 до 10 проц. Так, лен стоит 38 руб: с авансом всей суммы, и 40 руб. при задатке в 10 руб., сало 51—52 руб. в первом случае и 54 во втором, пеньковое масло—3 р. 75 коп., если выдается вся сумма вперед, и 4 руб., если продавец получает 50 коп. задатка, а остальное при доставке товара. „Прежде—прибавляет он—такие контракты с авансированием всей цены совершались гораздо чаще и составляли даже общее явление, так как русские купцы действительно на эти деньги закупали заказанные им товары у крестьян и на ярмарках, и без аванса, полученного у иностранцев, часто не в состоянии были бы собственными деньгами закупить продукты и доставить их зимой на рынок. Однако, в виду значительного роста богатства у русских купцов, имевшего место в последние годы, этого рода контракты перестали носить обычный характер, во многих случаях стали даже редкостью. Ибо теперь русские закупают товары на собственные деньги и на собственные страх и риск, но запродают охотно зимою половину товара, который они затем весною везут в Петербург, чтобы сбыт половины был им обеспечен. Со второй половиной они выжидают летних цен, которые обыкновенно стоят выше, чем цены, на которые заключены контракты зимой“.

И в области сбыта иностранных товаров к концу века совершилась, повидимому, перемена. В то время, как прежде они продавались русским купцам в кредит на 6—12 и более месяцев, теперь благодаря возросшему благосостоянию их, такие приемы перестали быть общепринятыми. „Правда,— по словам Шторха, — товары, приобретаемые для продажи в розницу, как, напр., сукно, материи шелковые, шерстяные, льняные, вина и т. д., и теперь еще почти всегда закупаются с уплатой по истечении года. Правда, небогатые русские купцы приобретают ходкие товары в кредит, чтобы, продавши их за наличные, составить себе свободный капитал, который им необходим для закупки русских товаров или для иных торговых операций; получение его для них столь выгодно, что потеря на процентах этим покрывается. Тем не менее много товаров и на огромные суммы закупаются русскими на наличные деньги, и эта перемена обращает на себя внимание в особенности в последние

годы, резко отличаясь от прежнего времени, когда так мало товаров покупалось на наличные" [1]).

На характере товарообмена с Россией останавливается известный специалист по коммерческим вопросам Иоанн Георг Бюш, живший в Гамбурге в конце XVIII ст.

О русском народе говорят—читаем у него—что он отличается большой склонностью к торговле. Но о России утверждают также, что в торговле с ней безнадежные долги скорее создаются, чем в какой-либо иной. Комиссионеров по закупке русских товаров найти не трудно, но они обычно отказываются принять на себя делькредере, т.-е. ответственность по обязательствам дающего им поручения купца (коммиттента). Весь риск падает на находящегося за границей коммерсанта. Ему приходится продавать товары, кредитуя покупателя на продолжительные сроки, причем последний далеко не всегда добросовестно выполняет принятые на себя обязательства. Комиссионеры, находящиеся даже в таких городах, как Кадикс или Лиссабон, принимая на себя делькредере, получают кроме провизии еще 2 проц. с цены, а между тем им приходится брать на себя ответственность за уплату по товарам, которые через их посредство отправляются за море в колонии. Напротив, если комиссионер, находящийся в Петербурге, вообще согласен принять на себя делькредере, то он берет за это не менее 3 и даже 4 проц., настолько велик связанный с продажей в кредит риск.

Благодаря России, по словам Бюша, европейская торговля значительно оживилась, в частности торговля Гамбурга многим обязана именно ей. Но он находит, что в области комиссионной торговли с Россией Европа идет слишком далеко. Есть много стран, с которыми никому не придет в голову вести торговлю при помощи комиссионеров, за отсутствием вексельного курса на эти страны и в виду невозможности там транспортировать товары на нормальных основаниях. К таким странам принадлежат Венгрия, Европейская Турция, Польша. Но по отношению к России считают возможным такой способ торговли, ссылаясь на то, что имеется вексельный курс на Амстердам, на Лондон, теперь и на Гамбург, и на то, что в русских торговых городах имеется масса людей, готовых закупать товары на комиссию [2]).

Каждому молодому купцу — говорит Бюш в другом месте — хочется вести торговлю с Россией и он считает достаточным для того, чтобы приступить к этому, провести одно лето там, отправляясь, конечно, в Петербург

---

[1]) Storch. VIII. 256—61.
[2]) Büsch. Darstellung der Handlung etc.. I. 1799, p. 254—56.

и заканчивая свое путешествие Москвой. Но этого совершенно недостаточно. Ему необходимо посетить гораздо больше городов и не уезжать из Петербурга до тех пор, пока он не научится трудному русскому языку для того, чтобы он мог внутри страны собственными ушами слышать и самостоятельно разузнавать все, что ему нужно знать. В стране ведь сидят те люди, от которых он должен добыть себе барыш. Он должен ознакомиться с их жизнью и образом мысли, не довольствуясь обедом в Петербурге у людей, которые, конечно, готовы выполнять его поручения по продаже товаров. В особенности ему следовало бы изучить русское законодательство о кредите, как оно ни неудовлетворительно, и сложный ход вексельных операций, совершаемых из России [1]).

В рассматриваемую эпоху в Западной Европе комиссионная торговля была широко распространена. Уже раньше торговые фирмы стали нанимать специальных служащих, факторов, которые посылались с различными поручениями в другие местности для закупки и сбыта товаров, взыскания долгов и т. д. Позже такого рода поручения они начали давать посторонним лицам, не состоявшим у них на службе. Первоначально это носило случайный характер и такие поручения выполнялись больше из любезности. Но с течением времени образовался специальный промысел, появились лица, которые занимались таким представительством, большею частью в дополнение к другим профессиям—к торговле за собственный счет, к банкирским и экпедиторским операциям.

Такими комиссионерами и являлись в большинстве случаев иностранцы, приезжавшие в Россию и поселившиеся в Петербурге, Риге, Архангельске и других городах; к ним присоединялись и местные остзейские купцы в прибалтийских городах, которые также являлись комиссионерами иностранных фирм. „Грустно истинному патриоту видеть эту массу торговцев, почти не имеющих собственного капитала и стригущих наш народ, отнимая барыш,—говорит один современник, — который по справедливости принадлежал бы нам, если бы мы могли выйти из своего летаргического сна и работать для собственного блага“ [2]).

Как указывает Вирст, „вывозный торг нашими домашними продуктами есть почти совсем торг комиссионный, который

---

[1]) Büsch. Zusätze. III. 1800, p. 58—66. Бюш рассказывает об одном крупном английском промышленнике, который, минуя комиссионеров, стал отправлять коммивояжеров в Россию (и Польшу) для непосредственного получения заказов. Заказов он приобрел весьма много, и товары его пошли вглубь России, как и Украины, но деньги за них не поступили, и промышленник оказался в весьма трудном положении.

[2]) Mémoire sur le commerce de Russie, p. 451.

в вывозных местах государства производится (иностранными) купцами, получившими на то препоручение от корреспондентов своих и чужих краев. Закупка продуктов внутри государства находится в руках российских купцов, которые на свой собственный счет закупают сии продукты в свозных пристанях и в тех местах, где они производятся" [1]). Русские купцы комиссионными операциями совершенно не занимались, ибо таким доверием со стороны иностранцев они не пользовались, в лучшем же случае они вели торговлю с Западом за собственный счет. Отдельные такие русские фирмы имелись к концу века в Петербурге, Москве и Архангельске, и, благодаря своим значительным капиталам, они пользовались большим кредитом за границей. Правильным и добросовестным ведением дел они приобретали полное доверие; однако — прибавляет Шторх — такие купцы составляют исключение, и отсутствие этих качеств является наибольшим препятствием к развитию непосредственной торговли русских с иностранными государствами [2]).

Бессилие русских купцов и необходимость пользоваться долгосрочным кредитом у иностранцев, ставившая их в зависимость от последних, обусловливались их „некапитальностью" и невозможностью найти кредит в других местах. Еще в царствование Алексея Михайловича А. Л. Ордин-Нащокин, „один из первых политико-экономов на Руси", как его называет В. О. Ключевский, усматривая причину того, что „русские люди в торговле слабы друг перед другом" по недостатку капиталов и кредита, создал в лице земской избы в Пскове ссудный банк для выдачи ссуд маломочным посадским; последние должны были об'единяться с прожиточными людьми в товарищества в целях закупки русских вывозных товаров и поддержания высоких цен на них. Однако, под влиянием московских бояр и приказных, усмотревших в попытке Нащокина недопустимое новшество, царь Алексей отменил последнее. Сто лет спустя, в Екатерининской комиссии 1767 г. было обращено внимание на необходимость учредить для пользы коммерции по губерниям и провинциям из коронных денег банки для купечества, из которых давать взаймы нужные купечеству суммы с указными процентами на 5 лет за магистратским одобрением и верными поруками [3]). Позднее (в конце XVIII ст.) в „Особенном собрании", рассматривавшем причины „низкости" вексельного курса, — указывалось на отсутствие кредита,

---

[1]) Вирст. Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской Империи. 1807. Стр. 340—41.

[2]) Storch. VIII, p. 254—56.

[3]) Поленов. Истор. свед. о Екатерининск. ком. II. 72.

как на один из моментов, вызвавших „унижение“ его, и признавалась необходимость учредить купеческие банки. В одном „примечании“ высказано пожелание устроить их в обеих столицах, как и в губерниях, из коих товары идут к портам, и ассигновать для них 2 милл. руб. В другой записке банки проектируются только в Петербурге и Москве, но не с 2, а с 12 милл. капитала, причем они должны дисконтировать купеческие векселя, имеющие „кредит и особое доверие“, а также принимать в залог доставленные к порту товары. Другие депутаты, впрочем, довольствуются предложением выдачи купцам ссуд из учрежденного в 1786 г. заемного банка, который должен был „подать благотворительное вспоможение подданным, а наипаче дворянству“. Этот кредит должен был открываться под заклад товаров, которые не только привезены к портам, но и „складены“ в таможенные амбары, дабы они были „состоящими под таможенным ведомством“ [1]).

Коммерческий кредит в эту эпоху совершенно отсутствовал. Учрежденный в 1754 г. „Банк для поправления при Санктпетербургском порте коммерции и купечества“, не привел ни к чему: „следствие весьма мало соответствовало намерению, и банковые деньги остались по большей части в одних и тех же руках, в кои розданы с самого начала“. Более успешно развивались операции возникшего в 1757 г. „Медного банка“, но для получения у него денег требовалось много хлопот и времени и установлено было крайне стеснительное для вкладчиков условие в виде заявления о возврате вклада за год вперед. При Екатерине II появились различные кредитные учреждения (Сохранные и Ссудные казны, Приказы Общественного Призрения, Государственный Заемный Банк), но они открывали кредит дворянству, а не купечеству [2]).

Впрочем, и в Германии, и в Австрии банков до конца XVIII ст. почти не было, поскольку же они существовали, они имели в виду снабжение деньгами государства и землевладельцев, но не купцов [3]). Последние в огромном большинстве случаев вынуждены были довольствоваться кредитом (покупкой в кредит товаров) у других, располагавших большими капиталами коммерсантов; роль последних играли у нас иностранцы.

И другой столь важный для распространения „коммерции“ институт—вексель входил у нас в жизнь весьма медленно.

---

[1]) Фирсов. Правит. и общ. 130. 133—34. 137. 153—54.

[2]) Гурьев. Очерк развития кредитных учреждений в России. 1904. Стр. 1—9. Левин. Акционерн. коммерческие банки в России. I. 1917. Стр. 2 сл.

[3]) См. мои Лекции по истор. эконом. быта Западн. Европы, 6 изд. II. 235 сл.

О векселях у нас упоминается уже в XVII ст., но это были, повидимому, иностранные векселя; боярский приговор 1697 г. запрещает принимать их в таможне. Напротив, о составленных в России векселях идет речь в указе 1710 г., который запрещает родителям, помимо Адмиралтейского приказа, пересылать деньги детям, обучающимся за границей, посредством векселей, ибо не следует снабжать деньгами этих детей, „живущих на воле и гуляющих, а ученья принимающих мало“, по причине „великого числа денег“. Два года спустя последовал указ о переводе денег векселями для нашей армии, находившейся в Пруссии [1]).

Таким образом, вексельное обращение, хотя и „на одном обыкновении основанное“, существовало еще до издания вексельного устава 1729 г., что признается и в предисловии к последнему. В России „хотя перевод денег из казны и у партикулярных людей чрез вексели есть, однакож не в таком действии и почтении“, как в других странах, потому что не было „особливого“ вексельного права и по этой причине деньги возили „более натурою“, „в коих провозах“ излишние расходы и опасности получаются, „и самым делом в пути от воров и разбойников грабительства и убивства чинятся“. Поэтому-то „для пользы и лучшего распорядку в купечестве“ „счинен и выдан вновь“ вексельный устав,—„ради того, что в европских областях вымышлено вместо перевозу денег из города в город, а особо из одного владения в другое, деньги переводить чрез письма, названные векселями, которые от одного к другому даются или посылаются и так действительны есть, что почитаются наипаче заимного письма и приемлются так, как наличные деньги, а за неплатеж штрафуются многими пред заимом излишними процентами“ [2]). Выгода пользования векселями усматривалась как в том, что „сберегаются излишние иждивения“ (расходы), так и в том, что „отвращаются пропажи“, а „негоцианты“ получают „себе прибыль и разживаются“, самое же главное—„прекращается серебра и золота вывоз“ [3]).

Вексельный устав, составленный по немецкому образцу и даже напечатанный одновременно по-русски и по-немецки, содержит все характерные особенности европейского вексельного права того времени [4]), в том числе и появившийся на Западе лишь в течение XVII ст. (во Франции в сущности только в 1673 г.) вексельный индоссамент, т.-е. передаточную

---

[1]) П. С. З. III. №№ 1593. 1641. IV. №№ 2292. 2589.

[2]) П. С. З. VIII. № 5410.

[3]) Дилтей. Начальные основания вексельного права, а особливо российского, купно и шведского. Изд. 5-ое. 1794. Стр. 17.

[4]) См. Федоров. История векселя. Записки Имп. Новоросс. Унив. Т. 66. Стр. 529—31.

надпись, делаемую позади векселя „на хребте“ (in dorso— откуда и название) „которая уступка по вексельному стилю называется надпись“. Она дает возможность пользоваться векселем в качестве платежного средства, реализовать указанную в нем сумму до наступления срока платежа; причем устав 1729 г.—в отличие от различных иностранных законов того времени—не ограничивает числа индоссаментов на векселе [1]).

Вексельный устав 1729 г. имеет в виду в сущности только купцов и казну (гл. I—„о настоящих купеческих векселях“, гл. II—„о векселях на казенные деньги“, гл. III и последняя— „формы или образцы внутренних векселей с толкованием“). В нем не ограничено право обязываться векселями: „понеже сей вексельной устав хотя для купеческих векселей есть, однакож когда кто из воинских, статских, духовных или иных чинов сам себя привяжет с купечеством в переводе денег векселями“ и т. д. (гл. I, ст. 38). Речь следовательно идет все же о сделках лиц других сословий, заключаемых ими с купцами, о выдаваемых последним векселях. И в этих случаях по делам о векселях велено „удовольство чинить в ратушах и таможнях... понеже купцам несносное есть потеряние и повреждение купечества, когда им на других чинов просить в тех местах, где те люди ведомы, и для того кто из таких не хочет себя подвергать под суд ратушной и таможенной, тот да не дерзает сам себя векселями и другими письмами под образом векселей с купечеством привязывать или неисправным себя показывать“. Указом 1740 г. подтверждено правило ст. 38 Устава 1729 г. в том смысле, что векселя могут брать только купцы или разночинцы у купцов и то только для перевода денег в другие места, во всех же прочих случаях разночинцы обязаны пользоваться купчими крепостями. Далее рядом указов запрещено было обязываться векселями людям боярским, крестьянам и ямщикам (1749 г.), дворцовым крестьянам (1751 г.), крестьянам всех наименований, так как они попадают в сети ростовщиков (1761 г.) [2]).

По смыслу устава 1729 г. и дворяне не могли между собою обязываться векселями (а только купцам). Но в Екатерининской комиссии 1767 г. многими депутатами указывалось на необходимость дозволить им это, так как при отсутствии такого права помещики отдают свои деньги дворянам и иным полицам под именем купцов и точно также от заемщиков получают векселя не на свое имя, а на имя какого-нибудь купца, а отсюда получаются злоупотребления и возникают

[1]) Вексельный устав 1729 г. Гл. I. п. п. 3. 6. 8. 17. 24. Катков. Передача векселя по надписи (индоссамент). Зап. Юридич. фак. Новороссийск. Унив. I. 1909. Стр. 41.

[2]) П. С. З. XI. № 8172. XIII. № 9587. XV. № 11204.

тяжбы [1]). Однако, последующими указами выдача векселей дворянами напротив еще более была стеснена, в виду усиления их задолженности и разорения [2]).

По мнению Г. Ф. Шершеневича, векселя, несмотря на очевидное удобство, туго входили даже и в быт торговый [3]). На первый взгляд это не совсем вяжется с теми многократными упоминаниями о векселях, которые мы находим в Екатерининской комиссии 1767 г. В комиссии был прочитан вексельный устав и в речах депутатов, участвовавших в ней, вопросу о векселях отведено весьма видное место; депутаты постоянно возвращаются к этой теме. С другой стороны, однако, в то время, как согласно вексельному уставу 1729 г., векселю придан бесспорный характер и подписи в нем не нуждались в удостоверении, члены комиссии желали изменить эту, столь характерную для векселя, черту. По мнению депутата от города Углича, необходимо, чтобы всякие векселя были свидетельствуемы и это следует поручить публичным нотариусам. Депутат от Харьковского дворянства предлагает писать векселя в губернских канцеляриях и других правительственных местах с верными поруками и записывать их в книгу. Представитель от Кашинского дворянства не только присоединяется к мнению о том, что векселя должны быть писаны в присутствии нотариуса, но требует, чтобы нотариус еженедельно давал о них отчет конторе государственного банка; мало того, они должны даже печататься в газетах во всеобщее известие. Депутат от дворян Данковского уезда подвергает подробному анализу вексельный устав и высказывает целый ряд пожеланий о протесте векселей, о взысканиях и т. д., причем и он находит, что для большей верности векселя должны быть явлены для записи в уездные или полковые канцелярии [4]).

Правда, речь идет здесь о векселях, которыми обязываются дворяне, но все же стремление заменить, в видах устранения подлогов, упрощенный порядок выдачи векселя, ему свойственный, столь сложным, как явка у нотариуса, составление в правительственных местах, представление поручителей, публикация, едва ли свидетельствует о том, что вексель вошел в обиход. Все это скорее указывает на то, что он являлся в то время еще слишком культурным для нас инструментом или во всяком случае, что для дворянства он совсем не подходил.

Что касается пользования векселями в области внешней торговли, то, по словам Бюша, писавшего в конце XVIII ст.,

[1]) Историч. свед. II. 234 и 285.
[2]) Устав о банкротах 1800 г. Ч. II. Отд. I. V и VI.
[3]) Шершеневич. Система торговых действий. 1888. Стр. 205.
[4]) Истор. сведен. II. 97, 234, 240, 264, 270, 285—88.

Россия принадлежит к числу тех стран, в торговле с которыми купцу не может помочь ни вексель, ни банкир и туда возможно лишь пересылать деньги наличными или же необходимо купцу вести их с собой. Торгуя с Архангельском— прибавляет он—до сих пор было выгодно, хотя и не являлось необходимым, посылать туда деньги наличными на Петербург, поручая их лицам, закупающим, по распоряжению купца, товары внутри страны [1]).

---

[1]) Büsch. Darstellung der Handlung. I. 2 Aufl. 1799, p. 143—44.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Внутренняя торговля в XVIII ст.

Не только в области внешней, но и во внутренней торговле российское купечество играло сравнительно незначительную роль.

Мы должны принять во внимание—заявляет депутат от однодворцев Елецкой провинции Давыдов—что лиц купеческого сословия, по обширности Российского государства и сравнительно с другими сословиями находится весьма мало и ему даже невозможно вступать во всякий мелочной торг, хотя оно и делало неоднократные тому опыты. Известно—прибавляет он—что во многих городах купцы не только не производят торга, но и даже ни одной души не состоит записанными в последнюю ревизию, а торгуют в этих городах всякими мелочными и необходимыми товарами. Обитающим в Уфимском и Исетском уездах народам приходится довольствоваться торговыми операциями между собою, помимо купцов; раз'езжают по уезду с торговыми целями и оренбургские и уфимские казаки. Если бы в этом обширном уезде было запрещено жителям заниматься торговлей и это право предоставлено было одним купцам, то „из этого последует народное отягощение", ибо уездные жители не могут иногда дождаться купца в течение целого года для сбыта ему своих продуктов.

Здесь мы имеем перед собой обширную непроезжую окраину с редким населением и с крайне малочисленным купеческим классом, область, мало сообщающуюся с другими частями государства, но производящую обмен продуктами в своих пределах, обмен, совершаемый казаками и крестьянами помимо купцов.

Но и депутат от Олонецкого уезда, лежащего на другом конце государства, рассказывает, что купцы, в виду отдаленности от селений и трудности проезда по дурным дорогам, особенно в погостах, которые находятся один от дру-

гого на расстоянии более 500 верст, не приезжают из города для покупки сельскохозяйственных продуктов.

Представитель от главной над таможенными сборами канцелярии граф Миних присовокупляет к этому, что многие купцы „или за недостатком капитала, или не имея знания и доброго поведения, почти совсем не упражняются в торговле, а употребляют себя на самые низкие работы или утопают в пороках“. С другой стороны, „приманчивая прибыль и способность употреблять в оборот свои деньги суть причиною, что люди иного звания, но имеющие качества противные вышеописанным, вошли в торговлю. Я говорю здесь о крестьянах, которые в продолжение почти ста лет, не взирая на все обнародованные в разные царствования запрещения, не переставали производить торговлю и быть в оной заинтересованными на весьма значительные суммы“. „Сему-то умножению капиталов и искусству своих новых участников“ он приписывает „по большей части расширение русской торговли и нынешнее цветущее ее состояние“ [1]).

Есть такие города—сообщает депутат от г. Зарайска—в которых нет вовсе купечества. Уфимский уезд—говорит другой депутат—населенный разными племенами, так обширен, что если проехать от одного до другого конца его по прямой линии, то получится около тысячи верст. Между тем в Уфимском уезде, кроме городов Уфы и Табынска, которые находятся на расстоянии 90 верст один от другого, нет нигде ни торгов, ни ярмарок. Притом в обоих городах купечества весьма мало, да и то „вовсе не капитальное“. В состоянии ли какой-нибудь уфимский купец, при небольшом капитале и обороте, „удовольствовать всех живущих в Уфимском уезде народов“ потребными им товарами?

На недостаточность купеческого класса, по сравнению с значительностью оборотов, и на отсутствие купцов во многих городах указывают и другие депутаты. Так, напр., оказывается, что из одного Ливенского уезда, не говоря уже о других местностях Воронежской и Белогородской губерний, вывозится ежегодно на продажу до ста и более тысяч четвертей хлеба. В Елецкой провинции хотя и есть купечество, но заготовляемый в столь большом количестве хлеб не только в провинции, но и во всей губернии, не мог бы найти себе сбыта. Крестьяне и везут его по рекам в Орел, Калугу, Мценск и на Гжатскую пристань, откуда хлеб отправляется в Москву, Петербург и другие местности. Извольте же высокопочтенное собрание,—прибавляет депутат—представить, что последует, если этому ходу дела будет дано противуположное направление? Где, кроме показанных мест, земледельцы мо-

[1]) Историч. сведен. Т. II. Стр. 81. 86. 125. 189. 201. 207. 232—33.

гут продать такое множество хлеба и прочих продуктов, когда в Ливнах нет ни одного купца, а живут почти все те же земледельцы?

Неудивительно при таких условиях, если внутренняя торговля находилась в руках крестьян, как и однодворцев, казаков, татар и других групп преимущественно сельского населения.

Крестьяне не ограничиваются сбытом собственных произведений, а, раз'езжая по разным местам, скупают лен, пеньку, холст, сукна, овчины, скот, вплоть до таких предметов, как шелк или бумага, и затем перепродают их по торжкам и ярмаркам и даже в городах, притом не только оптом, но и в розницу. Отправляясь в другие местности и переезжая из села в село на еженедельные торги, они скупают у своей братии сельскохозяйственные продукты и затем сбывают уже их купцам. В Нижегородской губ., где находились такие „знатные села", известные уже в те времена своими промыслами, как Лысково, Павлово, Ворсма, Мурашкино, на многочисленных торгах и ярмарках крестьяне сбывали кузнечные, слесарные и оловянные изделия, платье, шапки и рукавицы, всякого рода обувь и конскую сбрую (хомуты, узды, шлеи), кожи, деревянную посуду, как и хлеб, соль и другие с'естные припасы.

Крестьяне вступают и в „большие торги". Скупая товары, они приобретают значительные капиталы и „усилились подобно купцам". Они ездят на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, провозят товары в дальние сибирские города, как сухим путем большими обозами, так и на судах от Тобольска через Томск до Иркутска и за Байкал до Селенгинска и Якутска. Они продают и меняют товар на товар в городах и на заводах, по селам и деревням всякого звания людям, оптом и в розницу, „без всякого опасения". На вырученные деньги они закупают меха — соболей, песцов, бобров, лисиц камчатских, белку, горностая, и, возвращаясь с этими купленными товарами, продают и меняют их в таком большом количестве, что их операции превышают обороты купцов.

Они ведут, следовательно, торговлю не одними сельскохозяйственными продуктами, но и привозимыми из дальних местностей, из Сибири пушными товарами, торговлю в крупных размерах, производимую на больших расстояниях.

В восточных губерниях имеется много крестьян, как и местных жителей — татар, которые, раз'езжая по уездам и городам и даже посылая от себя приказчиков, закупают не только кожи и овчины, сало, воск и мед, но также иностранные товары, как, напр., голландские сукна кармазинные и полукармазинные, шелковые материи, краски и все это везут в особенности на Оренбургскую и Троицкую ярмарки. В виду

значительности своих капиталов, они „удовольствованы“ в гостиных и меновых дворах лучшими лавками; им принадлежат „со в'езда азиатских народов у ворот первые лавки“, и „тех азиатов они удерживают при своих лавках и не допускают к другим внутрь“.

В широких размерах, и не одними только сельскохозяйственными продуктами они производят торговлю и в других местностях.

Так, напр., в Балахнинском уезде Нижегородской губернии в селе Городец, где каждую субботу производятся „знатные“ торги, крестьяне, не имея пахотной земли, продовольствуются ведением „купеческого промысла“, покупают и продают как русские, так и иностранные товары—персидские и иные шелковые ткани. Они торгуют по Волге хлебом и рыбой в значительных размерах, строят лодки и даже большие суда и отправляют на них товары в С.-Петербург, Астрахань и другие города. Крестьяне отвозят хлеб, пеньку, лен, холсты и сукна, мед и воск и предметы животноводства (масло, сало, мясо, кожи) даже к портам и вывозят их за границу; или же от имени купцов и по их письмам, крестьяне торгуют не только русскими товарами при портах, но и иностранными внутри России [1]).

Таким образом крестьяне не ограничиваются сбытом оптом и в розницу, на ярмарках и в городах, русских сельскохозяйственных продуктов или изделий кустарных промыслов, закупаемых ими, но производят во многих случаях и такие операции, которые во всяком случае считались недозволенными им—сбыт иностранных изделий внутри страны, торговлю с восточными народами, доставку русских товаров к портам и даже экспорт последних за границу. Наблюдая эту широкую деятельность крестьянского населения, многие авторы (Бюш, Шторх, Бюшинг) говорят о „большой склонности русского населения к торговле“—только в этом смысле можно понимать их слова.

Депутат Екатерининской комиссии Миних был прав, говоря, что крестьяне в продолжение ста лет, несмотря на все запрещения, не переставали заниматься торговлею „и быть в оной заинтересованными на весьма значительные суммы“.

Запрещение такое мы находим еще в Соборном Уложении 1649 г. В нем (гл. XIX) устанавливается прежде всего обязанность для всех занимающихся торговлей приписываться к посадскому тяглу. „А которые всяких чинов люди на Москве емлют государево денежное и хлебное жалованье и лавки за собою держат, и наймуют, и всякими промыслы промыш-

[1]) Историч. свед. о Екатерининск. ком. II. 86. 92. 99. 111. 115. 117. 126. 133. 142. 160. 189. 193—94. 201. 230. 237. 245. 261. 291—92.

ляют, опричь стрельцов: и тем людем быти попрежнему в своих чинех и служити государевы службы с государева жалованья. А с торговых со всяких промыслов быти им в тягле в сотнях и в слободах и в ряд с черными людьми подати давати, а службы никакой тяглой не служить; а кто не похочет в тягле быти, и тем людем лавки свои продать государевым тяглым людем" (ст. 4). Эта обязанность „в тягле быти" распространяется и на пушкарей, затинщиков, воротников, казенных плотников и кузнецов, которые „сидят в лавках и всякими торговые промыслы промышляют" (ст. 12).

Исключение сделано только для стрельцов, казаков и драгун, которым „с торговых своих промыслов платити таможенные пошлины, а с лавок оброк, а с посадскими людьми тягла им не платити и тяглых служеб не служити" (ст. 11). Напротив, для крестьян исключение установлено в другом направлении—они вообще торговлей заниматься не могут, записываться в тягло им не разрешается. „А будет у тех пашенных крестьян на Москве и в городех есть лавки и погребы и соляные варницы: и им те лавки и погребы и варницы продать государевым тяглым людем, а впредь лавок и погребов и варниц опричь государевых тяглых людей никому не держати" (ст. 5) [1]. [2]).

Крестьянам дозволяется только наравне с приезжими людьми и с иностранцами временно приезжать в города и продавать товары оптом из гостиных дворов. „А чьи крестьяне учнут к Москве и в городы приезжати из уездов со всякими товары: и им те товары продавати по вольным торгом беспенно, на гостине дворе с возов и стругов, а в рядах лавок не покупати и не наймовати" (ст. 17).

Это положение изменяется только при Петре. В 1699 г. было дозволено записываться в купечество казенным, патриаршим, монастырским и помещичьим крестьянам, желавшим жить в Москве ради торговли; а в следующем году вышел указ о взятии в посады крестьян, которые живут в городах на тяглых землях, занимаются торгом и тягло платят, и о запрещении городских промыслов тем, которые в посады

---

[1]) П. С. З. I. № 1. Гл. XIX. Ст. 4, 5, 11, 12.

[2]) И в другом месте, где речь идет о слободах, селах и деревнях патриарших, митрополичьих, властелинских и монастырских, боярских, окольничьих, думных, ближних и всяких чинов людей, противопоставляются, с одной стороны, „торговые люди, а исстари они бывали посадские жильцы", а с другой стороны, „крестьне торговые... а они наперед сего в посадских людех не были и тягла не платили". Первых велено „взяти на старые их тяглые места и держати с тяглыми посадскими людьми", что же касается торгующих крестьян, то „указал государь дати на крепкие поруки, что им впредь в лавках и в погребах не сидети и не торговати, а варниц и кабаков не откупати, а те лавки и погребы и варницы продати тяглым людем" (ст. 9).

записаться не пожелают. В 1711 г. Петр приказывает сенату „денег как возможно собирать“, а также—ради этой фискальной цели—„буде подлинно купецким людем никакого препятствия и обиды в торговых их промыслах от того не будет“, то позволить „всякого чина людем торговать всеми товары везде невозбранно“, „точию с такою ж пошлиною, а вместо десятой деньги по препорции с торгов класть“. В том же году последовало уже безусловное разрешение „всякого чина людем“ торговать везде „своими именами“. Из последнего видно опять-таки, что причиной являлись фискальные соображения, ибо, не имея права торговать „своими именами“, крестьяне в особенности вели торговлю на имя купцов и не платили соответствующих сборов [1].

Таким образом Петр дал возможность сельским жителям селиться в городских посадах, заниматься торговлею и переходить в купцы. „Беломестцам и дворцовым крестьянам, которые на Москве торгуют всякими товары в лавках, платить с тех своих товаров десятую деньгу и подати с посадскими людьми в ряд“. Не только крестьяне, но и дворяне могут заниматься торговлей; если кто из младших детей дворянских фамилий захочет идти в купеческое звание или в какое знатное художество—говорится в указе 1714 г.—то им сего в бесчестье не ставить. Запрещена была торговля только военным. Регламентом главному магистрату все регулярные граждане городов были в 1721 г. разбиты на три гильдии, причем к первой отнесены банкиры, знатные купцы, имеющие значительные от’езжие торги или торгующие разными товарами в рядах, а также лекари и аптекари, шкипера, ювелиры, живописцы; ко второй гильдии—торгующие мелочными и харчевыми товарами и ремесленники; третий же разряд, который не назван гильдией, составляли чернорабочие и иные наемники, которые хотя и почитаются гражданами, но нигде „между знатными и регулярными гражданами не счисляются“. Главный магистрат должен был „ведать всех купецких людей“, чтобы „рассыпанную сию храмину паки собрать“ [2] [3].

---

[1] П. С. З. III. № 1666. Т. IV. №№ 2327. 2349. 2433.

[2] П. С. З. V. №№ 2770. 2789. п. 15. Т. VI. № 3708. Т. VII. № 4337. См. Кизеветтер. Посадск. община, 132.

[3] Как указывает А. А. Кизеветтер в другом месте (Городовое Положение Екатерины II. 1909. Стр. 182 сл.), этот принцип деления городских жителей по профессиям, заимствованный Петром из остзейского права, однако не удержался и вскоре уступил место старинному делению „по животам и промыслам“, т.-е. по зажиточности. В 60-х г.г. XVIII ст. можно найти много примеров зачисления от’езжих к портам торговцев не в первую гильдию, как следовало по регламенту, а во вторую и даже в третью, очевидно исходя из их состоятельности. Городовое Положение 1785 г. принимает этот принцип: к пер-

Вместе с введением подушной подати для крестьян в размере 80 коп. с души, обложены были и городские обыватели по 40 алтын с души. Однако, и в том и в другом случае это был лишь средний оклад, который множился на количество душ той или иной категории и затем полученная сумма разверстывалась между ними, в зависимости от степени зажиточности плательщиков: „а им верстатися между собою городами по богатству". В гильдиях старосты должны были с согласия всех граждан уравнивать подушный сбор, „по рассмотрении каждого гражданина в пожитках состояния, самою сущею правдою, без лицеприятия,—чтоб пожиточные и посемейные облегчены, а средние и бедные семьянисты отягчены не были,—дабы в том никому, а наипаче бедным людям обиды излишние и, сверх возможности, тягости не было" [1]).

Упомянутые подушные деньги в 80 коп. с души крестьяне обязаны были платить и в случае перехода их в посад, переход же самый допускался свободно для всех крестьян— „вольно, чьи-б ни были", но под условием, чтобы торговые обороты их составляли не менее 500 руб., а если они везут товары к Петербургскому порту, то не менее 300 р. Мало того, даже беглые крестьяне, если они, долгое время пробыв в посаде, оказались помещичьими и дворовыми людьми, хотя и наказывались кнутом за утайку своего звания, но не отдавались обратно прежним владельцам, а записывались в посад, если они производили торги на указанные суммы в 300 и 500 р. [2]).

Но крестьяне, по общему правилу, предпочитали жить попрежнему у себя в деревнях и не нести посадского тягла. Могли ли они в этом случае заниматься торговлей? На это еще указ 1700 г. отвечал: торгующих или имеющих кожевенные и иные промыслы крестьян „взять в посады, а которые крестьяне не похотят, и им никакими торгами нигде не торговать и промыслов никаких не держать, и в лавках не сидеть, а жить им за помещиками". А в указе 1722 г. прибавлено: „а которые живут в деревнях, тем товары продавать в города градским посадским, а самим в городах и слободах не торговать; также таких в пристани морские не допускать торговать, ежели в посад не запишутся" [3]).

вой гильдии отнесены купцы с капиталом в 10—50 тыс. руб., ко второй с капиталом в 5—10 тыс. и к третьей—с капиталом в 1—5 тыс. Впрочем оно комбинирует этот принцип „пожиточности" все же с делением по характеру торговли: к 1-ой гильдии отнесены занимающиеся как внешним, так и внутренним торгом, ко 2-ой только внутренним, а к 3-ей мелочные торговцы.

[1]) П. С. З. VII. № 4623. 4624.

[2]) П. С. З. VII. № 4312. VIII. № 5953, п. 3.

[3]) П. С. З. VII. № 4312, п. 3.

Следовательно, если крестьянин не записался в посад, то он не мог ни торговать в городах и слободах, ни держать лавок, амбаров, погребов и промышленных заведений, ни „ездить“ к портам. Дозволялось только, как это было установлено еще Соборным Уложением, продавать товары на гостином дворе и, возов и стругов, но только оптом городским посадским.

Указом 1745 г. запрещалась торговля и во всех слободах и селах, расположенных „в ближнем от городов расстоянии“. А в таможенном уставе 1755 г. (гл. X, п. 4) говорится: „крестьянам позволяется в знатных селах и деревнях, состоящих по большим дорогам и не в ближнем от городов расстоянии, ради проезжающего народа и их необходимых крестьянских нужд, по приложенному при том пункте реестру (в него входят посуда, земледельческие орудия, одежда, сбруя, домашняя утварь и т. п.) мелочными товарами торговать... а кроме тех товаров другими, також в городах и слободах городских и кои слободы и селы расстоянием не далее пяти верст, отнюдь не торговать под конфискованием всех таких неуказанных товаров“ [1]).

Что касается дворян, то согласно тому же таможенному уставу 1755 г. (гл. II п. 9) им разрешается продавать только „домашние свои товары, которые в собственных их деревнях у них и у крестьян их родятся и за домовными расходами бывают в остатке, а не скупные у других“. Продавать их помещики могут „в тех городах, в которых те их деревни“ находятся, но могут „на продажу везти и в другие города“ и в обоих случаях сбывать и в розницу. Наконец, им дозволяется отправлять эти свои произведения „в морские российские пристани и на государственную границу, в том запрещения им чинить“, но только в этом случае „продавать им оптом, кому они похотят, а врознь отнюдь не продавать, под опасением конфискации“ [2]).

Таким образом, помещикам, в сущности, давалась возможность как торговать в городах повсюду оптом и в розницу, так и отправлять товары к портам и сбывать их оптом, и устанавливалось только одно ограничение—чтобы это были продукты, которые у них „родятся“, а не покупные.

Купцы всем этим были весьма недовольны—не только широкими правами, предоставленными дворянам, но еще в гораздо большей степени тем, что лица других сословий, в особенности крестьяне, вопреки запрещению им торговать,

---

[1]) П. С. З. XIV. № 10486. Гл. X, п. 4. См. также Кизеветтер. Посадская община, 16—17. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Вел. 127 сл.
[2]) П. С. З. XIV. № 10486. Гл. II. п. 9.

раз они не записались в купечество, все-таки производили торговлю в значительных размерах.

Их взгляд выражает Посошков, когда в 1724 г. пишет: „буде кто коего чина нибудь аще от синклита, или от офицеров, или от дворянства, или из приказных людей, или церковные причетники, или и крестьяне похотят торговать, то надлежит им прежний свой чин отставить и записаться в купечество, и промышлять уже прямым лицом, а не пролазом и всякие торги вести купечески с платежом пошлин, и иных каких поборов с купечества, равно со всем главным купечеством, и без согласия купеческого командира утайкою по прежнему, воровски ничего не делать“.

Особенно интересовал его крестьянский торг, по поводу которого он говорит: „а буде кой крестьянин может рублев на сто торговать, тот бы чей ни был крестьянин... то бы записался в купечество... а уже пахоть ему не пахать, и крестьянином не слыть, а слыть купеческим человеком и надлежит уже быть под ведением магистратским“. Вообще же говоря, „крестьяне знали бы свою крестьянскую работу, а в купеческое дело ни мало не прикасались бы“. „А буде кой крестьянин и богат, то бы он пустоши нанимал, да хлебом насевали тот излишний хлеб продавал бы, а сам у них крестьян у иных крестьян ни малого числа для прибыту своего не покупал бы“. В последнем и заключалась вся суть. Раз он „не взят в купечество“, то и не должен „вступаться“ в него, скупать у других товары, „а буде купит хотя одну осьмину, а кто... пришед в таможню, известит, то у того торгаша взято будет штрафу сто осьмин, а кто о том донесет, дать десять мин“ [1]).

Если „посторонних торговцев“, в особенности из крестьян „не унять, то весьма обогатитись купечеству невозможно и собранию пошлинной казны умножиться не от чего будет“. Эта точка зрения, высказываемая Посошковым, проходит красной нитью и чрез доклады депутатов от городов в Екатерининской комиссии 1767 года.

Российское дворянство—заявляет депутат от купечества Рыбной слободы (впоследствии Рыбинска)—приняло уже положение, которого лучше нельзя и желать. Оно пожаловано вольностию, пользуется многими другими преимуществами, владеет деревнями. Поэтому и купечество, полагая свою надежду на высочайшие щедроты, уповало, что и оно не останется без милостивого призрения и получит способы к поправлению бедного своего состояния, а через то избавится от стыда перед счастливыми европейскими купцами. Но вместо

---

[1]) Иван Посошков. Книга о скудости и богатстве (Памятники русск. истор. 1911). Стр. 48—49.

ожидаемого поправления русскому купечеству, готовится большое отягощение, как будто оно не нужно для государства. Вместо того, чтобы в силу указов Петра В. утвердить за купечеством его права и вольности, многие депутаты, напротив, предлагают, чтобы как благородному дворянству, так и крестьянам предоставлено было пользоваться купеческим правом, отчего купечество неминуемо придет в разорение, а с этим и коммерция в совершенный упадок. Ибо хотя ныне крестьянам и разночинцам и запрещено по закону торговать, но, несмотря на это, купцы терпят от них много обиды и помешательств. Что же будет тогда, когда законом всякому дозволено будет торговать?

Дворянству, по общему мнению, торговать неприлично и званию его несвойственно—заявляет другой депутат от городов—равно как и крестьянам и разночинцам. Эти последние должны упражняться единственно в земледелии и рукоделии и продавать только то, что производится их хозяйством, а не перепродавать, что принадлежит одним только купцам [1]).

Депутаты приводят слова из „Наказа" Екатерины II, что „земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно" (ст. 313), ибо „не могут быть там ни искусное рукоделие, ни твердо основанная торговля, где земледелие в уничтожении или не значительно производится" (ст. 294). Поэтому „не худо было бы давать награждение земледельцам, поля свои в лучшее, пред прочими, приведшим состояние" (ст. 299). Так поступают, по словам Екатерины, в Китае, где „богдохан ежегодно уведомляется о хлебопашце, превозшедшем всех прочих в своем искусстве, и делает его членом осьмого чина в государстве. Сей государь всякий год с великолепными обрядами начинает пахати землю сохой своими руками" (ст. 298). В „Наказе" же царица „указала всякому сословию присущий ему род деятельности и ни одно из них не должно касаться других и делать им помешательство". „Земледельцы живут в селах и деревнях и обрабатывают землю... и се есть их жребий" (ст. 358). Напротив, „в городах обитают мещане, которые упражняются в ремеслах, в торговле, в художествах и науках... Сей род людей... от которого государство много добра ожидает, если твердое на добронравии и поощрении к трудолюбию основанное положение получит, есть средний... Оный, пользуясь вольностию, не причисляется ни ко дворянству, ни ко хлебопашцам" (ст. 358, 378, 379).

Однако, депутаты от крестьян, к которым присоединились казаки и татары восточных губерний и на стороне которых в большинстве случаев стояли и депутаты от дворянства,

---

[1]) Истор. свед. о Екатерин. ком. II. 38. 49. 118. 314.

7*

ибо дворянам выгодна была торговля их крестьян и устройство ярмарок в поместьях,—возражали этому „среднему роду людей“, что „пользуясь вольностью“, оно не должно создавать другим „родам людей“ отягощения, отчего „бедный народ придет в крайнюю скудость и убожество“. Это должно случиться, если будет постановлено, чтобы земледельцы продавали все произведения земли купцам гуртом и им придется, в виду отсутствия купцов во многих городах, отвозить свои произведения в дальние города, где есть купечество, верст за двести и более. Раз крестьянам приходится везти свои „домашние товаришки“ в город к купцу, то они уже не могут повезти их обратно, а вынуждены отдать их по той цене, какую купец назначит, да еще с просьбами и поклонами. Кроме того, они на возвратном пути вырученные деньги истратят без остатка на себя и на лошадь и таким образом придут со всем своим домом в крайнюю бедность [1]).

Что же получится от этого? Земледелец обязан будет продавать излишки своих продуктов купцу для того, чтобы сей последний мог продать оный другому земледельцу, имеющему в нем нужду, наложив при этом цену по своему произволу (не говоря уже о мере и весах, „устроенных жадностию к прибытку“); но такое действие почесть можно скорее данью, собираемою с общества земледельцев, чем торговлею, приносящею пользу государству. Недопущение торговли привело бы крестьян в „крайнее изнеможение“ и было бы несогласно с „натуральным“ правом, тогда как при существовании ее земледелец, „не имея в виду запрещения свободно продавать свои произведения, будет прилагать большее трудолюбие для их размножения“.

И они ссылались на положение „Наказа“: „торговля оттуда удаляется, где ей делают притеснение, и водворяется тамо, где ее спокойствия не нарушают“ (ст. 317). А государыня, „премудрая отечества мать“, желает видеть свой народ „столь счастливым и довольным, сколько далеко человеческое счастие и довольствие может на сей земле простираться“

Указом 1778 года „о приведении купечества и их торговли в хорошее состояние“, со ссылкой на прежние акты, начиная от Соборного Уложения, подтверждено запрещение крестьянам торговать в городах или слободах,как и в селах, за исключением лишь знатных сел и деревень, находящихся от городов не ближе пяти верст. Но и доступ к купечеству для них затруднен, ибо для вступления в купечество крестьянин обязан заплатить тысячу рублей за себя и по 500 руб. за детей, в ревизскую перепись вступивших, и кроме того, хотя установлено записывать в гильдии по капиталам от

---

[1]) Ист. сведен. II. 81. 96. 105. 169. 232.

500 до 10 тыс. рублей, но для крестьян этот размер повышен от 1 до 15 тыс.

При этом указ еще считает нужным оправдывать не стеснения, чинимые крестьянам, как можно было бы ожидать, а вообще допущение их к торгу, к записи в гильдии. Исходной точкой, следовательно, является полное устранение крестьян из области торговли, как это было в допетровскую эпоху. Указ становится всецело на точку зрения купечества, рассматривает последнее, как замкнутое сословие, резко отделяет город от деревни. А между тем, законодатель сам сознает, что „есть ли всех крестьян, здесь и в других местах при торгах обращающихся, вдруг отлучить от торгов и употребить их к свойственной их звания должности и в купечество не отпускать, оное не только ни малой удобности принести не может, а послужит некоторым упадком в купеческом капитале; ибо весь нажитой здесь крестьянами от купечества капитал должен остаться не в том уже обращении, от которого купечество может пользоваться. Да к тому ж и всякий крестьянин, живучи весьма долговременно при торговых промыслах, не употребляясь ни мало к земледелию, не может уже быть столь полезен в крестьянстве, кои от малолетства упражняются в оном".

Казалось бы, из этого пространного об'яснения неминуемо следует, что крестьянам вообще не следует препятствовать заниматься торговлей, ибо иначе капитал, нажитый ими, уже не останется „в том обращении, от которого может купечество пользоваться", и во всяком случае не следовало бы столь стеснять запись их в гильдии. Но это была эпоха борьбы города с деревней не только у нас, но и на Западе; там запрещали устройство лавок в городах, у нас—занятие торговлей крестьянам [1]).

Существенную роль играла и внутренняя торговля иностранных купцов. Хотя русское правительство попрежнему держалось того принципа, что иностранцам полагается заниматься только экспортом и импортом, почему они должны жить в пограничных городах и продавать товары оптом из гостиных дворов, но на самом деле их деятельность вовсе не ограничивалась этими пределами. Торговать вообще дозволялось даже местным жителям лишь в рядах и гостиных дворах, но не в домах; исключение делалось лишь для питей и так называемых нюрнбергских товаров. В виду провоза в большом количестве контрабандных товаров из-за границы, что обнаружилось при внезапном обыске у иностранных купцов в 1732 г., жителям Петербурга запрещено было

[1]) См. мои Лекции по истор. экон. быта Зап. Евр., 6 изд. Ч. II. Отд. 3-й. IV. Гл. 5.

„под потерянием по уставу всех имеющихся товаров и сверх того под опасением телесного и смертного наказания“ держать и продавать в розницу какие бы то ни было товары на дому и предписывалось в течение 4-х дневного срока перевезти все товары на гостиный двор в лавки.

По этому поводу англичанами было сделано представление, из которого видно, что они в значительных размерах торговали не только оптом, но и в розницу и притом в своих домах. Английский резидент Рондо указывал на то, что пункты о недержании товаров на дому и о запрещении розничной продажи нуждаются в пояснении, какие именно товары купцам позволяется хранить у себя на дому и какие запрещено продавать в розницу. Купцы не думают, чтобы указ имел своею целью запретить им держать у себя в погребах вина, напитки и другие погребные товары и хранить у себя на дворе громоздкие товары, которые нельзя поместить в амбарах, а именно: уголь, жернова и точильные камни, ящики со стеклами, дерево „лигнумвите“ и проч. Многие товары требуют сухого помещения, как-то: мебель зеркала, стенные часы; иные же, напр., золотые и серебряные сервизы и драгоценные каменья, нельзя держать в амбарах не только из-за боязни похищения, но и потому, что там невозможно выставить их на показ. Из этого заявления видно, что самыми разнообразными товарами, начиная от угля, жерновов и точильных камней, стекла и дерева, вплоть до часов и зеркал, вещей из золота и драгоценных камней, иностранцы торговали у себя на дому, а вовсе не в гостиных дворах; и притом продавали их не только из амбаров, но также из открытых для публики лавок—об этом свидетельствует указание на то, что они выставляются на показ [1]). Такие выставки в окнах или в виде особых стеклянных шкапчиков, прикрепленных к стене, составляли в это время новшество не только у нас, но и на Западе, где такого рода реклама в это время впервые появляется, и то только в таких городах, как Париж и Лондон [2]).

Эти выставки нужны были лишь в случае розничной продажи; и действительно, мы узнаем из дальнейшего, что англичане производили розничную торговлю, несмотря на строгое запрещение ее иностранцам. Именно английский резидент указывает на то, что купцы выписывают из-за границы много таких товаров, которых лавочники и простые люди оптом и не покупают, как-то: домашние уборы, золотые и серебряные сервизы, алмазы, карманные часы; лучшие вина, водки и иные погребные товары также продаются в Петербурге только

---

[1]) Остроухов, 85—86.
[2]) См. мои Лекции по истор. экон. быта, 6 изд. Ч. II. Отд. IV.

лицам, которые покупают их на свой обиход. Имелись, следовательно, магазины, в которых иностранцы продавали в розницу предметы роскоши: дорогие вина и водки, бриллианты, золотые и серебряные вещи, зеркала, стильную мебель (кабинеты), часы стенные и карманные—и часы являлись в то время весьма дорогими вещами, которые не только у нас, но и на Западе носила лишь знать или которыми украшали гостиные [1]).

Любопытно, что русское правительство мирилось с таким нарушением своих постановлений, ибо когда англичане в своей „промемории" признались во всем этом и просили отмены приведенного указа 1732 г., которого они боялись ввиду установленных в нем жестоких наказаний, то им было сообщено, что хотя указ, только что изданный, отменить неудобно, но он на практике применяться не будет. Этим узаконялась розничная продажа товаров иностранцами из устроенных ими магазинов.

В 1666 г., при заключении русско-английского договора, англичане добивались того, чтобы им дано было право продавать товары друг другу. Русское правительство находило, что этот вопрос касается внутреннего законодательства и в договоре разрешен быть не может [2]). Напротив, в трактате 1797 г. „соглашеносъ", чтоб подданным обеих сторон (ст. 4) „позволено было держать" товары „в своих домах или магазинах, продавать или менять оптом, свободно и без притеснения, не принуждая их записываться в мещанство того города или места, где они будут жить и торговать" (последнее было установлено Городовым Положением 1785 г.) [3]).

Георги в своем „Описании" С.-Петербурга 1794 года сообщает о том, что „иностранное купечество отправляет единственно торг оптом и по большей части по комиссиям". Но несколькими страницами дальше он прибавляет, что „некоторые из иностранных купцов, кои по состоянию своему удобнее могут отправлять торг в розницу, нежели

---

1) См. мои Лекции. 6 изд. Т. II. Отд. 3-й. I.

2) Мартенс. Собрание трактатов и конвенций. IX. 229—30.

3) В самом же трактате была установлена в сущности еще большая „вольность" для английских купцов, ибо в „артикуле" 7-м сказано: „а как намерение обеих высокодоговаривающихся держав и предмет сего трактата клонится к облегчению взаимной подданных и коммерции и к распространению пределов и взаимной пользы от оной: то соглашенось, чтоб британские купцы, в российских областях торгующие, в случае смерти, чрезвычайной нужды и необходимости, когда не останется к получению денег другого способа, или же в случае банкрутства, имели свободу распоряжать вещами своими, состоящими в российских ли или чужестранных товарах, таким образом, как то интересованные персоны за полезное признают"—определение весьма растяжимое и двумысленное.

оптом, достигают намерения своего, записавшись во 2 или 3 гильдию. Многие из них завели находящиеся ныне здесь во множестве английские и французские, немецкие и голландские магазины, сверх того, магазины для женских уборов, модные, мебельные магазины и проч.“ [1]).

Вопрос об этих магазинах обсуждался в „мнениях“, поданных в „особенное собрание“, которое было созвано в 1793 г. в связи с падением вексельного курса. В докладной записке, представленной от имени большинства русских купцов, наряду с предложением пресечь „вкоренившийся“ крестьянский торг иностранными товарами, совершаемый „под всякими ложными видами“,—в качестве „средства“ к возвышению курса выдвигается в первую очередь проект запретить мелочную торговлю, производимую „в противность городового положения“ иностранцами не-русского подданства; это „злоупотребление“ распространилось настолько, что таковые иностранцы, содержа „в домах магазины“, подрывают и разоряют природных здешних купцов и мещан. В другом мнении (купца Самойлова) также дается совет „отрешить товарные в домах магазины“, принадлежащие не-русским подданным, а заодно запретить иностранцам записываться в российское купечество.

Но какое отношение эти „товарные в домах магазины“, столь неприятные русским купцам, могли иметь к вексельному курсу? В мнении купца Девкина говорится о необходимости запретить их „яко гнезда роскоши и мотовства“. Роскошь же—читаем в другой записке вологодского купца Большого-Лаптева — „вредна потому наипаче“, что оная состоит из таких вещей, „за которые платить не внутри государства, а за море переводить должно“, а эти магазины привели к тому, что товары, которые прежде употреблялись в одних только знатных домах, ныне вошли почти во всеобщее употребление. Иностранцы же, получа „чрезвычайный барыш от продажи выписанных по удобному сношению с иностранными фабрикантами на великие суммы ненужных товаров, деньги переводят за море“. Таким образом, продажа „прихотных“ товаров иностранцами и переход барышей в руки их, а не купцов, ведет к отливу звонкой монеты за границу и роняет вексельный курс.

Соответственно этим заявлениям, „особенное собрание“ в своем заключении обращает внимание на домовые магазины иностранцев с модными товарами, которые не только противоречат Городовому положению и причиняют „великий подрыв всему природному российскому купечеству“, но и наносят „непомерный вред государству“, увеличивая ввоз

[1]) Георги. Описание и т. д. 205. 209.

иностранных „роскошных и не нужных“ товаров. Владельцы их, обогатившись „толь легким образом“, наконец уезжают „в свои отчизны“ и увозят „безвозвратно все скопленные неправедными способами капиталы“ и там „делятся с товарищами своими, кои, живучи за морем, участвовали с ними во всех выгодах и преимуществах, природному российскому купечеству и мещанству высочайше дарованных“. Так что снова выступает на сцену „подрыв природному купечеству“ [1]).

В этом заключении упоминается о существовании модных магазинов как в обеих столицах, так и вообще в больших городах, где они, очевидно, являлись первыми лавками, открытыми вне рядов и гостиных дворов и устроенными на европейский манер. Как и первые магазины современного характера на Западе, они имели в виду богатую публику, сбывая предметы роскоши, и вероятно были изящно обставлены, имели витрины и выставки [2]).

---

[1]) Фирсов. Правит. и общ. 129. 134—135. 137. 151—152.
[2]) См. мои Лекции. Т. II. Отд. 4-ii.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Товарообмен в XIX веке. Вывоз и привоз.

В первой половине XIX ст. (1800—1860) обороты нашей внешней торговли развивались следующим образом:

(в среднем за год в тыс. руб. зол.) [1]):

	Вывоз.	Привоз.	Общий оборот.
1801—05	75.108	52.765	127.873
1806—08	43.169	31.819	74.988
1812—15	61.986	39.106	101.092
1816—20	91.712	70.049	161.761
1821—25	81.372	72.250	153.622
1826—30	85.715	79.687	165.402
1831—35	94.319	80.999	175.318
1836—40	118.435	101.096	219.531
1841—45	132.323	119.864	252.187
1846—50	151.757	131.522	283.279
1851—55	133.173	129.962	263.135
1856—60	225.594	205.866	431.460

Сравнивая начальный и конечный пункт, получаем увеличение оборотов за промежуточный период почти в $3^1/_2$ раза (вывоза в три раза, привоза в четыре раза). Но рост не отличается равномерностью. Этому препятствовали войны— сначала Наполеоновские, затем Крымская война, в области вывоза возрастание задерживается и в 30-х годах. Но еще гораздо быстрее чем до 60-х годов, рост в следующие полвека—в 1909—13 г.г. вывоз достигает (в среднем) $1^1/_2$ миллиарда, привоз 1.140 миллиард. р.—увеличение в 7 и $5^1/_2$ раз, а всего оборота в 6 раз (с 431 до 2.640 тыс. руб.).

---

1) Сборн. свед. по ист. и статист. внешн. торговли, под ред. В. И. Покровского 1902. Стр. XXXIV.

В XVIII ст. товарообмен совершался почти исключительно морем (см. выше, стр. 212); сухопутная торговля еще к концу этого столетия имела совершенно минимальное значение (менее 6 проц. всего оборота). В начале XIX ст. (1802—04) она возрастает до 12 проц. оборота в области вывоза и до 22 проц. в сфере привоза, а в половине XIX ст. сухопутный вывоз достигает 27 проц., привоз 37 проц. оборота. Роль сухопутной торговли, следовательно, растет, но крупные размеры она приобретает лишь во второй половине XIX ст., под влиянием развития железнодорожной сети. В 1908—12 г.г. (в среднем) привоз по сухопутной границе (533 мил.) превышает половину всего привоза (53 проц.), тогда как вывоз (365 мил.) доходит всего до четверти экспорта — вывоз попрежнему совершается морем.

Морская торговля к концу XVIII ст. сосредоточивалась почти исключительно на Балтийском море—остальные моря, в том числе Черное с Азовским, к тому времени не играли никакой роли. Это положение не меняется и к началу XIX ст.—85 проц. привоза и 91 проц. вывоза идет на порты Балтийского моря. Лишь к половине XIX ст. участие его в экспорте падает до 61 проц., ибо третья часть всего экспорта—это в особ. экспорт хлеба—переходит к Черному и Азовскому; тогда как в импорте на долю Балтийского моря и теперь приходится свыше четырех пятых—84 проц. Здесь уже намечается то важное положение, которое южным морям суждено было занять впоследствии в отношении вывоза русских произведений, где они с течением времени выдвинулись на первое место. В начале XX ст. Черному морю с Азовским принадлежит в области вывоза первое место (в 1908 — 12 г.г. в среднем 550 милл., Балтийское 430 м.) — в силу опять-таки экспорта хлеба — тогда как в отношении привоза оно сильно отстает от Балтийского (Балтийское дает 350 м., Черное с Азовским всего 84 м. или одну четверть) — в особенности весь привозимый каменный уголь идет ведь на Балтийские порты [1]).

По исчислениям Гулишамбарова, обороты нашей внешней торговли составляли к началу XIX ст. ок. 4 проц. (3,7) всего мирового товарообмена (107 милл. из 2.860) и тот же процент сохраняется и полвека спустя—3,6 (284 милл. из 7.875), не изменяется значение России в мировом обмене и в 80-х годах и к концу XIX ст. (3,8 и 3,4 проц.) [2]). На первом месте стоит во все эпохи Великобритания — в 1800 г. 22 проц., в 1850 г. 20 проц. всего мирового оборота; если

---

[1]) Сборн. свед. по ист. и стат. внешн. торг., XXXV. Филиппов. Очерк условий развития отечест. торг. мореплавания. 1916, стр. 24 сл. 35 сл. 65.

[2]) Гулишамбаров. Всемирн. торг. XIX ст. Энцикл. Слов. Т. 33.

взять одни только европейские государства, то доля Англии получается (в нач. 40-х г.г., по Редену) в 37 проц. [1]).

В частности Англия „первенствовала обширностью своей внешней торговли" и у нас—так это было в XVIII ст. (см. стр. 191 сл., 218 сл.), осталось и в первой половине следующего. Согласно В. И. Покровскому, в 1846—48 г.г. ровно третья часть нашего товарообмена (33,6 проц.) находилась в ее руках, именно 37 проц. вывоза и 29 проц. привоза; тогда как участие Германии в то время не превышало 11 проц. (8 по вывозу и 16 по привозу), Франции 10 проц. (10,4 и 9,2). Для периода 1849 — 53 г.г. тот же автор., взяв одну лишь торговлю России по Европейской границе, получает для Англии 49 проц. по привозу и 34 проц. по вывозу, для Пруссии всего 5,5 (вывоз) и 11,2 проц. (привоз), для Франции—7,1 и 10,8 проц. В вывозе нашем по Азиатской границе почти две трети приходится на Китай (60 проц.), в привозе оттуда только две пятых (44 проц.); вообще Китай (в обмене по всем границам) занимает 4-е место — вслед за Англией, Германией, Францией [2]). В этом выразился оживленный обмен, преимущественно в Кяхте, русских мехов, бумажных тканей, шерстяных материй и юфти на китайский чай, в котором состоял почти весь привоз из Китая.

Писавший в 1850 г. Г. П. Неболсин также приходит к тому выводу, что в вывозе сырых материалов и других товаров (кроме хлеба) доля Англии (в 1842—46 г.г.) достигает почти половины (48 проц.), но должна еще более увеличиться, если иметь в виду, что большая часть товаров, вывозимых в прусские порты, отправляется также чрез Мемель, Кенигсберг и Данциг в Великобританию и туда же идут почти все товары, об'являемые к вывозу „в Зунд" и фигурирующие под этой рубрикой; по прибытии туда, в Гельсингер, корабли получают приказы о дальнейшем следовании.

Напротив, вывоз в Германию (в Пруссию и Ганзейские города—последние не входили в состав Германского таможенного союза) был в середине XIX ст., повидимому, гораздо ниже, чем это кажется на основании статистических записей, ибо значительная часть вывозимых туда товаров предназначена была для других мест. Так, напр., лес шел чрез прусские порты, дальше в Англию, Францию, Голландию; шерсть, доставляемая на Бреславльские ярмарки, приобреталась там не только немцами, но и для английских, французских, бельгийских суконных фабрик; почти все русские меха, отправляемые морем в Любек или Штетин или чрез австрийскую

---

[1]) Reden. Allgem. vergleich. Handels- und Gewerbs-Geographie und Statistik. 1843

[2]) Сборн. свед. XXXII. XXXVIII.

границу на Броды, свозились в Лейпциг, где их закупали торговцы из самых различных стран Европы; полотна чрез Ганзейские города вывозились в Америку.

Но подобным же образом далеко не весь хлеб, который в то время экспортировался из наших черноморских портов в Константинополь, Триест, Геную, Ливорно, Марсель, может быть отнесен на счет вывоза в эти южные страны. Большая часть его лишь сладывалась там до получения заказов, а затем везлась дальше, в особ. в Англию и Францию. Поэтому-то на долю Англии приходилось и в области нашего хлебного экспорта значительно больше тех 2,2 милл. руб. или 13 проц., которые показывает статистика.

„Исчислив все истоки заграничного сбыта наших сырых произведений, находим, что, по огромному расходу их в Великобритании, это государство имеет в нашей отпускной торговле значительный перевес над другими странами Европы“ [1]). Это видно из следующих данных по вывозу из России вообще и в Англию в частности за 1842—46 г.г.

		Вывоз вообще.	В том числе в Англию.
Лен.	тыс. пуд.	3.120	2.418
Пенька	„ „	2.649	1.852
Шерсть.	„ „	709	232
Сало животное . .	„ „	3.364	3.018
Кожи сырые. . . .	„ „	145	53
Щетина	„ „	74	45
Льняное семя . . .	тыс. четвер.	1.097	530
Лес	тыс. руб.	2.939	1.353

Но из Англии поступала и третья часть всех привозимых к нам товаров. Она доставляла всю получаемую из-за границы для обработки на бумаготкацких фабриках бумажную пряжу, половину привозимых к нам (производимых в колониях) пряностей, около половины красильных веществ (сандала, индиго, кошенили), почти половину бумажных тканей, третью часть шерстяных материй.

В конце XVIII ст. в Англии совершился крупный переворот—появилась новая техника, машины. И в течение всей первой пол. XIX ст. Англия являлась монополистом—она пользовалась машинами, в то время, как весь остальной мир еще работал ручным способом. Она и снабжала мировой рынок изделиями своих машин. Для этого ей нужно было сырье в обширных размерах. Россия (наряду с Соед. Штатами и британскими колониями) и являлась поставщиком

[1]) Неболсин. Статистическое обозрение внешней торговли России. 1850. Ч. II. Стр. 456 сл.

сырья для английских фабрик—льна и пеньки, шерсти, сала, кож, щетины, льняного семени. А в то же время — как доносил в 1807 г. Савари Наполеону I—произведения английской промышленности были повсюду распространены в России. Англия доставляет дворянам сукно для их одежды, мебель для их домов, посуду для их стола, все, включая до бумаги, перьев и чернил, и, подчиняя себе их вкусы и привычки, она связала Россию с собой тонкими, но бесчисленными и прочными узами [1]). Еще в середине XIX ст. русский помещик носил фрак, который составлял в то время повседневную форму одежды, из „аглицкого“ сукна, действительно привезенного из Англии, а не изготовленного в России (последнее его не удовлетворяло), белье из английского тонкого полотна; те немногие фабрики, которые в то время у нас были, пользовались машинами, выписываемыми из той же Англии.

Картина изменилась лишь во второй пол. XIX ст. и к началу XX ст. (1909—13 г.г.) 44 проц. привоза и 29 проц. вывоза приходилось на долю Германии. Англия была отодвинута на второй план (привоз 13 проц., вывоз 20). За ней следовали в области вывоза Голландия (12) и Франция (6 проц.), в сфере привоза Китай и Соед. Штаты (7 и 7 проц.) На самом деле вывоз в Германию превышал 29 проц., ибо значительная часть русского хлеба, показанного в качестве вывезенного в Голландию, в действительности шла транзитом в Германию [2]).

Это вытеснение Англии Германией совершилось под влиянием перемены в характере нашей внешней торговли, как и в связи с промышленным развитием Германии с конца XIX ст. Место прежнего дворянина, закупавшего дорогие английские товары лучших сортов, занял массовой потребитель текстильных, металлических, химических, кожевенных и всякого рода иных изделий, которые Германия стала доставлять ему по дешевым, доступным ему, ценам. Она же снабжала развивавшуюся русскую промышленность каменным углем, хлопком, машинами — блестящее развитие ее металлургической, каменноугольной, электротехнической, машиностроительной индустрии давало ей эту возможность, а уменье приноровиться к вкусам и потребностям русского

[1]) Vandal. Napoléon et Alexandre I. T. I, p. 40.

[2]) В 1913 г. мы вывезли четырех главных хлебов (пшеницы, ржи, ячменя и овса) 517 милл пуд., из них в Германию 166, в Голландию 125 милл. пуд., по данным нашей статистики. По германской же статистике, привезено из России 3.861 тыс. тонн или 235 милл. пуд., т.-е. почти на 70 милл. пуд. больше, чем по нашим данным. Повидимому, эти 70 милл. надо в значительной мере вычесть из вывоза, показанного у нас под Голландией (отчасти из вывоза в Бельгию и в другие страны).

массового покупателя (реклама, коми-вояжеры, долгосрочный кредит) облегчало ей достижение цели. А Россия взамен этого давала ей хлеб, в котором Германия нуждалась с 70-х годов, и сырье для ее фабрик и заводов—лес, кожу, лен, меха, шерсть, нефть, которые частью возвращались к нам обратно в переработанном виде.

Неболсин указывает на ограниченное участие русского купечества во внешней торговле еще и в середине XIX ст., вследствие чего она остается попрежнему в зависимости от иностранцев. „Коренные русские купцы ведут свои коммерческие дела большею частью с портовыми комиссионными конторами, не производя заграничного торга на собственный счет". „Весьма немногие имеют прямые сношения с заграничными торговыми домами". Из „Видов торговли" (официального издания) можно усмотреть, что в 1847 г., когда вывоз составлял 134 милл. руб., коренными русскими купцами отправлено товаров всего на 3 милл., т.-е. менее 3 проц., а из всего привоза ими выписана всего девятая часть. В списке купцов, производящих торг при петербургском порте на сумму свыше 50 тыс. руб., числится не более 20 русских фирм, обороты которых составили 8 милл. р., тогда как обороты иностранных фирм 94 милл. А в Одессе, Таганроге и других южных портах купечество состоит из греков и итальянцев и нет ни одного коренного русского. Только меновая торговля с Китаем находится в руках русских купцов, да и то лишь потому, что иностранцы к ней не допускаются, остальную же азиатскую торговлю русские также мало производят, предоставляя ее армянам, татарам, бухарцам, персам. Причина всего этого, по мнению Неболсина, заключается в недостатке коммерческих сведений, приобретаемых „коммерческим воспитанием, которое одно может возвысить купца на степень образованного негоцианта".

В частности результатом отсутствия торговых связей является привоз различных товаров не из мест их произрастания или выделки, а из других стран-посредниц. Так, среди произведений южных стран фрукты, масло деревянное, соль доставляются к нам оттуда непосредственно, напротив, испанские и португальские вина привозятся из Англии, итальянский шелк—из Пруссии и Любека. Но точно также промышленные изделия английские, французские, швейцарские, приобретаемые для России на Лейпцигских ярмарках, доставляются оттуда на Любек и Штетин. Отсюда и действительные суммы привоза из той или другой страны не совпадают с соответствующими записями.

Но иностранцы обращают в свою пользу и выгоды от перевозки товаров между Россией и другими государствами. Даже в год необыкновенного оживления в хлебной торговле,

в 1847 году, когда в наши порты прибыло и отбыло до 14 тыс. судов, среди них имелось менее 2 тыс. (1.786) под русским флагом или всего 12 проц. Считая груз этих иностранных судов в 168 милл. руб. (всего перевезено в этом году товаров на 191 милл. руб.) и принимая фрахт, по самому умеренному счету, в 10 проц., получаем потерю России в 16 милл. руб.

Да и у тех немногих судов, которые плавают под русским флагом, одно название русских судов. Одни из них ладьи, употребляемые лишь в сношениях между беломорскими портами и Норвегией, на других, выходящих из наших южных портов, экипаж состоит из греков, а все остальные принадлежат Финляндии [1]).

Как мы видим, в смысле инициативы и предприимчивости в области торговли, установления непосредственных сношений, развития торгового мореплавания Россия и к середине XIX ст. немногим ушла вперед по сравнению с эпохой XVIII ст.

И Семенов, писавший через несколько лет после Небольсина (в 1859 г.), признает, что „не имея собственных торговых домов за границей, русское купечество принуждено обыкновенно обращаться с поручениями к иностранным домам", иностранец же, действуя как комиссионер заграничных домов, „и при отправлении за границу наших товаров избирает для этой перевозки преимущественно пред русским свой отечественный корабль". Русские судохозяева, не в состоянии „состязаться с чужеземными кораблями даже в собственных портах, а тем менее в иностранных, где русских торговых контор вовсе не существует и где консулы наши, большею частью быв тамошними уроженцами, не берут на себя труд достать нашему кораблю какой-либо груз". Отсюда „нахождение всей нашей внешней торговли в руках иноземцев" и „охлаждение духа нашего купечества к заведению своих собственных кораблей для непосредственных заграничных сношений".

В целях борьбы с этим Семенов рекомендует „приспособлять и образовать детей купцов" в области „истинно-торгового образования", давать им „практическое торговое направление"; этому препятствует запрещение выдавать заграничные паспорта до достижения 21 года, так что невозможно посылать детей за границу. „Дабы возвысить в понятии народном почетное поприще отечественной внешней торговли", он считает необходимым „отличить наименованием" „образованного человека, производящего заграничный торг, от простого сидельца в лавке", а не включать их в те же гильдии. „Справедливость в оборотах и торговая честность—

---

[1]) Небольсин, II. 460—64.

поясняет автор—теряется почти совершенно в большинстве мелких лиц, одного с ним сословия, но далеко отстоящих от него в образовании и понятиях о чести; следствием подобной несообразной смеси просвещения и необразованности бывает уклонение от сословия многих благовоспитанных детей купечества".

Развитие судоходства в наших портах Семенов изображает в следующих цифрах:

	Число судов.	Их вместим. в тыс. ласт.	В том числе Русск. судов.	Их вместим. в тыс. ласт.
1802—04 . . .	7.530	576	697	54
1814—15 . . .	7.558	584	1.866	158
1820—21 . . .	8.023	637	1.379	118
1824—26 . . .	7.415	607	1.199	82
1848—50 . . .	13.202	1.209	2.110	193
1851—53 . . .	17.752	1.560	2.202	178

Получается, что за пол-века число судов увеличилось в $2^1/_2$ раза, а тоннаж их в три раза, но для русских судов повысилось лишь с $^1/_{11}$ до $^1/_8$, а тоннаж их с 9 до 11 проц., причем в значительной мере—как он сам прибавляет—это явилось результатом присоединения финляндских судов.

Что касается, наконец, капитала, помещенного в торговле, то он отмечает увеличение его, но находит, что много капиталов вместо помещения в торговых предприятиях лежат праздно в кредитных учреждениях. На рост капитала в стране указывает учреждение многочисленных частных промышленных предприятий, крупные обороты по казенным подрядам и винным откупам, быстрое распространение акций Главного общества железных дорог, возникновение 15 обществ на паях с капиталом в 23 милл. р., наконец наличность вкладов в кредитных установлениях, по отчету 1856 г., на 1 миллиард руб., причем прирост их (за вычетом извлеченных вкладов) в этом году составил $47^1/_2$ мил. [1]).

———

С начала XIX ст. среди вывозимых из России товаров постепенно приобретает все большее и большее значение экспорт хлеба. Как мы видели выше (см. стр. 139—40), в XVII ст. хлеб принадлежал к числу заповедных товаров и вывоз его допускался лишь с особого каждый раз разрешения и по спе-

[1]) Семенов. Изучение историч. свед. о российск. внешн. торг. и промышл. 1859. Т. III. Стр. 231—39. 242—43.

циальным ходатайствам иностранных государств. И в XVIII ст. еще многократно устанавливались запрещения вывоза хлеба, ибо опасались недостатка его в стране и под'ема цен. Иностранные государства по общему правилу довольствовались своим хлебом и только в неурожайные годы обращались в другие страны, в том числе и в Россию; только южная Европа более или менее систематически получала хлеб, привозимый голландцами главным образом из Пруссии, Польши, Мекленбурга. Положение стало изменяться лишь с конца XVIII ст., когда Англия, в виду быстрого роста своего населения и отлива большого числа рабочих рук в города на вновь возникшие фабрики, оказалась не в состоянии кормиться собственным хлебом и стала его привозить из-за границы. С этим совпадает и начало экспорта русского хлеба из вновь присоединенных новороссийских губерний и на вновь завоеванные Россией черноморские и азовские порты (см. выше, стр. 216); в 1786 г. вывезено оттуда 69 тыс. четвертей пшеницы, а в 1793 г. вдвое больше—162 тыс.

В дальнейшем вывоз хлеба возрастал следующим образом (в среднем за год):

	Ценн. всего вывоза.	Ценн. хлеб. вывоза.	Отнош. ценн. хлеб. вывоза к ценн. всего вывоза (в проц.).
	В миллион. руб. ассигн.		
1802—07 . . .	63,0	11,8	18,7
1812—15 . . .	171,3	18,0	10,5
1816—20 . . .	237,7	74,2	31,2
1821—25 . . .	207,2	17,5	8,4
1826—30 . . .	226,8	35,6	15,7
1831—35 . . .	222,0	34,1	15,4
1836—40 . . .	308,3	55,7	14,8
	в миллионах кредитных руб. [1]).		
1841—45 . . .	88,4	14,5	16,4
1846—50 . . .	106,5	33,3	31,3
1851—55 . . .	92,9	27,6	29,7
1856—60 . . .	165,6	58,1	35,1

Вывоз отдельных хлебов выразился в следующих цифрах (средн. за год в тыс. пуд.):

---

[1]) Для сравнения кредитных руб. с ассигнациями нужно первые увеличить приблизит. в $3^1/_2$ раза.

	По четырем хлебам вместе.	Пшеница.	Рожь.	Ячмень.	Овес
1801—05. . . .	19.873	10.646	—	—	—
1806—10. . . .	5.120	1.768	—	—	—
1811—15. . . .	9.089	5.122	—	—	—
1816—20. . . .	29.655	17.300	8.267	1.702	2.386
1821—25	10.071	8.418	729	722	202
1826—30. . . .	23.950	13.558	6.421	1.696	2.275
1831—35. . . .	18.469	10.728	5.425	1.232	1.084
1836—40. . . .	28.831	20.934	4.900	1.453	1.544
1841—45. . . .	27.205	21.556	3.434	1.315	900
1846—50. . . .	51.211	35.066	10.629	1.848	3.668
1851—55. . . .	45.396	31.810	8.937	1.957	2.692
1856—60. . . .	69.254	38.130	14.735	5.979	10.410

Уже в начале XIX ст. хлеб выдвигается среди предметов нашего экспорта, хотя значение его в последнем еще не успело вполне определиться. Напротив, в двадцатилетие 1825—45 г.г. участие его прочно установилось в размере 15 проц. (около 6-ой части) всего вывоза, а к середине столетия оно удвоилось, дойдя до третьей части вывоза. Однако, размеры как всего хлебного экспорта, так и вывоза отдельных хлебов значительно колеблются не только по отдельным годам, но и по пятилетиям, в связи с войнами, в особ. же с урожаями; в частые неурожайные годы вывоз хлеба сводится к минимуму. Большую роль играла и таможенная политика иностранных государств, главным образом Англии, примеру которой следовали и другие страны (Нидерланды, Франция, Швеция, Португалия). С 1791 г. в Англии появляются высокие покровительственные пошлины на пшеницу, и привоз ее допускается лишь при достижении ценой на внутреннем рынка определенного уровня, почему в некоторые годы привоз становится совершенно невозможным. С 1828 г. установлена была скользящая шкала, согласно которой размер пошлин менялся в зависимости от цены пшеницы, повышаясь вместе с падением цены на внутреннем рынке. Такую же систему приняли и другие страны. Только в 1846 г., когда эта крайне стеснявшая привоз хлеба подвижная шкала была упразднена и пошлины на хлеб в сущности вовсе отменены (оставалась незначительная постоянная ставка), хлебная торговля оживилась, тем более, что, вслед за Англией и прочие страны отменили свои переменные пошлины [1]). Влияние этой перемены в таможенной политике немедленно же отразилось на экспорте русского хлеба: с 27 милл. пуд. в 1841—45 г. он сразу возрос в следующее пятилетие до 51 милл. или почти на 90 проц. Крым-

[1]) См. мои Лекции по истор. экономич. быта Запад. Европы, ч. II, отд. 5-й, гл. 4.

ская война задержала дальнейший рост его, но в конце 50-х годов он снова обнаружился в значительных размерах.

Это заметно в особ. в экспорте пшеницы, который медленно растет вплоть до 40-х годов, со значительными колебаниями, и только в 1841—45 г.г. удваивается, по сравнению с первыми годами XIX ст.; но затем в следующее пятилетие (после отмены „хлебных законов“ в Англии) он сразу увеличивается на 75 проц., по сравнению с предыдущим, и стоит в дальнейшем на этом уровне. Что касается ржи, то вывоз ее не обнаруживает вплоть до 40-х годов никакого движения вперед—только тогда были достигнуты, а в 50-х годах превзойдены, первоначальные размеры вывоза (1816—20 гг.). Наконец, экспорт ячменя и овса до половины XIX ст. вообще не играет никакой роли—только с 50-х годов замечается движение вперед.

В сущности, до этого времени экспорт русского хлеба почти равнозначущ экспорту пшеницы. Из 8 пятилетий эпохи 1816—55 г.г. в течение шести пшеница составляет от 60 до 80 проц. всего вывоза и только два раза опускается ниже 60 проц. Из 44 милл. четвертей, вывезенных нами в течение четверти века 1824—47 г.г., 39 милл. отпущено было через южные порты (23 милл. на одну Одессу); на их долю приходилось 90 проц. всего экспорта пшеницы (участие Одессы равнялось 54 проц.), тогда как из портов Балтийского моря было отправлено всего 6 проц. Напротив, южные порты вывезли за это время всего 12 проц. ржи, балтийские же более половины всего ее количества (54 проц.). Точно также $^3/_4$ всего ячменя вывозилось Балтийским морем, а 42 проц. овса из Архангельска. Но так как вывоз ячменя и овса вместе взятых составлял за эти четверть века всего 10 милл. четв., вывоз ржи 14 милл., напротив, вывоз пшеницы 44 милл., то получилось, что южные порты, не экспортируя в сущности никаких хлебов, кроме пшеницы, вывезли почти две трети (62 проц.) всех отправленных за границу хлебов. Таким образом, вывоз нашего хлеба в первой половине XIX ст. заключался преимущественно в экспорте пшеницы, производимой в Новороссийском крае и доставляемой в Одессу и прочие черноморско-азовские порты.

Эта пшеница направлялась, повидимому, преимущественно в Англию. К сожалению, в точности установить это невозможно, ибо известны лишь те порты, куда отплывали суда, но не те места, где хлеб поступал на внутренний рынок. Между тем то и другое не совпадало. Поскольку пшеница вывозилась непосредственно в северные и западные порты Европы, в двадцатилетие 1827—46 г.г. две трети ее (из 6,3 милл. четв. 4,3 милл.) получила Англия. Однако, на эти порты направлялась лишь небольшая часть ее, тогда как 80 проц. всей выведенной за тот же период пшеницы было отправлено

в порты Средиземного моря, в особ. в итальянские (Геную, Ливорно) и в Константинополь. Из Константинополя, который указывают суда, выходящие из Одессы, в качестве места назначения и где они получают дальнейшие приказы, как и из Ливорно, Триеста и Марселя, она шла дальше и наибольшая часть ее выгружалась в английских гаванях [1]).

Такое посредничество портов Средиземного моря в вывозе русской пшеницы из Черного и Азовского морей вызывалось в значительной мере существованием упомянутой выше скользящей шкалы пошлин в Англии. Последняя состояла в том, что при низких ценах на пшеницу на английском рынке привоз иностранного хлеба в Англию был невозможен, но по мере того, как цены на пшеницу росли, пошлины падали, привоз все более облегчался и выгодность его возрастала; с каждым повышением цены на хлеб импортер выигрывал вдвойне—и на увеличенной цене и на пониженной пошлине. Задача, следовательно, заключалась в том, чтобы, выждав под'ема цен, немедленно же воспользоваться им и ввезти хлеб в Англию, прежде чем вызванный понижением пошлины усиленный привоз успеет снова уронить цену и, следовательно, опять поднять пошлину. Но ловить такой благоприятный момент могли только такие грузы, которые находились в сравнительно недалеко расположенных от Англии портах. В этом и заключалось преимущество Марсели или Генуи, где спекулянты и держали закупленные по сходной цене запасы южно-русской пшеницы, выжидая выгодной коньюнктуры. Еще выгоднее было положение, в виду их близости к Англии, таких портов, как Амстердам, Гамбург, Бремен; прусские порты закупали хлеб главным образом в ближайших местностях—Пруссии, Мекленбурге, и успевали доставить его в Англию раньше, чем могли подоспеть корабли с русской пшеницей. Поэтому-то вывоз пшеницы из наших северных портов, к тому же далеко лежащих от хлебородных местностей, не мог успешно развиваться, а обнаруживал даже упадок.

Перегрузка нашей пшеницы в портах Средиземного моря необходима была и в виду существования английского Навигационного акта, в силу которого пшеницу из черноморско-азовских портов можно было везти в Англию лишь на русских или английских судах. Так как судов под русским флагом почти не было, английские же корабли направлялись главным образом в северные порты, а в южных морях их

---

[1]) По той же причине нет возможности определить долю русской пшеницы в английском импорте, ибо и тут известен лишь непосредственный привоз из русских портов, но не русский хлеб, идущий через Данциг, Штетин, Геную, Константинополь.

имелось недостаточно для возраставшего экспорта пшеницы, то приходилось волей-неволей везти купленные в южной России запасы пшеницы в Триест, Геную или Марсель и там (но не в Константинополе, ибо и турецких судов имелось небольшое число) перегружать на туземные суда для доставки в Англию, согласно правилам Навигационного акта.

Временная приостановка действия Навигационного акта в 1847 г., а затем и окончательная отмена его в 1849 г. вместе с упразднением хлебных законов в 1846 г. прекратили эти затруднения и дали возможность русскому хлебному экспорту свободно развиваться.

Но вплоть до 60-х годов имелись и препятствия иного рода—наряду с затруднениями, которые ставились нашему хлебному экспорту потребляющими привозной хлеб иностранными государствами, существовали и такие, которые создавались внутри страны. Таковы были, с одной стороны, вывозные пошлины на хлеб и хлебные продукты (крупу, горох и т. п.), которые значительно сокращаются лишь с 1850 г. и окончательно исчезают в 1865 г. Еще больше тормозили экспорт частые неурожаи, напр., 1820 и 1821 г.г., 1831 г., 1839—40 г.г., 1848 г., после которых в течение ряда лет вывоз был весьма ограниченный; едва он успевал оживиться, как неурожай снова сводил его к незначительным размерам. Статистики первой половины XIX ст. принимают на каждое десятилетие один неурожайный год и два года частичного недорода в отдельных местностях.

Хлеб доставлялся на рынок даровым трудом крестьян и, благодаря крепостной подводной повинности, для работавшего на рынок помещичьего хозяйства не существовало, в сущности, ни отдаленности рынков, ни плохих, непроездных дорог [1]). По словам Заблоцкого, эта натуральная подводная повинность обходилась крестьянину столько же, сколько все его летние работы на помещика. По его исчислениям, гужевые перевозки в 40-х годах занимали до 800 тыс. человек в летнее время и до 3 миллионов в зимнее [2]). Из центральных губерний хлеб свозился как в Москву гужевым путем, так и к приволжским пристаням для следования водным путем в Петербург и далее за границу. Однако, вывоз его из петербургского порта не мог достигать значительных размеров, в виду невозможности скорой и верной доставки его к Петербургу из низовых губерний и даже из рыбинских запасов. Обычно хлеб не мог достигнуть Петербурга в одну навигацию, а прибывал лишь на следующий год, когда тре-

---

[1]) Лященко. Очерки аграрной эволюции России, т. I. 1908, стр. 201.

[2]) Заблоцкий. Причины колебания цен на хлеб в России. Отечественные Записки. 1847, т. 52, стр. 35. 47.

бование на хлеб нередко успевало уже прекратиться. Поэтому вывоз его из петербургского порта усиливался только в случае продолжительного спроса на иностранных рынках, обычно же наличные запасы здесь были невелики и едва удовлетворяли требованиям, поступавшим из-за границы во время навигации. Это находилось в связи и с недостатком складов для хранения зерна в петербургском порту. Еще хуже обстояло дело в те годы, когда мелководье в верховьях Волги, на Шексне, Мсте и других реках останавливало хлебные транспорты и заставляло суда зимовать в разных местах Мариинской системы.

В более благоприятных условиях находился вывоз из южных портов, куда зерно доставлялось сухопутно, на волах чумаками, обходившимися чрезвычайно дешево (в виду содержания волов на подножном корме). Впрочем, дурное состояние дорог лишало возможности отправлять кладь зимою. Но, благодаря существованию в Одессе обширных складочных магазинов, можно было держать запасы наготове, так что корабли, приходившие из иностранных портов, всегда находили нужный им груз зерна.

Результатом всех указанных обстоятельств являлось то, что не только в первое десятилетие XIX ст., но и в 30-х годах вывоз четырех главных хлебов (пшеницы, ржи, ячменя и овса) составлял в среднем немногим более 1 проц. урожая (в 1802—8 г.г. в среднем в год 1,8 милл. четв. при валовом сборе в 165 милл. четв., в 1834—41 г.г. $2^1/_2$ милл. четв. при сборе в 180 милл. четв.), колеблясь в 30-х годах между 0,6 и 2,5 проц. урожая. Лишь в 1851—55 г.г. он достиг в среднем 2,7 проц., а в 1856—60 г.г. даже 5,1 проц.—экспорт стал играть значительно бóльшую роль, чем раньше.

По вычислениям Протопопова, относящимся к началу 40-х годов, обороты всей торговли хлебом, внутренней и внешней, не превышали 60 милл. четв., причем на долю экспорта приходилось всего $2^1/_2$ милл., а $12^1/_2$ милл. четв. оставалось без всякого производительного потребления, вообще составляло излишек, не находивший себе применения [1]). И по данным министерства государственных имуществ, помещенным в „Об'яснениях к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России“ за 1851 г., на рынок поступала всего четвертая часть производимого хлеба, причем за границу вывозилось уже около $^1/_8$ всего хлеба, вовлеченного в оборот (вместо $^1/_{20}$); но все же это составляло обычно не более $5—5^1/_2$ милл. четв., тогда как запас, который мог экспортироваться, превы-

[1]) Протопопов. О хлебной торговле в России. Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1842. Т. 5.

шал 30 милл. четв. [1]). Так что получалось и теперь перепроизводство, несмотря на то, что экспорт захватывал значительно большую часть как урожая, так и запаса, обращавшегося на рынке—производство хлеба обгоняло сбыт.

В течение второй половины XIX ст., со времени освобождения крестьян и сооружения железнодорожной сети, положение изменилось. Россия стала вывозить не только пшеницу, но и ячмень—из всего вывоза хлебов первая составляла в 1906—10 г.г. 37, второй почти 30 проц. Четвертую часть урожая пшеницы (а в 80-х и 90-х г.г. еще больше) и свыше одной трети (37 проц.) сбора ячменя Россия в это время вывозила за границу. Экспорт хлебов составлял две пятых всего нашего вывоза, оставляя далеко позади все прочие товары. Четверть всего вывоза хлебов, по таможенной статистике, поглощала Германия, а к этому еще надо прибавить на ее счет значительную часть тех 22 проц., в которых выразилось участие Голландии. Только за ними идет Англия с 19 проц. (в 1906—10 г.г.). Русская пшеница потеряла в Англии свое значение—всего 15 проц. привозимой в Англию пшеницы покрывает Россия, тогда как четверть привоза—Соед. Штаты; выше России стоят и другие заокеанские страны—Аргентина, Канада. Эти страны, а не Россия, питают Англию. Правда, ячмень и овес русский—ржи Англия почти совсем не привозит—играли в Англии более значительную роль, но и тут заокеанский хлеб, в особенности аргентинский овес, вытеснял нас. Напротив, Германия приобретала в России: 83 проц. ввозимого ею ячменя, 81 проц. ржи и 72 проц. овса только пшеницы меньше—38 проц., хотя и тут Россия занимала первое место [2]).

Хотя экспорт хлеба постепенно выдвигается на первое место, обгоняя вывоз других товаров, стоявших в XVIII ст. на первом плане, все же значение последних в заграничном отпуске, поскольку речь идет о сырье (иное дело—как мы увидим—промышленные изделия), в первой половине XIX ст. отнюдь не умаляется [3]). В конце XVIII ст., как мы видели

[1]) Об'ясн. к хозяйств.-стат. атласу департ. сельск. хозяйства 1851. Лященко, стр. 192.

[2]) О русском хлебном экспорте конца XIX и начале XX столетия см. Лященко. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии. 1915. Брошниовский. Условия сбыта русских хлебов за границу. 1914. Ден. Положение России в мировом хозяйстве 1922 г.

[3]) Относительно дальнейшего см. Тенгоборский. О производительных силах России. 1858. Историко-статистический обзор промышленности России под ред. Тимирязева. 1882. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России под ред. В. И. Покровского. 1902. Семенов. Изучение историч. сведений о российск. внешн. торговле. 1858. Небольсин. Статистич. записки о внешн. торговле России. 1835. Его же. Статистическое обозрение внешн. торговли России. 1850.

(см. стр. 216), из предметов сырья первые места занимали лен и пенька и животное сало, затем кожи и лес, дальше шло льняное семя и льняное масло, щетина, рыбий клей и меха.

Вывоз льна и пеньки (он совершался уже в XVII ст., см. стр. 138—40), льняного семени и растительных масл выражался в следующих количествах (в среднем за год в тыс. пуд.).

	Вывоз.			Вывоз.	Привоз.
	Льна.	Пеньки.	Льняного семени.	растительных	масл.
1806—07 . . .	1.698 [1]	3.444 [1]	—	179	37
1812—15 . . .	1.367 [2]	2.753	—	257	69
1816—20 . . .	1.207	2.512	—	373	78
1821—25 . . .	1.741	2.753	2.574	299	143
1826—30 . . .	2.378	2.403	4.959	393	203
1831—35 . . .	1.921	2.779	4.932	269	272
1836—40 . . .	2.740	3.138	7.551	267	349
1841—45 . . .	3.222	2.639	10.224	131	397
1846—50 . . .	3.516	2.732	10.224	41	526
1851—55 . . .	2.810	2.349	10.377	124	578
1856—60 . . .	4.049	3.161	13.779	155	723

Вывоз льна (и пакли) составлял в 1758—62 г.г. в среднем 671 тыс. пуд. и уже в 1802—04 г.г. достиг 1.353 тыс. пуд., т.-е. ровно удвоился. С 20-х годов, т.-е. с того времени, когда в Англии появляются льнопрядильные машины, он снова растет, доходя вместе с паклей до 3,7 милл. пуд. в 1841—45 г.г., а затем (после временного понижения во время крымской войны) и почти до 5 милл. пуд. в 1856—60 г.г. Вывоз пеньки (и пакли) равнялся уже в пол. XVIII ст. 2 милл. пуд., но это свое огромное значение он не сохранил в дальнейшем; только к концу рассматриваемого периода он превысил 3 милл. пуд., так что отстал от общего повышения экспорта. Напротив, вывоз льняных семян непрерывно и чрезвычайно быстро возрастал и с 20-х до 50-х годов повысился в 5—6 раз. Взяв все три продукта вместе, получаем, по Тенгоборскому, общую ценность вывоза их за 29-летний период 1822—50 г.г. в 602½ милл. руб. сер. (лен и льняная пакля 243,5 милл., пенька и пеньковая пакля 195 милл. и масличные семена, главным образом льняное, 164 милл.), что составляет, по его вычислениям, третью часть (31,6 проц.) всего нашего экспорта по европейской границе за этот период (1,9 миллиард) [3].

[1]) 1807 г.
[2]) 1812—14 г.г.
[3]) Тенгоборский. О производит. силах России. Т. II, ч. I. 1858, стр. 224.

Все эти продукты отправлялись главным образом в Англию, где лен и пенька поступали на прядильни, в возрастающем размере вырабатывавшие на машинах льняную пряжу, а масличные семена — в маслобойную и мыловаренную промышленность. В начале 40-х годов ежегодно на мировой рынок выбрасывалось 9,3 милл. пуд. льна и пеньки, из них 6,6 милл. пуд. или 70 проц. доставляла Россия. Из упомянутых 9,3 милл. пуд. 6,3 милл., или также почти 70 проц., поглощали английские фабрики. Из них свыше 4,5 милл. пуд., или опять-таки 70 проц. всего потребляемого Англией льна и хлопка, получалось из России. По русским данным, вывоз льна и пеньки составлял в среднем в 1842—46 г.г. 4,8 милл. пуд., из коих 4,3 милл. или три четверти (76 проц.) пошло в Великобританию. Таким образом, Россия снабжала своим льном и пенькой почти весь мировой рынок, именно ту страну, в лице которой выражался почти весь спрос—Англию.

И половина всего вывозимого в двадцатилетие 1827—46 г.г. льняного семени направлялась в Англию, причем вывоз туда с каждым пятилетием возрастал (с 309 до 530 тыс. четв.) Англия снабжалась почти исключительно русским льняным семенем: в период 1831—45 г.г. оно составляло свыше 80 проц. всего привоза этого продукта в Англию (в 1841—45 г.г. 571 тыс. из 660 тыс. четв.).

Однако, привозя русские масличные семена для выделки растительных масл, иностранные государства тем самым уже не нуждались в русских маслах, и вывоз последних стал постепенно падать. Это обусловливалось и тем, что спрос на растительные масла в России сильно увеличивался. Они применялись и как осветительные и как смазочные масла (в особ. до появления нефти), далее в мыловаренном производстве и на приготовление лаков, наконец и в пищу. Собственных растительных масл вскоре уже не хватало, их приходилось привозить из-за границы; с 30-х годов обнаруживается превышение привоза их над вывозом и оно с течением времени все более возрастает — вывоз падает, привоз, напротив, сильно увеличивается, причем вывозится главным образом льняное масло, привозится же оливковое и в особ. деревянное.

Вывоз льна (и льняной пакли) и пеньки (с ней стал конкурировать джут) и масличных семян играл роль и впоследствии в нашем вывозе (в 1909—13 г.г. в среднем 113 милл. руб. и 34 милл. пуд.), но значение их, в виду других выдвинувшихся товаров (в особ. хлеба), сократилось—они составляли уже не более $7^1/_2$ проц. всего экспорта.

Из предметов животноводства уже с XVII ст. у нас вывозились в значительном количестве кожи, сало и щетина;

они стоят на первом месте и в XVIII ст., с начала XIX ст. к ним присоединяется шерсть. Вывоз этих товаров с нач. XIX ст. выражается в следующих цифрах (в среднем за год).

	Ценность вывезенных кож в тыс. руб.			Вывоз.		
				сала.	щетины.	шерсти.
	вообще.	невыделанных. ассигн.	выделанных.	тыс. пуд.	тыс. пуд.	тыс. пуд.
1800—10 .				1.776	41,5	24
1802—05 .	2.019	126	1.893			
1806—07 .	1.774	140	1.634			
1812—15 .	5.369	1.140	4.229			
1812—21 .				2.139		36 [1]
1816—20 .	4.898	792	4.106			
1821—25 .	6.486	2.126	4.360	2.961	61	
1826—30 .	9.583	4.018	5.565	3.905	68	78
1831—35 .	12.732	6.919	5.813	4.212	64	274
1836—40 .	9.476	4.282	5.194	4.242	72	356
	кредит. бил.					
1841—45 .	2.940	1.462	1.478	3.494	71	660
1846—50 .	2.333	918	1.415	3.739	79	496
1851—55 .	1.739	522	1.217	2.135	69	686
1856—60 .	3.034	1.828	1.206	3.523	87	946

Животного сала вывозилось в 1767—69 г.г. 273 тыс. пуд. в год, а в первое десятилетие XIX ст. уже 1.776 тыс. пуд., т.-е. в $6^1/_2$ раз больше. С этого времени и вплоть до половины столетия оно нередко занимает первое место в нашем экспорте, превышая в некоторые десятилетия вывоз всех хлебов, вместе взятых. Спрос на сало в Западной Европе был в то время очень велик, в нем нуждались для выделки машинной мази с одной стороны, сальных свечей и мыла с другой— употребление растительных масл для освещения обходилось слишком дорого, а керосина еще не знали. С 20-х годов появились, наряду с сальными свечами, и стеариновые, и они постепенно получили преобладание. Но стеарин выделяется из того же сала, так что область применения последнего не только не сократилась, а, напротив, еще более расширилась.

Таким образом, с ростом техники, выражающимся в замене ручного труда машинами, и с развитием культуры, признаком которой является потребление мыла и свечей, — и спрос на сало должен был необходимо расти. Россия же, с ее обшир-

[1]) 1814—24.

ными степями на востоке и юго-востоке и в Средней Азии, служившими пастбищами для скота, являлась единственной поставщицей его на мировой рынок. У казаков и башкир, в особенности же посредством менового торга с киргизами приобреталось огромное количество скота, главным образом овец, который и шел в значительной мере на топление сала.

Почти все наше сало вывозилось в Англию: в 1829—33 г.г. 3,6 из 4,3 милл. пудов экспорта, в 1834—38 г.г. 3,6 из 4 милл., в 1839—43 г.г. 3,3 из 3,7 милл., в 1844—46 г.г. 3 из 3,4 милл. Англия с своей стороны потребляла почти исключительно русское сало—от 80 до 90 проц. всего сала привозилось от нас, тогда как во Франции в 40-х годах уже получило преобладание над русским сало из Соединенных Штатов.

Только с половины XIX ст. скотское сало стало терять свое значение в нашем экспорте—появились опасные конкуренты в лице сначала пальмового, а затем и хлопкового и кокосового масла и копры, употребляемых для мыловарения, к которым (с 60-х годов) присоединились нефтяные осветительные и смазочные масла, заменившие свечи и машинную мазь, приготовленную из сала.

Из приведенного выше (стр. 139) списка де Родеса видно, что вывоз кож составлял в половине XVII ст. третью часть всего нашего экспорта и стоял на первом месте, причем это были почти исключительно выделанные кожи — юфть (335 из 371 тыс. руб.). Напротив, вывоз сырых кож был стеснен, а со времени Петра и вовсе запрещен, в целях снабжения сырьем русских кожевенных заводов. К концу XVIII ст. вывоз юфти достигал 112 тыс. пуд. на сумму 1,3 милл. руб. Однако, с тех пор, как в начале XIX ст. вывоз сырых кож был дозволен (вполне с 1811 г.), он стал расти скорее, чем экспорт выделанных кож (в особенности со времени понижения вывозных пошлин на сырые кожи в 20-х годах), составляя возрастающую долю в отпуске кож—всего 6 проц. в 1802—07 г.г., но более трети (35 проц.) в 1846—55 г.г.; а с 60-х годов он уже обгоняет выделанные кожи и оставляет их далеко позади—получается соотношение обратное тому, которое имелось в 1846—55 г.г.: на долю сырых кож приходится свыше двух третей. Вывоз промышленных изделий таким образом уступает место вывозу сырья. Наряду с вывозом обнаруживается и привоз иностранных кож, но в первой половине XIX ст. это был привоз сырых кож и происходил он в весьма ограниченных размерах, и только в 1856—60 г.г. он достиг 40 проц. вывоза кож, а с 70-х годов опередил его и выразился в импорте обработанных кож. Так что можно насчитать несколько периодов в развитии нашего кожевенного экспорта. Первоначальный вывоз юфти сменяется отпу-

ском сырых кож и вывоз последних продолжает расти, но постепенно преобладание получает привоз выделанных за границей кож.

Вывозились сырые кожи главным образом в ту же Англию, что и приведенные выше продукты сельского хозяйства. В 30-х годах Англия поглощала еще 40 проц. нашего вывоза кож, тогда как в 1842—46 г.г. всего 30 проц.—русские кожи вытеснялись южно-американскими (из Аргентины, Уругвая, Бразилии, Венецуэлы). Последние постепенно проникают и к нам, причем с течением времени посредником по их привозу становится Германия.

Вывоз щетины, значительный уже в XVII ст., составлял в 1766—69 г.г. 17 тыс. пуд., а в 1800—10 г.г. 42 тыс., т.-е. увеличился в $2^1/_2$ раза, а затем до 60-х годов снова удвоился. В первой половине XIX ст. почти 60 проц. ее вывозилось в Англию (в 1842—46 г.г. 45 из 74 тыс. пуд.), которая потребляла почти исключительно русскую щетину (в 1841—45 г.г. из 49 тыс. пуд. 45,6 привезено из России) для выделки щеток и кистей. Впоследствии первенство в экспорте нашей щетины переходит к Германии, которая стала вывозить до 70 проц. русской щетины, но это была попрежнему щетина не в деле; изделий из нее мы никогда не экспортировали.

В противоположность салу и щетине, другие продукты животноводства приобретают значение в нашем экспорте лишь в XIX ст. В первой половине его выдвигается шерсть, вывоз которой составлял в начале XIX ст. всего 24 тыс. пуд., в 1814—24 г.г. 36 тыс. пуд., но с развитием мериносового овцеводства на юге с 20-х и 30-х г.г. стал быстро расти и достиг уже к 60-м годам 1 милл. пуд., т.-е. повысился за полстолетие более чем в 40 раз. Главные закупки шерсти, как для русских фабрик, так и для вывоза, производились на специальных шерстяных ярмарках, среди которых важнейшей являлась Троицкая ярмарка в Харькове. Отсюда доставлялось в Москву в 40-х годах до 400 тыс. пуд. мериносовой шерсти, из числа которых четвертая часть шла за границу через Петербургский порт. По таможенным записям, третья часть экспортируемой шерсти направлялась в Англию, на самом деле доля ее была больше, ибо значительная часть шерсти, показанной к отправке в Константинополь до получения там приказов, в действительности шла дальше в Англию. Привоз шерсти в последнюю с начала столетия до 40-х годов, вместе с распространением прядильных машин, а затем и ткацких станков не только в хлопчатобумажной, но и в шерстяной индустрии, повысился в десять раз—с 200 тыс. почти до 2 милл. пудов. В частности привоз из России увеличился с 19 до 175 тыс. пуд., т.-е. в 9 раз, но и в 40-х годах он едва достигал 10 проц. всего привоза шерсти. Первоначально Англия

получала шерсть почти исключительно из Испании, с 20-х годов последнюю стала вытеснять Германия, а в 40-х годах привоз из Испании почти прекратился, привоз из Германии остановился и на первое место выдвинулась австралийская шерсть. Последняя, наряду с появившейся позже аргентинской шерстью, стала в дальнейшем завоевывать мировой рынок, вытесняя шерсть, привозимую из прочих стран, в том числе из России. Эта заокеанская шерсть появляется и у нас, и если в 50-х годах привоз иностранной шерсти составлял в России не более 4 проц. вывоза, то к концу века он уже стал достигать размеров вывоза и даже превышать его. Вытеснение русской шерсти иностранной облегчалось вследствие низкого уровня нашего овцеводства, плохого содержания овчарен, небрежного мытья и сортировки шерсти. Уже Гагемейстер в 40-х годах и Тенгоборский в 50-х годах указывали на нечистоту и вялость нашей шерсти; сор в виде соломы, сенной трухи, шелухи зерен не давал возможности получить на машине тонкую и ровную нить, а бессильный материал не выдерживал апретуры. Мойка шерсти представляла собою „жалкую операцию", как заявлял один автор пол. XIX ст. [1]).

В первой половине XIX ст. по Оренбургской и Сибирской линиям в особо для того устроенных в пограничных местах меновых дворах производился обмен пригоняемого киргизами скота, в особенности овец, на муку, юфть, бумажные ткани, железо, как и на мелочи, вроде зеркалец, бус, лент, пуговиц, причем киргизы отдавали свой скот за бесценок. Скот этот доставлял мясо, шкуры для овчин и сало, вывозился же он в первой половине XIX ст. в весьма небольших размерах, главным образом в Австрию, и лишь впоследствии вывоз его стал увеличиваться. Совершенно незначителен был еще в половине XIX ст. и вывоз домашней птицы (в 1852—55 г.г. в среднем 23 тыс. штук), яиц (в 1856—60 г.г. $^1/_2$ милл. штук), масла (138 тыс. пуд.), мяса (74 тыс. пуд.). Лишь впоследствии экспорт всех этих продуктов стал успешно развиваться и постепенно приобрел крупное значение: в 1909—13 г.г. яйца, мясо и птица битая составляли 10% вывоза. В 1913 г. было вывезено 3,6 миллиард. штук яиц (в 7 тыс. раз больше, чем в 1856—60 г.г.), из них 1,2 миллиарда в Англию, масла 4,8 милл. пуд. (в 35 раз больше), из них в Англию 2,13, в Германию 1,65 милл. пуд.

К числу сырых продуктов, имевших значение в нашем вывозе первой половины XIX ст., принадлежат также лес,

[1]) Гагемейстер. Обозр. мануфакт. промышл. 1845. Тенгоборский. II, 2 ч. 209 сл. Неболсин. I. 216.

меха (мягкая рухлядь), в меньшей мере поташ и смола. Вывоз их (в среднем за год) составлял:

	Ценность вывоза леса.	вывоза мехов.	привоза. мехов.
	Милл. ассигнационных рублей.		
1802—07	1,4	2,0	0,5
1812—15	2,4	5,0	1,3
1816—29	4,5	4,7	2,4
1821—25	7,7	7,2	0,9
1826—30	8,0	6,2	1,0
1831—35	7,9	5,8	1,8
1836—40	10,2	6,8	2,7
	Милл. руб. в кредитн. билет.		
1841—45	2,6	2,6	1,3
1846—50	3,3	2,6	1,5
1851—55	3,5	2,4	1,4
1856—60	5,2	2,7	2,4

Вывоз леса, происходивший в значительных размерах уже в XVIII ст. (см. выше стр. 217), тормозился в дальнейшем как запрещениями экспорта, так и вывозными пошлинами (в начале XIX ст.) и войнами, и только после понижения пошлин в 1822 г. стал успешно развиваться, но затем с 40-х годов снова обнаруживается застой; лишь после совершенной отмены пошлин в 1868 г., он развивается весьма быстро и в 1908—13 г.г. составляет в среднем почти 10 проц. всего вывоза (145 милл. руб.), занимая в последнем второе место—непосредственно за хлебами. В 1827—46 г.г., судя по данным таможенной статистики, не менее половины всего вывозимого из России леса направлялось в Англию, но и сверх того, из тех 20 проц., которые показаны в качестве вывезенных в Пруссию, значительная часть поступала также в Англию. Прусские порты вывозили много леса, но не столько собственного, сколько доставляемого уже тогда по Неману и Висле из России и Польши, на чем Россия много теряла. Вредило ей и совместничество, как тогда выражались (конкуренция), Швеции и Норвегии, имевших возможность вывозить лес на собственных кораблях, с которыми иностранные флаги не могли соперничать по дешевизне фрахта. Конкурентами являлись также Соединенные Штаты и Канада—в пользу последней в Англии существовали до 40-х годов пониженные пошлины. Если в начале века в Англию привозился почти исключительно лес из Европы, то с 20-х годов на первый план выдвинулся лес американский, и в начале 40-х годов он составлял от 2/3 до 4/5 всего привоза.

Значение мягкой рухляди, т.-е. мехов, в нашем вывозе, столь крупное в XVII и XVIII ст., было велико еще и к началу XIX ст.; и хотя вывоз продолжал возрастать и впоследствии, но, по причине иностранной, в особенности американской, конкуренции, он занял уж более скромное место в общем вывозе. Шкуры у нас мало перерабатывались, а вывозились с давних пор на лейпцигские ярмарки, где они закупались торговцами для различных государств. В первой половине XIX ст. Россия вывозила главным образом мелкие и дешевые шкурки, и этот сбыт ее успешно развивался, но в области экспорта самых дорогих сортов—лисиц, енотов, выхухолей она встречала опасное соперничество в лице Америки. Обработанная за границей пушнина частью привозилась обратно в Россию. Привоз мягкой рухляди, первоначально не превышавший четвертой части вывоза, постепенно растет и достигает в 40-х и 50-х годах половины и более вывоза, а в последующие десятилетия оставляет его позади. В 1913 г. привоз и вывоз по ценности почти совпадают (вывоз 17 милл. рубл., привоз 16,5 милл. р.), но по количеству вывоз больше (816 тыс. пуд., привоз 488 тыс.). Так что ценность каждого пуда привозимой пушнины была почти вдвое выше каждого пуда вывозимого меха; причина заключалась в том, что вывозились необработанные меха, а ввозились выделанные.

Незначительную роль играли в нашей внешней торговле первой половины XIX ст. металлы и изделия из них. В XVIII ст., как мы видели выше, вывоз русского железа, преимущественно в Англию, достигал существенных для того времени размеров: он повысился с 1,16 милл. пуд. в 1762 г. до 3,9 милл. в 1794 г., т.-е. более чем в три раза. В Англии в 1740 г. было выплавлено всего около 1 милл. пуд. чугуна, у нас же на Урале было добыто уже в 1718 г. 4,4 милл. пуд. железа, что равняется 6,6 милл. пуд. чугуна, в 1767 г. выплавка чугуна достигает 9,6 милл. пуд., а в 1806 г. 12,2 милл. пуд. Лишь к этому времени Англия успела сравняться с Россией [1]. Но затем, под влиянием вновь изобретенного способа плавки чугуна на каменном угле и применения процесса пудлингования (вместо фришевания), Англия вскоре сильно обгоняет нашу металлургическую промышленность, техника которой оставалась без движения в течение многих десятилетий, и английский чугун и сталь становятся преобладающими на мировом рынке. В то время, как в Англии железоделательная промышленность делает гигантские успехи,

---

[1]) Кеппен. Материалы для ист. и статист. железн. промышл. России. Торговля на Нижегородской ярмарке. 1906. Семенов. III. 330. Сборн. свед. по ист. и статист. внешн. торг. 232.

у нас она в первой половине XIX ст. не развивается и даже падает. В 1830 г. выплавлено около 10 милл. чугуна (вместо 12,2 милл. за четверть века до того), т.-е. четверть того, что производила в это время Англия, столько же, сколько Соед. Штаты, и несколько больше, чем Германия (8 милл.) и Франция (6 милл.). И в 1850 г. производство России составляло всего 13 милл. пуд. чугуна; Англия вырабатывала теперь уже в 10 раз больше России, Соед. Штаты в $2^1/_2$ раза больше, Германия и Франция вдвое более. Неудивительно, что при таких условиях вывоз чугуна с 3,9 милл. пудов в конце XVIII ст. упал до 1,8 милл. в начале XIX ст., до 1,4 милл. в 1814—24 г.г. и до 1 милл. в 1839 г., а затем сокращался все более и более. При столь ограниченном производстве Россия ничего отдавать не могла, а другие страны, развив свое производство, в нашем железе больше не нуждались. До 60-х годов и они, впрочем, избытков имели немного, у нас же привоз чугуна и железа морем был запрещен. К концу века у нас развилась металлургическая промышленность на юге, но чугуна всетаки не хватало; Европа и Америка охотно бы теперь доставляли его, но высокий таможенный тариф этому препятствовал.

Каменным углем у нас еще и в половине XIX ст. почти не пользовались. В 1855 г. добыча его в России не доходила до 10 милл. пуд., а привоз его был столь незначителен, что в тарифе 1850 г. этот материал отдельно не упомянут. Потребность в нем, а в связи с этим добыча его и привоз растет лишь с 70-х годов, добыча впрочем (в особенности в Донецком бассейне) скорее, чем привоз, сдерживаемый высокими пошлинами. В 1909—13 г.г. в среднем привезено было каменного угля и кокса на 50 милл. руб. (356 милл. пуд.), что составляло около $4^1/_2$ проц. всего привоза—уголь занимал пятое место в нашем импорте (после машин, хлопка, чая и шерсти).

Обращаясь к экспорту промышленных изделий в первой пол. XIX ст., мы наблюдаем значительно изменившуюся, по сравнению с XVIII ст., картину. В то время, как уже в XVII ст. вывозилось полотно, грубое сукно, канаты, а в XVIII ст. вывоз этих товаров, в особенности парусного холста и столового полотна, как и льняной и пеньковой пряжи, успешно возрастал и эти товары занимали первое место в нашем экспорте,—они в дальнейшем совсем потеряли свое значение и вывоз их сменился привозом из-за границы, по мере роста иностранной, в особенности английской фабричной промышленности, работающей на машинах. Как указывает Неболсин в 1850 г., „потребность в наших изделиях при усилившемся совместничестве иностранцев на заграничных рынках, в Европе и Америке, уменьшилась в новейшее время: в 1844—48 г.г. отпу-

щено туда наших изделий почти на 34 процента менее, чем в 1824—28 г.г." [1]). Если в XVIII ст. Россия еще могла сбывать свои изделия за границу, то расстояние между ней и иностранными государствами в области промышленности стало расти и усиливаться с тех пор, как появились на сцену машины. Сначала полное отсутствие последних и невозможность получить их из Англии, где они были изобретены, но держались в тайне и не допускались к вывозу, позже трудность их применения в виду отсутствия подходящей рабочей силы, как и механиков, которые обучали бы рабочих и в состоянии были бы производить ремонт и починку испортившихся частей,—все это вызывало отсталость России по сравнению с Западом. Однако, в первой половине XIX ст., в виду высоких запретительных пошлин, из иностранных фабрикатов могли проникать к нам лишь отличавшиеся высокой ценностью предметы роскоши, предназначенные для дворянства и богатого купечества, и только значительно позже стали появляться и массовые промышленные изделия. Вывозились произведения русской промышленности, напротив, на Восток — туда сбывались ткани, металлы и металлические изделия, юфть, посуда. Так что—читаем у того же Неболсина—„в своей отпускной торговле Россия является земледельческим государством в отношениях к Западу и мануфактурным в отношении к Востоку, но превосходство нашей европейской торговли над азиатской показывает, как велик в России перевес земледельческой промышленности над мануфактурною": вывоз на Запад составляет в пол. XIX ст. $^{9}/_{10}$ всего нашего экспорта, на Восток — только $^{1}/_{10}$. Сбыт в Среднюю Азию встречал препятствие в „ограниченности нужд тамошних жителей, состоящих частью из кочующих народов, частью из оседлых, но коснеющих в невежестве под варварскою властью своих ханов"; турки и персы постепенно привыкали к европейским товарам и обнаруживали потребность в них, но нужно было применяться к их вкусам и привычкам, считаться с их предрассудками и суевериями, а этого русские торговцы не умели. Потому-то, по мере расширения этого спроса, он стал удовлетворяться не русскими, а обильно полившимися на Восток западно-европейскими товарами.

Привоз и вывоз текстильных изделий можно усмотреть из следующих данных (стр. 291).

В Западную Европу хлопок стал привозиться в значительном количестве лишь с 80-х годов XVIII ст.—с Вестиндских островов, в особенности же из Соединенных Штатов; развилось хлопководство со времени изобретения в 1793 г. аппарата для очистки волокон от семян. С этого времени хло-

[1]) Неболсин, II. 471.

ГОДЫ.	Привоз. Хлопка. (в тыс. пуд.)	Привоз. Бумажной пряжи. (в тыс. пуд.)	Привоз. Хлопчатобумажных изделий. (в тысячах рублей.)	Вывоз. Хлопчатобумажных изделий. (в тысячах рублей.)	Вывоз. Пряжи Льнян. (в тыс. пуд.)	Вывоз. Пряжи Пеньк. (в тыс. пуд.)	Вывоз. Канат. и веревок. (в т. п.)	Вывоз. Льняных и пеньковых тканей. (в тыс. руб.)	Привоз. Льняных изделий. (в т. руб.)	Вывоз. Шерстяных изделий. (в тыс. рублей.)	Привоз. Шерстяных изделий. (в тыс. рублей.)
1802—07	—	—	4.958 асс.	—	—	—	—	3.701 асс.	219 асс.	76 асс.	5.555
1812—15	—	—	7.031	705	—	—	200	6.767	—	785	404
1816—20	—	—	16 161	899	0,2	4,9	147	8.040	642	1.107	15.945
1821—25	70	236	12.151	2.256	36	4,3	216	10.740	808	859	16.638
1826—30	103	432	12.424	6.348	25	2,7	294	10.142	847	1.733	16.683
1831—35	149	560	10.190	4.967	13	2,4	367	10.493	849	2.165	10 285
1836—40	320	589	13.989	4.461	7,7	2,8	273	10.766	1.301	3.576	10.870
1841—45	527	590	3.966 кр.	1 953 кр.	—	2,0	286	2 330 кр.	358 кр.	3.106 кр.	3.515 кр.
1846—50	1.115	351	3.882	2.373	1,4	47	398	1.713	492	2.917	2 549
1851—55	1.533	118	3.647	2.679	40	89	331	844	940 [1])	2.636	1.363
1856—60	2.421	217	7.170	3.399	1,3	223	516	1.254	2.069 [1])	2.569	3.599

[1]) Льняных, пеньковых и джутовых.

пок появляется и у нас; в первые годы XIX ст. цифры привоза его сильно колеблются, но затем с 20-х годов обнаруживается правильный и быстрый рост, так что за четверть века привоз увеличился в 16 раз и затем продолжал и дальше расти. При этом 4/5 привоза составлял американский хлопок, хотя доставлялся он не прямым путем из Соед. Штатов, а преимущественно из Лондона и Ливерпуля, важнейших хлопковых рынков.

Успешный рост импорта хлопка обусловливался тем, что с 1822 г. привоз его был освобожден от пошлин (хотя в 40-х годах и была вновь установлена небольшая пошлина), тогда как на фабрикаты были наложены высокие пошлины и даже запрещения. И в том и в другом выразилось стремление водворить у нас собственную хлопчатобумажную промышленность. Как можно усмотреть из привоза бумажной пряжи, эта цель была действительно достигнута. Пряжа привозилась к нам уже с конца XVIII ст. из Англии и привоз ее возрастал до 30-х годов. Единственным поставщиком ее являлась вплоть до середины столетия Англия, которая одна только и могла снабжать своей машинной пряжей другие страны и широко это делала и в Европе и за океаном, тогда как прочие государства производили ее почти исключительно для собственного употребления. Этот привоз стал однако с 40-х годов усиленно и беспрерывно падать в то время, как выработка у нас собственной пряжи росла. В 1846—50 г.г. привезенная пряжа составляла 40 проц. произведенной в России, а в следующие пятилетия всего 16 и 10 процентов. „В настоящее время—говорит Тенгоборский в 1858 г.—иностранная пряжа входит не более, как на 7 процентов в бумажные ткани“ [1]). Потребность населения в бумажных тканях растет, крестьянин одевается в русский ситец—ему теперь выгоднее продавать лен и покупать дешевые ситцы, чем приготовлять из того же льна домашние холсты. Это выражается и в росте производства бумаготкацких фабрик (в 1850 г. 12,8 милл., в 1860 г. 19,3 милл. руб.) и ситценабивных и отделочных (16,2 и 23,1 милл.), тогда как привоз тканей составлял в 1851—55 г.г. всего 3,7 милл. руб. Однако, как указывал Неболсин в 1850 г., лишь немногие русские фабрики изготовляют ткани, отличающиеся красивой наружностью и разнообразием, при ценах довольно умеренных, тогда как большинство предприятий больше заботится о дешевизне, чем о качестве, краски их не прочны, набойка не отчетливая. Вообще же тонкие материи еще сильно отстают от иностранных, как в доброте и узорах, так и по цене [2]).

---

[1]) Тенгоборский. II. 2. Стр. 319.
[2]) Неболсин. II. 362. 364.

Но только привоз этих тканей высших сортов (из Англии) был возможен—привозу остальных препятствовал запретительный тариф. Привоз бумажных тканей из Европы поэтому с 30-х годов постепенно падает, тогда как растет импорт их из Персии, Турции, Бухары. Однако, это были изделия уже совершенно иного рода—прочные и дешевые ткани, потребляемые в Закавказском крае, в Крыму, в Сибири и Оренбургском крае восточными инородцами; они обложены были незначительной пошлиной, так как не являлись конкурентами нашей хлопчатобумажной промышленности.

Однако, мы не только привозили, но в то же время и экспортировали бумажные ткани, но только чрез Азиатскую границу, главным образом в Персию и Среднюю Азию. Но в первую успели уже проникнуть английские ситцы, тогда как в Средней Азии русские изделия еще не встречали конкурентов. Вывоз этот составлял в 50-х годах всего 4 проц. нашего производства бумажных тканей.

Лен и пенька, как мы видели, вывозились у нас в значительных размерах, но только в сыром, необработанном виде. Льняная пряжа производилась в России еще в 50-х годах ручным способом, тогда как в Англии она уже давно вырабатывалась на машинах; неудивительно, что английская пряжа, изготовленная большею частью из русского материала, господствовала повсюду. Если же она проникала к нам в очень ограниченном количестве, то это об'яснялось и в данном случае высокими запретительными пошлинами, делавшими почти невозможным привоз и расчитанными на создание собственной льняной промышленности. Еще более затруднен был привоз льняных тканей—большая часть их была попросту запрещена. По тарифу 1822 г. разрешался привоз только батиста и белых батистовых платков, да еще двух сортов изделий, позже допускалось белое полотно и платки носовые; только в 40-х годах запрещения были сняты и заменены пошлинами, однако, таких размеров, что для некоторых сортов тканей, в особенности для простого полотна, они носили (даже по тарифу 1850 г.) почти запретительный характер. В результате к нам проникали только тонкие иностранные ткани самой высокой выделки, главным образом батисты и тонкое столовое полотно, употребляемые высшими классами населения, тогда как прочие в значительной мере заменяли самотканное полотно более дешевыми и более красивыми, хотя и не столь прочными, бумажными материями.

В XVIII ст. и в начале XIX ст. парусное и фламское полотно и равендук вывозились в значительном количестве (см. выше, стр. 216, 219) в Англию и Америку. Вывезено было в 1758—62 г.г. в среднем 77 тыс. кусков, в 1763—77 г. 130 тыс.,

в 1793—95 г.г. 251 тыс., но затем, в связи с распространением производства их в Англии, обнаруживается сокращение вывоза до 121 тыс. кусков в 40-х годах XIX ст. [1]). В частности парусного холста вывезено было в 1824—26 г.г. в среднем 66 тыс. кусков, тогда как в 1848—50 г.г. всего 23 тыс. Сохранился только вывоз русских канатов, который повысился с 45 тыс. пуд. в 1767—69 г.г. до 288 тыс. пуд. в 1800—02 г.г., но затем мало изменялся до 50-х годов; русские канаты, в виду их дешевизны, везде применялись на торговых судах, тогда как военный флот повсюду снабжался канатами собственного производства. Особенно существенно было то, что Турция, приобретавшая ранее русские канаты, устроила для производства их казенный завод, Англия же, главная потребительница русских канатов, стала заменять их на судах железными цепями.

Привоз шерстяных тканей был больше, чем льняных, пеньковых и бумажных, но и тут, вплоть до пол. XIX ст., в виду высокой пошлины, возможен был привоз лишь сукон, употребляемых „только высшим сословием и зажиточнейшими людьми среднего класса; в соразмерности с таким ограниченным кругом потребления, привоз этих изделий оказывался довольно значительным". Доставлялись они в первую очередь из Англии, но также из Франции и Пруссии. Мы же вывозили свои шерстяные ткани на Восток, главным образом обменивали их в Кяхте на китайский чай. Русские сукна—писал французский представитель в Китае в 40-х годах—на вид, конечно, несовершенны качеством и цветами, но в носке предпочитаются китайцами; дешевизна, удобный состав ассортиментов, излишняя ширина и даже пестрота наружного украшения нравятся китайцам, а потому нет повода советовать французским фабрикантам отправлять сукно в Китай [2]). Труднее русским изделиям было соперничать с западно-европейскими изделиями в Турции; указывалось на то, что для обеспечения сбыта необходимо, чтобы они „не только равнялись с иностранными дешевизною и красивым видом", но и в отношении длины и ширины, упаковки, клейма были совершенно сходны с ними, ибо в Леванте на все эти подробности, с виду столь несущественные, обращается большое внимание.

Привоз промышленных изделий, как можно усмотреть из приведенного, не достигал в первой половине XIX ст. сколько-

---

[1]) Тенгоборский (II, 2. Стр. 189). По его словам, наши парусные полотна приобрели (несмотря на упадок этой отрасли) столь большую известность в Америке, что английские фабриканты, в целях распространения своих полотен в Америке, клали на них клеймо русской фабрики Брюзгина, одного из главнейших наших производителей.

[2]) Небольсин, II. 384 сл. 393.

нибудь значительных размеров (первое место среди них занимал привоз бумажной пряжи и тканей), составляя в 40-х годах не более 32 милл. руб. сер. среди 86 милл. всего импорта, т.-е. около 40 проц. последнего. Потому едва ли правильно было бы утверждать, что, вывозя на Запад свои сельско-хозяйственные продукты, Россия на них приобретала произведения западноевропейской промышленности. Последние, притом в значительной мере изготовленные из русского же сырья (льна, пеньки, шерсти, кож, мехов), составляли лишь часть эквивалента, уплачиваемого за русские продукты. Другая часть нашего сырья—хлеба, льна и пеньки, шерсти, сала обменивалась частью на сырые продукты Западной Европы, частью, и в большей мере, на закупаемые в тех же европейских гаванях произведения других частей света, так наз. колониальные товары. К первым относятся в особ. виноградные вина, фрукты, соль, рыба, привоз которых составлял 18 милл., ко вторым, кроме уже упомянутого выше хлопка, тростниковый сахар, кофе, красильные вещества (индиго, сандал, кошениль), пряности разного рода, всего на сумму до 20 милл. К этому присоединялся привоз чая из Китая на 6,3 милл. руб., скота и некоторых изделий (в особ. хлопчатобумажных) Востока.

Виноградные вина, игравшие роль в нашем привозе уже в XVIII ст. (см. выше, стр. 221), составляли в 1842—46 г.г. $6^1/_2$ проц. нашего импорта; это были преимущественно высокие сорта, выносившие повышенную пошлину. Частью они доставлялись прямо из мест происхождения—Франции, Португалии, Венгрии, частью через Англию, Пруссию, ганзейские города. Меньше привозилось фруктов—это были главным образом апельсины и лимоны из Италии и сухие фрукты (чернослив, изюм, винные ягоды, персики и т. д.) из Леванта. Рыба заключалась преимущественно в сельдях, доставляемых из Швеции и Норвегии, тогда как русская икра—как еще в XVII ст.—экспортировалась за границу. Соль потреблялась собственная, но 13 проц. составляла привозная, ибо северо-западные губернии были слишком отдалены от соляных источников востока и юга; она доставлялась главным образом из Англии через Либаву и Виндаву, где наряду с сельдями заменяла в обмене сельско-хозяйственных продуктов наличные деньги; соль и сельди давали крестьянам в обмен на продукты, привозимые ими для экспорта. Привоз же соли в южные порты, в интересах крымских и бессарабских соляных промыслов, был запрещен.

Среди колониальных товаров существенным являлся привоз сахара. Наибольшую часть его составлял тростниковый, несмотря на то, что сухопутный привоз колониального сахара, в целях развития собственной сахарной промышленности, был вовсе запрещен, как недозволен был и привоз рафинада

в Империю (кроме одной лишь Одессы в пределах порто-франко). Русская же промышленность давала в пол. XIX ст. еще весьма мало сахара. Общее потребление сахара у нас не превышало $2^1/_2$ милл. пуд., т.-е. $2^1/_2$ фунт. на душу населения тогда как в Англии и Соед. Штатах оно составляло 20—21 фунт., в Бельгии и Голландии 13—14, во Франции и Германии 9—7 ф. на жителя, т.-е. в 3—8 раз больше, чем в России. Деревенское (крепостное) население его совсем не употребляло, заменяя медом, да и в городах пили чай в прикуску. Сахар являлся предметом большой роскоши. Уже тогда пытались производить у нас сахар для вывоза на Восток, но не считались с требованиями потребителей. Персам, напр., не годились крупные головы русского сахара, к тому же по цене доступные лишь наиболее богатым; им нужны были небольшие головы правильной формы в 5—7 фунт., которые употреблялись в качестве подарков, причем обычаем установлено было число голов, а не фунтов, на которое каждый, по своему званию, имеет право.

Риса в первой пол. XIX ст. привозилось весьма мало, очень немного потреблялось и кофе, которого приходилось в 40-х годах всего 0,1 ф. на жителя, тогда как в Голландии 11 ф., в Германии 3 ф., в Англии 1,3 ф., т.-е. в 100—113 раз больше. Россия получала сотую долю мирового урожая кофе—163 тыс. пуд. из 16,3 милл., и доставлялся он не непосредственно из мест произрастания (Америки), а через Ганзейские города и Голландию.

Но и потребление чая в России было еще в середине XIX ст. весьма невелико. Хотя общее количество расходуемого населением чая с начала века возросло с 75 до 282 милл. пуд., т.-е. почти вчетверо, но это равнялось и теперь всего 0,2 ф. на душу населения вместо 1,8 ф. в Англии и 1 ф. в Соединенных Штатах. По дороговизне своей и чай еще был недоступен массе населения и потреблялся только городскими жителями; расчитывая на последних (5 милл.), получаем 1,6 ф. на душу или почти столько же, сколько в Англии.

Чай проник впервые в Москву в 1638 г., когда был привезен царю Михаилу Федоровичу в подарок от монгольских ханов; по словам Кильбургера, в 1674 г. на московском рынке было уже довольно много чая. В 1689 г. русским правительством был заключен договор с Китаем, на основании которого стали отправляться царские караваны с пушниною в Пекин — при каждом казенном караване был комиссар, который производил продажу товаров и закупку чая. Первый караван вступил на китайскую территорию в 1699 г.; караваны должны были приходить каждые 3 года в числе не больше 200 человек. Однако и этого числа китайцы опасались, боясь вторжения русских в их страну. Поэтому

казенные караваны появлялись гораздо реже и бывали годы, когда в XVIII ст. можно было получать чай лишь через западно-европейских торговцев, которым был открыт Шанхайский порт. Позже последовало новое соглашение с Китаем, причем последний уже добился того, что торговля происходила лишь в двух пограничных пунктах, но русские купцы не входили внутрь страны, — явления знакомые нам из истории русской торговли предыдущих эпох (см. выше стр. 7, 21—22) и свойственные ранним условиям обмена. Этими пограничными пунктами являлись Цурухайту и в особ. Кяхта,— торговля в последней успешно развивалась с конца XVIII ст., причем указом 1800 г. было установлено, в целях сбережения звонкой монеты и в видах распространения сбыта русских изделий в Китае, что торговля должна иметь исключительно меновой характер, тогда как запрещается что-либо покупать у китайцев за деньги [1]). Кроме того запрещалось кредитоваться у китайцев или давать им в долг товары. Мало того, русские купцы не имели права производить эту мену по собственному усмотрению, а обязаны были совершать ее согласно расценке русских и китайских товаров, которая устанавливалась ежегодно избираемыми из среды русских купцов т. наз. компаньонами. Последние определяли цены тем и другим товарам и проверяли, произведен ли обмен согласно этим ценам. Самая торговля продолжалась ежегодно не более 1—2 месяцев, иногда и меньше, имела, следовательно, периодический характер. В то время, как русские останавливались в Кяхте, пограничном пункте на русской стороне, китайцы приезжали в находившуюся поблизости от нее, но уже в пределах Китая, торговую слободу Маймачан (что значит „покупать—продавать") и затем уже обе стороны сходились для переговоров,—типичные условия первобытной торговли, напоминающие современную Африку. Только в 1854 г. было разрешено часть цены за приобретаемый чай уплачивать серебром (остальное пушным товаром и иными изделиями), а в следующем году было дозволено производить торговлю с китайцами по вольным ценам, без всяких стеснений [2]).

[1]) П. С. З. XXVI. № 19328.

[2]) О торговле нашей с Китаем в эту эпоху см. Корсак. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. 1857. Бутины. Истор. очерк сношений русских с Китаем. 1871. Суетин. Взгляд на российско-китайскую меновую торговлю и важность ее для России. 1841. Трусевич. Посольские и торговые сношения России с Китаем. 1882. Спасский. О торговых сношениях России с западным Китаем. 1856. Огородников. Несколько слов о кяхтинской торговле. 1856. Тарасов. Очерк кяхтинской торговли. 1858. Носков. Кяхта. 1861. Его же. О сухопутной торговле с Китаем. 1871. Крит. Будущность кяхтинской торговли. 1862. Скачков. Наши торговые дела в Китае. 1863. Субботин. Чай. 1892.

Г. П. Неболсин указывает на ту огромную роль, которую играет чай в торговле на Нижегородской ярмарке. „Несмотря на поднятие ярмарочных флагов, по привозе всех товаров, несмотря на с'езд всего купечества, ярмарочная торговля не считается начавшеюся в коммерческом смысле, до тех пор, пока не состоится продажа чаев из первых рук. До того времени не устанавливаются цены на все вообще предметы ярмарочной торговли и не определяют условий о сроках денежных расчетов за товары. В первых числах августа все внимание купечества бывает устремлено на Китайские ряды, где главные оптовые торговцы решают вопрос о чае: от их решения на счет цен и условий о платеже денег нередко зависит участь ярмарки. Купцы, торгующие в Кяхте, получив деньги за чаи, тотчас покупают сукна, вельвереты (бумажные ткани), меха и другие товары, отпускаемые в Китай; также запасаются разными мануфактурными изделиями, винами, сахаром и проч. для Сибири. От того на ярмарке вдруг разливаются деньги, цены устанавливаются на все товары и торговля принимает правильный, постоянный ход" [1]).

В этом смысле высказывались и другие авторы, утверждая, что чаи кладут всему цену на ярмарке, что „развязка с чаем" является самым крупным моментом, господствующим над судьбою ярмарки [2]). Но с течением времени это, повидимому, изменилось. Н. Н. Овсянников, первоначально также державшийся этого мнения, в своем сочинении о Нижегородской ярмарке, написанном в 1867 г., уже заявляет, что это старая песня, которую пора бы бросить, и полагает, что теперь уже первое место на ярмарке занимают хлопчатобумажные изделия [3]). На этой точке зрения стоит и В. П. Безобразов, в своих „Очерках Нижегородской ярмарки" указывающий на то, что хлопчатобумажным изделиям принадлежит та роль, которая в прежнее время приписывалась кяхтинским чаям; едва ли от какого-нибудь другого товара зависит судьба такого множества других товаров и такого огромного количества дел на ярмарке, как от хлопчатобумажных. „С ним неразлучно связаны привозная и отвозная наша торговля с Азией, привоз средне-азиатского хлопка и красильных веществ, вывоз наших хлопчатобумажных и всяких иных изделий" [4]) [5]).

---

[1]) Неболсин. I. 365.

[2]) См., напр., Мельников. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 годах. 1846.

[3]) Овсянников. О торговле на Нижегородской ярмарке. 1867. Стр. 15. 20—21.

[4]) Безобразов. Очерки Нижегородской ярмарки. 1865.

[5]) Нижегородская ярмарка — говорит директор „ярмоночной" конторы А. Зубов в своем „Описании Нижегородской ярмарки" 1839 г.

Перемену, происшедшую в нашей внешней торговле (в предметах вывоза и привоза) в течение XIX ст., можно выразить следующим образом. Вывоз наш выражался преимущественно в следующих товарах:

(стр. 2)—„одна из первейших в Европе, есть самый любопытный предмет для наблюдателя. Этот базар России или лучше сказать, меновой двор Европы с Азиею, находясь при соединении двух рек: Оки и Волги, обнимающих системою вод своих знатнейшую часть Европейской России, дает полное понятие о изобилии государства и бесчисленных отраслях. промышленности его жителей". Нижегородская ярмарка — читаем у другого исследователя того времени Овсянникова — есть „важнейший экономический факт русской жизни, полный всевозможных интересов... это ключ к уразумению важнейших явлений нашей жизни, это пульс нашего народного организма", это „ряд отправлений нашей внутренней торговой жизни, свидетельствующий о здоровых и больных сторонах ее, разрешение разнообразных экономических задач. Ярмарка изображает собою внутреннее, местное потребление России, для которого она служит у нас главною господствующею коммерческою пружиною" (Овсянников, стр. 25). Нижегородская, прежняя Макарьевская, ярмарка, в 1817 г. переведенная из Макарьева в Нижний-Новгород, стала в последующие десятилетия „центральным пунктом в обмене товаров, как внутри Европейской России, так и между ней и Азией". С Нижегородской ярмарки—поясняет Безобразов—„товар легко отправить куда угодно, хоть на край света. И для этого даже не нужно везти сюда самый товар. Такие удобства для пересылки товаров ярмарка заключает в себе, очевидно, не вследствие одних только географических условий своей местности, но главным образом как место великого сходбища всякого рода участников торговли... Значение ярмарки, как биржи и коммерческого средоточия, можно назвать преобладающим как в области всей нашей внутренней торговли отечественными мануфактурными товарами, произведениями Урала и вообще всеми товарами, следующими, как железо или рыба, по Волге через Нижний—так и в азиатской торговле, в особ. сибирской и в некоторых вывозных наших отраслях" (Безобразов. II, стр. 16—17). „Ярмарка—продолжает он далее — обладает свойствами по преимуществу, соединяющими и примиряющими различия и противоположности племен и обычаев; этот повод примиряет быстрее и производительнее всякого иного случая встречи: нужно во что бы то ни стало продать и купить". Здесь „приравниваются друг к другу высокомерный московский первостатейный купец и не менее высокомерный у себя дома бухарец". Они „тягаются здесь, выдвигая каждый все батареи своих коммерческих хитростей, запугивая один другого крайними последствиями несовершения сделки: с одной стороны, обратное шествие по средне-азиатским степям с грузом ни на что негодного для соплеменников хлопка и без наличных денег... в заключение, может статься, палочное наказание на площади в награду от начальства за плохую торговлю; а с другой стороны, обратный путь по рельсам, хотя и несравненно более краткий и усовершенствованный, но также с несовсем приятными ощущениями, при мысли о фабрике без сырого материала и с запасами сработанного товара, годного лишь для чужой части света, и о кармане без наличной денежной поживы" (Безобразов, 68). Об украинских ярмарках этой эпохи см. И. Аксаков. Исследование о торговле на Украинских ярмарках. 1858.

а) В начале XIX ст.

Хлеб	18	проц. всего вывоза
Сало животное	15	" " "
Пенька	15	" " "
Лен	9	" " "
Медь, железо и сталь	7½	" " "
Льняные и пеньковые изделия	5½	" " "
Меха	4	" " "

б) В половине XIX ст.

Хлеб	19	проц. всего вывоза
Сало животное	12	" " "
Лен	11	" " "
Льняное семя	8½	" " "
Пенька	7½	" " "
Шерсть	7½	" " "
Лес	3½	" " "

в) В начале XX ст.

Хлеб	40	проц. всего вывоза
Лес	10	" " "
Яйца	5	" " "
Лен	4,5	" " "
Масло коровье	4	" " "
Сахар	2,7	" " "
Нефть и продукты из нее	2,4	" " "

Разница между началом XIX ст. и серединой его не велика; экспорт еще не успел изменить своего характера. Хлеб, животное сало, лен и пенька занимают первые места и в тот и в другой период, охватывают половину и более всего экспорта. Перемена произошла только частичная—вывоз металлов и льняных материй потерял в половине XIX ст. свое прежнее значение; вывоз мехов лишь сократился с 4 до 2½ проц. Усилился же вывоз шерсти и леса. Напротив, в течение второй половины XIX ст. характер вывоза коренным образом изменился. Хлеб с 18—19 проц. повысился до 40 проц., лес с 3½ до 10, и эти два вида товаров составили половину всего вывоза. Лен и пенька, а также шерсть и в особ. животное сало (вывоз которого, прежде столь крупный, почти прекратился) отодвинуты на задний план вновь появившимися об'ектами экспорта—яйцами и коровьим маслом, сахаром и нефтью. В этом ярко отразилась новая физиономия экспорта.

Однородные явления наблюдаем в области импорта; последний изменялся следующим образом:

1) В начале XIX ст.

Хлопчатобумажные ткани	$16^1/_2$	проц.	привоза
Шерстяные ткани	$16^1/_2$	"	"
Сахар	$12^1/_2$	"	"
Краски и красильные вещества	$6^1/_2$	"	"
Вина виноградные и водки	$6^1/_2$	"	"
Шелк	6	"	"
Чай	4	"	"
Соль	4	"	"

2) В середине XIX ст.

Бумажная пряжа	10	проц.	привоза
Сахар	10	"	"
Чай	8	"	"
Вина виноградные и водки	$6^1/_2$	"	"
Краски	6	"	"
Бумажные ткани	$4^1/_2$	"	"
Шелковые ткани	$4^1/_2$	"	"
Хлопок	4	"	"
Шерстяные ткани	$3^1/_2$	"	"
Шелк	3	"	"
Фрукты	3	"	"
Соль	$2^1/_2$	"	"

3) В начале XX ст.

Машины	12	проц.	привоза
Хлопок	10	"	"
Чай	5,7	"	"
Каменный уголь и кокс	4,4	"	"
Шерсть	4,4	"	"
Рыба	3,4	"	"
Каучук и гуттаперча	2,5	"	"
Писчебумажный товар	2,5	"	"
Шелк	2,3	"	"
Химические продукты и материалы	2	"	"

И в области привоза разница между началом и серединой XIX ст. небольшая. И тут и там фигурируют те же товары. Только бумажные и шерстяные ткани, составлявшие третью часть всего привоза, потеряли свое прежнее значение, сократившись вчетверо; мы стали вырабатывать их у себя дома, пользуясь привозным хлопком и в особ. бумажной пряжей— последней производилось недостаточно. В течение же второй

пол. XIX ст. обнаруживается в привозе еще более резкая перемена, чем в вывозе. Прежде всего характерно, что в то время, как в предыдущие периоды 8—12 товаров давали 65—70 проц. всего импорта, теперь приведенные 10 товаров составляют менее половины привоза; для получения двух третей привоза пришлось бы прибавить еще 10—15 видов товаров. Это свидетельствует о том, что привоз стал гораздо разнообразнее, чем прежде, и, вместо преобладания в нем небольшого количества товаров, фигурирует весьма значительное число их, из коих каждый однако играет небольшую роль в импорте. Вместе с тем и здесь ряд товаров потерял свое прежнее значение; такова бумажная пряжа и бумажные ткани и шерстяные ткани; другие товары, как сахар и соль, вовсе исчезли из импорта. Их заменили новые товары, характеризующие хозяйственное развитие второй пол. XIX и начала XX ст.—каменный уголь, каучук и гуттаперча, писчебумажный товар, химические продукты; к этому можно было бы прибавить еще экипажи, велосипеды и автомобили, металлические товары, кожаные изделия, дубильные вещества; почти все это новые предметы, привоз которых в прежнее время ограничивался минимальными размерами или вовсе отсутствовал. В особ. же приобрели крупное значение машины и хлопок, занимающие первые места; бумажную пряжу и ткани заменило сырье—хлопок, из которого уже мы сами выделывали ткани. В начале XIX ст. привозились в большом количестве готовые ткани — фабрикат; в половине века их сменил полуфабрикат — бумажная пряжа, которая у нас перерабатывалась в ткани; теперь и последние уступили место сырью—хлопку, для выполнения в России всего процесса производства—и прядения и ткачества.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Таможенная политика и торговые договоры в XIX ст.

В XVIII ст. мы находим временные запрещения привоза или вывоза отдельных видов товаров, по общему же правилу, привоз не был запрещен при Екатерине II, по крайней мере, пошлины отличались сравнительно умеренными размерами. Но с 80-х годов таможенная политика изменяется: общим правилом становится у нас—как и во Франции с конца XVIII ст.—система запрещений привоза, которая (как было и во Франции) господствует вплоть до половины XIX ст. Исходной точкой как бы становится недопустимость привоза иностранных товаров, в особ. промышленных изделий, и только по тем или иным соображениям приходится делать исключения в отношении определенных групп товаров и допускать привоз их в страну.

Началась такая политика указом 1788 г., которым—как мы видели выше (см. стр. 237)—запрещался привоз большинства товаров по западной сухопутной границе, в целях пресечения имевшей там место контрабанды. Вслед за этим последовал указ 1793 г., находившийся в связи с французской революцией и соглашением между Россией, Англией, Пруссией и Австрией, согласно которому торговые сношения с Францией должны быть прекращены. Но указ этот не ограничивался запрещением вывоза русских товаров во Францию и привоза товаров оттуда, а „в отвращение подложного привоза товаров“ распространялся и на однородные товары, независимо от их происхождения, и означенные в особой росписи по 97 статьям—из этого добавления, направленного уже против союзников, видна была истинная причина упомянутой меры. В 1800 г. был снова запрещен привоз многочисленных видов иностранных товаров и то же имело место в 1808 г. в отношении английских товаров, в связи с кон-

тинентальной системой Наполеона [1]). Если от требований, пред'являемых последним, Александр I не мог уклониться, то тариф 1811 г., содержавший огромное количество запрещений привоза, независимо от того, откуда товары привозились, был уже издан по инициативе самой России, хотя Александр I и высказывался в смысле необходимости облегчить „поселенцам“ приобретение иностранных товаров, в целях безбедного существования. В то же время он однако желал преградить усиление „непомерной роскоши“ и добиться „умеренности в образе жизни и обращения капиталов не в пищу чужеземной роскоши, но в поощрение собственных наших отечественных фабрик и изделий“. Этот второй принцип, очевидно, и одерживал верх над первым. Об этом свидетельствует и тариф 1816 г. Хотя последний содержал несколько меньше запрещений, чем предыдущий, но все же достаточное количество (запрещен был привоз железных изделий, хлопчатобумажных, сукна, полотна, обуви, шляп, посуды, чая и т. д.). Среди промышленников, однако, и он вызвал возмущение; им и этого было мало—за разорением страны неприятелем последует, по их словам, „вторительное“ разорение.

Эта запретительная политика лишь временно была прервана коммерческой конвенцией, заключенной с Пруссией в 1818 г. После Венского трактата 1815 г., в силу которого Россия получила большую часть Польши, было постановлено облегчить обращение товаров между частями Польши, отошедшими к России, Пруссии и Австрии, а равно установить свободный транзит через эти области (хотя и с уплатой пошлин), для чего была образована т. наз. трехсторонняя комиссия из представителей трех монархий [2]). Однако Австрия и в особ. Пруссия настаивали на установлении известных облегчений привоза их произведений не только в русскую Польшу, но и в пределы самой России. Соглашения с Австрией, которая довольствовалась немногим, не трудно было достигнуть [3]). Сложнее обстояло дело с Пруссией, но и тут договор последовал, хотя и после продолжительных переговоров. Конвенцией с Пруссией предоставлено право торговли и судоходства русским и прусским подданным в пределах бывшего королевства Польского, причем однако торговля в розницу

[1]) О торговых сношениях между Россией и Францией при Наполеоне см. Тарле. Континентальная блокада. Т. I. 1913. Стр. 464 и сл.

[2]) Мартенс. Собрание трактатов и конвенций. Т. III. № II (81). Стр. 333 сл.

[3]) Дополнительный акт относительно торговли и промышленности в польских провинциях, принадлежащих Австрии и России, 5 (17) авг. 1818 г. (П. С. З. № 27453. Мартенс. Т. IV. Ч. 1. Трактаты с Австриею 1815—1849. Спб. 1878. № 108. Стр. 68 сл.).

дозволена им только в продолжение „ярмонок“ (остаток от принципов XVIII ст.), а продажа промышленных изделий вообще допускается лишь в течение 6 месяцев, по истечении же этого срока лишь через посредство местных жителей (тоже старинное правило). Для приобретения же права постоянной торговли оптом и в розницу необходимо записаться в градское общество данного места (ст. III). Однако вслед за тем конвенция 1818 г. в ст. IV трактует и о торговых сношениях между Россией и Пруссией вообще, устанавливая, что транзит через Россию или Пруссию для товаров другой стороны может быть запрещен только с согласия обоих государств; производится он с уплатой лишь условленных пошлин. Равным образом запрещения привоза и вывоза товаров чрез сухопутную границу могут последовать не иначе, как с их обоюдного согласия. Наконец, приложена табель ввозных пошлин, взимаемых на русской границе с предметов прусского происхождения из льна, кожи и шерсти. При этом, однако, обе стороны сохраняли за собой право налагать по своему усмотрению консоммационные пошлины, т.-е. сборы, которые имелось в виду взимать при выпуске товаров на внутренний рынок (наряду с пограничными пошлинами) [1].

Эта прибавка как будто уничтожает в значительной мере смысл соглашения, ибо дает возможность сторонам в форме консоммационных пошлин проводить все те стеснения привоза, которые не могут быть осуществлены при помощи пограничных пошлин. Но во всяком случае всякого рода запрещения привоза, в силу конвенции, отменяются, в частности запрещения привоза шерстяных, льняных и кожаных товаров; между тем, действовавшим у нас в то время тарифом 1816 г. почти все эти товары были запрещены к ввозу.

Соответственно этому, и был издан в 1819 г. новый таможенный тариф, который согласовался с выработанными конвенцией пошлинами и который, хотя и не отличался умеренностью ставок, но все же не содержал никаких запрещений привоза, т.-е. нарушал обещание, данное промышленникам при опубликовании тарифа 1816 г., не дозволять привоза большинства промышленных изделий ранее, чем по истечении 12 лет. Неудивительно, что среди русских промышленников, привыкших к тому, что иностранные фабрикаты не могут привозиться в пределы страны, раздались вопли и жалобы на то, что все гибнет. Государство—восклицали они—оказывает поощрение произведениям других стран, а собственные предприятия его должны закрыться. Земледелие без рынка, промышленность без охраны должны

---

[1]) Коммерческая конвенция с Пруссией 7 (19) Декабря 1818 г. (П. С. З. № 27. 586). Мартенс. Т. VII. № 297. Стр. 331 сл. 365.

заглохнуть, монета уйти за границу, самые солидные предприниматели не могут этого выдержать [1]).

Эту точку зрения усваивает себе вскоре и правительство, и граф Нессельроде (министр иностранных дел) поручает русскому посланнику в Берлине Алопеусу добиться у прусского короля изменения этой столь вредной конвенции, ссылаясь на то, что „наше земледелие падает, а наша зарождающаяся промышленность умрет в колыбели, потому что, с установлением в 1818 г. вольностей, все иностранные промышленности, ее соперницы, стали создавать ей такую конкуренцию, какой она еще не в состоянии выдержать". В виду неудач, постигших Алопеуса, Александр I собственноручно написал письмо прусскому королю, указывая на то, что другие страны не отказались от запретительной системы, и России одной, оставшейся верной началам, провозглашенным Венским конгрессом, приходится приносить большие жертвы [2]).

Не ожидая ответа короля, русское правительство отменило конвенцию 1818 г. собственной властью и издало в 1822 г. новый тариф, который возвращается почти целиком к постановлениям тарифа 1816 г. с теми же многочисленными запрещениями и высокими ставками, причем таможенная черта между Россией и Польшей, уничтоженная тарифом 1819 г., была вновь восстановлена. Что же касается принятых на себя по отношению к Пруссии обязательств, то правительство, буквально толкуя акт 1818 г., утверждало, что последний не допускает запрещения привоза и обложения повышенной пошлиной только прусских льняных, шерстяных и кожевенных изделий. Поэтому прусские товары этого рода, привозимые при свидетельствах о происхождении, будут пропускаться в Россию (по общему правилу эти товары запрещались) с уплатой установленной в конвенции пошлины, но в целях устранения контрабанды, лишь в количестве, соответствующем тому, какое Пруссия в состоянии производить для вывоза в Россию и Польшу. Это количество и было установлено. Само собою разумеется, что в таком ограничении заключалось нарушение конвенции, как и в запрещении привоза прочих прусских товаров. Первоначально предполагалось допустить привоз всех изделий прусского происхождения в определенном количестве, но впоследствии и это не было выполнено [3]).

Неудивительно, что Пруссия возмущалась такой односторонней отменой конвенции и никак не хотела примириться с этим, как с совершившимся фактом.

---

[1]) Лодыженский. Истор. рус. там. тар. Прил. X. XI.

[2]) Мартенс. Т. VIII. Трактаты с Германиею 1825—1888. Спб. 1888. Стр. 26.

[3]) Мартенс. Т. VIII. Стр. 8.

Несмотря на это, в 1825 г. была заключена с Пруссией новая конвенция о торговле и судоходстве [1]), ст. 1. которой гласила, что „с российскими и польскими подданными в Пруссии, а равно с прусскими подданными в России и Польше, поступаемо будет в торговых их сношениях точно так же, как и с природными жителями". Однако точнее эти права не поясняются. Согласно ст. 19, транзит через Польшу— в этом заключалось главное значение договора—признается вполне свободным по всем направлениям. Ст. 9 определяет, что в отношении привоза товаров должны применяться общие тарифные постановления каждого государства, „напротив же, никто не может иметь права на особенные условия, содержащиеся в частных конвенциях, которые заключены уже или впредь заключены будут одною из договаривающихся сторон с какою-либо постороннею державою". Этим устанавливалась неприменимость т. наз. принципа наибольшего благоприятствования, согласно которому льготы, предоставленные какой-либо третьей державе, распространяются и на договаривающиеся стороны (см. выше, стр. 200. 208). Эти льготы их совершенно не касаются (такое постановление содержалось и в конвенции с Австрией 1818 г. ст. 25—„за исключением только из'ятий и преимуществ, данных по условиям особенных конвенций") [2]). Впрочем таких специальных льгот оказывалось весьма мало, они составляли на практике исключение. К договору был приложен тариф транзитных пошлин, взимаемых со всевозможных товаров, но о каком-либо тарифе привозных пошлин уже речи не было. Конвенция 1818 года в этом отношении составляла исключительное явление в течение всей первой пол. XIX ст. Результаты ее показали невозможность установления конвенционных тарифов в эту эпоху.

Запретительный характер наш таможенный тариф сохраняет и в дальнейшие десятилетия—20-ые, 30-ые, 40-ые годы. Такой строго охранительной системы придерживался граф Канкрин, который в течение двух десятилетий стоял во главе министерства финансов. Хотя он и находил запрещения привоза нецелесообразными, так как они лишают русскую промышленность возможности получать образцы и примеры для усовершенствований, а казна на них теряет таможенный доход и, наконец, поощряется контрабанда, и предпочитал запрещениям высокие ставки, — все же и этот принцип замены прежних запрещений привоза высокими охранительными пошлинами он проводил лишь отчасти.

---

[1]) Конвенция о торговле и судоходстве, заключенная в Берлине между Россией и Пруссией 27 февраля (11 марта) 1825 г. (П. С. З. № 30264). Мартенс. Т. VIII. № 308. Стр. 24 сл.

[2]) Мартенс. IV, 1. № 108.

В 1836 и 1838 г.г. были правда упразднены различные запрещения, в особ. же много их исчезло с введением нового тарифа 1841 г., но все это касалось лишь предметов второстепенной важности, тогда как в основных отраслях производства они сохранялись попрежнему. Так, еще в 40-х годах находим запрещения привоза сахара-рафинада, различных видов пушнины, фарфоровой посуды, зеркал, свечей, материй набивных бумажных и полубумажных, разных шерстяных тканей, многих сортов полотна, шелковых материй, шляп, готового платья и белья; запрещены были также железо и чугун и многочисленные изделия из них, как, напр., проволочные и луженые, клинки, ножи, вилки, замки, щипцы и другие подобные предметы.

Но и в тех случаях, когда привоз был дозволен, ставки достигали нередко огромной высоты. Так, напр., различные химические продукты (соляная кислота, купорос, кали, углекислая соль) были обложены в 200 проц. цены, бумажная пряжа в 60—80 проц., перчатки в 60—150 проц.; многие галантерейные товары, как булавки, бусы, изделия из щетины, крючки, а также корзинки, удочки, курительные трубки, белила и румяна, помада, мыло, платили более 100 проц., другие, как кошельки, очки, термометры, янтарь, черепаха, агат, седла, свинцовые изделия—200—300 проц. Пошлины на полотно составляли от 50 до 600 проц. с цены, а пошлины с чернил в 20 раз превышали их стоимость [1]).

Все это приводило к чрезвычайному росту контрабанды— высокие пошлины как бы намеренно питали ее. Таможенное управление указывало, напр., на то, что пошлина на текстильные изделия свыше 30—35 проц. становится недействительной, вследствие развития контрабандного ввоза; такой размер обложения является предельным для тканей. На самом деле пошлины на ткани были значительно выше этой нормы или привоз их был вовсе запрещен и контрабанда росла. Согласно официальному изданию „Виды внешней торговли", конфискованных хлопчатобумажных изделий было продано в 1840 — 43 г.г. на 343 тыс. руб., а в 1844 — 47 г.г. на 404 тыс. руб., шерстяных изделий в 1840—43 г.г. на 97 тыс., в 1844—47 г.г. на 256 тыс. или почти втрое более. Напротив, контрабандный привоз шелковых набивных тканей, составлявший в 1840—45 г.г., т.-е. когда привоз их был еще запрещен, ежегодно 23 тыс. руб., после отмены запрещения в 1845 г., упал до 9,7 тыс. в 1846 г. и до 9,4 тыс. в 1847 г., т.-е. сократился более, чем в два раза. При составлении нового тарифа (изданного в 1850 г.) указывалось на то, что ставка в 60 проц. на кофе представляет значительную

---

[1]) Соболев. Таможен. политика России. 1911.

премию для контрабанды. Понижение пошлины на ряд товаров мотивировалось тогда именно стремлением уменьшить контрабанду; напр., этим об'яснялось сокращение ставок на уксус, какао, различные галантерейные товары, писчую бумагу, ножевой товар и целую массу других предметов—составлен был длинный список таких товаров. Требовали также понижения ставок на шелковые изделия, шерстяные товары, полотно, в видах борьбы с контрабандой. Выяснилось, что контрабанда производится открыто, без всякого стеснения, что образовались за границей страховые компании для тайного водворения в Россию товаров.

„Не проходит месяца—писал в 1840 г. Николай I графу Нессельроде по поводу контрабанды—в продолжение которого эти беспорядки не стоили бы жизни нескольким должностным лицам... Мы принуждены были увеличить пограничный корпус четырьмя батальонами армейских войск. В начале эта мера, казалось, навела страх, но чрез короткое время возобновились те же беспорядки, и настоящие сражения происходили между прусскими подданными и нашими контрабандистами и линейными войсками. Уже пало несколько офицеров и солдат". Николай I настаивал на том, чтобы прусское правительство приняло решительные меры против контрабандистов, которые постоянно переходят из Пруссии через русскую границу и вступают в открытый бой с русской таможенной стражей. Прусское правительство послало своего комиссара на границу для преследования контрабандистов, после чего Николай I немедленно же назначил и своего комиссара, который должен был жить там же, где живет прусский комиссар, т.-е. в Мемеле. Однако пруссакам последнее не понравилось, они находили совершенно невозможным, чтобы русский чиновник распоряжался на прусской территории. В виду их „явного неудовольствия", пришлось отозвать русского комиссара. В то же время Николай I жаловался на то, что, несмотря на присутствие прусского комиссара, безобразия не только не прекращаются, но распространились даже на морской берег около Либавы, где их прежде не было, и спрашивал, что намерено сделать прусское правительство для борьбы с этим злом, которого он далее терпеть не может.

Но прусский посланник в Петербурге на это вполне хладнокровно и откровенно отвечал, что развитие контрабанды есть естественный результат русской запретительной политики и не дело иностранной державы „обеспечивать исполнение таможенной системы соседнего государства". Он прибавил к этому, что от Пруссии нельзя даже требовать

[1]) Неболсин, II. 369. 384. 399.

принятия мер против торговли, которая нарушает лишь русские интересы, и что сами русские власти участвуют в контрабандной торговле или по меньшей мере ей потворствуют. Николай I был сильно возмущен этими „инсинуациями", как он их называл, а в связи с требованием об отозвании русского комиссара из Мемеля предложил даже, чтобы Пруссия прислала своего комиссара на русскую территорию. Прусское правительство вообще находило, что в виде контрабанды привозятся только такие товары, в которых нуждаются местные жители, и что оно не может „стеснять свободу торговли, которую законы предоставляют своим собственным подданным". Николая I такой ответ должен был глубоко возмутить.

Поведение Пруссии в это время вообще доставляло ему мало удовольствия. Когда истек девятилетний срок, на который была заключена в 1825 г. упомянутая выше коммерческая конвенция с Пруссией 1825 г., и возник вопрос о новом торговом соглашении, то Пруссия прежде всего заявила о своем желании включить Польшу в Германский таможенный союз, что должно было вызвать решительный протест со стороны России; далее она находила, что новый договор должен быть построен на взаимности и на более справедливом распределении выгод и уступок, чем это имело место в конвенции 1825 г., причем было заявлено требование о восстановлении обязательной силы Венского трактата 1815 г., а тем самым и конвенции 1818 г., создавшей в свое время столь неблагоприятные для России условия. Россия на это отвечала, что мысль о возвращении к этим договорам должна быть раз на всегда оставлена. Так как Пруссия настаивала на уменьшении пошлин на прусские изделия из хлопка, льна, шелка, железа и стекла, как и на вина, обещая в этом случае сбавить транзитную пошлину с товаров, вывозимых из Польши чрез Пруссию, то Николай I, в виду такой „противоположности интересов и систем", решил „приостановить все переговоры и даже всякий обмен мыслей". „Но, следуя добровольному влечению своего сердца—как писал граф Нессельроде—он решил без всякого двустороннего соглашения и обязательства предоставить „совершенно безвозмездно и бескорыстно" различные уступки, о которых просила Пруссия, требуя только „справедливой взаимности" со стороны Пруссии в отношении таких мер, как признание флага другой стороны равноправным с собственным и как обложение привозимых из ее территории товаров равными с товарами, привозимыми из других стран, пошлинами [1]).

В результате получился любопытный акт, опубликованный в виде двух указов Сената под названием „Окончательные

[1]) Мартенс. Т. VIII. Стр. 242 сл., 277 сл.

уступки, делаемые Россией в пользу Пруссии". Этот своеобразный акт 1842 г. не имеет характера двустороннего международного договора, а представляет собою скорее грамоту, пожалованную Пруссии. Центром тяжести его являются некоторые понижения пошлин на прусские товары, открытие новых таможен и пограничных пунктов, по желанию Пруссии, сохранение свободного беспошлинного транзита чрез Польшу (как это было установлено конвенцией 1825 г.), а равно предоставление — но под условием взаимности — равноправия (с русским) прусскому флагу и равноправия (с иностранными) привозимым из Пруссии товарам (лишь за австрийскими и венгерскими винами сохранены особые льготы) [1].

Только тарифы 1850 и 1857 г.г. устранили почти все запрещения привоза и значительно понизили привозные пошлины [2]. В эту эпоху, когда на Западе стало господствующим фритредерство, когда Англия превратила свой тариф в чисто-фискальный, и другие страны (Пруссия, Франция, Австрия, Италия) стали ей подражать, и Россия не могла оставаться при своей резко-протекционной политике. Впрочем, до фритредерских тарифов у нас дело не дошло, протекционизм не исчез вполне, но получил лишь более умеренный характер. Русская экономическая литература середины XIX ст. признает, что покровительство не может быть огульным, а должно распространяться лишь на те отрасли промышленности, которые имеют шансы на успех; что запрещения привоза наносят ущерб и нашему вывозу, так как в этом случае иностранные суда вынуждены приходить с балластом, что удорожает фрахт; что, наконец, понижение пошлин есть наиболее действительный способ борьбы с контрабандой. Тариф 1850 г. сделал лишь первый шаг—понизил пошлины на сырье, необходимое для промышленности, а некоторые виды его допустил беспошлинно. Но реформа „только дотронулась до таможенной рогатки и, слегка приподняв ее, отдернула руку, как бы отложив исполнение намерения до другого раза" [3]. Более энергично действовал тариф 1857 года, который Н. Х. Бунге называл „светлым экономическим явлением": пошлины останутся, но не будут стеснять соперничества, они позволят нашей промышленности развиться в свойственных ей сферах, без напрасной растраты производительных сил [4]. Промышленники, приученные действовать под кровом запретительной системы, смотрели однако на тариф как на „главное и единственное условие их успехов и благосостояния" и утвер-

[1] Торговый акт, выданный в пользу Пруссии и подписанный в Петергофе, 2 (14) июля 1842 г. (Мартенс. Т. VIII. № 325).

[2] Соболев. Таможенная политика России. Гл. II—IV.

[3] Бутовский. О запретительной системе. Экон. Указат. 1857. № 42.

[4] Бунге. Промышл. и ее ограничения. Отеч. Зап. 1857. № 12.

ждали, что новая таможенная политика убьет промышленность и разорит их совершенно. В своих же петициях и ходатайствах они проливали слезы, обнаруживая патриотические чувства. Они готовы перенести все потери, „поставляют себе за счастье жертвовать жизнью и всем достоянием для славы престола и благоденствия народа“, но не могут „без сострадания подумать о рабочих и ремесленниках, которые, теряя сродные им занятия и отстав от землепашества или не имея даже земли, не будут знать, куда обратиться для прокормления“ [1]). Но пошлины были все же понижены—и промышленникам не пришлось жертвовать ни жизнью, ни капиталами, они попрежнему имели прекрасные барыши.

В эпоху 30-х—50-х годов был заключен Россией ряд торговых трактатов; так в 1838 г. возобновлен был (заключенный в 1828 г.) договор с Швецией и Норвегией (он действовал до мировой войны), в 1832 г. подписано было соглашение с Соед. Штатами, в 1845 г. с королевством Обеих Сицилий, в 1846 г. совершена конвенция торговли и мореплаванья с Австрией, в 1846 и 1857 г.г. заключены торговые трактаты с Францией, в 1842 и 1858 г.г. с Англией (последний действовал вплоть до войны), в 1850 г. с Грецией и в 1858 г. с Бельгией (оба также сохранили свое значение до войны)

Важнейшим вопросом международной торговли и мореплаванья этой эпохи (в Европе того времени вообще), регулируемым этими трактатами, являлось установление равноправия судов заключающей договор державы с туземными судами [2]). Русские суда повсюду в других странах подлежали повышенным пошлинам, по сравнению с туземными уплачивали и более высокие сборы, чем другие иностранные суда, ибо и в этом отношении не было установлено равенства (права наиболее благоприятствуемой державы). Так напр., французские суда платили во французских портах 1 фр 10 сант. тоннажного сбора, русские — 4 фр. 12½ сант. или почти вчетверо больше, лоцманы получали с первых 24 фр., со вторых—36. Мало того, с произведений русских, привозимых на русских судах, взималась более высокая пошлина, чем при привозе однородных товаров на французских судах. В Англии к этому еще присоединялось запрещение, согласно Навигационному акту, привозить на русских кораблях товары иностранного происхождения. С другой стороны, русские суда пользовались особыми льготами в русских портах: указом 1845 г. пошлина с иностранных судов, входящих в русские порты, была увеличена на 50 проц. Упомянутыми между-

---

[1]) Соболев, 38 сл.

[2]) См. мои Основные вопросы междунар. торг. политики. Ч. II. 1919. Гл. 2, приб.

народными трактатами (как и приведенным выше указом в пользу Пруссии) это неравенство взаимно уничтожается — отменяется т. наз. droit de pavillon, которое вообще постепенно исчезает в ту эпоху.

Так, прежде всего, подобно Англии и другим странам, и Россия об'явила о своей готовности отменить упомянутую повышенную пошлину с иностранных судов в пользу всякой державы, которая согласится признать за русскими судами равные с ее собственными судами преимущества; Австрия на это согласилась, и обоими правительствами были сделаны соответствующие распоряжения, подтвержденные затем трактатом 1846 г. [1]). В Англии русские суда пользовались некоторыми льготами, по сравнению с другими иностранными судами, лишь в силу секретного предписания таможенным властям не применять к ним постановлений Навигационного акта. Но Англия при блестящем развитии своего судоходства уже не нуждалась в Навигационном акте, и трактат 1842 г., освобождающий от него русские суда, явился одним из шагов к полному отказу от этого знаменитого постановления XVII ст. [2]).

В перечисленных трактатах говорится о том, что суда русские, входящие в порты договаривающейся державы (или выходящие из них), и суда последней, входящие в русские порты (или выходящие из них), не будут подлежать никаким иным пошлинам и сборам (иногда они перечисляются: ластовым, портовым, лоцманским, якорным, буксирным, маячным, карантинным, шлюзовым и т. д.), кроме тех, какими обложены или впредь будут обложены туземные суда. Однако, не только суда пользуются равноправием, но и все товары, привоз или вывоз которых в данную страну дозволен на собственных судах, допускаются и на судах противной стороны. При этом означенные товары не будут платить иных или бо́льших привозных или вывозных пошлин, кроме тех, которые взимаются с товаров, привезенных под туземным флагом, и им будут дарованы те же льготы и возвраты пошлин. Но право каботажного плаванья (т.-е. между портами того же государства) сохраняется за собственными судами.

Однако, в трактате торговли и мореплаванья, заключенном с Францией в 1846 г., эти принципы еще не проведены

---

[1]) Конвенция торговли и мореплаванья 8 июля 1846 г., ст. IV—V. Мартенс. Т. IV. Ч. 1. № 143. Стр. 544 сл. 551 сл.

[2]) Мартенс. Т. XII. Трактаты с Англиею 1832—1895. Стр. 208—09. Постановления трактата 1842 г. впрочем ясностью не отличаются, почему трудно установить, в какой мере они отменяют Навигационный акт. В ст. IV и V различаются произведения почвы, промышленности и художеств обоюдных государств, с одной стороны, и предметы, кои не суть их произведения, но могут быть законным образом (это именно двусмысленно) привозимы, с другой. (Мартенс XII, № 451, Коммерч. трактат с Англиею 30 дек. 1842 г.).

полностью, ибо Франция незадолго до того установила пониженные сборы со своих судов (сравнительно с иностранными) в портах Средиземного моря. В виду отказа с ее стороны отменить это распоряжение, было определено, что устанавливается равенство в отношении судов и их грузов, приходящих из северных портов, русских или французских, тогда как оно не распространяется на русские суда, приходящие из какого-либо российского порта на Черном или Азовском море во французские порты, и на французские суда, приходящие в Россию из французских портов на Средиземном море (ст. 3, 4, 5) [1].

На ряду с этим мы находим в трактатах 40-х годов и другие ограничения упомянутого принципа равенства иностранных судов и привозимых на них товаров с туземными,—ограничения, вытекавшие из господствовавшего в первой пол. XIX ст. droit d'entrepôt. Последнее заключалось в дополнительном сборе, взимаемом с грузов, привозимых не непосредственно из страны происхождения, а из каких-либо иных промежуточных портов, как и с судов, заходящих в такие порты. Целью являлось устранить посредничество других государств, обеспечить себе получение товаров непосредственно из страны происхождения, а не из вторых рук. Англия к этому времени уже отказалась от этого принципа, не придерживалась его и Россия (ибо она без такого посредничества обойтись не могла). Напротив, другие страны еще проводили его попрежнему (ср. выше, стр. 208).

Так, напр., в трактате с Нидерландами 1846 г. гарантируется равенство в смысле уплаты пошлин, наравне с товарами, привозимыми или вывозимыми на русских судах, товарам, привозимым на нидерландских судах в русские порты—какого бы происхождения эти товары ни были (следовательно, произведениям не только нидерландским, но и всяким другим—это прежде стеснялось навигационными актами разных стран) и из какого бы порта они ни прибывали, нидерландского или иного (или в какой бы порт ни отправлялись). Напротив, товары какого бы происхождения они ни были, привозимые на русских судах, пользуются равноправием лишь в случае привоза их непосредственно из русских портов, притом только в европейские порты Нидерландов, а не в колонии; для последних существовал особый режим [2].

Такое же ограничение для русских судов находим еще и в трактате с Францией 1857 г. (равноправием пользуются

[1]) Трактат торговли и мореплаванья 4 (16) сент. 1846 г. (Мартенс. Т. XV. Трактаты с Францией 1822—1906. Спб. № 522).

[2]) Трактат о торговле и мореплаваньи, заключенный между Россиею и Нидерландами 1 (13 сент.) 1846 г. Ст. 6 (Сборник торговых договоров. Изд. Отд. Торговли. 1916).

товары, привозимые непосредственно из России во Францию (но не из иных портов), под российским флагом; тогда как прежние оговорки, касающиеся южных портов, в этом договоре уже отпали — из какого бы русского или французского порта суда ни приходили, они и их грузы подлежат равным с туземными сборам и льготам [1]). Однако, в виду того, что при таких условиях взаимности не получается (Россия ведь не проводила различия между товарами, привозимыми непосредственно из страны происхождения и привозимыми из других портов), указанные трактаты нидерландский и французский стараются смягчить это неравенство предоставлением России в качестве компенсации особых льгот, на которые противная сторона не претендует; напр., Нидерланды дают русским судам право каботажного плаванья, обычно предоставленного только национальным судам, притом без взаимности со стороны России (ст. 7) [2]). Напротив, ни в бельгийском трактате 1850 г., ни в английском 1858 г. никаких ограничений, ни вытекающих из droit d'entrepôt („откуда бы суда ни приходили и куда бы ни шли"), ни обусловленных Навигационным актом (отмененным в 1849 г.), уже не содержится.

В договорах рассматриваемой эпохи находим далее обычно подробное перечисление прав, предоставляемых подданным другой стороны в пределах данного государства,—равных с правами собственных подданных: свобода в'езда и выезда, странствования или пребывания в какой бы то ни было части обоюдных владений, право нанимать в городах и портах дома, магазины, лавки и земли, право располагать своим имуществом, в том числе перевозить свое имущество из одной страны в другую без особых сборов (раньше существовали ограничения в отношении вывоза наследств и взимались особые сборы при вывозе имущества иностранцами за границу). „Полная и совершенная свобода предоставляется во всяком случае покупателю и продавцу договариваться между собою и опре-

[1]) Трактат торговли и мореплаванья 2 (14) июня 1857 г. Ст. III. XII. Мартенс. Т. XV. № 529.

[2]) В договоре с Францией прибавлено в ст. XIII, что российское судно, заходящее в какой-либо из промежуточных портов на пути во Францию, не теряет еще прав, соединенных с непосредственным приходом из русских портов, если оно там только оставляет часть груза, но нового не берет; а в отношении русских судов, производящих правильные рейсы между южными морями и Марселем, установлено, что они и взятые в России грузы пользуются равноправием с французскими судами и их грузами, даже если они производят торговые действия в промежуточных портах; следовательно дополнительная пошлина касается лишь тех грузов, которые взяты в этих промежуточных портах, но не всех. Ст. IV предоставляет те же права, что во французских портах, русским судам и в портах Алжира.

делять цену какой-либо вещи или товара" (трактат с Нидерландами 1846 г., ст. 4)—необходимо было еще специально оговаривать право свободного заключения сделок.

Что касается, наконец, третьей группы постановлений, касающихся привозимых, вывозимых или идущих транзитом товаров (транзит специально регулируется в договорах с Пруссией и Австрией, ибо тут он имел для нас значение), то—в противоположность принцип приравнения к собственным судам и подданным — здесь не применяется еще (как мы указывали выше) принцип приравнения к товарам, привозимым из других стран (о равенстве с туземными произведениями не могло быть речи), т.-е. принцип наибольшего благоприятствования. Во всех трактатах первой половины XIX ст. господствует т. наз. система возмездия или эквивалента, согласно которой всякая льгота, предоставленная третьей державе, не распространяется немедленно же на договаривающуюся сторону, а дается ей лишь за известный эквивалент с ее стороны, за предоставление ею в свою очередь тех или иных выгод или преимуществ данному государству [1] [2].

Это обстоятельство находится в тесной связи с тем фактом, что в договорах этой эпохи не содержится, за редкими исключениями (см. выше относительно Пруссии и Австрии),—исключения имелись уже в XVIII ст. (см. выше стр. 208 и прим.), — никаких условленных (связанных) тарифных ставок. Каждая острона удерживает за собой право устанавливать свой таможенный тариф по своему усмотрению; тариф сохраняет автономный

[1]) См. мои Основн. вопр. междунар. торгов. полит. Ч. II, гл. 1 и 2.

[2]) В трактате с Швецией и Норвегией 26 апр. (8 мая) 1838 г., ст. 3 сказано, что обе стороны сохраняют за собой право заключать конвенции с другими странами, в коих были бы предоставлены особые льготы определенным товарам за специальный эквивалент; эти льготы не распространяются на Швецию и Норвегию или Россию. Во всех же других трактатах говорится, что со всех произведений почвы и промышленности, привозимых во владение другой стороны, не будет взиматься других или больших пошлин, кроме тех, которые взимаются с произведений всякого другого государства. Иногда еще к этому прибавлено (напр., в трактате с Англией 1842 г.), что стороны обязуются взаимно не допускать никаких выгод в пользу подданных других государств, которые не были бы предоставлены и договаривающейся стороне. Но все это аннулируется следующей статьей, где указано, что все эти льготы предоставляются другой стороне безвозмездно, в случае если они третьей державе даны безвозмездно, и за соответствующую компенсацию, если третья держава их получила за определенный эквивалент. Это содержится не только в трактате с Нидерландами 1846 г. (ст. 11), с Францией 1846 г. (ст. 10), с Англией 1842 г. (ст. 11), с Грецией 1850 г. (ст. 7), но и с Бельгией 1858 г. (ст. 13), с Францией 1857 г. (ст. 14). Только в трактате с Англией 1858 г. последней прибавки нет, так что устанавливается принцип наибольшего благоприятствования.

характер. И даже в тех случаях, когда она идет навстречу пожеланиям и требованиям другого государства, она производит соответствующие изменения в тарифе одностороние, по своей инициативе, не желая себя связывать на определенный срок договором.

Напротив, характерную черту торговых договоров, заключенных Россией в конце XIX и в начале XX ст., составляет то, что это в большинстве случаев тарифные договоры, т. е. такие, к которым приложен тариф ставок, связанных на срок заключения договора (пониженных или закрепленных), по требованию другой стороны. Это уже не несколько ставок, как бывало и в договорах конца XVIII ст. (см. стр. 208 прим.), а целая масса статей, по которым взаимно делаются уступки. Такая система появляется вместе с фритредерской торговой политикой, на Западе уже с 60-х годов, а с 90-х годов применяется и у нас. В связи с этим приобретает крупное значение принцип наибольшего благоприятствования, предоставляющий договаривающейся стороне все льготы и преимущества, которые будут даны какой-либо третьей державе. В то время, как прежде таких льгот было очень мало, теперь, при многочисленности торговых трактатов, притом имеющих характер тарифных договоров, было чрезвычайно важно обеспечить за собой право на все эти уступки. Поэтому наибольшее благоприятствование (а не принцип эквивалента, господствовавший в предыдущую эпоху) становится обычным, применяемым во всех во всех трактатах (кроме заключаемых Соед. Штатами), в том числе и в трактатах России с иностранными державами. Равноправие иностранных подданных и судов с собственными подданными и судами теперь само собою разумеется и лишь на всякий случай оно кратко (без прежних подробностей) указывается в договорах; но договаривающиеся страны сохраняют за собой право выдавать собственным судам особые премии и субсидии (но пониженных сборов взимать с них не могут), которые устанавливаются с конца XIX ст. как на Западе, так и у нас.

Наконец в договорах этой новейшей эпохи присоединяется статья, не допускающая запрещений привоза или вывоза каких-либо товаров, кроме как по особым причинам санитарного, морального и т. п. характера. Предыдущая эпоха, как мы видели, применяла такие запрещения в широких размерах. Конец XIX ст., покончив с ними, уже не допускает возвращения к такого рода мероприятиям.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Того же автора.

Лекции по истории экономического быта Западной Европы. 6-е изд. Т. I, 1922. Т. II, 1923.

Очерк истории русской промышленности. 1922.

Промышленность и рабочий класс на Западе в XVI—XVIII ст. 2-е изд., 1922.

Основные вопросы международной торговой политики. Ч. I, 1918. Ч. II, 1919.

Очерки финансовой науки. Ч. I, 1919. Ч. II, 1920.

Коммунальное обложение в Германии в его историческом развитии. 1914.

Политическая экономия. Изд. 3-е, 1918.

Денежное обращение. 1922.

Местное обложение в иностранных государствах. Ч. I, 1911. Ч. II, 1912.

Эволюция прибыли с капитала. Т. I, 1906. Т. II, 1908.

Русское и иностранное законодательство о кооперативных товариществах. 1906.

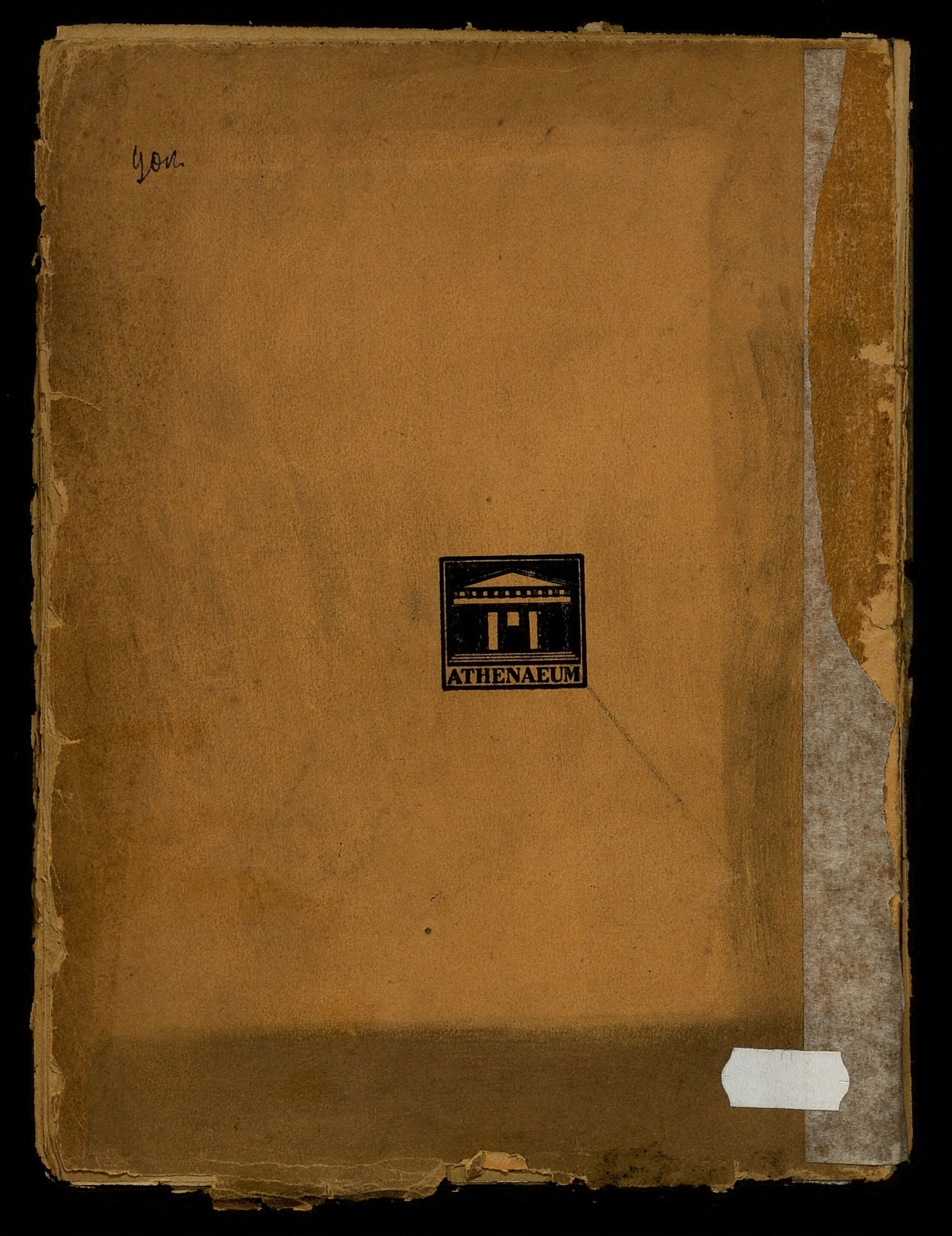
Спорные вопросы организации статистики внешней торговли. 1918.

Хлебные пошлины и их влияние на народное хозяйство. 1904

Очерки по истории таможенной политики. 1903.

00087073
ЮФ СПбГУ

ATHENAEUM